Кыргызстан
КД-40

Б. Джамгерчинов

Очерки политической истории Киргизии XIX века

Б. ДЖАМГЕРЧИНОВ

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИРГИЗИИ XIX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КЫРГЫЗСТАН“
ФРУНЗЕ — 1966

Под общей редакцией
профессора *И. Додонова*

35628.
ГРБ Киргизской ССР
им. Н. Г. Чернышевского

Киргизская Советская Социалистическая Республика, расположенная в восточной части Средней Азии, занимает территорию около 198,5 тыс. квадратных километров, превосходя по своим размерам Данию, Голландию, Бельгию и Швейцарию, вместе взятые.

Находясь почти на стыке Китая, Индии и Афганистана, Киргизия среди союзных республик нашей Родины занимает особо важное положение. «Киргизия,— отмечалось в телеграмме ЦК ВКП(б) 1-й областной партконференции,— упирающаяся одной частью в Китайский Туркестан, другой смотрящая через Гиндукуш на Великий Индостан, занимает особо важное положение в деле распространения идей Советов на Востоке»[1].

Киргизский народ имеет многовековую историю, являясь одним из древнейших народов нашей страны. Однако до Великой Октябрьской социалистической революции история киргизского народа оставалась почти неизученной. Дворянско-буржуазная историография мало уделяла внимания изучению истории народов, нахо-

---

[1] Сборник документов «ЦК ВКП(б) и союзное правительство о Киргизии», Фрунзе, 1937, стр. 5.

дившихся в национальном и колониальном порабощении. Интерес к истории, культуре и быту этих народов диктовался главным образом колонизаторской политикой царизма. Буржуазная историческая наука рассматривала киргизский народ лишь как объект колониальной экспансии российского военно-феодального империализма.

Подлинно научное изучение истории киргизского народа, как и истории других ранее угнетенных народов национальных окраин бывшей Российской империи, началось после Великой Октябрьской социалистической революции. Перед марксистско-ленинской исторической наукой киргизский народ встал как субъект исторического процесса, как активный творец своей истории.

Наряду с бурным развитием экономики и культуры в Киргизии при Советской власти широко развернулось и изучение истории киргизского народа. Успешно стала разрабатываться история киргизского народа в научно-исследовательских учреждениях, высших учебных заведениях и т. д.

В последние годы многие проблемы истории Киргизии рассмотрены в ряде диссертационных работ. В них получили освещение отдельные актуальные вопросы истории киргизского народа, решено немало важных задач исторической науки о Киргизии. Большим достижением в области развития киргизской советской исторической науки явилось издание «Истории Киргизии» в двух томах.

Однако историческое прошлое Киргизстана изучено еще недостаточно, и в настоящее время мы имеем немного ценных монографических работ, посвященных важнейшим проблемам и этапам истории киргизского народа.

Цель настоящей работы — рассмотреть важнейшие события политической истории Киргизии третьей четверти XIX века, имевшие огромное значение для всей дальнейшей истории киргизского народа. Главным среди этих событий является становление и укрепление киргизско-российских отношений, подготовленное всем ходом исторического развития Средней Азии и Казахстана и ставшее определяющим фактором дальнейшей истории киргизского народа.

Период развития и укрепления киргизско-российских отношений в третьей четверти XIX века был временем активных внутренних и внешнеполитических событий в дореволюционной истории киргизов. Киргизия включается в состав более развитой в экономическом и культурно-политическом отношении Российской империи. Прогрессивное значение этого исторического акта определяется прежде всего тем, что в России во второй половине XIX века бурно развертывается революционно-демократическое движение, а в первой четверти XX века происходят величайшие революционные события нашего времени.

В составе России с братской помощью русского народа, под гениальным водительством большевистской партии, в результате Октябрьской социалистической революции киргизский народ стал равноправным, свободным и счастливым народом Страны Советов.

В дореволюционной исторической литературе вопросы, связанные с вхождением Киргизии в состав России, не ставились и специальному изучению не подвергались. После Октябрьской революции долгое время это событие освещалось как «завоевание», а значение вхождения Киргизии в состав России оценивалось как «абсолютное зло».

При оценке исторического значения присоединения Киргизии, как и всей Средней Азии и Казахстана, к России отдельные историки до последнего времени допускали ряд неправильных толкований и искажений исторической действительности.

Некоторые исследователи добровольное вхождение Киргизии в состав России освещали в плане завоевания, не указывая на добровольный характер вхождения и всю сложность противоречивых условий, в которых происходило это присоединение. При анализе исторического значения добровольного вхождения Киргизии в состав России не замечали или слабо показывали огромную прогрессивную роль великого русского народа в культурно-экономическом и политическом развитии киргизов и других народов Средней Азии и Казахстана. Оставалось слабо раскрытым значение русского народа, сыгравшего объективно, независимо от колонизаторской политики царизма, большую положительную и прогрес-

сивную роль в дальнейших исторических судьбах народов Средней Азии и Казахстана.

Исключительно важным является показ и правильное освещение акта приобщения киргизского народа к революционной борьбе русского народа, как решающего прогрессивного последствия вхождения Киргизии в состав России.

При анализе внутреннего положения киргизов не давалось должной оценки междоусобным феодально-родовым войнам, создававшим политический «хаос» и дезорганизовавшим хозяйство. Игнорировались также внешние условия и международная обстановка, в которых находились киргизы в середине XIX века, когда им постоянно угрожало жестокое порабощение со стороны отсталых феодальных государств Востока (Китая, Афганистана, султанской Турции, шахского Ирана и др.) Эти страны сами представляли тогда арену агрессии империалистических хищников Запада. В составе этих государств для киргизского народа отсутствовали перспективы освобождения от социального и национального гнета.

Изучение киргизско-российских отношений 50—70 гг XIX века связано с рассмотрением внутренней и внешней обстановки, в которой произошло принятие киргизами российского подданства, с характеристикой экономических и политических предпосылок присоединения Киргизии к России.

Рассмотрение киргизско-российских отношений в настоящей работе дается в связи с освещением событий политической истории Кокандского ханства с характерными для нее феодальными раздорами, дворцовыми переворотами, резней и т. д. Крайняя неустойчивость внутреннего политического положения Коканда было серьезной причиной и внешних неудач, а затем и окончательного падения ханства.

Только учет всех этих сторон проблемы позволяет нам объективно осветить прогрессивное значение добровольного вхождения Киргизии в состав России для дальнейшей судьбы киргизского народа.

Изучение проблемы показывает исторически прогрессивное влияние капиталистической экономики России на Киргизию, исключительно важную роль передовой куль-

туры и революционно-демократических идей русского народа, проникавших в Киргизию независимо от воли и желания царского правительства и реакционно-колонизаторской политики самодержавия, истоки братской дружбы народов Киргизстана, роль русского народа и революционного движения в России в дальнейших исторических судьбах киргизского народа, в избавлении его от всех форм социального и национального гнета и достижении им подлинной свободы и счастья.

Освещение данной проблемы потребовало использования большого количества документальных архивных данных.

Автор

Глава первая

КИРГИЗСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Вхождение Киргизии в состав России в начале второй половины XIX века было обусловлено всем ходом внутренней и внешнеполитической истории киргизского народа конца XVIII — первой половины XIX вв.

Внешнеполитическое положение киргизов к началу XIX века сложилось так, что они неминуемо должны были попасть под власть других государств. Киргизия в этот период являлась объектом беспрерывных нападений извне. В середине XVIII века, в результате военного разгрома Китаем Джунгарского государства калмыков, киргизы избавились от разорительных нападений и постоянных притеснений калмыков, однако сразу же после этого попали в зависимость от феодального Китая. В 70-х гг. XVIII века некоторые северные киргизские племена подверглись агрессивному нападению со стороны казахского хана Аблая. Феодально-родовая знать киргизского общества, безжалостно эксплуатировавшая трудящиеся массы, легко предавала интересы народа и приспосабливалась к власти китайских императоров и среднеазиатских ханов.

Зависимость киргизов от Китая была слабой. В культурно-экономическом отношении отсталый феодальный Китай не оказал какого-либо заметного прогрессивного влияния в социально-экономическом и общественном развитии киргизов.

Постоянные притеснения китайских феодалов вызывали неоднократные вооруженные выступления киргизов против Цинской империи. В 1825 году, например, большой китайский отряд был полностью истреблен в горах Тянь-Шаня. Киргизы являлись активными участниками антикитайских восстаний народов Восточного Туркестана в течение первой половины и середины XIX века.

Общественно-экономический строй киргизов накануне вхождения Киргизии в состав России был патриархально-феодальным. Развитие феодальных отношений у киргизов происходило на базе крупного кочевого скотоводческого хозяйства.

В условиях господства кочевого скотоводческого хозяйства у киргизов складывались недоразвитые формы феодальных отношений, так называемых патриархально-феодальных отношений, которые находили свое выражение главным образом в преобладании патриархально-родовых форм быта. Жизнь патриархально-родовой общины, сохранявшейся на базе родовой общинной собственности на землю, и обусловливала некоторое своеобразие феодализма у киргизов.

Господство кочевого скотоводческого хозяйства, основанного на натуральном характере производства и крайне низком состоянии техники, обусловило непрочность территориальных связей. В этих условиях общинные связи поддерживались не столько единством территории, сколько силой патриархально-родовых традиций.

В середине XIX века киргизы состояли из многих племенных объединений. Наиболее крупным среди них были солто, сарыбагыш, бугу, саяк, черик, населявшие в основном Северную Киргизию, и адыгене, монгуш, кыпчак, занимавшие южные районы Киргизстана. Наряду с ними такие мелкие племенные объединения, как саруу, кушчу, кытай, чонбагыш, азык, басыз, катаган, монолдор, джедигер, дёёлёс, теит и др., играли менее заметную роль в экономической и политической жизни тогдашней Киргизии.

Киргизское общество середины XIX в. состояло из двух противоположных классов: эксплуататоров — биев, манапов, баев и эксплуатируемых — букары и рабов.

Киргизские племена и роды было бы ошибочно представлять по аналогии с племенами и родами первобытно-общинного строя. Киргизские племена и роды, по форме сохраняя патриархально-родовые черты, по своему содержанию давно стали классовыми. Такой характер общины присущ был и другим кочевым народам Азии. Феодально-родовая знать, использовавшая «родовую взаимопомощь» в своих интересах, стремилась консервировать пережитки патриархально-родовых отношений. Необузданная и жестокая классовая эксплуатация феодально-зависимой букары бай-манапской знатью внешне прикрывалась оболочкой патриархально-родовых традиций и быта. Это обстоятельство затруднило осознание трудящимися массами своих классовых интересов.

Присвоение прибавочного продукта непосредственных производителей — букары бай-манапами происходило в киргизском обществе в своеобразной форме отработочной и продуктивной ренты, внешне прикрываемой различными формами «родовой взаимопомощи» и подкрепляемой силой патриархально-родовых традиций и адата, возведенных в закон.

Низшую ступень эксплуатируемых классов в киргизском обществе составляли рабы. Но рабство у киргизов не являлось определяющим производственным отношением, как это имело место в античном обществе. Рабский труд применялся главным образом в домашнем хозяйстве феодалов. Со временем раб и его потомки могли превращаться в феодально-зависимого букару.

В середине XIX века внутреннее и внешнеполитическое положение киргизов оставалось исключительно тяжелым. Киргизы к этому времени далеко еще не достигли своей национальной консолидации. Раздробленные на отдельные племена и роды, кочующие на территории нынешней Киргизии, отчасти Казахстана, Узбекистана и Китая, они не жили единой экономической жизнью и не имели своего централизованного политического объединения.

Господствовавшие патриархально-феодальные общественные отношения определили собою и патриархально-феодальную раздробленность киргизов. Во главе каждого племени и рода стоял обычно самостоятельный

родовитый манап, власть которого основывалась на владении пастбищной и пахотной землей, скотом и на поддержке вассально зависимых манапов и биев. Эти обстоятельства приводили к возникновению межродовых распрей, мешали достижению киргизами политической консолидации. Для их внутреннего положения характерны были непрерывные, порою ожесточенные феодально-родовые войны. Характеризуя эту сторону внутренней жизни киргизов, генерал-губернатор Туркестана писал: «...их многолюдные роды разобщены и враждуют, да и каждый род еще дробится на отделения, часто тоже враждебные. Все их силы, вся их воинственность поглощаются бесконечной междоусобной барантой, осложняемой еще барантой Большой Орды».[1] Поэтому киргизы нередко оказывались бессильными против агрессивных действий соседних государств.

Начиная с первой четверти XIX в. на горизонте Киргизии появляется новая и более могущественная сила — Российская империя, колонизационное движение которой уже охватывало южные казахские степи.

В этих условиях киргизский народ, борясь за свою независимость, с одной стороны, ведет борьбу против завоевательного движения кокандских ханов, а, с другой — всемерно поддерживает антикитайское восстание народов Восточного Туркестана. Однако положение киргизов оставалось тяжелым. Их неизбежно ожидало порабощение со стороны соседних феодальных государств Востока.

В обстановке сложных внешнеполитических отношений некоторые киргизские племена уже с конца XVIII в. вынуждены были искать покровительства более сильного и могущественного государства, которое смогло бы обеспечить им относительно спокойную жизнь и уберечь их от агрессии со стороны других государств. Киргизы тогда стояли перед выбором: быть порабощенными отсталым феодальным Китаем либо же еще более отсталым и слабым Кокандским ханством

---

[1] ЦГА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 29, док. 120. (здесь и в дальнейшем орфография и стиль сохраняются).

или же принять подданство Российской империи, имевшей более развитую экономику и более передовую культуру, а в военном отношении являвшейся несравненно более могущественной и потому способной обеспечить внутреннее спокойствие и внешнюю безопасность киргизских племен.

В течение первой половины XIX в. внешняя ориентация киргизов все более идет в направлении сближения с Россией. Первые официальные связи киргизских племен с Россией начались еще с конца XVIII века. Но широкое движение в сторону сближения с Россией развернулось с 20—30 гг. XIX в., когда в Киргизии была установлена власть кокандских ханов.

Господство кокандских ханов было исключительно тяжелым для киргизского народа. Рука об руку с кокандскими ханами и феодалами действовали и киргизские бии и манапы.

Трудовые массы киргизского народа неоднократно выступали с оружием в руках против ханско-феодального гнета и произвола чиновников. В 1842 г. вспыхнуло восстание в Иссык-Кульской долине. Кокандские гарнизоны были временно изгнаны. В 1845 г. подавлено восстание киргизов Ошской долины. В 1850-х гг. восстания вспыхивают на Тянь-Шане, крепость Куртка в Нарыне подвергалась неоднократной осаде. В 1857 и 1858 гг. восстанием были охвачены Чуйская, Таласская и Чаткальская долины.

Особенно тяжела была для трудящихся масс налоговая политика кокандцев. В 50-х гг., в период правления Худояр-хана, налоги стали еще тяжелее. Один из современников, характеризуя налоговую политику Худояр-хана, писал: «Требования Кокандского правительства приводятся в исполнение каждым киргизом, отчего бедные лишаются последнего достояния, а иногда и детей, которых отдают или богатым в услужение, или чиновникам хана в виде залога»[1].

Тяжелое положение киргизского народа под властью Кокандского хана и постоянные притеснения со стороны Цинского Китая явились одной из основных причин,

[1] Сведения о дикокаменных киргизах. «Записки РГО», 1851, кн. V, стр. 153.

побудивших киргизские племена принять подданство России.

Царское правительство, со своей стороны, было заинтересовано в присоединении Киргизии как важного военно-стратегического района, необходимого для окончательного закрепления позиций империи в Казахстане и Средней Азии путем соединения Сибирской и Сыр-Дарьинской линий через территорию Киргизии. Киргизия имела значение для России и как ближний к Кашгарии и английской колонии Индии плацдарм, удобный для борьбы с английским влиянием на Востоке. Наиболее важными являлись экономические интересы России. Многие события политической истории Киргизии третьей четверти XIX в. определялись интересами русской буржуазии. Киргизия рассматривалась как рынок сбыта для развивающейся капиталистической промышленности и как источник дешевого сырья. Через территорию Киргизии пролегал важный путь караванной торговли в Кашгарию, Западный Китай и Индию. Все это имело немаловажное значение для развития русского капитализма.

Царская Россия вступила на путь капиталистического развития несколько позже, чем другие страны Западной Европы. К середине XIX века в общественно-экономическом строе России преобладающими были еще феодально-крепостнические отношения, тормозившие развитие промышленности. Тем не менее новый, капиталистический способ производства пробивал себе путь, и фабрично-заводская промышленность России, хотя и медленно, но неуклонно развивалась.

В первой четверти XIX в. одно из первых мест в русской обрабатывающей промышленности занимала текстильная промышленность. По темпам роста впереди была хлопчатобумажная промышленность, достигнувшая значительных успехов. Возникнув только во второй половине XVIII в., т. е. позже шелковой и полотняной, она менее испытывала на себе стеснительные условия феодальной системы хозяйства и развивалась на основе применения вольнонаемного труда.

Непосредственно с развитием хлопчатобумажной промышленности связан рост ввоза хлопка, главным образом американского. Однако экспорт хлопка из

США в связи с гражданской войной между южными и северными штатами в 1861—1865 гг. резко начал сокращаться. В связи с этим возрастает интерес русского капитализма к Средней Азии как к поставщику дешевого сырья.

Обострение противоречий в общественно-экономической жизни России первой половины XIX века выдвигало перед дворянством как правящим классом сложные проблемы. Царское правительство было заинтересовано в сохранении реакционных, феодально-помещичьих устоев самодержавия. Оно боялось прогрессивных и революционных идей, которые неизбежно развивались в связи с наступлением капиталистического периода в русской истории. Николай I выступал в роли душителя революции и в то же время искал выхода из создавшегося положения во внешнеполитической агрессии и колонизации новых районов. В первой половине XIX в. особое внимание обращается на балканские страны, Кавказ, Казахстан, Среднюю Азию и Дальний Восток. Но ближневосточная политика царизма потерпела неудачу в результате поражения в Крымской войне. Зато заметно активизировались действия царской дипломатии и военных сил в области утверждения господства Российской империи в Казахстане, Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Колониальные приобретения на востоке и юго-востоке, в частности в Средней Азии, должны были открыть новые обширные рынки сбыта и источники дешевого сырья для развивающейся промышленности, дать возможность капитализму развиваться вширь и смягчить, таким образом, остроту внутренних противоречий. Развитому капитализму свойственно стремление «...расширяться на другие территории, заселить и распахать новые части света, образовать колонии, втянуть дикие племена в водоворот мирового капитализма,— писал В. И. Ленин.— В России это последнее стремление капитализма особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах, колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории. Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капи-

тализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь»[1].

К середине XIX века между Россией и Средней Азией установились оживленные экономические связи. Количество торговых караванов, шедших из Средней Азии в Россию, все увеличивалось. Одновременно со среднеазиатскими купцами в Оренбург прибывали торговцы из Кашгара, Бадахшана и других мест. В свою очередь русские товары, шедшие главным образом через Оренбург и сибирские города, регулярно поступают в Хиву, Бухару и Ташкент. Эти города, являясь крупнейшими ремесленно-торговыми центрами Средней Азии, служили одновременно и базой для скупки необходимых для русской промышленности сырьевых материалов.

Наряду с ханствами Средней Азии, Россия торговала и с Казахстаном. В основе хозяйства Казахстана лежало кочевое скотоводство, ремесла и земледелие были развиты очень слабо. Поэтому он был для России рынком сбыта хлеба, промышленных изделий, поставщиком скота и продуктов скотоводства. Среднеазиатские же ханства были в основном земледельческими государствами, в которых выращивали технические культуры, производилась бумага и морена, до некоторой степени было налажено текстильное производство, особенно хлопчатобумажных изделий, а также существовали различные ремесла, например, производство посуды, земледельческих орудий и других металлических изделий. Однако продукция мелких кустарных и ремесленных предприятий Средней Азии была очень бедна по ассортименту и несравненно худшего качества, а также дороже, чем продукция русской промышленности. Поэтому в эти ханства ввозились многие виды русских промышленных изделий. Из среднеазиатских ханств вывозились главным образом полуфабрикаты и в первую очередь хлопок-сырец. Рост их вывоза за восемь лет — с 1833 по 1840 гг.— представлял следующую картину (в тыс. руб. ассигнациями[2]).

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 4, изд. 4, стр. 76.

[2] Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1833—1840 гг. Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам, Спб., 1833—1840 гг.

Годы	Хлопка-сырца	Хлопчатобумажной пряжи	Мехов	Всего
1833	82	1076	638	2341
1834	39	1047	500	2888
1835	272	1443	773	3721
1836	1037	2016	787	4113
1837	440	2287	576	3631
1838	198	1252	608	3426
1839	473	681	845	3478
1840	763	1572	826	3723

Как видно из приведенной таблицы, вывоз из районов Средней Азии разного рода полуфабрикатов заметно возрастал. Особенно резко возрос к 1840 г. вывоз хлопка-сырца.

Царское правительство всячески содействовало укреплению и расширению экономических связей со Средней Азией. Охрана торговых путей, предоставление купцам, торговавшим со Средней Азией, различного рода привилегий и льгот, установление низкой пошлины и другие меры благоприятно влияли на развитие торговли. Некоторые товары русского производства через среднеазиатских купцов поступали в Балх и другие города, иногда доходя до Кабула и северо-западных границ Индии. Среднеазиатские торговые караваны, которые шли в Иран, Афганистан, Кашгарию, Казахстан и киргизские кочевья, доставляли русские товары далеко за пределы среднеазиатских ханств. «Русские товары,— писал Маркс,— проникли до Инда и в некоторых местах даже пользовались предпочтением перед английскими»[1].

Среднеазиатский рынок приобрел особенно большое значение в 40-е годы, после потери Россией рынков в Северном Иране, откуда русские товары были вытеснены английскими. В Средней Азии русское купечество в начале 1840 г. достигло заметных успехов. Вслед за купцами в непосредственные торговые связи вступали и фабриканты. В 1844 г. было основано «Товарищество для сбыта изделий русской промышленности в ханствах Средней Азии». «Товарищество» начало свою

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. IX, 1933, стр. 383.

торговую деятельность в Хиве, потом была сделана успешная попытка торговать в Бухаре, а затем «Товарищество» развернуло свои торговые операции в Ташкенте и Коканде. Торговые обороты «Товарищества» (вывоз и привоз вместе) составляли в 1844 г. 54 тыс., в 1845 г.— 48 тыс., в 1846 г.— 68 тыс., в 1847 г.— 113 тыс. рублей.

Нижеприведенные данные показывают интенсивное развитие торговых операций России со среднеазиатскими ханствами в 40-е гг.[1]

Годы	Привоз	Отпуск
1840	2 914 026 руб.	2 345 583 руб.
1846	3 150 871 руб.	2 444 245 руб.
1850	3 739 607 руб.	2 742 820 руб.

Роль Средней Азии как рынка сбыта товаров фабрично-заводской промышленности России и характер среднеазиатской торговли могут быть иллюстрированы и следующим перечнем товаров, вывезенных из России в Среднюю Азию за десятилетие — с 1840 по 1850 гг. (в фунтах стерлингов)[2].

Виды товаров	В Бухару	В Хиву	В Коканд	Всего
Золотых и серебряных монет . . .	213969	19210	375	229554
Медных монет . . .	45776	1356	2043	49675
Железа и железных изделий и других металлов	82127	9331	10979	102437
Бумажных изделий (текстиля)	456707	58915	7559	223181
Шерстяных изделий .	50167	25869	1976	78321
Кожевенных изделий	85543	37921	4069	123533
Шелковых изделий .	10550	4799	71	15420
Деревянных изделий . .	8595	460	826	9881
Красного товара и красок .	43635	17907	693	67232
Разных товаров	85416	27567	2031	115012
Итого: .	783785	199830	30622	1014237

[1] *М. А. Терентьев.* Россия и Англия в борьбе за рынки. Спб., 1876, стр. 27—28.

[2] *А. Р. Калужин.* К истории завоевания Узбекистана царской Россией. Самарканд, 1939, стр. 111. См. сборник «15 лет Узбекистана» (Труды Госуниверситета), т. XVI.

35628
ГРБ Киргизской ССР
О. Э. 1966
им. Н. Г. Чернышевского

Таким образом, главными предметами вывоза являлись сукна, хлопчатобумажные и шерстяные изделия, составлявшие 30% общего вывоза; драгоценные металлы — 22%, металлы, особенно железо и медь, и металлоизделия — 15%, кожевенные товары — 12%[1]. Вывозились также сахар, табак и резиновые изделия. В начале 50-х гг. две трети стоимости всего вывоза русских металлов и металлических изделий приходилось на долю Средней Азии[2]. Россия, являвшаяся по отношению к европейским странам полуаграрной страной и поставщиком сельскохозяйственного сырья, в Средней Азии выступала как промышленная страна, поставщик промышенных изделий.

С 1758 по 1859 гг., т. е. за столетие, стоимость русского вывоза в Среднюю Азию увеличилась в 12,5 раза[3] и к середине XIX в. составляла около 15 млн. руб.[4] За десятилетие, с 1840 по 1850 г., товарооборот со Средней Азией увеличился почти на 40%.[5]

В конце 50-х гг. XIX в., вследствие обострения кризиса крепостной системы, с одной стороны, и неудач внешней политики Николая I в ближневосточных вопросах,— с другой, Средняя Азия для царизма стала приобретать еще большее значение, чем раньше.

После отмены крепостного права развитие капитализма в России пошло более быстрыми темпами. Однако все же Россия отставала в экономическом развитии от капиталистических стран Запада. Отмена крепостного права не создала всех необходимых условий для интенсивного развития капитализма. Основное население России — крестьянство, ограбленное реформой 1861 г., оставалось в нищете, с очень низкой покупательной способностью, что не могло не отражаться на емкости внутреннего рынка. В статье «Пятидесятилетие падения крепостного права» В. И. Ленин отме-

[1] *П. Небольсин.* Очерки торговли России со странами Средней Азии. Спб., 1856, стр. 1 (таблица). См. то же «Советское востоковедение», т. II, АН СССР, 1941, стр. 21.

[2] История СССР. М., т. II, 1940, стр. 542.

[3] История СССР, М., т. II, 1940, стр. 542.

[4] Советское востоковедение, 1941, т. II, стр. 21.

[5] *А. Семенов.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVIII века по 1858 г. Спб., 1859, ч. III, стр. 193—194.

чал: «Русских крестьян господа благородные помещики «освобождали» так, что *свыше пятой доли* крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков»[1].

Реформа не могла вывести страну из затруднения, внутренний рынок оставался узким. И только «...возможность искать и находить рынок в колонизуемых окраинах (для фабриканта), возможность уйти на новые земли (для крестьянина) ослабляет остроту этого противоречия и замедляет его разрешение»[2]. Эта возможность оттягивала революционную ломку старых порядков, приспосабливающихся к новым условиям.

После отмены крепостного права «...крупные фабрики, которые росли так быстро, не могли уже удовлетворяться прежними размерами рынка; они стали искать себе рынка дальше, среди того нового населения, которое колонизовало Новороссию, юго-восточное Заволжье, Северный Кавказ, затем Сибирь и т. д. Стремление крупных фабрик выйти за пределы старых рынков несомненно»[3]. «Фабрикантам нужен рынок немедленно,— писал В. И. Ленин,— и если отсталость других сторон народного хозяйства суживает рынок в старом районе, то они будут искать рынка в другом районе или в других странах или в колониях старой страны»[4].

Таким образом, царскому самодержавию прежде **всего необходимо было** приобретение Средней Азии как **рынка** сбыта. Это обеспечивало также проникновение товаров русской промышленности и в Восточный Туркестан. В 1858 г., 6 июля, генерал-губернатор Оренбурга Катенин в письме товарищу министра иностранных дел писал: «Оставаться в этом положении мы решительно не можем, и занятие Туркестана и Ташкента есть такая необходимость, от которой зависит как утверждение нашего влияния на среднеазиатские владения, так и самое существование Сыр-Дарьинской линии»[5].

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 17, изд. 4, стр. 65.

[2] *В. И. Ленин.* Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, изд. 5, стр. 596.

[3] *В. И. Ленин.* Там же, стр. 592.

[4] Там же, стр. 593.

[5] АВПР, гл. арх. 1—9, 1825—1862 гг., д. 8, л. 212—216.

Как уже говорилось, начиная с первой половины XIX в. Средняя Азия все более стала интересовать русских купцов и промышленников, а также царское правительство, как страна, могущая стать прочной сырьевой базой.

Интерес русской буржуазии к Средней Азии особенно заметно повышался в связи с возможным ее превращением в источник сырья для русской хлопчатобумажной промышленности, развитие которой делает крупные шаги вперед. О степени роста русской хлопчатобумажной промышленности в первой половине XIX в. говорят следующие данные[1].

Годы	Количество предприятий		
	бумагопрядильные	бумаготкацкие	красильные и отделочные
1805	—	59	5
1812	11	22	14
1841	20	224	85

Рост хлопчатобумажной промышленности сопровождался параллельным ростом вывоза хлопка из Средней Азии. Это видно из следующих данных (в тыс. пудов)[2].

Годы	Среднегодовой вывоз хлопка
1821—1825	70
1826—1830	103
1831—1835	149
1836—1840	320

В период гражданской войны в Америке известный кризис переживали хлопчатобумажные предприятия почти всей Европы, в том числе и России. Цены на американский хлопок необычайно возросли. Так, на ливерпульском рынке в 1861 г. пуд хлопка стоил

[1] Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, Спб., 1902, стр. 275—276.

[2] Там же, стр. 274.

5 р. 62 коп., 1862 г.— 12 р. 27 коп., 1863 г.— 18 р. 60 коп., 1864 г.— 20 р. 12 коп[1].

Значительное сокращение в эти годы ввоза хлопка из США в Россию резко подняло роль среднеазиатского хлопка. Только в первые два года гражданской войны в Америке ввоз хлопка в Россию из США сократился в пять с половиной раз, а ввоз из Средней Азии только в период первого года войны вырос в 3 раза[2].

С увеличением спроса быстро повышались цены на хлопок. В период гражданской войны в США цены на хлопок в России выросли с 4—5 руб. за пуд до 22—23 руб.[3]

Возросший спрос на среднеазиатский хлопок в России стимулировал интенсивное развитие хлопководства в Средней Азии.

Наряду с хлопком значительное место в вывозе среднеазиатских стран, как мы уже отмечали, занимал скот. Рост стоимости вывезенного из Казахстана скота с 1840 по 1865 г. иллюстрирует следующая таблица[4].

Годы	Стоимость среднегодового вывоза скота в Россию в кредитных рублях
1840—1845	1030 тыс. руб.
1856—1860	2953 „
1861—1865	2258 „

Кроме хлопка и скота, из Средней Азии в Россию шли и другие сырьевые материалы, имевшие немаловажное значение для развития русской торговли и промышленности.

Севиль Ломлей, секретарь британского посольства в Петербурге, дает следующий перечень товаров, вывозившихся в Россию из Средней Азии за период с 1840 по 1850 г. (в фунтах стерлингов)[5].

---

[1] См. *М. А. Терентьев.* Россия и Англия в борьбе за рынки. Спб., 1875, стр. 112.

[2] См. жур. «Исторические записки», № 2, 1940, стр. 209.

[3] См. «Советское Востоковедение», т. II, 1941, стр 20.

[4] См. «Сборник сведений...», стр. 157.

[5] См. *А. Р Калужин.* Указ. соч., стр. 111.

Виды сырья и товаров	Из Бухары	Из Хивы	Из Коканда	Всего
Бумаги хлопчатой или крученой	333177	76255	2718	412150
Бумаги (хлопчатой) в изделиях	498622	88960	14180	601862
Шелка-сырца в изделиях	17443	3088	160	20691
Шерсти в изделиях	428	1322	52	1802
Материи	7351	26201	7	33559
Меховых бараньих шкур	151773	6297	1995	160066
Драгоценных камней и жемчуга	17856	703	—	18559
Сушеных плодов	27784	2147	16883	44814
Шалей кашемировых	24242	—	—	24242
Разных товаров	19664	4452	3941	2858
Итого	1096380	209425	39936	1345741

Как показывают приведенные данные, ведущее место в вывозе занимали хлопчатобумажные изделия, хлопок-сырец, каракуль, овечьи шкуры и сушеные фрукты.

С 1758 по 1863 г., т. е. более чем за столетие, стоимость вывоза из Средней Азии увеличилась в 16 раз[1], составив к середине XIX в. 10,5 млн. рублей[2]. Во второй половине XIX в. развитие хлопчатобумажной промышленности в России идет еще более быстрыми темпами. Это ярко характеризуется ростом стоимости продукции хлопчатобумажной промышленности с 1850 по 1870 гг[3]

(в тыс. руб.)

Годы	Бумагопрядильная промышленность	Бумаготкацкая промышленность	Красильная и отделочная промышленность
1850	15877	12771	16924
1860	28670	19343	23104
1870	48431	48625	30731

В стоимостном выражении бумагопрядильная промышленность увеличилась за 20 лет более чем в 3 ра-

[1] См. История СССР, т. II, М., 1940, стр. 542.

[2] См. «Советское Востоковедение», т. II, АН СССР, 1941, стр. 21.

[3] См. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Спб., 1902, стр. 276.

за. Бумаготкацкая промышленность — почти в 4 раза. Красильная и отделочная — в два с лишним раза.

Соответственно увеличению потребности русской хлопчатобумажной промышленности в сырье растет и ввоз хлопка. Рост ввоза хлопка с 1856 по 1871 г. происходил в следующих размерах (среднегодовая цифра в тыс. пуд)[1].

Годы	Количество ввозимого хлопка
1856—1860	2421
1861—1865	1116 (гражданская война в США)
1866—1870	2577
1871—1875	4015

До начала сороковых годов XIX в. значительное место в вывозе из Средней Азии занимала пряжа, но после того, как в Англии был отменен запрет на вывоз текстильных машин, в российском вывозе из Средней Азии все более стал преобладать хлопок-сырец. С 1812 по 1860 гг., за 50 лет, количество перерабатываемого хлопка в России возросло более чем в 50 раз[2]. Увеличение продукции хлопчатобумажной промышленности имело своим непосредственным результатом увеличение ее вывоза. Только в Среднюю Азию в 1857 г. бумажных изделий было вывезено на 1942116 руб., в 1861 г.— на 2946532 руб., а в 1867 г.— на 10797090 руб. За 10 лет вывоз бумажных изделий вырос более чем в пять раз[3].

Следовательно, значение Средней Азии как важного источника сырья в свою очередь способствовало поднятию ее роли и как рынка сбыта. Здесь уже сказывается колониальный характер торговли, сопровождавшейся усилением экономической зависимости среднеазиатских стран от России.

Киргизия среди среднеазиатских ханств также была источником хлопкового сырья: в Южной Киргизии уже тогда возделывался хлопок. В торговле же Кокандского

[1] См. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Спб., 1902, стр. 274.

[2] См. *А. Калужин.* Указ. соч., стр. 119.

[3] История СССР, т. II, М., 1940, стр. 543.

ханства скотоводческим сырьем Киргизия играла исключительно важную роль. Огромное количество скота, перегоняемого из Киргизии на среднеазиатские рынки в Коканд, Андижан, Самарканд, Ташкент, Маргелан и др. города, шло как для удовлетворения местных потребностей в мясе, масле, шерсти и коже, так и на вывоз не только в Россию, но и в соседние среднеазиатские ханства.

Таким образом, интересы России в отношении создания рынка сбыта и источника сырья в Средней Азии нельзя рассматривать изолированно от Киргизии.

Разнообразные товары фабрично-заводской промышленности, вывозимые из России, находили широкий и выгодный сбыт среди кочевого скотоводческого населения. Многие среднеазиатские купцы, прежде всего кокандские и ташкентские, предпочитали сбывать вывезенные из России товары именно среди киргизского населения, так как здесь они ценились значительно выше, чем на рынках крупных городов. Начиная с середины XIX в. русские купцы стали вести торговлю непосредственно с Киргизией.

Кроме сказанного, были и другие, не менее важные причины, толкавшие царское правительство к решению проблемы присоединения среднеазиатских ханств и территории Киргизии к России. Одна из них состояла в необходимости переселения из внутренних областей России «избыточного» населения.

Реформа 1861 г. не разрешила коренных противоречий самодержавно-крепостнического строя. Большая часть крестьянства оказалась в нищете и по-прежнему оставалась в кабале у помещиков и проникающего в деревню капитализма. Угроза аграрной революции продолжала висеть над царизмом. Во второй половине XIX в. царское правительство стало усиленно проводить политику переселения «избыточного» населения центральных губерний на колонизируемые окраины. Переселение наиболее «опасных элементов» крестьян должно было, по мнению правительства, смягчить остроту аграрного кризиса и способствовать предотвращению аграрных «беспорядков» в стране.

Во время сенатской ревизии граф Пален откровенно писал, что Средняя Азия представляет значитель-

ный интерес «...с точки зрения колонизаторской политики, как новая область для переселения избытков населения из центральных губерний»[1].

В своей переселенческой политике царизм преследовал также цель создания в новых районах типично кулацких хозяйств, на которые можно было опереться в борьбе с растущим крестьянским и рабочим движением. Предоставление царским правительством всевозможных льгот и привилегий, лучшей и плодородной земли действительно способствовало превращению некоторой части зажиточных крестьян-переселенцев в кулацкую прослойку, в оплот и опору царского колониального режима.

В колонизационном движении царизма в Среднюю Азию немаловажную роль сыграла также и заинтересованность в этом русских помещиков. Представители помещичье-дворянского класса мечтали о приобретении обширных поместий в связи с колонизацией новых территорий. Кроме того, новые колониальные приобретения царизма открывали широкую возможность для обогащения военно-служилого сословия и чиновничества. Чиновничье-буржуазные элементы лелеяли мечту получить в новых районах повышение в чинах и званиях.

Немалое значение имело стремление царского правительства к увеличению источников государственного дохода. Огромный бюрократический аппарат царского самодержавия, расточительный образ жизни царского двора, дорогостоящие увеселения при дворе, различные малодоходные гражданские предприятия, наконец, содержание огромной армии и беспрерывные малые и большие войны — все это поглощало громадные средства. Многочисленные налоги, лежавшие тяжелым бременем на населении, не покрывали государственных расходов. Государство постоянно испытывало серьезные финансовые затруднения, должно было прибегать к иностранным займам и т. п. В этих условиях царскому правительству чрезвычайно важно было расширить объекты налогового обложения, приобрести новые обширные районы с миллионами населения. Об этом

---

[1] *К. К. Пален.* Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. 1, отдел 1, Спб., 1911, стр. 3.

совершенно откровенно писал сенатор К. Пален: «Если не считать мотивов политического характера, имевших значение при завоевании Туркестана, этот край с первых же дней присоединения его к России представлял для русского правительства двоякий интерес: 1) с точки зрения финансовой политики, как источник государственных доходов и как новый рынок для продуктов внутреннего производства»[1].

Наконец, стремление царского правительства к приобретению Средней Азии, в том числе и Киргизии, диктовалось, как указывалось выше, возможностью превращения этих территорий в плацдармы, удобные для борьбы с агрессией английской буржуазии на Востоке.

Значительное обострение англо-русских отношений началось уже в 30—40 гг. XIX в. Завершение к этому времени в английской промышленности технического переворота привело к резкому повышению производительности труда, росту экономической мощи и политического значения английской буржуазии. Это обстоятельство оказывало определенное влияние на направление внешней политики британского правительства, в частности, активизировало деятельность британской дипломатии в так называемом «восточном вопросе». «Как только на время утихает революционный ураган, можно с уверенностью сказать, что снова всплывет на поверхность вечный «восточный вопрос»[2],— писал Маркс накануне Крымской войны

Во второй четверти XIX в. английская и русская дипломатия сталкивались на каждом шагу в вопросах Ближнего и Среднего Востока. Англии удалось в значительной мере ослабить русское влияние на Балканах и укрепить свои позиции в Турции, где она поддерживала идею «Танзимата» — преобразования Оттоманской империи. Интересы Англии и России в Передней Азии сталкивались особенно в Иране. Усилия Англии были направлены на завоевание рынка Ирана и даже Средней Азии и вытеснение оттуда русских купцов. К середине 30 гг. на бухарских и кокандских рынках англий-

[1] *К. К. Пален.* Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. 1, отдел 1, Спб., 1911, стр. 3.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. IX, 1933, стр. 371.

ские ситцы находили широкий сбыт. Английская конкуренция в 30—40 гг. XIX в. в ханствах Средней Азии была фактором, тормозящим русский экспорт. Однако действие этого фактора было ограничено, а Киргизия и Казахстан, куда английские изделия почти не проникали, были свободны от этого влияния.

Борьба между Англией и Россией за утверждение своего влияния в Средней Азии завязалась и в Афганистане. Царское правительство пыталось не допустить укрепления позиций Англии в Передней и Средней Азии и расширить сферы своего влияния. В этих столкновениях коммерческая и дипломатическая деятельность буржуазной Англии грозила подорвать позиции феодально-крепостнической России.

В. И. Ленин, характеризуя агрессивные устремления Англии и России на Востоке, писал: «И к завоеванию Константинополя, и к завоеванию все большей части Азии царизм стремится веками, систематически проводя соответствующую политику и используя для этого всяческие противоречия и столкновения между великими державами. Англия выступала более долго, более упорно и более сильным противником этих стремлений...»[1] Царское правительство, потерпев поражение в Крымской войне и в результате этого серьезно подорвав свои позиции на Ближнем Востоке, стремилось взять реванш в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Царская дипломатия,— писал Энгельс,— считала, «что крайне важно парализовать возможное сопротивление Англии окончательному утверждению России на Босфоре. После Крымской войны, а в особенности после мятежа 1857 г. в Индии, завоевание Туркестана, предпринятое еще в 1840 г., стало неотложной задачей»[2].

Прочное утверждение царизма в Средней Азии создавало возможность давления на английскую дипломатию путем угрозы колониям Англии в Индии. В силу всего этого значение среднеазиатской проблемы к началу второй половины XIX в. все возрастало.

В конце 40 гг. стали более определенными связи России с Восточным Туркестаном. Кашгар, как торго-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 23, изд. 4, стр. 116.
[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. II, стр. 34.

вый центр, имел значительное преимущество перед Кяхтой, а его географическое положение представляло большой интерес с точки зрения внешней политики. В связи с этим, наряду с главнейшим торговым центром Средней Азии — Бухарским ханством, важное значение приобретает и Коканд, через который открывался лучший путь в Кашгар. Этот путь пролегал и через территорию Киргизии, непосредственно граничащей с Восточным Туркестаном. Генерал Циммерман в своей записке военному министру, указывая (в 1861 г.) на значение Коканда для России, приводил в пример Англию, могуществу которой так способствовали ее торговые предприятия. «Завоевательная политика и постоянное стремление расширить торговые отношения,— писал Циммерман,— создали величие и могущество Англии...» После «...большой экспедиции в Коканд русская торговля оживится, как оживилась торговля англичан и французов после пекинской экспедиции»[1].

К концу 50 гг. царское правительство значительно укрепило свои позиции в Средней Азии в ущерб Англии.

В 1858 г. Ф. Энгельс писал, что экономические и военные успехи России в Азии подняли ее значение настолько, что Россия «...весьма скоро отодвинет Англию на этом континенте на второй план»[2].

В 1863 г. произошли события, которые, хотя и не имели непосредственного отношения к среднеазиатскому вопросу, но в известной мере активизировали наступление России на Среднюю Азию. Таким событием явилось польское восстание, когда Англия, Франция и Австрия потребовали вывода русских войск из Польши и предоставления Польше автономии. На горизонте появились признаки новой европейской войны. В этих условиях царская дипломатия пытается смягчить назревший кризис путем давления на Англию там, где это наиболее опасно для нее. Таким пунктом и был среднеазиатский плацдарм, откуда русские войска могли угрожать английскому владычеству в Индии. Генерал Скобелев выдвигал даже идею похода русских

---

[1] АВПР, гл. арх., 1—9, 1861, д. 40, лл. 1—18.
[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XI, ч. I, стр. 372.

войск из Средней Азии в Индию. С вторжением русских войск, по его мнению, там должно было начаться «всеобщее восстание», могущее привести к падению британского владычества. А «падение британского могущества в Индии будет началом падения Англии»,— писал Скобелев. Так, с приобретением Средней Азии, в том числе и Киргизии, Россия получала выгодную позицию для борьбы с агрессивными устремлениями английской буржуазии на Востоке, в частности в Средней Азии.

Англо-русские противоречия продолжали существовать и после укрепления позиций России в Средней Азии, не один раз еще давая о себе знать.

Анализируя российско-английские противоречия в Средней Азии в последней четверти XIX в., В. И. Ленин отмечал: «С 1878 г., когда русские войска подходили к Константинополю и английский флот появился перед Дарданеллами с угрозой расстрелять русских, как только они покажутся в «Царьграде» — до 1885 г., когда Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии (Афганистан; движение русских войск в глубь Средней Азии угрожало господству англичан в Индии) — и до 1902 года, когда Англия заключила союз с Японией, подготовляя войну ее против России — за все это долгое время Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»[1].

Таковы были основные причины, толкавшие царское правительство к установлению своего господствующего положения в Средней Азии, таковы основные политико-экономические предпосылки вхождения Киргизии в начале второй половины XIX в. в состав Российской империи.

Вместе с тем важные политические и экономические предпосылки присоединения Киргизии к России назревали и среди киргизов. Существенную роль играли обстоятельства, связанные с внутренним и внешним положением тогдашней Киргизии. Среди них следует прежде всего указать на бесконечные междоусобные

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 23, изд. 4, стр. 116.

войны, организуемые манапами в личных интересах, с одной стороны, и феодальные войны киргизских манапов с соседними народами, в частности, с казахами Старшего жуза — с другой. Эти войны, доводя отдельные племена до полного разорения, заставляли искать защиты у более сильных соседей: Китая, Коканда и др. Однако эти государства были не способны положить конец внутренним междоусобицам и феодальным войнам.

В течение всей первой половины XIX в. над северокиргизскими племенами постоянно висела угроза полного порабощения со стороны китайских феодалов. Некоторые из этих племен, например, черик, чонбаныш, отчасти и бугу продолжали испытывать на себе гнет китайских чиновников и феодалов, а Южная Киргизия уже в первой четверти XIX в. подверглась кокандскому завоеванию, влияние которого во второй четверти XIX в. распространяется и на Северную Киргизию. Попытки отдельных киргизских племен добиться независимости не давали желаемых результатов: слишком слабы были их силы.

Все это заставляло северокиргизские племена искать защиты у Российской империи.

Наибольшую активность в развитии киргизско-российских отношений в этот период проявляло племенное объединение бугу, у которого уже в первый четверти XIX в. завязались более близкие дипломатические отношения с Россией.

4 сентября 1853 г. группа бугинских манапов от имени «своих» народов направила прошение генерал-губернатору Западной Сибири. Ввиду большого интереса этого документа, приведем его полностью. Бугинские манапы писали:

«Его Высокопревосходительству, знаменитому и милосердному Господину Правителю Западной Сибири Корпусному генералу и Военному Губернатору Гасфорду.

Прошение

Мы, богомольцы ваши Киргиз-Бугинского рода, манапы: Буранбай Бикмуратов, капитан Качибек Ширалин, Муратали Пирназаров, Хаджибай Шафиков,

Сарбек Саскин, Семек-Атяке Бикумин и Балбай Ишходжин уведомляем, что тархан Файзулла Нагаев доставил нам вместе с письмом г. Пристава и священное приветствие (селям) всем изъявленное нам собственными вашими сладостными устами; и мы все с нашими друзьями и братьями, душою и телом, принимая благоговейно приветствие ваше, молимся о долгоденствии и счастии Вашем и просим Ваше Высокопревосходительство отпустить вину нашу по поводу этого письма.

За дальним расстоянием местности, мы не могли слышать почти до истечения целого года об отсутствии Князя,— иначе следовало бы нам по прибытии Вашего Превосходительства тотчас сообщить вам наши нужды; но это относится к нашему невежеству. К тому же непросвещенные грамотностью, стесненные горами — каменьями, мы, кроме того, окружены с четырех сторон укреплениями (корган), городами (шаар) и цветущими торговлею областями, находимся в беспрестанном от них страхе и день и ночь опасаемся с какой-либо стороны нападения. О верноподданническом расположении нашем к Его Императорскому Величеству Государю Императору мы сообщили Князю письменной просьбою; когда же об отправлении этой просьбы нашей получено было известие в Коканде, тогда хан Кокандский Алимбек прислал к нам письмо с угрозою, что если мы не будем иметь с ним свойства и единства, то он придет к нам и накажет нас оружием; разрушенное же назад тому другой год укрепление он приказал вновь привести в надлежащее устройство и, оставив нам 20 или 30 человек из своих людей, собирает с нас подать, а мы отказать ему в ней никаких средств не имеем.

Сообщаем также к сведению, что когда по воле Вашего Высокопревосходительства предположено было возвести укрепление по левую сторону реки Иль, в кочевьях дулатовцев и албановцев, то Кокандский хан и Ташкентский Бек, услышав, что в эту сторону выехал г. Пристав, присылают к нам послов своих и письма с приглашением... выгнать русских, находящихся на этой стороне реки Или, для каковой цели намерены они собрать большое войско с орудиями и требовать тако-

вого же войска от казак-киргизов, предлагая всем нам сделать нападение на русских с противной стороны. Если бы мы захотели исполнить их письменное требование, то боимся вас Хазрет, если бы пожелали исполнить волю Вашего Высокопревосходительства — боимся их. Таким образом, находясь между этими двумя крайностями, мы совершенно потеряли голову. Если же Ваше Высокопревосходительство, оказавши свои милости, не соблаговолит приказать в некоторых местах по реке Чу, как например на урочище Кимен или в иных выстроить укрепление и снестись письменно с Кокандским и Ташкентским правительством, то они не дадут покою находящимся по сю сторону реки Чу казак-киргизам и не будут пускать на другую сторону этой реки. Впрочем и теперь питаем мы верноподданническую преданность к Великому Государю Императору, хотя и не можем никак изменить данного обещания на письменное требование ташкентских беков. Сперва писали мы его Сиятельству Князю Горчакову и просили позволения избрать из среды себя одного или двух почетных манапов и послать их депутатами в С.-Петербург с тем, чтобы они и за себя и за всех нас учинили присягу на верноподданство России в Высочайшем присутствии самого Великого Государя Императора. Но его Сиятельство Князь Горчаков отвечал нам письменно, что он не советовал бы ехать нам в С.-Петербург потому, что: во-первых — мы не привычны ездить в экипажах, что по дальности пути подвергнемся беспокойству и, следовательно, в свои кочевья скоро возвратиться не можем; во-вторых, что если мы имеем какие-либо дела, то относились бы к нему письменно, а он дела наши и нужды обещался выполнить и, в-третьих, что он опять вместе с этим письмом сообщил нашим соседям, чтобы они нас не трогали. Однако же доброе это намерение не достигло желаемой цели.

Теперь наши манапы говорят, что когда по дальности пути поездка наша к Государю Императору не состоялась, то возможно ли будет из среды нашей одному или двум почетнейшим манапам дать письменную с приложением печатей доверенность, с которой и послать их депутатами в Омск с тем, чтобы они в присутствии Вашего Высокопревосходительства исполнили

верноподданническую клятву, а для этого желали бы мы иметь письменное Ваше дозволение.

Господин Пристав письмом своим приглашает нас, чтобы мы с киргизами абдан-дулатовцами прибыли для расчетов. Велик бог! Это походит на то, что будто бы на наших киргизов подана жалоба. Мы обыкновенно берем друг у друга, ссоримся, продаем между собой то, что попадается в руки, а после опять сходимся миролюбиво и это так у нас ведется не с нынешнего и не с прошлого года, а от самой древности и есть обычай, оставленный нам от наших предков. Иногда они (абдан-дулатовцы), избрав удобное время, делают на нас нападения, иногда же и мы, в свою очередь, заплатили им тем же, а потом опять сойдемся. Так, например, и после прошлогодней нашей распри мы уже возобновили опять наши взаимные отношения, по пословице: у двуногого продажи нет, а у четвероногого возврата нет. За всем тем носятся у нас слухи, справедливость или ложность которых, конечно, известна Вашему Высокопревосходительству, а именно то, что будто бы существует закон, на основании которого прощаются и предаются забвению все дела, учиненные прежде поднятия великого Корана, прежде присяги и что требования предписаны только по таким делам, которые возникли уже после принятия присяги. Если слухи эти справедливы, то, конечно, изречения Великого Императора должны быть неизменны. Мы до сих пор не дали никаких клятвенных обещаний, а если бог позволит, то теперь только намерены поднять великий коран — дать присягу; если на это последует соизволение Государя Императора и если справедливо, что существует такой закон, то дела наши, прежде всего присяги учиненные, вероятно, должны быть преданы забвению. Так по крайней мере рассуждает наш народ. Действительно, наездники наши (в подлинном сказано воры) отправились к албановцам, захватили (украли) пять или десять голов лошадей, затем и сами воры, и те, у кого украдены лошади, отправляются друг к другу, узнают своих лошадей и, не давая знать народу о том, что они опознали у таких-то своих лошадей, не просят расплаты, уезжают назад, сами собою с несколькими товарищами отправляются к нам,

и, считая нас равными себе киргизами, угоняют лошадей, попавшихся на их долю. После чего и наши люди, рассудивши, что, когда они приезжают к нам и делают нападение, то и мы испытаем свое счастье и отправимся к ним и затем отплатим тем же им. А между тем с обеих сторон установились уже у нас сношения и отдали мы друг другу то, что следовало, в силу той же пословицы: у двуногого продажи нет, у четвероногого возврата нет.

Наконец, когда услышали мы о выезде г. Пристава на реку Или, то посылали к нему сына одного почетного манапа для свидания, который по возвращении объявил нам, что он, г. Пристав, просил прислать к нему одного из аксакалов, почетнейших старейшин, почему мы и отправили вместе с помянутым Тарханом Нагаевым известнейшего нашего манапа, бывшего прежде в городе Омске, получившего чин капитана и медаль Качибека, надеясь, что Вы простите нас за наше письмо и не оставите нас своими милостями и покровительством и что за все хорошее и дурное мы повергаем наши головы к священным стопам Его Императорского Величества и Вашего Высокопревосходительства, полагая в сердце этого самого Бога — пусть он располагает, как ему угодно: и прощение, и наказание зависит от Его святой воли! На подлинном приложили печати и тамги манапы: Бурумбай Бикмуратов, капитан Качибек Ширалин, Муратали Пирназаров, Хаджибай Шафиков, Сарбек Саскин, Семеке-Атаке Бикумин и Балбай Ишходжин»[1].

Как и в ряде других документов, в прошении группы бугинских манапов на первом плане выступает твердое их желание принять присягу на подданство России. Бугинцы не желали впредь находиться в состоянии постоянного страха, в ожидании нападения извне.

Приведенный документ весьма красноречиво раскрывает настроения кочевой феодальной верхушки киргизского общества, ее неизменное стремление к сближению с Россией. Это отражало и настроение широких слоев народа.

---

[1] АВПР, ф. Гл. Архива 1—7, 1844—1863, д. 1, лл. 45—48.

Однако генерал-губернатор Западной Сибири считал тогда еще преждевременным принятие бугинцев в подданство России. В своем отношении на имя управляющего Министерством иностранных дел от 31 декабря 1853 г. он писал:

«Сколько ни полезно принятие сих ордынцев в подданство России, по видам обеспечения пролегающего через их кочевья торгового пути из Семиреченского края в Кашгарию — тем не менее, в настоящее время не усматриваю никакой возможности воспользоваться их просьбою, почему не связывая себя положительным ответом, я написал им только, что вполне похваляя их преданность Его Императорскому Величеству и верноподданнические чувства, доведу о том до Высочайшего Его Величества сведения, затем я советовал им жить мирно и в согласии с нашими киргизами Большой Орды, обращаться по делам с ними к нашему Приставу, покровительствовать проходящим через кочевья их торговцам и тому подобное»[1].

Но в министерстве иностранных дел к просьбе бугинцев отнеслись иначе. Министерство нашло необходимым принять бугинцев в подданство России. Вопрос был передан на усмотрение Николая I и получил положительное решение. 12 января 1854 г. было дано указание генерал-губернатору Западной Сибири принять бугинцев в подданство России с соблюдением соответствующей присяги[2].

Гасфорд через пристава киргизов Большой Орды подполковника Перемышльского передал бугинским манапам решение правительства и просил их послать в Омск депутацию для принесения присяги на подданство России от имени племенного объединения бугу. Это сообщение было встречено бугинцами восторженно.

В том же 1854 г. произошли события, в еще большей степени усилившие стремление бугинцев искать покровительства России. Это была междоусобная борьба между манапами бугу и сарыбагыш, которая по своей силе и жестокости превзошла все предыдущие усобицы.

---

[1] АВПР, фонд Главн. архива 1—7, 1844—1863, д. 1, л. 44.
[2] Там же, лл. 52—56.

Сарыбагыш в 50 гг. управлялись двумя главными манапами — Ормоном и Джантаем. Подвластные Джантаю сарыбагыши кочевали к северу от Александровского хребта, по обе стороны р. Чу, между Боомским ущельем и Токмаком, а также на Большом и Малом Кемине. Они мало участвовали в барымте с бугинцами, поскольку не имели непосредственного с ними соседства, зато они часто барымтовали с казахами Старшего жуза.

Подвластные манапу Ормону сарыбагыши в основном принадлежали к отделению Есенгул и своими кочевьями занимали западную оконечность Иссык-Куля, долины Кочкор, Джумгал и Центральный Тянь-Шань до Нарына и Атбаши.

В Кочкорской долине с частью племен сарыбагыш кочевал вассально зависимый от Ормона манап Торогельды. Рассказывая о кочевьях айылов сарыбагышей, подвластных манапам Ормону и Уметалы, Н. Северцов писал, что они «...занимали пространство между бугинцами к востоку, Джантаем к северу, Торогельды и саяками к западу, за нарынскими чириками к югу, кочуя у западной части Иссык-Куля. На Джуван-арыке и Оттуке отличный центр для набегов во все стороны, богатый неприступными убежищами, но не особенно богатый пастбищами, изрытая высокая долина Карагоджура (главной вершины Джуван-арыка), посреди этой местности составляет естественную крепость, командующую и западным Иссык-Кулем и долиной Кочкара.

Соответственно этому расположению кочевьев манап сарыбагышей, владевший Карагоджурской крепостью, был главным для всего рода, и кочкорские аулы были в большей зависимости от него, нежели кебинские, имевшие свою горную крепость на Кебине и более отдаленные горными хребтами, потому мы и нашли кебинского манапа Джантая почти равноправным союзником карагоджурского Урмана, а кочкорского Торогельды подчиненным последнего». Далее Н. Северцов пишет: «Потому также главным сарыбагышским бойцом против бугинцев был Урман. Топографические условия его кочевья своим военным превосходством и хозяйственной негодностью, сравнительно со смежным кочевьем бугинцев, пересилили родственную связь манапов, которой они, вероятно, думали было прекратить давнишнюю вражду

своих родов. Поводом к баранте было, вероятно, ничтожное конокрадство, как почти всегда у киргизов, но раз начатая баранта превратилась в войну, джау, именно потому, что бугинские пастбища были слишком заманчивы для сарыбагышей, чтобы последним ограничить баранту простым обменом набегов и угонов скота, как это большей частью бывает».

Это видно из хода войны, рассказанного г. Семеновым: «Первым делом Урмана было занятие всего Терскея, следовательно, кроме упомянутых г. Семеновым пашен Бурумбая на Кызыл-Унгуре, еще и занятие всех удобных подъемов с Иссык-Куля на Сырт, из которых последний к востоку идет через ущелье Зауку и по долинам заукинской и барскоунской Денгереме к Барскоунскому перевалу — главному ключу Сырта по расположению продольных долин, с востока и запада сходящихся к его удобному подъему.

Самый, предположенный Урманом и неудавшийся ему захват в плен богинского манапа Бурумбая с семейством, едва ли мог иметь другую цель, кроме упрочения сарыбагышских территориальных захватов в эту войну».

«...Между тем, как область сарыбагышей разделена на три естественных участка хребтами, дороги через которые проходят тесными ущельями, богинская вся сплошная, так как два участка, иссык-кульский и кегенский, не разделяются, а сообщаются широкой и вполне удобной санташской седловиной и многими легкими перевалами от Туба к Кегену, западнее Санташа, а открытый и высокий Сырт к Нарыну не составляет такой крепости, как Карагоджур. Не составляет ее и вершина Такеса в небольшой котловине между Хантенгри и Текес-Тау; они слишком отделены трудными хребтами от хороших кочевых угодий, между тем как перевалы к Карагоджуру почти все и легко защищаемы и удобнопроходимы, что и дает хороший центр набегов. Крепкие же местности бугинцев разбросаны по ущельям множества речек, что раздробляет их на множество волостей, каждая со своим ущельем, но из всех ущелий потребности земледелия и скотоводства заставляют богинцев выходить на обширные общие угодья; особенно непрерывны и собраны иссык-кульские пашни и зимовки — и по

этому топографическому условию соответствует один старший манап, при множестве волостных.

Таковы топографические условия, делавшие естественным преобладание старого Буромбая в роде богу без выдающихся, почти независимых подручников, каковые были у сарыбагышей»[1].

К 1854 г. общее положение бугинцев значительно изменилось. Это было вызвано прежде всего возведением летом 1854 г. укрепления Верный на реке Алматы и окончательным утверждением господства России в Заилийском крае, в непосредственной близости от бугинцев. Их зимние и летние кочевья теперь непосредственно соприкасались с кочевьями казахов Старшего жуза, племен албан, субан, казылборк и дулат, твердо вступивших в подданство России.

Указанное обстоятельство дало возможность бугинцам осознать свое более или менее прочное положение и не чувствовать в такой степени зависимость от сарыбагышского манапа Ормона, как это было до сих пор. Но усилилось среди киргизов и влияние Ормона. Особенно прочным оно было в племени саяк. Ормону удалось поставить в Нарыне и Атбаши своих сыновей Уметалы и Чаргына. Он теперь обдумывал пути и способы, которыми мог бы удержать бугинцев в зависимости. Ормона очень привлекают берега Иссык-Куля, где он видит удобные места для расположения своего айыла.

В песне «О войнах сарыбагыш и бугу»[2] в качестве главной причины войны указывается стремление манапа Ормона отобрать у бугинцев земли вокруг Иссык-Куля, если они не будут признавать его власти:

Бетегелүү Иссык көл	Если бы ковыльный Иссык-Куль
Менин жерим болсо деп	Был моей землей,
Темир, Болот Черикчи	Темир, Болот и Черикчи
Тегерете консо деп	Расселились бы там.
Карагайлуу алкымы	Там есть прохладное джайлоо
Жайлоосунун салкыны.	И сосновые боры.
Жайлоосунда төрү бар	Высоко в горах есть лужайки,
Жакасында көлү бар	А в долине озеро,

[1] *Н. Северцов.* Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня. Спб., 1873, стр. 208—211.

[2] Рукописные фонды Отделения общественных наук АН Кирг. ССР, инв. № 18.

Көл жээгинде шор экен
Мал киндиги жер экен
Жер соорусу турбайбы
Жердеген журту тунбайбы

Орто жери ойгондой
Эки жагы коргондой
Тегерете караса
Деги сонун жер экен

Сепил салып койгондой

Кашгардын жолун каратып

Анжийан жолун аңдытып
Анда койсом кан кылып

Атбашы менен Нарынга

Уметалы, Чаргынды

Байтакты кёлдю кылайын

Багынтып минтип сурайын

Кандыгыма көнбөсө

Кайыпка чалыш бугуну

Калдыратып Уркютюп
Калмактан ары кубайын
Конгузга айдап салайын
Көлду минтип алайын
Текеске айдап салайын
Жерди минтип айын.

На берегу его — солончаки,
Удобные для скота.
Это самая лучшая земля!
Кто ею владеет, тот будет богат.

В середине там котловина,
А по сторонам горы, как валы.
Когда смотришь
На эту замечательную местность,
Она кажется неприступною крепостью.

Я поставлю в Нарыне и Атбаши
Ханами Уметалы и Чаргына,
Чтоб следили за дорогами в Кашгар,
Чтоб смотрели за дорогами в Андижан,
Своей ставкой сделаю берег озера,
Буду править и подчиню себе всех.
Если бугинцы, подобные Кайыпу[1],
Не будут признавать мою власть,
Я прогоню их на землю калмыков,
Я загоню их в Конгуз,
Я заберу у них озеро,
Я загоню их в Текес
И заберу у них землю.

Ожесточенная борьба между бугинцами и сарыбагышами началась с незначительного события. В 1854 г. в айыле Ормона в местности Аксуу, на северном берегу Иссык-Куля, играли в «ордо»[2] сарыбагыши и бугинцы. Манап Боромбай специально вызвал из Джеты-Огуза своего человека, Чыйбыла, бывшего большим мастером этой игры. По жребию игру начали бугинцы. Перед началом и во время игры между сарыбагышами и бугинцами разгорались горячие споры. Акын Калыгул, при-

[1] «Кайып» — добрый дух, покровитель диких животных. По преданию, племя бугу происходило от оленя — кайыпа.

[2] «Ордо» — азартная игра, когда две группы людей выбивают из круга кости.

сутствовавший при этом, чувствуя напряженную атмосферу и опасаясь неприятных последствий, предлагал прекратить игру. Но участники игры, захваченные азартом, не послушались его. Игрок Боромбая выбил все кости за черту, в том числе и хана[1]. Сарыбагыши проиграли, и бугинцы, захватив премию, состоявшую из 9 кобыл, уехали. Ормон был возмущен вызывающим поведением бугинских манапов и разгневан тем, что они увезли всю премию, не уважая его как хана.

После этого сарыбагыши проиграли и саякам, во главе которых стоял манап Алыбек, в молодости служивший джигитом Ормона. Алыбек, чувствуя пошатнувшийся авторитет Ормона, изменил свое отношение к нему и стал симпатизировать Боромбаю. Вскоре, боясь наказания, Алыбек со своим айылом ушел к бугинцам, под защиту Боромбая. Ормон, узнав об этом, потребовал от Боромбая выдачи «принадлежащего ему беглеца». Боромбай отказал, сказав, что «даже воробей находит защиту у куста шиповника, неужели Ормон не считает бугинцев и за куст». Озлобленный этим Ормон послал своих джигитов на барымту. Один из посланных был убит бугинцами. Тогда Ормон потребовал за него выкуп. Бугинские манапы ответили, что «за вора не дают куна—выкупа», и просили Ормона успокоиться.

Непосредственному вооруженному столкновению между обоими племенами предшествовал еще ряд мелких стычек на почве барымты.

В начале июля 1854 г. Ормон решил одним ударом покончить с Боромбаем. Дав указание своему сыну Уметалы[2] организовать вооруженные силы сарыбагышей и саяков для нападения на бугинцев, Ормон с авангардом, состоявшим из 600 человек, напал на них. Одержав первоначально победу, увлеченный успехами, Ормон, не дожидаясь своих основных сил, решил напасть на айылы Боромбая с целью захватить его в плен с семейством. Но вскоре отряд Ормона был окружен со всех сторон бугинцами. Основные силы его не подходили. В темную

[1] «Хан — в игре «ордо» изображает царя, а кости — его войско. В игре полагается выбить хана за черту, это составляет большую трудность из-за его маленького размера.

[2] По данным фольклорных материалов, вассальный манап Торогельды в это время был в заключении в крепости Пишпек.

ночь на берегу реки Шаты произошла ожесточенная битва, во время которой Ормон был смертельно ранен. Разбитые сарыбагыши частью попали в плен, частью спаслись бегством.

Ободренные победой, бугинцы собрали все свои силы и двинулись к южному берегу озера Иссык-Куль. Тем временем подошли главные силы сарыбагышей, предводительствуемые сыном Ормона — Уметалы. На месте встречи бугинцев и сарыбагышей протекала большая и быстрая горная река. Никто из противников не решался первым перейти ее и напасть на своего врага. Так простояли они несколько дней. Тогда Уметалы пустился на хитрость. Ночью с основными силами он двинулся по северному берегу Иссык-Куля в тыл к бугинцам, к их айылам, находившимся в то время на реке Тюп. Айылы Боромбая были беззащитны. Уметалы занял их, захватил множество скота, большую часть семьи Боромбая и много пленных. Получив это известие, Боромбай со всеми своими силами бросился в свой айыл, но было уже поздно. Сарыбагыши успели отойти. Только часть прикрывавшего движение сарыбагышей арьергарда в количестве 50 человек попала в плен к бугинцам. Всем им были отрублены головы. Уметалы, укрепив свои силы, снова выступил против бугинцев. На северо-восточной стороне Иссык-Куля после кровопролитной битвы бугинцы потерпели поражение. Они вынуждены были бежать в Текес и Каркыра с уцелевшими айылами и остатками стад. Сарыбагыши захватили много скота и пленных, главным образом женщин и детей. С обеих сторон было много убитых и раненых.

Эти события подробно отражены в киргизском фольклоре. Раненый Ормон умер в плену у бугинцев. Его смерть напугала их. Боромбай отправил труп Ормона к сарыбагышам в сопровождении его дочери и пленных.

В другие киргизские племена: саяк, солто, черик, саруу, кушчу, в той или иной степени связанные с Ормоном, бугинцы отправили посланцев с извещением о смерти Ормона и с просьбой не вмешиваться в дела «двух потомков Кылжыра»[1] — сарыбагыш и бугу. Сами бугин-

[1] По киргизской родословной, племена сарыбагыш и бугу имели одного общего родоначальника — Кылжыра.

цы решили пока откочевать в Текес, и Боромбай им будто бы говорил:

Бүгүн жалын,	Сегодня пламя,
Эртең чок,	Завтра огонь.
Бүрсүгүгү кок	Послезавтра потухший уголь,
Анан барып жок.	А затем нет.

Известие о смерти Ормона было встречено благожелательно манапами ряда племен. Родоначальник чериков Улакбий, обещав нейтралитет, посоветовал бугинцам быть наготове на случай всяких неожиданностей со стороны сарыбагышей. Глава племени кушчу в Таласе Бурго-батыр также обещал нейтралитет, будто бы сказав при этом: «Бөрүчү бүркүт өлүчү», т. е. «беркут, охотившийся за волками, от них и погибнет». Главный манап племени солто Жангарач даже попытался помешать походу сарыбагышей против бугинцев. Он пригласил 60 манапов-сарыбагышей на свадьбу своей дочери и задержал их, лишив таким образом возможности принять участие в походе.

За Ормона бугинцам сарыбагышами было предъявлено требование о выплате куна — выкупа[1].

В ответ на отказ бугинцев принять условия выкупа сарыбагыши предприняли поход против оставшихся на южном берегу Иссык-Куля бугинских родов кыдык и желден, населявших Чычкан, Барскоон, Тамгу и Кара-Куджур (в последнем летовали и сыновья Ормона Уметалы и Чаргын). Эти бугинские роды хотя и не были причастны к гибели Ормона, тем не менее были разгромлены сарыбагышами. У них отобрали почти весь скот, многие их девушки были пленены. Саякский манап Алыбек, в свое время убежавший к бугинцам, скрылся в горах от преследования сарыбагышей, но был пойман и

[1] Сыновья Ормон-хана предъявили бугинцам в качестве «куна» — выкупа три условия на выбор:

1. Выдать манапов Боромбая, Балбая, Тилекмата и Мырзу для казни за кровь Ормона.
2. Представить сарыбагышам сто лучших бугинских девушек со ста отборными конями со всем убранством.
3. Освободить Иссык-Кульскую котловину, откочевав в Текес к калмыкам на постоянное жительство.

См. Рукописные фонды Отделения общественных наук АН Киргизской ССР, инв. № 287, стр. 5—6.

убит, а подвластный ему род также подвергся ограблению.

Но сарыбагыши этим не удовлетворились. Они обратились к казахскому султану Тезеку с просьбой помочь им в наказании убийц Ормона. Бугинцы тоже обратились к нему с просьбой о помощи. Тезек обещал свою помощь бугинцам.

В следующем походе сарыбагыши были разбиты бугинцами, подкрепленными отрядами Тезека[1], а предводитель сарыбагышей манап Торогельды попал в плен.

Все эти междоусобные войны особенно тяжело отражались на положении букары. В песне, повествующей о войнах между племенами сарыбагышей и бугу, говорится[2]:

Сарыбагыш менен бугудан,
Саяк менен чородон
Санат жеткис көп өлдү
Сарыбулак Күрмөнтү
Акпай суусу бөгөлдү

Кедей начар көп өлдү,
Кемер жерлер бөгөлдү.
Ажыз начар көп өлдү,
Ак чоңоктор бөгөлдү.

Бесчисленное множество
сарыбагышей,
Бугинцев, саяков и чоро
Погибло в этих боях.
Реки Сарыбулак и Курмонту
Были запружены, остановилось
их течение.
Особенно много погибло
бедняков и слабых,
Все овраги были завалены их
трупами,
Особенно много погибло
немощных и слабых,
Все промоины и омуты в
реках были ими заполнены.

Бай-манапская феодальная знать насильственно втягивала трудовые массы в феодально-родовые распри. Во время походов их насильно гнали джигиты манапов. В песне «О войне Сарыбагыш и Бугу» говорится:[3]

Төрөгелди баатыры
Керинейин өкүртүп
Сурунайын бакыртып
«Черикчи» деп чакыртып
Добул башы дүңгүрөп

Батыр Торогельды
Трубит в трубу,
Возглашая клич «Черикчи».
Бьют в барабаны,
Эхом откликаются горы.

---

[1] О помощи Тезека бугинцам есть указание у Семенова-Тян-Шанского. См. «Записки РГО по общ. географии», т. I, Спб., 1867 стр. 183.

[2] См. Рукоп. фонды Отделения общественных наук АН Киргизской ССР, инв. № 18.

[3] Там же, инв. № 19.

Тоо жаңыртып күңгүрөп	Кто оглядывается назад,
Кайрылганын камчылап	Тех бьют камчой.
Кылчайганын кылычтап	Кто поворачивает назад,
Жээк тартып былкылдап	Тех бьют саблей.
Жекендей найза кылкылдап.	Ровным строем полки идут,
	Колыхаясь множеством пик.

Разгром бугинцев сарыбагышами заставил Боромбая со всеми своими айылами отступить в пограничные с Китаем районы Каркыра и Текеса. Он еще раз обратился к китайским властям Восточного Туркестана с просьбой о защите и оказании им помощи в возвращении захваченных сарыбагышами пленных и скота. Но китайские власти не могли помочь бугинцам. Семенов-Тян-Шанский указывает: «Тщетно старый Бурумбай, имевший красный шарик на шапке и, следовательно, важный титул между китайскими мандаринами, умолял китайские власти о защите, китайцы, уже несколько лет прекратившие свои обычные разъезды на Иссык-Куль, не думали о защите. Это обстоятельство заставило Бурумбая совершенно предаться русским, на вступление в подданство которым он уже и прежде изъявлял согласие»[1].

Н. Северцов, рассказывая о вытеснении бугинцев с берегов Иссык-Куля, писал: «Умет-ала успел нечаянно почебарить богинские аула, обманувши выступавшее против него ополчение и захвативши семью Буромбая, вернул и увеличил отцовские завоевания: род бугу был совсем прогнан с Иссык-Куля на Кеген и Текес, тут Буромбай поддался русским»[2].

Описываемые события предопределили дальнейшую судьбу племенного объединения бугу. Боромбай особенно теперь ясно осознал безвыходность своего положения: до сих пор ни Кокандское ханство, ни сами бугинцы не могли обеспечить безопасность и мирную жизнь, в которой так нуждались прииссыккульские киргизы; раздоры бугинцев и сарыбагышей до сих пор охотно

Семенов-Тян-Шанский. Поездка из укрепления Верного через горный перевал Суек-Тюбе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 году. Зап. РГО по общей географии, 1876. стр. 139.

[2] *Н. А. Северцов.* Указ. соч. стр. 211.

использовались как кокандцами, так и китайскими властями в их агрессивных целях; выход видел он в немедленном принятии подданства России.

Таким образом, борьба бугинцев с сарыбагышами в 1853—1854 гг. явилась существенным фактором, усилившим стремление бугинцев к присоединению к России. Теперь они окончательно определили свою прорусскую ориентацию и усердно стали добиваться возможности принятия присяги на подданство России. Присяга должна была состояться в Омске, тогдашнем центре Западносибирского генерал-губернаторства. Для поездки в Омск был выделен манап Качыбек Шералин, который и возглавил депутацию бугинцев. Депутация впрочем представляла не только бугинцев, но и ряд других прииссыккульских племен, в частности — саяков. Группа бугинских и некоторых саякских манапов 10 июля 1854 г. послала на имя генерал-губернатора Западной Сибири письмо, в котором выражалось доверие Качыбеку Шералину принести присягу от имени прииссыккульских киргизов. Текст доверенного письма гласил: «Его Высокопревосходительству, высокостепенному и великодушному Господину Генерал- Губернатору Западной Сибири и Корпусному Командиру.

От кочующих в алатавских горах, в окрестностях **Иссык-Куля богомольцев**, ваших манапов, киргизов из **рода Бугу и прочих.**

Прошлого, 1853 года, в сентябре месяце просили мы **Ваше Высокопревосходительство** о том, что не соблаговолит ли Всемилостивейший Государь Император принять нас под Свое высокое покровительство, изъявляя в то же время желание наше принять присягу на верноподданство России.

В этом намерении желали мы отправиться к Вашему Высокопревосходительству, чтобы по обрядам и правилам Мухаммеданского закона, с воспоминанием имени Всевышнего Бога пред Священным Кораном совершить нашу присягу.

На каковую просьбу нашу мы имели счастье получить без всякого замедления от Вашего Высокопревосходительства чрез Господина Пристава Большой Орды Подполковника Перемышльского ответ о том, что Его Императорское Величество Всемилостивейший Государь

Император соизволил изъявить согласие принять нас под Свое высокое покровительство.

В душевной и искренней радости, все мы (большие и малые) по своему обыкновению принесли наши молитвы о счастии и долголетии Великого Царя, Его Августейшей фамилии и всех верноподданных.

За тем, Ваше Высокопревосходительство, по милостивому расположению своему к нам, изволили пригласить в Омск несколько почетнейших манапов для исполнения присяги пред Кораном. Почему мы факиры (бедные) большие и малые с общего согласия послали от себя депутатом с доверенною грамотою не только в Омск, но даже к Самому Великому Государю Императору для исполнения верноподданнической клятвы пред святым Кораном с произношением священного имени Всевышнего Бога пользующегося между нами уважением и доверенностью манапа нашего Капитана Качыбека Шералина и утвердили грамоту эту нашими печатями и тамгами. На подлинной приложены печати: Сарбека Саскина, Буромбая Бекмуратова, Каджибека Шафикова, Муратали бия Пирназарова, Байбуры Хаджибаева и Тумекат бия Джилкыайдарова, тамги: Балбая Ишходжина, Самсалы Джекегабова, Кукчи Умитова, Джубасара Тулинатина, Байгана-Батырь Джаныбекова и Бирук-бая Сеидова»[1].

Посланцы бугинцев во главе с манапом Качыбеком Шералиным прибыли в Омск 26 сентября 1854 года. Перед принятием присяги на подданство России между представителем бугинцев, с одной стороны, и генерал-губернатором Западной Сибири—с другой, было достигнуто соглашение относительно обязанностей правительства Российской империи по отношению к бугинцам и последних по отношению к России, а также о правах и обязанностях назначаемого правительством России старшего манапа. Основные пункты этого соглашения нашли свое отражение в следующем отношении генерал-губернатора Западной Сибири в министерство иностранных дел от 13 октября 1854 года:

«Во исполнение Высочайшего повеления, объявленного мне в отношении Вашего Превосходительства от

---

[1] АВПР, ф. Гл. арх. 1—7, 1844—1863, д. 1.

12 января № 93, я приглашал манапов Дикокаменных киргизов прислать в Омск своих депутатов, снабженных надлежащею доверенностью, для принятия присяги на верноподданство России.

После продолжительных совещаний манапы рода бугу избрали депутатом своим манапа Каджибека Шералина, который прибыл в Омск 26 минувшего сентября. От других двух родов: султы и сарыбагыш—депутаты не прибыли.

Каджибек есть близкий родственник манапа Буромбая—управляющего родом богу. Еще в 1812 году, имея 14 лет от роду, Каджибек был в Омске с депутацией, в которой участвовал его отец и по представлению бывшего Корпусного командира Генерала Глазенапа Всемилостивейше награжден чином капитана и золотою медалью на Анненской ленте.

Перевод с данной Каджибеку доверенности при сем препроводить честь имею.

Затем, обращаясь к существу самого дела, принятия рода богу в подданство России, я по соображениям помянутого отзыва Вашего Превосходительства от 12 января с № 93 входил в подробные объяснения с манапом Каджибеком об основаниях, на которых родовичи его могли бы поступить в подданство Его Императорского Величества, если на сие последует окончательно Высочайшее соизволение.

Основания сии, по моему мнению, могли бы заключаться в следующем:

1) Род Богу Черных или Дикокаменных киргизов вступает безусловно в подданство Российской Державы и признает Его Императорское Величество Императора всероссийского и Его Наследников законными своими Государями и пользуется высоким Их покровительством.

2) Киргизы рода Богу имеют оказывать покровительство и защиту торговцам нашим, проходящим с караванами через их земли и кочевья, ограждать сих торговцев от всяких насилий и грабежей и удовлетворять справедливые их жалобы.

3) Ведать одно Русское правительство и потому не прибегать с покровительству Ташкентцев и Кокандцев, а равно и всякой другой Державы. Напротив того, обязаны врагов России считать своими врагами.

4) Род Богу обязывается жить в добром согласии с подданными России киргизами Большой Орды.

5) Управляться, как доселе управлялись, через своих Манапов, которым Правительство предоставляет разбор и решение дел, возникающих между подведомственными им киргизами по существующему у них порядку.

6) Управляющий родом Манап по нуждам подведомственного ему народа, требующим пособие Правительства, например: к отражению их от вторжения иноземцев, к прекращению внутренних смут, своеволия и т. п.— обращаются к Приставу киргизов Большой Орды, который смотря по важности обстоятельства сам удовлетворяет их просьбы или представляет их оные на разрешение Генерал-Губернатора и через него высшему начальству.

7) Старший манап воздерживает управляемых им киргизов от грабежа и барамты в Большой Орде, а в случаях угона скота или грабежа, произведенного киргизами сей Орды у Дикокаменных рода богу, Старший Манап, не допуская последних до самоуправства, может просить Пристава о примирении или преследовании виновных и удовлетворении обиженных.

8) Старший Манап по получении известия о баранте или грабеже, произведенном киргизами Рода Богу в Большой Орде, открывает виновных и распоряжается удовлетворением обиженных в мере, определенной решением биев, избранных с обеих сторон.

9) Захваченные в Большой Орде на баранте и грабеже киргизы рода Богу будут отправляемы к Приставу, как нарушители спокойствия.

10) Старший Манап наблюдает, чтобы в волостях его рода не было даваемо укрывательство хищникам других родов киргизов, которые собираются учинить барамту у киргизов Большой Орды или других Русских подданных, или же пропускать таковых с добычею по совершении баранты.

11) Старшему Манапу предоставляется право просить о назначении к нему особого Российского чиновника или письмоводителя, знающего язык, для сношений его с Приставом и Манапом, лично ответствует за его безопасность и свободу.

12) При обязательстве Старшего Манапа воздерживать подведомственных ему киргизов от своеволия и беспорядков киргизскою своею властью не представляется надобности содержать Русский военный отряд в кочевьях рода Богу.

13) В звании Старшего Манапа Правительство утверждает управляющего ныне родом Богу Манапа Буромбая Бекмуратова, с которым и будет сноситься по всем делам через Пристава киргизов Большой Орды. Преемники сии назначаются по существующему в роде Богу порядку и утверждаются Генерал-Губернатором Западной Сибири, подобно Старшим Султанам Большой Орды.

14) Старшему Манапу определяется жалованье наравне со Старшим Султаном Большой Орды, т. е. по 343 рубля в год серебром, и Манап сей приобретает право заслугами своими получать чины и другие отличия Российского Правительства.

Сими немногими условиями я полагал бы ограничиться до времени, пока не сблизимся более с Дикокаменными киргизами рода Богу и прочими родами сей Орды.

Относительно управления вообще можно было бы принять к руководству Высочайше утвержденную в 10-й день января 1848 года инструкцию Приставу киргизов Большой Орды, составив особое дополнение к сей инструкции, а для облегчения его в сношениях и занятиях придать ему помощника по делам Дикокаменных ордынцев и назначить к нему еще одного Толмача, так как вообще в последнее время с переходом на реку Или отношения его к киргизам Большой и Дикокаменной или Черной Орд, и наблюдение за соседственными пограничными властями Кокандскими,— значительно увеличилось.

Что же касается до принятия Манапом Каджибеком присяги от лица своего народа по данной ему главными родоначальниками доверенности, то я признаю более удобным совершить сей обряд в Омске, если на поступление рода Богу в подданство последует окончательно соизволение его Величества, ибо Каджибек прибыл сюда только с двумя своими прислужниками и следственно депутация его не имеет, полагаю, достаточно значительности, чтобы иметь счастье представиться его Императорскому Величеству.

В заключение честь имею присовокупить, что в случае решения на принятие рода Богу в подданство России я полагал бы полезным исходатайствовать у Государя Императора о Всемилостивейшем пожаловании управляющему родом Богу Манапу Буромбаю чина Подполковника и об отпуске в мое распоряжение для награждения подарками прочих влиятельнейших Манапов до тысячи рублей серебром.

Предавая все вышеизложенное обсуждению Министерства Иностранных Дел, покорнейше прошу Ваше Превосходительство о последующем почтить меня уведомлением»[1].

Все пункты вышеизложенного отношения генерал-губернатора были одобрены министерством и царем как основа дальнейших взаимоотношений правительства России с киргизами племенного объединения бугу.

17 января 1855 г. в Омске в присутствии чиновников и военной администрации, а также ряда казахских султанов, специально приглашенных для этого, в торжественной обстановке представители бугинцев были приведены к присяге на подданство Российской империи.

С этого времени прииссыккульские киргизы формально вошли в подданство России. Старшим манапом был назначен Боромбай Бекмуратов. Приказом военного министра за № 69 28 декабря 1854 г. Боромбаю был жалован военный чин подполковника[2].

Так одно из многочисленных племенных объединений киргизов вошло в состав России.

После вступления бугинцев в подданство России система управления у них еще оставалась прежняя. Русская администрация пока ограничилась только наставлениями и советами, не вмешиваясь непосредственно в их внутренние дела. В этом отношении характерно следующее письмо-грамота, переданное через Качыбека генерал-губернатором Западной Сибири бугинским манапам:

«Достойнейшим Манапам Подполковнику Буромбаю Бекмуратову, Сарбеку Саскину, Муратали бию Пирназарову и всем прочим манапам и старейшинам рода Богу.

---

[1] АВПР, ф. Главного архива 1—7, 1844—1863, д. I, л. 52—56.
[2] АВПР, ф. Главного архива, 1—7, 1844—1853, д. 1, л. 67—68.

Уполномоченный Вами особою доверенностью на принятие от лица всего рода Богу присяги на верноподданство Великому нашему Государю Императору — Манап капитан Качыбек Ширалин по прибытии в Омск был принят мною с полным радушием, а о возложенном на него поручении я тогда же имел счастие довести до Высочайшего сведения Его Императорского Величества.

Могущественнейший Государь наш Император, снисходя к просьбе Вашей и подведомственного Вам рода Богу, Всемилостивейше соизволил даровать оному Свое Высокое покровительство и принять оного в число Своих любезных и верных подданных обширнейшей Российской Империи и вследствие сего Высочайшего соизволения, Манап Капитан Качыбек Ширалин в присутствии многих Генералов, чиновников Главного Управления Западной Сибири, почетнейших киргизских Султанов, нарочито прибывших в Омск, произнес торжественно перед Св. Алкораном присягу в том, что род Богу, вступая в вечное подданство Всепросветлейшего Державнейшего Великого Государя Императора Николая Павловича Самодержца Всероссийского и его Императорского Величества Всероссийокого Престола наследника Его Императорского Высочества Государя Цесаревича Великого Князя Александра Николаевича, хочет верным и послушным быть и поступать во всем так, как подобает добрым подданным Его Императорского Величества.

В ознаменование первого Своего к Вам Высочайшего благоволения Его Императорское Величество Всемилостивейше соизволил пожаловать Вам, Высокостепенный Манап Буромбай Бекмуратов,— почетный чин Подполковника Всероссийской Армии.

Поздравляя Вас, достойнейшие Манапы, и весь подведомственный Вам род Богу с дарованным Вам счастием именоваться подданными Могущественнейшего Государя Императора, я долгом считаю сообщить Вам, что Его Императорское Величество изволит ожидать от Вас и всего рода Богу: смирного кочевания, соблюдения добрых отношений к киргизам Большой Орды, яко Российским же подданным, прекращения всякой барамты и ограбления торговцев наших и караванов их, когда будут проходить через Ваши земли.

При добрых чувствах рода Богу, я не сомневаюсь в готовности сии требования Его Императорского Величества, а если бы в чем встретилось затруднение, то прошу Вас обращаться за советами к нашему Приставу киргизов Большой Орды, как лицу, облеченному доверием Правительства, и к нему же можете относиться по всем делам об удовлетворении Вас за обиды, если бы таковые нанесены были Вам киргизами Большой Орды, не позволяя себе самоуправства, от коего и киргизы Большой Орды также будут нашим начальством всемерно воздерживаться. Пристав же Большой Орды, получив обо всем до Вас относящееся доводить до моего сведения.

В заключение, пожелав Вам — достойнейшие Манапы Буромбай Бекмуратов, Сарбек Саскин, Муратали бий Пирназаров и прочим почетным Манапам и Старейшинам всякого благополучия, я обращаюсь к Господу ..., чтобы укрепил Вас душевно и телесно на добрыя дела и верность службы Его Императорскому Величеству. Мы теперь дети одного отца и того же Великого Государя, пекущегося о благе Своих подданных заботою мудрого и чадолюбивого отца. Наши друзья да будут Вашими друзьями, наши враги должны быть и Вашими врагами. Будьте крепки в верности и усердны к службе нашему Правительству.

Возвращая с настоящего грамотою посланного от Вас доверенного Манапа капитана Качыбека Ширалина, вместе с ним посылаю к Вам некоторые подарки, означенныя в особой записке. Подлинное подписал: командир Отдельного Сибирского Корпуса и Генерал-Губернатор Западной Сибири Генерал от Инфантерии Гасфорд»[1].

Как видно, правительство России пока не смогло дать бугинцам какого-либо строго определенного, юридически оформленного русского административного устройства. Пока было признано целесообразным иметь среди бугинцев лишь агента, который бы своевременно извещал царские власти обо всех происходящих событиях. В качестве такого агента был направлен Файзулла Ногаев. Непосредственное наблюдение за безопасностью

[1] АВПР, фонд Главного архива 1—7, 1844—1863, д. 1, л. 64—66.

бугинцев и за их внутренним спокойствием было возложено на пристава «киргизов Большой Орды».

Файзулла Ногаев до этого уже исполнял некоторые дипломатические поручения российского правительства в части установления экономических и политических связей со среднеазиатскими народами. За свою верную службу он был удостоен звания тархана. Теперь он был избран как наиболее подходящий человек для исполнения роли представителя Российской империи. Гасфорд в своем отношении на имя управляющего Министерством иностранных дел тайного советника Сенявина писал 9 марта 1855 г. следующее:

«Из отношения моего от 4 марта с № 265, Ваше Превосходительство, известно уже об окончательном поступлении Дикокаменных киргизов рода Богу в подданство Его Императорского Величества. Успеху сего дела, представляющему немалые выгоды в видах будущего развития торговли нашей с Кашгариею, способствовало в особенности пребывание в кочевьях Манапа Буромбая (и других значительных Манапов), посланного мною в прошлом 1853 году в виде агента, Касымовского татарина Тархана Файзуллы Ногаева.

Азиятец сей, хорошо знакомый с Среднеазиатскими владениями, в 1820 году избран был Оренбургским Военным Губернатором Эссеном за переводчика и вожака при миссии Действительного Статского Советника Негри, бывшей в Бухарии, и в награду за труды и усердие к пользам службы в эту поездку возведен с сыновьями своими в Тарханское звание ..., а в 1828 году выдана ему на звание Тархана Высочайшая Грамота.

Файзулла Ногаев, движимый чувством признательности за оказанныя ему Правительством благодеяния, поныне, несмотря на свои преклонные лета, с особенною готовностию исполняет возлагаемые на него поручения. По первому приглашению моему он в 1853 году отправился в кочевья рода Богу, где, оставаясь до присылки старейшинами рода Богу депутата Качибека, уполномоченного на принятие верноподданнической присяги, поддерживал в сих отдаленных племенах, не имеющих еще понятия гражданственности, добрыя чувства и доверие к нашему Правительству.

Зная по опыту, что при легкомыслии и грубых поня-

тиях Дикокаменных киргизов всякий злоумышленник может совратить их с прямого пути и ослабить их преданность к нашему Правительству, я счел полезным и ныне, по принятии Манапом Качибеком присяги, отправить с ним в кочевья рода Богу Файзуллу Ногаева для постоянного наблюдения за уморасположением сих новых подданных и отклонения происков Ташкентцев и других злоумышленников.

Сообщая все сие Вашему Превосходительству, я покорнейше прошу ходатайства Вашего о поощрении Тархана Файзуллы Ногаева Всемилостивейшим награждением Золотою медалью для ношения на шее на Анненковской ленте»[1].

Следует отметить, что Файзулла Ногаев действительно добросовестно выполнял свои обязанности и вскоре сумел заслужить уважение как среди бугинцев, так и со стороны русских властей.

Принятие бугинцами подданства России было началом перехода под ее власть и остальных киргизских племен. Это событие имело важное значение в деле дальнейшего распространения влияния России на всю Киргизию.

Бугинцы теперь должны были находиться под покровительством и защитою Российской империи. Но русское правительство в 1850 г. было еще не в состоянии оказать реальную помощь бугинцам в межплеменной борьбе и предотвратить усиление влияния Коканда в киргизских кочевьях. Междоусобные войны продолжались. На бугинцев вместе с сарыбагышами нападали и отдельные отряды кокандских войск, ибо Кокандское ханство рассматривало факт перехода бугинцев в русское подданство не только как потерю своей власти над бугинцами, но и как «плохой» пример для остальных киргизских племен. Поэтому кокандцы изо всех сил старались возбуждать сарыбагышей против бугинцев, добиваясь изменения ориентации бугинцев в свою пользу.

Летом 1855 г. Уметалы совершил на бугинцев несколько набегов. Сарыбагыши грабили скот, опустошали пашни на берегу Иссык-Куля. В связи с этим Боромбай отправил Качыбека в Верный, прося при-

[1] АВПР, фонд Главного архива 1—7, 1844—1863 гг., д. 1, л. 69—70.

става об оказании немедленной помощи. В своем письме к Перемышльскому от 16 августа 1855 г. он писал следующее: «На озере и р. Зуукы есть и наши два курганчика, есть два плетня, т. е. сады, где урюк, яблони, виноград уже выросли. Дыни, арбузы и другие огородные плоды также выросли. Все это испорчено, деревья вырыты до корней, и вообще все наше лучшее имущество, большие юрты, оставленные по тяжести, и все, чем мы живем, было там. Всего мы лишились и поручили все богу. Во всяком разе мы надеемся на Ваше покровительство, просим извинения на наше письмо»[1].

Разорением и ослаблением бугинцев воспользовались и соседние казахские феодалы Тезек, Саурук, Тазабек и другие. Поэтому Боромбай в указанном письме отмечал: «После же нашей откочевки на Каркаралы они (казахи.— Б. Д.) вступили на наши места, забрали оставшийся и заблудившийся скот наш и угоняли его раз двадцать. Они сами говорят: «Мы не дадим жить Богу». Правда, что если султан Тезек, Саурук и Тазабек будут велики, то нам нельзя жить: Мы склоняемся перед Вами и просим защиты»[2]. Далее Боромбай указывал: «Тезек с этой стороны, рассылая своих послов — тюленгутов, с другой стороны — подговорив своих визирей, Айт-Бузум-Саурука и Тазабека, берет наши табуны... Тезек пишет к нам письма и называет нас своими подчиненными»[3].

Боромбай считал, что султан Тезек не имеет права повелевать бугинцами, поскольку они такие же подданные России, как и казахи Старшего жуза.

В этом же письме Боромбай настойчиво просил Перемышльского выслать русский отряд на озеро Иссык-Куль и построить укрепление, чтобы надежно обеспечить бугинцев. «Поступая на подданство,— писал Боромбай,— мы надеялись приобрести спокойствие, но беспокойства еще более увеличились... Сам г. Корпусный дал нам письменное наставление, что мы сделались Вашими подданными и что Ваш враг — наш враг, наш

---

[1] ЦИВ Каз. ССР, ф. 2, д. 32а, л. 3—7.
[2] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32 а, л. 3—7.
[3] Там же.

враг — Ваш враг, Урман-батыр не враг ли?.. ташкентцы и сарыбагыши со всеми зачуйскими племенами киргиз Большой Орды и дикокаменными не дадут нам покоя. Поэтому мы покорнейше просим поставить курган на наше озеро, на солнечную сторону гор, без чего нельзя. В третьем году, в первой нашей просьбе, мы писали об этом. Теперь мы, склонив шеи свои, сделались подданными Великого Государя»[1].

Младший сын манапа Ормона Чаргын от имени манапа Уметалы ездил к султану Тезеку с жалобой на убийство бугинцами Ормона и в подарок вез ему невесту, плененную у бугинцев. Боромбай впоследствии писал об этом Перемышльскому, указывая, что сарыбагыши обратились к Тезеку... с жалобой на Богу и отвезли в подарок одну сироту, доставшуюся им из Богу, Али Султану также подарена сирота. У детей Урмана найдется и более сирот, доставшихся из рода Богу». Однако Тезек, будучи подданным Российской империи и зная, что бугинцы также недавно приняли русское подданство, не решился оказать помощи сарыбагышам против бугинцев, а предложил свое посредничество в разборе их конфликтов[2]. Но Боромбай отнесся отрицательно к предложению Тезека. Только представителей русского правительства считал он правомочными разбирать это дело.

С получением письма Боромбая Перемышльский дал соответствующие указания казахским правителям о невмешательстве в дела племен бугу и сарыбагыш и о возвращении захваченного у бугу скота. Старшему султану Тезеку Перемышльский направил письмо с категорическим требованием прекратить притеснения бугинцев со стороны правителей соседних казахских племен, в частности Тазарбека и Саурука. В письме было сказано: «Ты слышал слова генерал-губернатора: что за негодяев будем отвечать я и ты? Ибо беда обрушится на наши головы. Пожалуйста, приезжай на эту сторону, прикажи возвратить скот, украденный у Бугу, и в особенности накажи Саурука и Тазабека. Кажется, этим джигитам своих голов не сносить, и

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32а, л. 3—7.
[2] Там же.

ежели ты не успокоишь их, то я сам за них примусь»[1]. Биям Албановских волостей Сауруку и Тазабеку Перемышльский писал: «До меня дошли от Богу жалобы, что Айт-Бузумы делают воровства. Ежели ты не возвратишь им украденного скота, то я сам возвращу и тогда ты береги свою голову»[2].

Что касается просьбы бугинцев о присылке русских отрядов на Иссык-Куль и возведении там укреплений, то за соответствующим решением он обратился к Гасфорду.

9 сентября 1855 г. Перемышльский отправил обратно Качыбека, придав ему казачий отряд в числе 40 человек под начальством хорунжего Лутшева. Последний обязан был проводить его до реки Кеген. Вместе с Качыбеком находился и Файзулла Ногаев. Ему поручалось своевременно извещать русское командование о всех событиях на озере Иссык-Куль, а также обратиться к влиятельному манапу сарыбагышей Джантаю с предложением об установлении мира и согласия между бугинцами и сарыбагышами.

Лутшеву было предписано по прибытии на реку Кеген заняться разрешением споров между казахами и бугинцами. 20 сентября Лутшев прибыл в аулы казахского бия Атамкула и приступил к решению порученных ему задач. Спор по поводу возвращения угнанного у бугинцев скота был решен положительно. Саурук, Тазабек и другие возвратили бугинцам значительное количество голов скота[3]. Взаимоотношения бугинцев с соседними казахскими племенами албан и суban стали улучшаться.

Файзулла Ногаев, находясь еще в дороге, 13 сентября обратился со специальным письмом к манапу Джантаю. Ногаев призывал Джантая взять на себя инициативу в примирении сарыбагышей с бугинцами, поскольку теперь, после смерти Ормона, его можно считать главным манапом племени сарыбагыш. Ногаев писал: «До меня доходят слухи о войне детей Урмана с родом богу... Много уже пролито крови и много по-

---

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32а, л. 10—11.
[2] Там же, л. 10—13.
[3] Там же, д. 32, л. 60.

страдали богу. Силой своей и влиянием над своими киргизами кончи это напрасное кровопролитие»[1].

Действительно, после смерти Ормона Джантай был наиболее влиятельным манапом племен сарыбагыш. В войнах между бугинцами и сарыбагышами он почти не принимал участия. При жизни Ормона Джантай не находился в его подчинении, как, например, манапы Торогельды, Калыгул, Адыл и другие. Джантай и тогда в известной мере играл самостоятельную роль среди сарыбагышей. На этой почве между Ормоном и Джантаем возникали трения. Джантай с подвластными ему родами тынай держался обособленно и не всегда соглашался участвовать в набегах Ормона на другие племена. В битве между бугинцами и сарыбагышами, в которой погиб Ормон, Джантай также участия не принимал. И теперь он под разными предлогами отклонял просьбы Уметалы о поддержке. Именно поэтому Файзулла Ногаев обратился к этому манапу, надеясь, что он может сыграть роль посредника в установлении мира между бугинцами и сарыбагышами.

Письмо Ногаева возымело некоторое действие. Джантай хотя и не добился от Уметалы прекращения набегов на бугу, но приказал подвластным ему сарыбагышам не принимать в них участия. Эта позиция Джантая определила не только отношение к нему представителей русских властей, но и его трения с сыновьями Ормона. Уметалы, претендовавший на роль главного манапа, не мог найти общий язык с Джантаем, который имел уже большое влияние среди сарыбагышей. Именно эти обстоятельства явились главной причиной пассивного отношения Джантая к войне против бугинцев.

На Джантая, как и на крупного манапа солтинцев Джангарача, оказывало в это время давление Кокандское ханство, требуя, чтобы они поддерживали Уметалы и Торогельды. Кокандское правительство всячески стремилось извлечь для себя как можно больше пользы из междоусобной борьбы и путем поддержки сарыбагышей добиться подчинения бугинцев вновь Кокандскому ханству. В этом отношении уже были достигнуты не-

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32, л. 14.

которые результаты. Для занятия своих исконных земель у Иссык-Куля бугинцы вынуждены были обещать выплату зякета кокандцам и разрешить им постройку укреплений. Боромбай пока соглашался на все требования Коканда для того, чтобы обезопасить себя от нападения сарыбагышей и кокандцев. Кокандцы, видя покорность бугинцев и их согласие выплатить весь зякет, оказывали со своей стороны влияние на Уметалы и не допускали его набегов на бугинские айылы. Однако мелкие набеги сарыбагышей и угон отдельных табунов скота продолжались.

Боромбай, отправляя Качыбека в Верный, как мы отмечали, убедительно просил пристава киргизов Большой Орды о присылке на Иссык-Куль русских отрядов. Теперь он нетерпеливо ждал его возвращения. В середине сентября, получив известие о выступлении из Верного Качыбека и сопровождавшего его русского отряда, который должен был идти только до реки Кеген, Боромбай направил письмо Качыбеку и Ногаеву. Рассказывая о тяжелом и безвыходном положении бугинцев, Боромбай просил Качыбека и Ногаева привести на Иссык-Куль русские отряды навсегда. Он говорил, что необходимо прогнать кокандцев, уже строящих укрепление в кочевьях бугинцев, и доказывал необходимость обоснования здесь русских отрядов для защиты подданных России бугинцев. «К волостям нашим,— писал Боромбай,— с той стороны, из рода Султы и Джантая и Джангарач-батырей и от сарыбагышей приезжают послы, а также и кокандский сборщик остается на зиму; говорят, что владения эти наши, заставляют нас делать теперь же курган; подати просит отдать полностью, а курган делает крепкий и большой... народ в страхе удивляется и говорит, что если пристав, считая нас своим народом, не спасет от этих сарыбагышей, то мы сами сделать этого не в состоянии... почетные в народе начинают говорить, что если русские не придут, а зима наступит и провизия истощится и мы, если придут кокандцы, не приобретем расположения их и не сохраним сами себя, то погибнем. Сарыбагыши каждодневно угоняют скот и мы, завися от двух государств, разоримся. В которую бы сторону не пошли: на

Сырт или на Нарын,— если не сохраним сами себя, мы погибли. Так толкует народ наш»[1].

Хорунжий Лутшев по получении известия о нахождении кокандцев в кочевьях бугинцев и уступая настоятельным требованиям Качыбека и просьбам Боромбая, решил поехать на Иссык-Куль. Но ко времени прибытия отряда Лутшева на Иссык-Куль находившиеся здесь кокандцы, заранее получив известие о движении отряда, уже оставили берега озера. Лутшев в своем донесении приставу Перемышльскому от 2 октября писал: «По прибытии моему сарты бежали, некоторых принял и объявил, чтобы они не смели собирать без всяких письменных видов пошлин и принуждать верноподданных киргизов Российскому престолу возобновлять свои укрепления»[2].

Глиняное укрепление, которое кокандцы перед тем начали воздвигать, было разрушено.

Лутшеву пришлось вмешаться в распри между бугинцами и сарыбагышами. Ко времени прибытия отряда Лутшева сарыбагыши были готовы к очередному нападению на аилы бугинцев. После прибытия русского отряда бугинцы, ободренные этим, выступили против сарыбагышей, но не решались атаковать их аилы. Сарыбагыши со своей стороны также не нападали, предполагая, что бугинцы будут поддержаны прибывшим русским отрядом. Простояв несколько дней, бугинцы вернулись обратно, а Боромбай обратился к Лутшеву с предложением отправить посланцев от бугу и от имени русского отряда к сарыбагышам с предложением мира, а также просить их послать представителей к начальнику отряда для переговоров. Лутшев изъявил согласие и послал с письмом к сарыбагышам дулатовского бия Джайнака и есаула Мунгача.

Сарыбагыши согласились примириться с бугинцами и отправили своих представителей во главе с Саза к Лутшеву. На вопрос Лутшева — хотят ли сарыбагыши мириться или нет? — Саза ответил, что сарыбагыши хотят мира, так как они и сами являются подданными Российской империи[3]. Тогда Лутшев предложил пред-

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32а, л. 19—20.
[2] Там же, л. 49—50.
[3] См. ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32а, л. 33—34.

ставителям бугинцев снова отправиться к сарыбагышам и попросить манапов Уметалы, Торогельды и Калыгула лично явиться для решения всех споров, возникших между бугинцами и сарыбагышами. Но сарыбагышские манапы под различными предлогами откладывали срок своей явки и не явились до самого ухода Лутшева.

Лутшев пробыл в кочевьях бугинцев около 20 дней и в конце октября возвратился в Верный. После ухода отряда Лутшева сарыбагыши вновь предприняли нападение на бугинцев и произвели страшное разорение. Среди сарыбагышей было некоторое число кокандцев[1]. Качыбек в конце октября в своем письме приставу указывал: «Лишь только 40 человек ушли, они, выставив лошадей[2], начали взаимную перестрелку, где из родных наших убиты: сын нашего старшего брата, меньший брат Бурумбая и сын Бурумбая же. Битва так была жестока, что нельзя было знать, кто жив, кто мертв. Их отряды, соединившись во множество, жестоко разбили... Каждый с душевной горестью бежал, куда глядел, и все рассеялось. Сделавшись подданными государя, мы желаем стоять в одном слове, а поэтому, обратясь как подданые государя в сторону киргиз (казахов Большой Орды.— Б. Д.), также подданных одному падишаху, мы пришли на Санташ и разослали людей, чтобы собрать передних и задних киргиз своих, разбежавшихся на Сырт, Текес и в киргизские волости для самосохранения[3].

Во время последней битвы бугинцев с сарыбагышами потери с обеих сторон были значительны[4]. Разоре-

[1] Манап Джантай в этом нападении участия не принимал, а впоследствии выкупил у Уметалы свою дочь, выданную за сына бугинского манапа Мураталы и захваченную в плен.

[2] Киргизы обыкновенно при сражении выставляли впереди себя конские табуны в качестве прикрытия.

[3] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32а, л. 36—34.

[4] Из знатных сарыбагышей в числе убитых были сын Ормона Сеиль-хан, манап Калыгул и другие. Торогельды был ранен. Кокандцев погибло двое, из которых один был начальником сборщиков зякета, по имени Тумалак-ходжа. Бугинцы потеряли до 150 человек, в числе их были сын и брат Боромбая и племянник Качыбека. Был ранен Файзулла Ногаев. Очевидно, потери бугинцев даются в уменьшенном виде, так как данные представлены приставом Большой Орды генерал-губернатору Западной Сибири. (См. донесение пристава Большой Орды к корпусному командиру от 4 ноября 1855 г. за № 682. ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32а, л. 58—59).

нию подверглось до 5000 бугинских юрт, около 200 женщин и детей бугинцев попали в плен к сарыбагышам. Боромбай в своем письме к новому приставу Большой Орды полковнику Хоментовскому о пленении его семьи и о своем разорении писал следующее: «Во-первых, из несчастных, попавших в руки неприятеля: старшая жена с четырехлетней дочерью. Из имущества, бывшего с женою, увезено — одежда, повязанные на поясе три заукля и 9 жамб...[1], вьючный верблюд со всей домашней утварью, а также все данные мне награды от государя, в числе коих сабля и печати, равно и награда от Китайского Джангджуна (губернатора). Две младшие жены с малолетними дочерьми, 11 человек прислуги. Скота моего с сыновьями: до 2000 баранов, до 50 верблюдов... После меня жестоко потерпел поражение бий Мурат-Али»[2].

Вот что писал Боромбай о судьбе Качыбека: «Что же касается до Качыбек-батыря, то он, избавившись благополучно от сарыбагышей, в тот же день, когда было нападение, будучи поражен страхом, день и ночь безостановочно бежал присоединиться к албанам; албановцы же, выехав к нему навстречу, разбив его, разграбив скот, все имущество разделили между собой. При этом умерла жена, одна женщина и мальчик»[3].

В этом же письме, напоминая о своей прежней убедительной просьбе к хорунжему Лутшеву остаться на зиму на Иссык-Куле, Боромбай еще раз просил пристава: «Поставьте нам небольшой курган, хотя с небольшим числом русских, коих видя, неприятель из страху не приблизится»[4].

С приближением зимы бугинцы стали беспокоиться, так как на Текесе оставаться зимой было невозможно. Поэтому они еще раз вступили в переговоры о мире с сарыбагышами. Условием перемирия сарыбагыши снова поставили выплату куна — выкупа за Ормона. В качестве куна они требовали выдачу 100 лучших девушек, вклю-

---

[1] Щёкюле — головной убор невест, украшенный драгоценными камнями, золотом и серебром; жамб — серебряные слитки.

[2] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32а, л. 64—66.

[3] Там же.

[4] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32а, л. 64—66.

чая дочерей манапов Боромбая, Мураталы и Качыбека, и впридачу к ним тысячу отборных коней[1].

Это условие не было принято Боромбаем, и в декабре он вновь отправил Качыбека в Верный к приставу с просьбой разрешить вопрос о военной помощи и содействии в устройстве на зиму на принадлежавших бугинцам кочевьях, откуда они были вытеснены сарыбагышами. Качыбек прибыл в Верный, представился полковнику Хоментовскому и передал ему все подробности последней битвы бугинцев с сарыбагышами. Одновременно и Уметалы послал к Хоментовскому своего человека с письмом, в котором оправдывал свои поступки по отношению к бугинцам. В письме он со своей стороны объявлял себя преданным России и заявлял, что во всех столкновениях сарыбагышей с бугинцами виноваты последние, так как они убили его отца Ормона и теперь отказываются платить за него кун — выкуп.

Хоментовский, узнав о тяжелом положении бугинцев, предпринял ряд мер по оказанию им помощи. Он написал письмо манапу Уметалы с наставлением и резким требованием не предпринимать более враждебных действий против бугинцев и этим доказать свое верноподданство Российскому государству. В случае нового нападения Уметалы на бугинцев Хоментовский угрожал выступить со своим отрядом для его наказания. В письме к Уметалы он писал 31 декабря 1855 года: «Я получил Ваше письмо с изъявлением Вашей преданности и поспешаю на него отвечать: мне известны Вы за человека, который всегда готов был исполнить и выполнить все добрые советы. Я уверен, что и теперь Вы последуете моему совету, который клонится к вашему же благополучию. В письме своем вы называете себя нашими подданными, но несмотря на это, вы завели бесконечную неприязнь с Богу — нашими действительными подданными. Вы не должны никогда забывать, что наш великий падишах всегда защищает своих подданных, считая врагов их своими врагами. До сих пор много пролито крови за смерть Урмана, и я советую вам прекратить эту неприязнь, оставаясь по-прежнему в дружбе с Богу и с нами. Еще один с вашей стороны неприязнен-

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32а, лл. 64—66.

ный поступок против Богу вынудит меня заступиться за них и тогда сарыбагыши дорого поплатятся. Вразумите это вашим родичам и постарайтесь прекратить эту войну, если вы признаете себя, по словам вашим, нашими подданными»[1].

Письмо пристава оказало определенное влияние на Уметалы. Кроме того, наступившая зима также ограничивала возможности новых военных операций. Одновременно пристав строго предлагал старшему султану Тезеку, чтобы и он не допускал враждебных действий подвластных ему биев по отношению к бугинцам и оказал последним поддержку.

Для обеспечения безопасности бугинцев пристав оказал также нажим на племена солто и сарыбагыш. Получив сведения о просьбе Уметалы к манапам Джангарачу и Джантаю о помощи и предполагая, что при соответствующем давлении кокандцев помощь с их стороны возможна, Хоментовский постарался отвлечь внимание подвластных этим манапам племен набегами казахов Старшего жуза. С этой целью он стал допускать и даже поощрять нападения казахских барымтачей на подвластные Джангарачу и Джантаю киргизские айылы. Такую политику применял до этого и Перемышльский.

Гасфорд, вполне одобряя такого рода действия пристава Большой Орды, писал: «Вполне одобряя действия ваши относительно поколебания союза детей Урмана с Джантаем и Джангарачем, поддерживанием вражды киргиз Большой Орды против рода султы и сарыбагышей, я представляю Вам для удержания Тезека от вмешательства в распри дикокаменных киргизов и водворения порядка между албанами, написать от моего имени ему письмо, в котором, между прочим, прошу Вас сказать, что если Тезек не переменит своего поведения в отношении Буромбая и не перестанет вмешиваться в дела дикокаменых киргизов, то я приму против него самые строгие решительные меры»[2].

В связи с участием кокандцев в борьбе сарыбагышей с бугинцами Гасфорд дал указание приставу заявить протест кокандским властям.

---

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32а, лл. 73—74.
[2] Там же, лл. 30—31.

«Когда бы кокандцы вздумали устроить действительно там укрепления,— писал Гасфорд,— нужно им от Вашего имени написать, что род Богу находится в подданстве и покровительстве российского правительства и что затем на обложение его ясаком или на причинение ему других обид они не имеют права, ежели хотят с нами жить как добрые соседи. Бумага эта послужит протестом»[1].

Получив директиву Гасфорда, Хоментовский стал более решительно требовать невмешательства кокандцев в дела бугинцев. Наряду с этим Хоментовский резко потребовал от старшего султана Тезека изменения отношения подвластных ему казахских биев к бугинцам. Он писал 1 ноября 1855 г. Тезеку Нуралиеву: «Неотлагательно и непременно разобрать все дела Богу и их удовлетворить. Скажите Тазабеку, что он потеряет свою голову, если еще я услышу хоть одну на него жалобу»[2]. Казахи племени албан и субан, в особенности правители родов айтбозум Тазабек, а также и Саурук в дальнейшем прекратили грабежи бугинцев.

Однако Хоментовский в этом году, ввиду наступившей уже зимы, не мог удовлетворить просьбу Качыбека и Боромбая о высылке русских отрядов на Иссык-Куль. После получения разрешения генерал-губернатора и более точного выяснения возможности возведения укреплений на берегу озера Иссык-Куль он решил выслать туда отряд весной 1856 г., о чем писал в письме к Боромбаю[3].

Таким образом, бугинцы не были еще окончательно избавлены от угрозы нового нападения сарыбагышей. Зиму 1855—1856 гг. они провели в исключительно трудных условиях. Многие бугинцы и их семьи, особенно бедняки, оказались на грани полного разорения.

* * *

Как уже указывалось, в междоусобных раздорах сарыбагышей и бугинцев немалую роль играли кокандцы. Принятие бугинцами в 1855 г. подданства России дало основание кокандцам рассматривать их как своих вра-

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 2, д. 32а, л. 30—31.
[2] Там же, л. 42.
[3] Там же, л. 41.

гов. В таких условиях сарыбагыши, воевавшие против бугинцев, могли прежде всего рассчитывать на поддержку кокандских властей. Последние использовали эти межплеменные раздоры не только для того, чтобы вновь подчинить своей власти бугинцев, но и для прочного укрепления своего господства над сарыбагышами. То обстоятельство, что бугинцы находили постоянную поддержку со стороны пристава Большой Орды, послужило для кокандцев поводом изображать русские власти Западной Сибири как врагов сарыбагышей.

К осени 1855 г. кокандцам удалось в значительной степени укрепить свое господство почти над всеми чуйскими киргизами, в особенности над солтинцами, подвластными манапу Джангарачу. В середине октября кокандским властям удалось с участием группы киргизов организовать набег на Заилийский край. Впоследствии главный манап солтинцев Джангарач обратился к полковнику Хоментовскому со специальным письмом, в котором доказывал, что подвластные ему айылы непричастны к набегу. Кроме того, Джангарач, объявляя себя и подвластное ему население подданными России, писал: «Род султы, отделения Булекпай и Талкан, в числе коих и почетный Джангарач, три или четыре года уже подданные Русского Государя...[1]

Джангарач упоминает здесь о том, что летом 1855 г. во время приезда Гасфорда в Верный и происходивших там собраний казахских султанов и старшин «Джантай и Джангарач отправили туда своих представителей: Джантай — своего сына Шабдана, а Джангарач — одного из видных манапов Корчу». Представители киргизских манапов передали желание их племен стать подданными России. Но вскрое об этом узнал кокандский наместник в Пишпеке и подверг за это наказанию подвластные Джантаю и Джангарачу айылы, наложив на них штраф лошадьми. Джангарач в связи с этим писал: «После чего, страшась смерти, я не имел сообщения с русскими. Вот тому причина. Об отправлении за это 220 лошадей известно всем булекпаям и талканам»[2].

Хоментовский после детального выяснения обстоя-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, док. 16.
[2] Там же.

тельств нападения пришел к выводу о необходимости укрепления дружественных отношений с чуйскими киргизами, в том числе с булекпаями. «Нет сомнения,— писал он в своем донесении Гасфорду 10 февраля 1856 г.,— что булекпаи, находясь теперь, так сказать, между двух огней — ташкентцев и нас,— находятся в крайности и при всех жестокостях и злоупотреблениях со стороны ташкентцев готовы прийти под нашу защиту и покровительство, чего теперь при нашем водворении здесь достигнуть нам было бы полезно, стараясь привязать к себе манапов Джантая и Джангарача, которые пользуются большим влиянием в дикокаменном народе»[1].

В специальном письме, адресованном Джантаю, Джангарачу и другим правителям чуйских киргизов, Хоментовский призывал их сохранять в дальнейшем мир и дружбу. «Я буду,— писал он,— оставаться с вами снова в дружбе и мире, как были русские до сих пор с вами, если только вы поддержите его со своей стороны.

Скажу еще несколько слов:

О тебе, Джангарач, а также о Джантае я слышал много хорошего от старшего султана Али Адилева и поэтому уверен, что если вы дадите добрый совет булекпаям и сарыбагышам нас и подданных русского царя богинцев не затрагивать, то они Вас послушают и мы со всеми вами будем жить в мире и согласно»[2].

Хоментовскому удалось настолько улучшить отношения с чуйскими киргизами, что представители болокпаев даже стали просить его о принятии их в русское подданство. Хоментовский поставил об этом в известность Гасфорда. «Я нахожу вообще,— ответил Гасфорд,— что подданных нам ордынцев уговаривать к этому не следует, дабы они не подумали, что принимая их в свое подданство мы заискиваем их дружбу или в них нуждаемся. Если же просьба булекпаев о принятии их под защиту и покровительство русского правительства будет искренняя и может иметь полезное влияние на прочих ордынцев, то можно их обнадежить»[3].

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, док. 16.
[2] Там же, док. 12.
[3] Там же, д. 27, док. 27.

Улучшение взаимоотношений Хоментовского с чуйскими киргизами облегчило весною 1856 г. организацию экспедиции на озеро Иссык-Куль для производства рекогносцировки местности, возведения укрепления и защиты бугинцев. 9 февраля 1856 г. Гасфорд одобрил решение Хоментовского об организации экспедиции на Иссык-Куль. «Одобряю,— писал он,— все предложения ваши относительно высылки весною текущего года небольшого отряда казаков на Иссык-Куль для возведения там укрепления в кочевьях дикокаменных киргизов рода Богу»[1].

Весною 1856 г. к Хоментовскому обратился с письмом манап Уметалы. Он еще раз изъявлял свою преданность России, просил примирить его с бугинцами и жаловался на нападение со стороны казахов Старшего жуза, которые отогнали у подвластных ему айылов много скота.

10 мая 1856 г. Хоментовский выступил из укрепления Верного с отрядом казаков. К отряду присоединились со своими джигитами поручик султан Аблас, бий Джайнак и некоторые другие бии, обязавшись выполнять различные разведывательные поручения. От бугинцев в качестве проводников были вызваны три человека. В экспедиции участвовал Ч. Валиханов[2]. Перевалив через горный проход Санташ, Хоментовский со своим отрядом в конце мая прибыл в устье реки Тюп. Сюда он пригласил влиятельных албановских биев, в том числе Тазабека, для рашения споров по барымте между бугинцами и албанами, а также представителей сарыбагышей для решения вопросов, связанных с примирением их с бугинцами.

Однако главной целью Хоментовского было строительство укрепления на берегу озера Иссык-Куль. Против ожиданий некоторое противодействие этому стал оказывать манап Боромбай, прежде неоднократно настаивавший на необходимости прибытия русского отряда и возведении на берегу Иссык-Куля укреплений.

Следует заметить, что такая поцизия Боромбая определялась главным образом временными факторами. Когда в связи с нападением сарыбагышей и кокандцев

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 15, док. 15.
[2] Там же, д. 17, док. 43.

у бугинцев создалась очень опасная обстановка, Бормбай сам умолял пристава Большой Орды о присылке русского отряда на берег Иссык-Куля. Когда же его положение улучшилось, он стал опасаться постоянного нахождения в его кочевьях русского отряда.

В донесении на имя Гасфорда Хоментовский писал: «Ясно, что он опасается нас, и в укреплении видит уже первый шаг водворения русских на озере... Я успокоил его на этот счет, сказав, что мы пришли собственно по его просьбе и по окончании дел и по собрании необходимых сведений возвратимся на Алма-Ата, а укрепление, если он не желает, строить не будем»[1].

Хоментовский действительно отказался от возведения укреплений и ограничился лишь постройкой временных помещений для отряда. Наряду с этим была начата топографическая съемка северного берега озера. В начале июня, во время продвижения отряда по северному берегу озера на запад, Хоментовский встретил группу бугинцев, ездивших на барымту к сарыбагышам, а также группу сарыбагышских барымтачей. Стало очевидным, что, несмотря на строгое наставление, стычки между обоими племенами продолжались. Хоментовский еще раз предложил бугинцам прекратить барымту, а к правителям сарыбагышей обратился с просьбой явиться к нему для разбора спорных вопросов и примирения с бугинцами. В донесении Гасфорду он писал 7 июня 1856 г.: «Я отправил бугинцев при письме к манапу Буронбаю и просил его под опасением строгого моего наказания воспретить богу барантовать скот у сарыбагышей, а сих последних возвратил с письмом к Умед-Али, сыну Урмана, прося его поспешить приездом своим ко мне для полюбовного решения всех дел с богу и взаимного их примирения»[2].

В середине июня Хоментовский отправил небольшой отряд под начальством хорунжего Жеребятьева на западную оконечность озера Иссык-Куль, к реке Кетмалды для рекогносцировки. В это время в горном проходе реки Шаты группа бугинских барымтачей совершила нападение на почту, направлявшуюся от устья реки Тюп к передовому отряду. Нападение было отбито. По этому по-

[1] ЦГИА Узб. ССР,ф. 715, оп. 1, д. 17, док. 50.
[2] Там же.

воду Хоментовский выразил протест Боромбаю, указав, что подобные поступки в дальнейшем заставят его применить строгие меры наказния.

Рекогносцировочный отряд, разведав местность до реки Кетмалды, выяснил, что в этих пределах никаких айылов сарыбагышей не осталось. В начале второй половины июня другой рекогносцировочный отряд, посланный Хоментовским под командованием урядника Сомова, также подвергся нападению барымтачей, которые после трехчасовой перестрелки отступили и скрылись в горных ущельях. После этого рекогносцировочному отряду хорунжего Жеребятьева пришлось еще раз столкнуться с сарыбагышскими барымтачами, у которых было отбито 58 лошадей и захвачено 5 пленных. Пленные показали, что они принадлежат манапу Адылу, родственнику Уметалы, и что они ходили на барымту к казахам племени дулат и кашкоро без ведома своих правителей. Хоментовский после допроса отпустил пленников, а на имя Адыла написал письмо с просьбой принять строгие меры к прекращению барымты против бугинцев и казахов. Он указывал, что в противном случае трудно будет разрешить вопрос о принятии их в подданство России и что они могут,наоборот, подвергнуться наказанию со стороны русских властей.

Уметалы и другие представители сарыбагышей на приглашение Хоментовского не явились. Поэтому примирение двух враждующих племен не состоялось. Однако айылы сарыбагышей откочевали далеко на запад от озера Иссык-Куль. Между бугу и сарыбагышами фактически установился мир.

Экспедицией были достигнуты важные результаты. Помимо топографической съемки значительной территории по северному берегу озера Иссык-Куль, были изучены с точки зрения хозяйственной и берег, а также само озеро.

На прибытие отряда Хоментовского бугинцы смотрели как на возможность совершить победоносный поход против сарыбагышей и отомстить им за все прежние их набеги. Поэтому категорическое указание Хоментовского о прекращении набегов против сарыбагышей вызвало с их стороны недовольство. В донесении Гасфорду Хоментовский писал: «Богу с недоверчивостью смотрят на

наши действия на запрещение мое ездить им на барымту к сарыбагышам. Горя ненавистью к последним, они готовы ополчиться на них поголовно, если мы не окажем содействие»[1]. Однако отряд Хоментовского не имел враждебных целей по отношению к сарыбагышам, как это представляли себе бугинцы. Хоментовский вынужден был неоднократно убеждать Боромбая, что он прибыл сюда не для нападения на сарыбагышей, а для защиты бугинцев от нападения и для примирения их с сарыбагышами.

При посредничестве Хоментовского отношения бугинцев с албанами приняли самый мирный характер. Все споры, существовавшие между ними на почве барымты, были урегулированы. Это обстоятельство значительно укрепило положение бугинцев в дальнейшем.

В конце июня Хоментовский получил указание Гасфорда возвратиться в Верный. Считая цель экспедиции в основном достигнутой, Гасфорд находил, что возведение в землях бугинцев постоянного укрепления пока преждевременно. Кроме того, необходимо было возвращение Хоментовского в Заилийский край, где в это время заметно активизировалась враждебная деятельность кокандских отрядов и барымта, подстрекаемых ими чуйских киргизов с казахами. К приставу Большой Орды Гасфорд писал: «Принимая в соображение, что: 1) Бурунбай, относительно двуличности которого не могло быть сомнения, ибо никому из киргиз, особенно родоначальникам, слепо верить нельзя — теперь сам просит, чтобы посты на Иссык-Куле не занимать; 2) Что примирение его с сарыбагышами, в чем и состояла первая причина и повод командирования отряда на Иссык-Куль, уже совершилось под покровительством нашего отряда и 3) что за тем нет особенного повода оставаться с отрядом на Иссык-Куле, занятие коего укрепленным постом преждевременно и в настоящих обстоятельствах бесполезно и не должно быть исполнено... Объявить... родоначальнику сарыбагышей и Бурумбаю, что за примирением их нет более надобности отряду оставаться на Иссык-Куле, что русские ничего более не желают как только, чтобы они жили между собой в согласии и дружбе под покровительством нашего государя, и что затем, если

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, док. 62.

сарыбагыши действительно желают вступить в верноподданство России, имея твердое намерение отказаться от подданства кокандцев, то об этом я не замедлю довести всеподданнейше до сведения Его Императорского Величества»[1].

С получением предписания Гасфорда Хоментовский 23 июня с отрядом выступил с реки Аксу по направлению к Верному. По дороге он оставил поручика Яновского с частью отряда и с топографами для производства съемки реки Джергалана, а также рек Каркыра и Чарын в кочевьях албанов. Вызванный им Боромбай по болезни не мог явиться. К нему на реке Мерке явились манап Качыбек и некоторые бии, которым Хоментовский передал наставление генерал-губернатора о необходимости жить с албанами и сарыбагышами в мире[2].

В донесении Гасфорду Хоментовский впоследствии оправдывал поведение Боромбая в отношении строительства укрепления, указав, что тот поступает так под давлением своего народа и других манапов.

Излагая свои впечатления о бугинцах и сарыбагышах, в кочевьях которых побывал, Хоментовский в донесении на имя Гасфорда писал: «Вообще о богу могу сказать, что это народ чрезвычайно трусливый... Имея в виду, что сарыбагыши для будущих видов нашего правительства могут быть нам полезны, я во всех случаях выказывал к ним внимание и могу сказать, что этот род во всех нравственных отношениях стоит выше богу. Они более повинуются своим родоначальникам, и нынешние притеснения кокандцев и усиленный ими сбор зякета расположили сарыбагышей в нашу пользу»[3].

Оставив основную часть отряда под начальством хорунжего Жеребятьева на реке Челеке, Хоментовский 6 июля прибыл в Верный.

Важное значение имело участие в экспедиции Ч. Валиханова, который впервые осуществил сбор ценных

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, док. 54.

[2] Там же, док. 67.
За оказание бугинцами содействия отряду, выразившегося в предоставлении лошадей, верблюдов, а также трехсот баранов для пищи, Хоментовский роздал подарки бугинским биям. Боромбаю он выдал от себя столовый серебряный прибор.

[3] Там же.

этнографических и фольклорных материалов. Валиханов впоследствии писал: «Знакомство мое с бурутами началось еще в 1856 году во время двухмесячного пребывания в восточной половине озера отряда полковника Хоментовского; находясь при экспедиции, я посетил аул Боронбая, собрал несколько замечательных преданий и составил записки о дикокаменных киргизах. Впоследствии я имел столкновения с другими племенами: сарыбагышами, солто и, наконец (в 1858—1859 гг.), ознакомился с их кочевьями до самого «Кашгара»[1].

Хотя время пребывания Валиханова среди киргизов было непродолжительным, он сумел собрать ценный материал по их истории, этнографии и устной поэзии. Ценные сведения Валиханов оставил также по истории киргизов в период Кокандского ханства.

Во время отсутствия Хоментовского спокойствие в Заилийском крае несколько раз нарушалось кокандцами и той частью киргизов, которые были им подвластны. В июне группа киргизских барымтачей выступила против казахов, совершавших набеги на их айлы. Эта группа напала близ реки Или на русский транспорт, следовавший из укрепления Верный, и разграбила его. Солдаты, сопровождавшие транспорт, были захвачены в плен. Как выяснилось впоследствии, эти киргизы принадлежали к сарыбагышам и предприняли набег под давлением кокандцев. В ответ на это казахи Старшего жуза из племени дулат, подвластные султану Али, в числе 300 человек предприняли набег на киргизские айлы племени солто и захватили около 1000 лошадей, в числе которых были и лошади, принадлежавшие кокандцам. Но на обратном пути казахи на реке Чу были настигнуты киргизами и кокандцами, которые отбили у них около 600 лошадей и захватили в плен 13 человек. Один казах был убит.

В начале августа киргизы отделения тынай из племени сарыбагыш, подвергшиеся незадолго перед этим нападению со стороны казахов племени дулат, предприняли ответный набег на Заилийский край. В количестве 400 человек они напали на реке Каскелен на аулы ка-

[1] Ч. Ч. Валиханов. Очерки Джунгарии. Зап. РГО, кн. 2, 1861, стр. 44.

захского бия Джайнака и угнали 500 голов скота. Во время нападения было убито 6 казахов и 10 захвачено в плен.

Получив об этом известие, полковник Хоментовский срочно отозвал с Челека отряд Жеребятьева и стал готовиться к выступлению против сарыбагышей. Семенов-Тян-Шанский так писал о причине этого предприятия: «Дулаты, лишенные большого количества своих табунов и стад, обратились к своему русскому начальству с просьбой о помощи и защите. Предоставить дулатов собственной участи и оставить безнаказанным разбитие русского транспорта значило потерять сразу всякое нравственное значение в недавно занятом крае и открыть путь дерзким попыткам Кокандских и Каракиргизских набегов к неокрепшему еще, но уже значительному, русскому поселению Верного»[1].

Кроме того, перемещение отряда вызывалось просьбой манапа Уметалы, стоявшего во главе части сарыбагышей, отделения есенгул. Эти сарыбагыши не принимали участия в набеге против казахов. В их айылах незадолго до этого было убито 7 кокандских сборщиков зякета. Непосредственные виновники убийства были казнены. Сам Уметалы и манап Торогельды некоторое время находились в заключении в крепости Мерке[2]. После этого кокандцы стали всячески натравливать солтинцев против подвластных Уметалы сарыбагышей. Бессильный противостоять кокандцам, Уметалы в начале августа обратился к Хоментовскому с просьбой прислать ему русский отряд для помощи в борьбе с нападающими на него солтинцами[3].

Но не успел Хоментовский выступить, как произошло нападение подвластных Джантаю сарыбагышей на казахские аулы. В письме Гасфорду Хоментовский доносил о том, что он вынужден был выступить против сарыбагышей, подвластных Джантаю: «Сообразив весь вред, причиняемый сарыбагышами, подвластными Джантаю, нашим киргизам, и дерзость последнего набега, совер-

[1] Поездка из укрепления Верного через горный перевал у Суок-Тюбе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 году. Зап. РГО по общ. геогр., 1867, т. I, стр. 112.

[2] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 27, док. 62.

[3] Там же, д. 17, док. 75.

шенного вблизи укрепления,— писал Хоментовский,— я решился напасть на ближайшие аулы, разорить их и угнать скот»[1].

С отрядом в 200 человек Хоментовский выступил из Верного 13 августа. Пройдя, не замеченный сарыбагышами, через труднопроходимые горные проходы Беш-Мойнок, он достиг долины реки Чу. Через разведчиков ему удалось выяснить расположение сарыбагышей. Их многочисленные айылы, принадлежавшие к отделению тынай, подвластны манапу Джантаю, занимали тогда всю долину реки Чу, несколько выше укрепления Токмак, а стада и табуны их паслись на горных склонах обоих берегов реки.

17 августа на рассвете Хоментовский врасплох напал на два айыла сарыбагышей, которые в панике бежали, оставив свои юрты и скот. Вместе с русским отрядом в этом нападении принимало участие значительное число казахов, пострадавших от набега сарыбагышей. Хоментовский сообщал: «...бывшие с нами киргизы в мгновение ока бросились в юрты, закололи сопротивляющихся, захватили что могли и взяли жен и детей с целью вести их к себе для выкупа своих пленных»[2].

Во время этого нападения было захвачено до 2000 лошадей, около 1000 голов рогатого скота и до 3000 баранов. После разгрома айылов отряд Хоментовского выступил в обратный путь, но переправа через реку Чу отняла у него много времени. Опомнившись от поражения и получив значительное подкрепление от булекпаев, сарыбагыши начали преследовать отряд Хоментовского. Движение Хоментовского по гористой местности и ущельям, вместе со стадами скота, было очень трудным. Семенов-Тян-Шанский по поводу обратного движения отряда писал: «Сначала двинулись в гору табуны, быстро гонимые русскими и киргизами (т. е. казахами.— Б. Д.), потом стада и партии киргизских всадников и все эти нестройные массы замыкались долженствовавшим прикрывать их движение немногочисленным русским отрядом, беспрестанно задерживаемых скучением передовых масс на самых узких и опасных местах пути.

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 27, док. 62.
[2] Там же.

Сарыбагыши между тем оправились от панического страха, превосходно знакомые с местностью, успели с помощью кокандцев не только надвинуть на русский отряд густые массы всадников, но и обойти его со всех сторон, устроили засады в ущельях и долинах, ведущих к горному перевалу через Алатавский хребет. Лучшие стрелки сарыбагышей, вооруженные своими турками (ружья с фитилями), засели между скалами и меткостью своих выстрелов сделались крайне опасными для растянувшегося отряда. На своих киргизов рассчитывать было нечего: большая часть их с легкостью азиатских конников успела уже ускакать вперед с гонимыми табунами. Для русского отряда оставался один исход: пробиться силой через толпы кара-киргизов, бросая постепенно по дороге отбитые стада, сбор и гон которых отвлекал на некоторое время сарыбагышей от нападения на отряд»[1].

Отряд Хоментовского, понеся некоторые потери, перешел перевал, после чего сарыбагыши прекратили преследование. 20 августа отряд прибыл в Верный.

Для предупреждения нового нападения со стороны кокандцев и сарыбагышей Хоментовский по прибытии на место выставил отряд в 20 верстах от Верного, а также выделил постоянные разъездные группы казахов.

В это время в Заилийский край впервые прибыл русский путешественник и ученый Семенов-Тян-Шанский. С конвоем в 14 человек 2 сентября он выступил из Верного для исследования восточной оконечности озера Иссык-Куль. Хоментовский предупредил его, что там трудно в это время найти бугинцев, оставивших эти места вследствие войны с сарыбагышами. И действительно, летом этого года, после ухода с Иссык-Куля отряда Хоментовского, вновь началась барымта между бугу и сарыбагышами. Бугинцы вынуждены были вновь откочевать в пограничные с Китаем районы — Каркыра и Текес. В связи с этим Боромбай, несмотря на принятое им подданство России, вынужден был угождать и китайским властям Синьцзяна. Семенов-Тян-Шанский, располагавший более обстоятельными сведениями об этом, писал: «...вследствии продолжительной и кровавой распри между двумя соседними племенами каракирги-

[1] См. Семенов П. П. Указ. соч., стр. 114.

зов — сарыбагышами (подданными Кокандского ханства) и богинцами (подданными России — Б. Д.), последние бежали с Иссык-Куля на восток, а первые еще не осмелились занять родовых богинских земель, то есть восточной половины иссык-кульского бассейна. Конечно, можно было наткнуться на блуждающие шайки (баранту) той или другой стороны, но всю эту племенную распрю каракиргизов Хоментовский считал благоприятным обстоятельством для моего путешествия...»[1].

9 сентября Семенов благополучно прибыл на берег Иссык-Куля к устью реки Тюп. Айылов бугинцев здесь в то время не оказалось. Повсеместно встречались следы происходивших столкновений. Семенов писал: «На дороге нашей мы встречали в большом количестве остатки разорванных юрт, очевидно, здесь происходили нынешней весной баранты и побоища между обоими каракиргизскими племенами»[2].

Обследовав восточную оконечность озера, Семенов 16 сентября вернулся в Верный.

Вскоре Хоментовский, идя навстречу желаниям Семенова, организовал новую экспедицию в район западной оконечности Иссык-Куля, где кочевали сарыбагыши. Экспедиция должна была носить исключительно мирный характер. Семенов ставил своей целью научное обозрение этой части Иссык-Куля. Но Хоментовский хотел знать, в каком положении находятся сарыбагыши, разузнать, какое впечатление произвело на них появление его отряда в Чуйской долине, и узнать о потерях сарыбагышей.

21 сентября Семенов с отрядом в 90 человек выехал из Верного, имея проводников казахов. По дороге, в 40 верстах от Верного, отряд Семенова неожиданно натолкнулся на группу барымтачей, разграблявших караван ташкентских купцов, шедший в Верный. С частью своего отряда Семенов преследовал барымтачей на некотором расстоянии, но догнать их ему не удалось.

25 сентября отряд Семенова достиг Чуйской долины, где айылов сарыбагышей уже не было. Семенов предполагал, что напуганные сарыбагыши ушли на озеро Ис-

[1] *Семенов-Тян-Шанский.* Путешествие в Тянь-Шань с 1856—1857 гг. М., стр. 94.

[2] Там же.

сык-Куль, куда он и решил отправиться через ущелье Боом. Это решение было смелым, так как держать путь по труднопроходимому ущелью, имея у себя в тылу кокандские укрепления Токмак и Пишпек, а впереди недавно подвергшиеся нападению отрядов Хоментовского айылы сарыбагышей, было делом чрезвычайно рискованным.

Несмотря на это, отряд Семенова продолжал путь по Боомскому ущелью и 25 сентября, уже выходя из ущелья, наткнулся на маленький айыл. В юртах оказались только женщины и дети, которые при приближении отряда бросились ему навстречу, приняв его за врагов и умоляя о пощаде. Семенов дружелюбно и ласково встретил их, роздал им подарки и объяснил через переводчика, что враждебных намерений по отношению к ним отряд не имеет и что он идет к манапу Уметалы, с которым хочет быть тамыром, т. е. верным другом. Здесь он узнал, что айылы сарыбагышей находятся на западной оконечности Иссык-Куля. Вскоре Семенов прибыл туда и объявил, что он пришел в гости к Уметалы и враждовать с сарыбагышами не собирается.

Вот что он пишет об этом: «Здесь нас ожидала прекрасная юрта, наскоро приготовленная для объявивших себя гостями Умбет-Алы. В юртах были разостланы богатые ковры, и когда я уселся на них, то в юрту вошли брат и дядя манапа с некоторыми другими почетными лицами и заявили, что самого Умбет-Алы не было дома, так как он будто бы уехал верст за тридцать в долину реки Кочкорка приготовлять байгу, то есть тризну по убитым сарыбагышам»[1].

Семенов объяснил представителям сарыбагышей, что он прибыл для установления дружественных отношений между русскими властями, казахами и киргизами. Он сказал, что между русскими и киргизами должны существовать дружественные отношения, что в дальнейшем не должны иметь место барымта или набеги между казахами и киргизами, которые легко могут перейти в настоящую войну. Он объявил при этом, что по закону русского государства всякие нарушители порядка и спокойствия подвергаются наказанию, и далее заявил, что

[1] *П. П. Семенов-Тян-Шанский.* Указ. соч., стр. 117.

приехал к Уметалы, чтобы быть с ним тамыром. В самой гуще сарыбагышских айылов Семенов со своим небольшим отрядом остался переночевать.

Перед самым приездом Семенова на Иссык-Куль туда прикочевали и присоединились к айылам Уметалы айылы сарыбагышей, подвластных манапу Джантаю. Сам Джантай под предлогом приготовления к байге также не являлся.

Таким образом, Семенов благополучно провел экспедицию на западную оконечность озера Иссык-Куль. Он до некоторой степени был удивлен таким благополучным исходом своего рискованного путешествия. «Таким образом,— писал Семенов,— столь недавние враги, готовившиеся только, как мы узнали впоследствии, праздновать аш, т. е. тризну по своим убитым в бою с русскими, вместо враждебной встречи готовили нам почетный прием. Казаки едва верили глазам своим и подозревали, что тут кроется какое-нибудь коварство... Каракиргизы чрезвычайно уважают права гостеприимства и на байгу (скачку) и борьбу, сопровождающие их аши и народные праздники, допускают батырей (витязей) враждебных племен»[1].

27 сентября Семенов, передав подарки Уметалы, со своим отрядом выехал из его айыла и направился в обратный путь, лежавший через перевал Дюрен в Кунгей-Алатоо и далее через долину Кемин. Сарыбагыши подарили ему несколько лошадей и быков для перевозки грузов.

В эту поездку Семенову, между прочим, удалось впервые установить, что озеро Иссык-Куль истока не имеет, в частности, река Чу не является его истоком, как было принято считать до этого. Так ученый опроверг существовавшие до тех пор ошибочные мнения западных географов, в частности Гумбольдта.

1 октября Семенов со своим отрядом благополучно возвратился в Верный. Недолго пробыв там, он вскоре выехал в Копал, а оттуда при содействии начальника Копальского округа подполковника Абакумова предпринял поездку на китайскую границу и побывал в городе Кульдже у российского консула Захарова.

---

[1] *П. П. Семенов-Тян-Шанский.* Указ. соч., стр. 133.

Поездка Семенова на Иссык-Куль внесла заметное улучшение во взаимоотношения русских властей с киргизами, в частности с сарыбагышами. Западносибирская русская администрация считала очень важным установление дружественных отношений с киргизами и потому не одобрила военного столкновения Хоментовского с киргизами в 1856 г.

В октябре 1856 г. Гасфорд писал Хоментовскому: «Нам прежде всего нужно упрочить наши казачьи водворения в Заилийском крае, расположить... к себе разные колена дикокаменных киргизов, поддерживая в них недовольствие и враждебный дух против коканадцев стараться всячески избегать с ними новых неприязненностей и враждебных столкновений»[1].

Экспедиция Хоментовского в кочевья бугинцев, поездки Семенова на восточные и западные оконечности озера Иссык-Куль, продолжительное пребывание на Иссык-Куле отряда Яновского[2] привели к тому, что симпатии к России среди северных киргизов значительно возросли. Что касается казахов Старшего жуза, то в это время господство России в их кочевьях упрочилось окончательно.

В связи с упрочением положения России в Заилийском крае и необходимостью создания здесь прочной базы для дальнейшего наступления в глубь Киргизии и Кокандского ханства Гасфорд нашел необходимым образовать особый округ в составе Западносибирского генерал-губернаторства. Ходатайство Гасфорда нашло поддержку, и в конце 1856 г. из Заилийского края был создан Алатовский округ[3].

К концу 1856 г. было значительно усилено укрепление Верный. В прилегающих к Верному местностях возникли казачьи станицы — Большая и Малая Алма-Атинские. Переселенцы были наделены достаточными земельными

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, док. 85.

[2] С 10 мая по 10 октября Яновским были сделаны топографические съемки местности на озере Иссык-Куль, по северному его берегу до урочища Кисенгыр и по юго-восточному берегу до реки Джуукы, где проходила главная караванная дорога в Кашгар. Были сняты также земли, начиная от перевала Санташ до истоков рек Каркыра и Чарына. См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, док. 87.

[3] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, док. 91.

угодьями[1]. Весной 1857 г. царская администрация решила увеличить число переселенцев в Семиреченском крае. Это способствовало упрочению господства России на границе с Китаем. Сибирский переселенческий комитет разрешил крестьянам Западной Сибири переселяться в Семиреченский край, но с условием последующего зачисления их в разряд казаков. Переселенцам предоставлялись все те льготы и пособия, которые были даны царским указом от 8 февраля 1854 г. первым переселенцам на Урджаре, Лепсу и Заили[2].

В январе 1857 г. Хоментовский был отозван, а на его место назначен ранее служивший в Заилийском крае полковник Перемышльский. Он придерживался более осторожной политики. «Гасфорд,— отмечал Семенов,— ...теперь нашел человека безусловно честного и опытного по службе в Сибири, очень спокойного и рассудительного...»[3]

Между тем на Иссык-Куле после ухода отряда Хоментовского, а затем Семенова вновь начались распри между бугинцами и сарыбагышами. После откочевки бугинцев в долину Текес Уметалы с подвластными ему сарыбагышами занял кочевья бугинцев, где и прозимовал. Только на южном берегу Иссык-Куля оставались в это время зимовать управляемые манапом Самсалы бугинские роды кыдык и джелден, отколовшиеся от Боромбая. Боромбай же по-прежнему продолжал обращаться к начальнику Алатовского округа с просьбами о посредничестве в деле примирения с сарыбагышами. С такой же просьбой обращался и Уметалы, но, как полагает Перемышльский, он делал это с намерением добиться нейтралитета русских властей.

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 18, док. 7.

[2] В Семиреченском крае решено было водворить за рекой Или на урочище Талгар 97 крестьянских и 25 казачьих семейств, на Иссык-Куле — 100 крестьянских и 25 казачьих семейств, на Илийском пикете и у переправы через р. Или — 10 крестьянских семейств. В пикете Кок-Суйском, где в 1856 г. был построен «царский мост» и где проходили торговые пути из Копала в укрепление Верный и г. Кульджу, было поселено 15 крестьянских и 5 казачьих семейств. Исполняющий обязанности окружного начальника полковник Абакумов наметил ряд пунктов для переселенцев также в Копальском округе. (См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 18, док. 7).

[3] *Семенов-Тян-Шанский.* Путешествия в Тянь-Шань..., стр. 141.

Весной 1857 г. сарыбагыши вновь всей своей силой обрушились на бугинские роды кыдык и джелден. Поскольку бугинцы считались законными подданными Российской империи, Перемышльский нашел нежелательным оставить их без защиты и допустить занятие сарыбагышами их кочевий на восточном берегу озера и хребта Кунгей-Алатоо, где проходили главные торговые дороги в Кашгар. Естественно, что русские власти стремились закрепить на этой территории бугинцев. В своем донесении Гасфорду 19 апреля 1857 г. Перемышльский писал: «...надо отправиться на места кочевий богу на Иссык-Куль и попробовать их примирить; в случае же неуспеха оставить там... казаков, которых и держать до осени не с тем, чтобы вместе с богу напасть на сарыбагышей, а только, в случае нападения последних, оказывать Бурунбаю защиту. Этою мерою лучше всего Умбет-Али вынужден будет идти к примирению»[1].

В мае 1857 г., когда в Заилийский край вновь прибыл Семенов, вражда между бугинцами и сарыбагышами не была еще окончена и взаимные набеги продолжались. Бугинцы заняли долину Текеса и Каркыра и снова оказались в затруднительном положении в части исполнения своего долга как подданные России. Не получая необходимой помощи от еще слабых в Заилийском крае русских властей, бугинцы вынуждены были маневрировать. Семенов, характеризуя взаимоотношения между бугинцами и сарыбагышами в этот период и определяя значение данных событий с точки зрения утверждения над киргизами власти России, писал: «Война между обоими каракиргизскими племенами, владевшими бассейном Иссык-Куля, была еще в полном разгаре.— Семенов далее указывает,— богинцы, вытесненные кокандскими подданными — сарыбагышами из всего бассейна Иссык-Куля, стремились вернуть себе принадлежавшую им восточную половину Иссык-Кульского бассейна, а потому решились вступить в переговоры с приставом Большой Орды о принятии их в русское подданство, обусловливая это подданство поданием им немедленной защиты от врагов, их одолевавших. Это было по отношению к каракиргизам началом того процесса, через который прошла вся кир-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 18, док. 61.

гизская степь, начиная от Малой Орды, войдя род за родом в русское подданство. Каждый род, в него вступивший, избавлялся тем самым от баранты со стороны родов, находившихся уже в русском подданстве, и мог победоносно бороться со следующим, еще не зависимым родом, так как чувствовал себя под покровительством и защитой России. Тогда и следующий род, окруженный со всех сторон возможными врагами, вынужден был искать себе в свою очередь спасения в переходе в русское подданство.

Перемышльский со своим простым здравым смыслом понимал это положение соседних с ним кочевников и чувствовал неизбежность принятия бугинцев в русское подданство, а с другой стороны, сознавал необходимость дать им в какой бы то ни было форме помощь именно в данную минуту»[1].

Не имея разрешения Гасфорда на организацию военной экспедиции на Иссык-Куль, Перемышльский решил воспользоваться поездкой Семенова-Тян-Шанского. Казачий отряд, назначенный сопровождать Семенова, был усилен. Перемышльский обратился также к султану Тезеку с просьбой выступить со своими силами вместе с Семеновым на восточные оконечности озера Иссык-Куль для обеспечения защиты бугинцев от сарыбагышей. Приглашенный к Перемышльскому старший султан Тезек Нуралиев, будучи русскоподданным, согласился оказать помощь бугинцам. Одновременно, в начале июня, к Перемышльскому прибыл от Уметалы посланец с письмом, в котором были изложены жалобы сарыбагышей на бугинцев. Не отвечая на письмо Уметалы, Перемышльский передал через посланного, что, поскольку бугинцы являются подданными России, то и земля, занятая ранее ими, является подвластной и принадлежащей России. Он просил Уметалы оставить эти земли. Требования Перемышльского были выполнены, и сарыбагыши, оставив восточное побережье Иссык-Куля, откочевали далеко на его западную сторону. Уметалы опасался выступившего из Верного русского отряда, сопровождавшего Семенова, а также передвижения султана Тезека к урочищу Каркыра.

---

[1] *Семенов-Тян-Шанский.* Указ. соч., стр. 142.

29 мая 1857 г. Семенов с отрядом казаков выехал из Верного. Путь его лежал через перевалы Сейректаш и Тарайгыр. 7 июня он достиг кочевья бугинцев на реке Малая Каркыра. Главный манап бугинцев Боромбай, положение которого в это время было критическим, встретил Семенова с большой радостью. Семенов разъяснил Боромбаю основную цель своего путешествия. Поскольку дорога Семенова лежала по Джуукунскому ущелью, для Боромбая открывалась возможность возвратить свои земли и пашни, а также садовые насаждения по реке Джууку. Боромбай предоставил Семенову необходимое число лошадей и верблюдов для продвижения экспедиции в глубь Тянь-Шаня. С небольшим отрядом, состоявшим из 49 казаков, 9 июня Семенов направился к Джуукунскому ущелью. По дороге он встетил группу бугинских пленных, отпущенных только накануне откочевавшими с берега Иссык-Куля сарыбагышами. Семенов благополучно добрался до истоков реки Нарын и произвел ценные научные исследования.

На обратном пути среди гор Семенов неожиданно наткнулся на «мертвое поле» битвы, на котором произошла кровавая схватка бугинских родов кыдык и джельден с сарыбагышами весной 1857 г.

Бугинские роды кыдык и джельден, подвергшиеся нападению на южном берегу озера, с большими потерями вышли на плоскогорье Джуукунского перевала, преследуемые по пятам сарыбагышами. На Джуукунском плоскогорье они были с двух сторон настигнуты отрядами Уметалы, гнавшимися за ними по пятам, и Торогельды, обходившим их со стороны верховьев Нарына. После отчаянного боя судьба этих бугинских родов была решена. Только незначительной части удалось спастись бегством, остальные пали на поле битвы. «Род кыдык,— писал Семенов-Тян-Шанский,— был богат и силен: он мог один выставить 3000 всадников, способных носить оружие, а стадам и табунам его не было счета. У родоначальника кыдыков, бия Самсалы, в частной его собственности считалось не менее 3000 лошадей; но Самсалы, гордый и заносчивый, поссорившись с манапом Бурумбаем, имел неосторожность откочевать со всем своим родом и расположиться уединенно на юго-восточной оконечности Иссык-Куля. Сарыбагыши, сторожившие по-

стоянно за непримиримыми своими врагами, тотчас воспользовались этой неосторожностью, обошли Иссык-Куль, отрезали кыдыков от сообщения с остальными бугинцами и неожиданно напали на беззащитные их аулы. Панический страх овладел кыдыками; они бежали со всеми стадами и имуществом куда могли и, наконец, потеряв 500 человек убитыми и 1200 взятыми в плен, бросились через высокий Заукинский проход на Малую Бухарскую сторону Тянь-Шаня, которую и хотели обойти для соединения со своими соплеменниками. Стада, конечно, погибли на дороге, и Самсалы, потеряв все свое богатство и часть своего семейства, едва мог возвратиться к Бурумбаю со слабыми остатками своего рода»[1].

Во время пребывания на Иссык-Куле Семенов написал письмо на имя Уметалы с предложением примириться с бугинцами. В своем ответе Уметалы отказывался начать переговоры о примирении до разрешения всех споров между сарыбагышами и бугинцами. Уметалы предлагал произвести подсчет потерь со стороны бугинцев и сарыбагышей, причем потери людьми расценивать не вообще, а по их принадлежности к белой или черной кости. От себя в качестве подарка Семенову — своему тамыру, бывшему в его доме гостем в прошлом году, Уметалы отправил плененное сарыбагышами семейство Боромбая и свою сестру, жену сына Боромбая, передав их всех на личное его усмотрение. Этих пленных Семенов передал Боромбаю[2].

Во время пребывания Семенова на Иссык-Куле русское командование получило подробные сведения о вспыхнувшем восстании против китайских властей в Восточном Туркестане.

В волнениях, происходивших в Западном Китае, постоянно принимали участие пограничные с Кашгарией киргизы, в том числе бугинцы, летние кочевья которых на Каркыре и Текесе непосредственно соприкасались с

---

[1] *П. П. Семенов.* Первая поездка на Тянь-Шань в 1857 г. Вестник Русск. Геогр. об-ва, т. 23, вып. 5, стр. 11—12.

[2] В свою очередь Семенов передал для Уметалы подарки: 12 лучших коней, предоставленных ему Боромбаем, 6 кусков кавказских шелковых тканей, несколько роскошных казанских изделий, шитых золотом, и другие ценные предметы. (См. Семенов-Тян-Шанский. Указ. соч., стр. 208).

владениями Китая. Ходжи — претенденты на престол, свои походы на Кашгар обычно подготовляли на территории Киргизии. Киргизия в этом отношении представляла благоприятную почву. Население Восточного Туркестана, имевшее большие экономические и культурно-политические связи с киргизами, легко передавало им свою ненависть к владычеству китайских феодалов. Кроме того, власть китайских феодалов еще продолжала держаться над рядом пограничных с Китаем киргизских племен. Для них участие в антикитайском восстании являлось путем освобождения от иноземного гнета.

При таком положении дел Россия, территориальные владения которой теперь с присоединением Заилийского края и принятия подданства России бугинцами непосредственно граничили с Западным Китаем, не могла остаться безучастной к происходившим там событиям. Еще не были твердо уточнены границы с Китаем в районах кочевий киргизов и казахов Старшего жуза. В 1857 г. русское консульство в Чугучаке было сожжено[1].

В начале 1858 г. русское правительство вступило в переговоры с Китаем о водворении вновь Российского консула в Кульдже и Чугучаке. Одновременно, в январе 1858 г., Чокан Валиханов был отправлен Гасфордом вместе с татарином Файзулой Ногаевым в Верный для дальнейшего следования в айыл манапа Боромбая. Валиханову было предложено собирать всеми возможными способами сведения о населении, торговле, политическом и военном положении Восточного Туркестана, а также устроить совещание с манапами бугинцев по поводу обеспечения дальнейшей их безопасности[2]. По прибытии снаряженного в Семипалатинске торгового каравана в Верный Валиханов должен был присоединиться к нему и под видом торговца-родственника караван-баши проехать в Кашгар.

Намеченный в Кашгар торговый караван взялся организовать в Семипалатинске купец Букаш Аюпаев. К этому делу он привлек еще нескольких бухарских торговцев и образовал караван из 100 верблюдов и 50 лоша-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 18, док. 121.

[2] Валиханову были даны подарки для Боромбая и других бугинских старшин на сумму 160 р. 75 коп. и, кроме того, 200 руб. деньгами.

дей. В середине мая 1858 г. караван вышел из пределов Семипалатинской области с товарами на сумму 18300 руб. и 13 июня на реке Каратал, где к нему присоединился Валиханов, переодетый в одежду торговца под именем Алым-бая, родственника караван-баши — Мусабая[1].

Действительной целью посылки каравана было обеспечение успеха порученного Валиханову дела[2]. Караван в начале августа достиг перевала Санташ, где к нему присоединился казачий отряд из сотни казаков для охраны каравана до Джукунского ущелья на южной стороне озера Иссык-Куль. 6 августа караван достиг кочевья бугинцев и был встречен бугинским манапом Карачом. Далее караван пришел в айыл Бурсука, старшины небольшого поколения рода кыдык. Старшего манапа бугинцев Боромбая в это время уже не было в живых. Он умер еще в начале мая этого года, и теперь бугинцы в 90-й день его смерти, раскинув свой айыл на широкой долине Кеген, готовились торжественной байгой отпраздновать тризну по своему главному «родоначальнику».

Здесь, в кочевьях бугинцев, караван имел столкновение с кокандскими сборщиками зякета, требовавшими

---

[1] Имя Алим Валиханову было дано не случайно. Букаш знал, что лет двадцать тому назад из Кашгара в Семипалатинск приехал торговец с малолетним сыном, имя которого было Алим. Впоследствии этот кашгарский торговец со своим сыном уехал в Саратов и более о них ничего не было известно. Но Букаш хорошо знал, что он обратно в Кашгар к своим родственникам не возвратился. Поэтому Букаш решил выдать Валиханова за Алима, уже подросшего и, следовательно, значительно изменившегося. (См. соч. Чокана Чингисовича Валиханова. Зап. РГО по отд. этнографии, т. 24, Спб., 1904, стр. 26).

[2] В своем донесении министру иностранных дел от 26 июля 1858 г. Гасфорд указывал: «В бытность мою в Семипалатинске я вновь подтвердил Букашу Аюпаеву, чтобы в предприятии этом он не гнался за выгодами и барантами, а помышлял исключительно об успехе порученного ему дела, согласовал направление каравана с желанием агента нашего. Хотя купец Букаш Аюпаев по старости лет и по недавним смутам в Кашгарии отказался идти сам с караваном, но поручил его своему сыну, приказав ему действовать во всем согласно с желанием нашего правительства, что также и подтверждено и караванбаши, которым назначен Мусса Бей, ташкентец, проживающий в Копале». (ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 20, док. 142).

выплаты торговой пошлины[1]. Кокандцы, после небольшой схватки с торговцами, вынуждены были отказаться от своих намерений. После этого караван, оставив айыл бугинцев, через Джукунское ущелье благополучно прошел в Кашгар. Караван вернулся в следующем году весной через Нарын. Во время пребывания в айыле бугинцев и движения каравана по территории Киргизии в Кашгар и обратно Ч. Валиханову удалось осуществить ценные для науки наблюдения и исследования[2]. Особенно ценными были собранные им сведения по истории киргизов периода кокандского завоевания, родоплеменному составу киргизов, киргизскому эпосу «Манас» и др.

Наряду с отправкой каравана в Кашгар Гасфорд решил сам лично ознакомиться с положением дел в Заилийском крае и на границе с Кашгарией. В конце мая 1858 г. он выехал из Омска в Верный. Одновременно генерал-губернатор предложил Перемышльскому двинуть казачий отряд к горному проходу Санташ для защиты бугинцев от нападения сарыбагышей, а также с целью прекратить междоусобия внутри бугинцев, возникшие в связи с предстоящим избранием нового старшего манапа вместо умершего Боромбая, прежде чем кокандцы успеют воспользоваться этими раздорами. Правда, в связи с угрозой нападения сарыбагышей междоусобия среди бугинцев большого распространения не получили. Еще до прибытия Гасфорда в Верный Перемышльский с отрядом отправился к Санташу и вызвал к себе всех главнейших манапов бугинцев, разделяющихся на две группы, из которых одна в известной мере ориентировалась на Россию и стояла за избрание Качыбека или сына Боромбая. Перемышльский предложил согласовать свой выбор и поехать в укрепление Верный для представления Гасфорду.

Бугинские манапы остановили свой выбор на сыне Боромбая, которому было двадцать лет. Гасфорд в Вер-

---

[1] Валиханов пишет: «Кокандский юз-баши (сотник), присланный из Пишпека для сбора с бугинцев зякета (бугинцы хотя русские подданные, но все-таки не пренебрегают ни кокандцами, ни китайцами) приехал в караван с 6 солдатами и потребовал, чтобы заплатили пошлину. Его спросили: какую пошлину и за что? Юз-баши обиделся, отбил до 300 баранов и, загнав их на гору, стал торжественно охранять добычу». (См. указ. соч., стр. 76).

[2] На основании этих сведений Валиханов впоследствии написал свою известную работу об Алтышаре. См. Ч. Валиханов. Указ. соч.

ном устроил прием бугинским манапам и дал свое согласие на кандидатуру сына Боромбая, как временно избранного в должности старшего манапа. В дальнейшем, если он оправдает доверие и выбор его еще раз будет подтвержден манапами, он должен утверждаться в этой должности постоянно. Гасфорд дал некоторые общие наставления бугинским манапам о сохранении ими взаимного согласия, чтобы таким образом лишить кокандцев возможности, пользуясь междоусобной борьбой, вмешиваться в их дела. «Затем,— доносил Гасфорд,— раздав всем бывшим у меня бугинским манапам обычные подарки, я отпустил их обратно в горы, подтвердив оказывать всякое пособие и покровительство нашим торговым людям и караванам вообще»[1].

Но в то же время и кокандцы уговаривали бугинцев отправить своих представителей к хану для окончательного определения их дальнейших позиций по отношению к Коканду. Правитель Ташкента требовал прибытия в Пишпек главных бугинских манапов, последние отвергли это требование, боясь, что они могут быть там задержаны в качестве заложников. Но посланцы в Ташкент все же были отправлены. Отправка в Ташкент представителей бугинцев объяснялась особым их положением в этот период. Не имея реальной поддержки со стороны русских властей, на которую бугинцы могли бы опереться в своей борьбе с Кокандом, и находясь под угрозой внезапного нападения сарыбагышей, подталкиваемых и поддерживаемых кокандцами, бугинцы занимали в это время двойственное положение. Обо всем происходившем у них бугинцы письменно уведомляли начальника Алатовского округа[2]. Кроме того, среди бугинцев жил русский агент Файзула Ногаев, который своевременно сообщал Перемышльскому обо всех событиях в среде бугинцев, особенно в отношении кокандцев. Перемышльский, как и раньше, просил султана Тезека оказать немедленную помощь бугинцам в случае нападения на них

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 20, док. 142.

[2] Например, в письме бугинцев, полученном Перемышльским в начале 1858 г., сообщалось об их посольстве в Ташкент и об отказе их манапов поехать к кокандскому военачальнику в Пишпек. (См. донесение начальника Алатовского округа к Гасфорду от 8 мая 1858 г., за № 179).

сарыбагышей, на что Тезек изъявлял готовность. Поездки Семенова и Валиханова в айылы бугинцев, а также другие меры, принятые начальником Алатовского округа, временно парализовали попытки кокандского хана к восстановлению своей власти над бугинцами.

Однако положение бугинцев оставалось трудным. Они стали объектом политических интриг и игры между крупными государствами. Вследствие этого они вынуждены были занимать нередко двойственную позицию. И только дальнейшие активные действия России могли внести окончательную ясность в неустойчивое положение бугинцев и обеспечить им прочное политическое положение и спокойствие, необходимые для нормальной жизни.

* * *

Таким образом, в 1850-х гг. были сделаны первые практические шаги, направленные к утверждению Царской России в Северной Киргизии. Несмотря на напряженность и сложность международного положения России, создавшегося накануне Крымской войны, и тяжелое поражение, понесенное царизмом в этой войне, колонизационное движение в сторону Северной Киргизии продолжало развиваться.

В 1854 г., с основанием укрепления Верного, в Заилийском крае господство России прочно утвердилось в кочевьях казахов Старшего жуза. Царизм вплотную подошел к пределам Северной Киргизии. Происходившие в это время среди северных киргизов межплеменные раздоры, в частности борьба между манапами бугу и сарыбагыш, создали благоприятные условия для царских властей Алатовского округа к вмешательству во внутренние дела этих племен. Царские власти умело использовали также барымту и феодальные войны киргизов с казахами Старшего жуза. Произвол и насилие, осуществлявшиеся кокандскими чиновниками, тяжелый ханско-феодальный гнет, которому подвергалось киргизское население, неизбежно толкали основную массу киргизского народа на поиски выхода из этого положения, к принятию российского подданства. Принятию русского поддан-

ства способствовали и многочисленные притеснения киргизов со стороны феодального Китая, которым особенно подвергались племена бугу, черик и чонбагыш, кочевавшие в пограничных с Западным Китаем районах Киргизии.

Вследствие всех этих обстоятельств прииссыккульские киргизы племени бугу окончательно приняли в 1855 г. русское подданство.

После Крымской войны царская Россия не только не ослабила, но в некоторых пунктах, в частности в Средней Азии, активизировала свое колонизационное движение. Овладение Средней Азией царизм рассматривал как своего рода реванш за крымское поражение. Именно после Крымской войны было поставлено в качестве неотложной задачи соединение Сибирской и Сыр-Дарьинской линий. Соединение Сибирской и Сыр-Дарьинской линий, связанное в основном с закреплением господства царской России в Казахстане и на подступах к среднеазиатским ханствам, одновременно решало вопрос и о колонизации Северной Киргизии, так как линия соединения должна была идти через Чуйскую долину. В этот же период, в связи с расширением торговых связей России с Западным Китаем, выросло значение караванного пути на Кашгар. Удобнейший торговый путь в Кашгар и Западный Китай пролегал через территорию Киргизии. Необходимость обеспечения безопасности торговых путей ускоряла утверждение господства России не только в Чуйской долине, но и во всей Северной Киргизии.

■

Глава вторая

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИРГИЗОВ С КОКАНДСКИМ ХАНСТВОМ И РОССИЕЙ В КОНЦЕ 50-х ГОДОВ

Весной и летом 1857 г. позиция Кокандского ханства пошатнулась во всей Северной Киргизии. Антикокандские волнения среди киргизов Чуйской долины и казахов, кочевавших в окрестностях Аулие-Ата и Чимкента, вылились в восстание, носившее национально-освободительный характер. Непосредственным толчком к восстанию явился произвол ташкентского бека Мирза-Ахмета, который беспощадно взыскивал зякет, а у бедняков, обремененных недоимками, отбирал детей и отдавал в работники богатым.

Восстание казахов и киргизов началось успешно. Чимкент и Аулие-Ата были осаждены восставшими, один кокандский отряд около Пишпека был разбит. Это обстоятельство заставило Мирза-Ахмета лично выступить из Ташкента с крупными военными силами и вначале рассеять восставших под Аулие-Ата. Но вскоре он вынужден был укрыться в крепости. Положение Мирза-Ахмета в осажденной крепости было очень тяжелым, и спастись ему удалось лишь благодаря прибытию в Аулие-Ата новых подкреплений ханских войск, посланных из Коканда. Только после этого восстание было подавлено.

Киргизы Чуйской долины, принимавшие участие в восстании против Коканда, снова стали искать Россий-

ского подданства. Гасфорд в своем отношении на имя генерал-губернатора Оренбургского края отмечал 23 сентября 1857 г.: «...еще одно многочисленное колено рода сарыбагыш просило о поступлении в подданство его величества государя императора»[1].

Хотя хану и удалось подавить восстание казахов и киргизов 1857 года, однако внутреннее положение ханства оставалось трудным. В конце 1857 г. начались волнения среди кипчаков и киргизов Ферганской долины. Нередко оказывали непокорность и отдельные правители крупных городов. В этом отношении особенно выделялись правители Ташкента.

Одной из главных причин частых волнений в Кокандском ханстве была непомерная тяжесть налогов и произвол представителей власти. Катенин в донесении министру иностранных дел от 27 января 1858 г. указывал: «...поборы с народа огромны и собираются при всевозможной несправедливости и насилиях, так что не только киргизы, но даже сами кокандцы желают будто бы нашего покровительства и с нетерпением спрашивают, скоро ли русские овладеют Туркестаном»[2].

Несмотря на продолжавшиеся внутренние волнения, кокандскому хану все же удавалось оказывать сопротивление наступательному движению вооруженных сил империи как на Сыр-Дарьинской линии, так и со стороны Западной Сибири.

К осени 1857 г. кокандское правительство значительно увеличило численность своих гарнизонов в Чуйской долине[3]. В Аулие-Ате стоял сильный гарнизон. В его обязанность, кроме сбора зякета, входило наблюдение за казахскими племенами, пытавшимися уйти из-под власти кокандского хана на территории, подвластные России.

Боясь совместного выступления казахов и киргизов, кокандское правительство стало искусственно разжигать национальную рознь между ними, подстрекая против киргизов сыновей султана Кенесары.

Все это дало возможность кокандским правителям на некоторое время снова утвердить свою власть над

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 18, док. 21.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 18, л. 16.
[3] См. там же, док. 140.

северными киргизскими племенами (за исключением бугинцев). Большинство кокандских военных укреплений в Северной Киргизии вновь было занято сильными гарнизонами, обеспечивавшими полное подчинение киргизов власти хана. Кокандцы рассылали также письма биям и султанам казахов Старшего жуза, не решаясь, однако, предпринять какие-либо военные действия против Заилийского края.

Весной 1858 г. в Пишпек со своими отрядами прибыли кокандские военачальники Рустамбек и Пир-Мухаммед. Вслед за ними прибыл также комендант крепости Аулие-Ата Атабек-датха. Отдельные его отряды стали переходить на правый берег реки Чу и совершать нападения на казахские аулы. Атабек заставил принять участие в нападении на казахов манапов Джангарача и Торогельды. Одновременно Атабек обратился к влиятельным казахским султанам и биям, в частности к султану Али, с призывом перейти на сторону кокандцев[1]. В казахские аулы были отправлены представители кокандского хана для переговоров с целью склонить казахов на сторону Коканда. В качестве таких представителей были посланы коменданты Пишпека Алишер-датха, сын Джантая Шабдан, родственник Джангарача Бошкой и сын его Чолпонбай[2]. Действия манапов чуйских киргизов в это время определялись главным образом давлением на них кокандских военачальников. Двойственное поведение Джангарача было вынужденным, что очевидно из следующего донесения Перемышльского Гасфорду от 21 мая 1858 г: «...Джангарач, в знак покорности и мира, прислал мне пулю со своей печатью, что он сделал тайно от ташкентцев, ибо они строго за ним присматривают»[3].

В ответ на деятельность кокандских властей Перемышльский весной 1858 г. выступил с отрядом из Верного[4]. Казахские аулы, опасаясь возможных военных

---

[1] Текст письма см. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 19, док. 56.

[2] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 19, док. 56.

[3] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 19, док. 95.

[4] Его отряд состоял из 3 рот пехоты, одного взвода конной артиллерии, 200 казаков и 2 ракетных станков. В отряде находился со своими джигитами старший султан Тезек. (См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 19, док. 56).

столкновений между кокандцами и заилийским отрядом, массами стали перекочевывать ближе к укреплению Верному. Когда Перемышльский прибыл к реке Каскелен, кокандский отряд, оставив казахские аулы, ушел обратно за реку Чу.

В Каскелене, куда под защиту русского отряда перекочевали казахи волостей чапрашты и ботбай, были задержаны посланцы Атабека и выданы Перемышльскому. Алишер-датха задержан чапраштинским бием Суранчы, а манапы Бошкой и Чолпонбай — ботбаевским бием Супатаем. В письме к кокандским военачальникам Перемышльский предварительным условием освобождения пленных поставил немедленное возвращение казахов, плененных кокандцами и киргизами во время их предыдущих набегов, а также возвращение угнанного скота. Кроме того, он требовал возвращения награбленных материальных ценностей, принадлежавших торговцам — подданным России.

В связи с отступлением кокандцев за реку Чу Перемышльский со своим отрядом вскоре вернулся в Верный, выставив в 40 верстах от укрепления наблюдательный казачий пост[1].

В ответном письме начальнику Алатовского округа кокандские военачальники и Атабек-датха пытались доказать свои права на сбор зякета с заилийских казахов. «Заилийские казахи»,— утверждали они,— издавна являются подданными кокандского хана и поэтому русские власти не имеют основания считать их своими подданными, не в праве вмешиваться в их дела, «возмущать» их против кокандцев и т. д. Кокандские власти просили также освободить арестованных киргизских манапов и Алишера-датху[2].

Начальник Алатовского округа не счел необходимым вступать в дальнейшие переговоры с Атабеком и решил обратиться непосредственно к правителю Ташкента Мирза-Ахмету, находившемуся в это время в Аулие-Ата. Перемышльский в письме доказывал подданство казахов Старшего жуза Российской империи и предъявлял кокандцам обвинение в нарушении мирных отношений, вы-

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 19, л. 66.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 19, док. 74.

разившемся в недавнем нападении их на казахские аулы, кочевавшие по правой стороне реки Чу[1].

Гасфорд, получив известие о нападении кокандских отрядов на Заилийский край, дал указание начальнику Алатовского округа не предпринимать пока решительных действий. В своем отношении от 5 мая 1858 г. Перемышльскому Гасфорд писал: «Время решительных действий еще не наступило, поэтому надо терпеливо выжидать оного и стараться предустранять по возможности наносимый ими вред нашим киргизам, тем более, что многие из них кочевали и теперь кочуют по обе стороны реки Чу и без сомненья часто дают повод кокандцам к неудовольствиям, не вознаграждая их на позволение пастись на левом берегу реки Чу»[2].

Что касается требований о возвращении имущества торговцев, разграбленного киргизами, то Гасфорд предлагал и в этом деле действовать более умеренно. Он писал: «Впрочем, я представленным этими торговцами счетам о разграбленном шайкою Джангарача имущества не даю полной веры. У них привычка в подобных случаях из мухи делать слона и показывать потерянным то, чего у них никогда не было»[3].

Кокандские военачальники Рустамбек и Пирмухаммед не передали однако Мирза-Ахмету адресованное ему письмо, опасаясь, что они могут подвергнуться наказанию, поскольку в письме говорилось об их нападении на казахские аулы, предпринятом без разрешения Мирза-Ахмета. От своего имени они еще раз обратились с письмом к начальнику Алатовского округа, в котором писали: «Повеление нашего хана и Парваначи такое: чтобы мы отыскивали наши волости, издревле платившие зякет и дани и старались возвращать их добрыми словами, и ежели они будут повиноваться, награждать их, но ежели будут оказывать сопротивление, тогда еще сделать им два, три подобных добрых наставления, и когда они послушают добрых слов, то за добро награждать добром, но ежели и затем не будут слушаться — нападать на них и чебарить»[4]. Начальник Алатовского

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 19, док. 74.
[2] Там же, док. 82.
[3] Там же.
[4] Там же, док. 88.

округа не ответил на это письмо и прекратил всякие переговоры.

В это время в кочевье бугинцев был отправлен казачий отряд под начальством есаула Варагушева, которому было приказано оказать поддержку бугинцам в случае нового нападения на них сарыбагышей и дать решительный отпор попыткам кокандцев собирать зякет с бугинцев[1]. Начальник Алатовского округа обратился также к казахам племени албан с просьбой оказать поддержку бугинцам. Эти меры дали свои результаты. Когда летом 1858 г. подстрекаемые кокандцами сарыбагыши совершили новое нападение на бугинцев, казахи племени албан решительно выступили в их поддержку. С помощью отряда есаула Варагушева и албановцев бугинцам удалось разбить сарыбагышей, которые вынуждены были бежать с берегов Иссык-Куля на плато Тарагай, а предводитель их, манап Торогельды, попал в плен к бугинцам[2].

Вскоре новое осложнение внутреннего положения Коканда отвлекло его внимание от Северной Киргизии. Начались военные столкновения между Бухарой и Кокандом, восстали каратавские казахи. Эти обстоятельства заставили Худояр-хана отозвать Мирза-Ахмета из Аулие-Аты в Ташкент. Начался отход кокандских военных отрядов во внутренние области ханства. Кокандские отряды в большинстве своем оставили также и Пишпек, не успев полностью собрать зякета с чуйских киргизов. Киргизы Чуйской долины вновь почувствовали себя относительно свободными. Те из них, кто недавно под нажимом кокандцев участвовал в нападении на Заилийский край, теперь старались жить мирно и стремились наладить дружественные отношения с подвластными России казахами Старшего жуза. Сторонники российской ориентации среди киргизов также почувствовали себя более уверенно. Солтинский манап Джангарач обратился к новому начальнику Алатовского округа Колпаковскому с письмом, в котором еще раз выразил желание жить в мире и дружбе с подвластными России казахами Большой Орды, и дал обещание, что подвласт-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп.1, д. 19, док. 95.
[2] См. ЦГА Каз. ССР, ф. 3, д. 8, лл. 18—19.

ные ему киргизы не будут делать более набегов[1]. В связи с этим начальник Алатовского округа обратился с соответствующим ходатайством на имя Гасфорда об освобождении из плена сына, брата и др. людей Джангарача, содержавшихся в Верном[2]. Для того, чтобы на деле убедиться в искренности обещаний Джангарача, генерал-губернатор распорядился временно оставить в качестве заложника брата Джангарача, Бошкоя, а освободить только его сына Чолпонбая. Гасфорд в письме к Колпаковскому писал: «Желая показать Джангарачу, что и мы с нашей стороны не желаем враждовать с ними и мстить за сделанные ими нашим киргизам обиды, а, напротив, хотим, чтобы те и другие жили между собой в добром согласии,— разрешаю вам отпустить сына Джангарача Чолпонбая в свои кочевья, внушив ему, чтобы он передал своим соплеменникам, что вовсе не имеем намерения нападать на них, что русское правительство никогда не делает им зла и всегда готово оказать великодушие»[3]. Колпаковский пригласил Джангарача в Верный для личного свидания и решения вопроса об освобождении его брата Бошкоя. Так между начальником Алатовского округа и Джангарачем установились дружественные отношения. Это было закономерно, так как Джангарач теперь мог действовать по своему усмотрению, без ориентировки на кокандцев, как это имело место прежде. В связи с этим прекратились набеги и барымта между подвластными России казахами Старшего жуза и киргизами Чуйской долины.

Между тем положение внутри Кокандского ханства оставалось напряженным. Продолжалась вражда с Бухарой из-за Ура-Тюбе. В 1858 г. киргизы племени конград в числе 500 юрт, спасаясь от насилия кокандских властей, бежали в пределы Бухары, что еще более способствовало усилению раздоров между Бухарой и Кокандом. Наряду с этим около Андижана и Маргелана подняли восстание отдельные группы кипчаков и киргизов под предводительством старшины Ханбека[4].

---

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 19, док. 113.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 19, док. 113.
[3] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 19, док. 113.
[4] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 20, док. 83.

Особенно ощутимый удар власти Худояр-хана нанесло восстание каратауских казахов 1858 г. Непосредственной его причиной явился грубейший произвол ташкентского наместника Мирза-Ахмета. Командующий Сыр-Дарьинской линией генерал-майор Данзас в своем донесении Оренбургскому генерал-губернатору от 7 июня 1858 г., касаясь причин восстания, писал: «Мирза-Ахмет выслал своих зякетчиков в каждый род и в каждое отделение, дав им команду по 100 и по 200 человек. Эти зякетчики простерли свою дерзость до того, что назначили подать по одной тилле за каждую взрослую девочку, за позволение выходить замуж; при этом, разным бесчинствам не было конца, так, например, зякетчики свидетельствовали всех женщин и по грудям узнавали, замужем ли она, или девица. Эти бесчинства, наконец, вывели из терпения киргизов, они убили прежде всего Мурзабая, брата правителя Ташкента, муллу Майсупа, пятисотенного начальника и других зякетчиков; после чего взбунтовались все киргизы на Алатоуских горах, а именно: Капли-Чанклинцы, Кукулинцы, Кутенченцы, Дулатцы, Бистамгалинцы и киргизы кызаевского рода, подступили к Аулие-Ата и другим соседним крепостям: Чулак, Аксагата, Тукпак, Чилек и заставили правителя Ташкента запереться в крепости»[1].

Одновременно с каратаускими казахами восстали и туркестанские казахи племен конград, найман, кыпчак и аргын. Они вышли из повиновения туркестанскому беку Мирза-Паяза и провозгласили своим ханом султана Джапекена.

Выяснив причины восстания, хан сместил Мирза-Ахмета и направил в Ташкент в начале июня своего брата Малля-бека с войском для наведения порядка в казахских кочевьях[2]. Он советовал ему вести более умеренную политику по отношению к казахам.

Восставшие каратауские казахи вскоре начали перекочевку на подвластные России территории. Они обратились к Гасфорду с просьбой о принятии их в подданство России[3]. Их просьба была удовлетворена[4]. Но тем временем,

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 20, док. 107.
[2] Там же, док. 111.
[3] Там же, док. 163.
[4] Там же.

получив полное прощение от кокандского хана, значительная часть казахских аулов вернулась обратно на свои бывшие кочевья, так как районы кочевья на правой стороне реки Чу оказались крайне неудобными из-за недостатка воды и отсутствия кормов для скота[1].

Напряженное положение в Кокандском ханстве повлияло и на кокандских наместников в Чуйской долине. Не имея достаточных военных сил, они были заинтересованы теперь в том, чтобы всячески избегать военных столкновений с Заилийским русским отрядом и все спорные вопросы решать путем мирных переговоров. Комендант крепости Пишпек Атабек-датха отправил в середине августа к Колпаковскому ташкентского юзбаши Дубая с письмом. Он снова пытался доказывать право кокандского хана на владение казахскими племенами, кочевавшими в Заилийском крае. Атабек писал: «Еще во времена наших покойных ханов Алим Хана и Мухамед-Али и воинского Кушпека и даже раньше киргизы родов Бутбай, Кашкары, Чапрашты, Албан, Суван, Найман и Джалаир были нашим народом и давали хану и нашим бекам зякет и другие подати, считая себя подданными, о чем и Вы знаете. Наш парваначи, Мирза-Ахмет, был строгим и делал много обид и притеснений этому народу, а потому киргизы все бежали»[2].

В письме содержалось, кроме того, оправдание по поводу недавнего нападения кокандского отряда на казахские аулы. Атабек просил Колпаковского об освобождении пленных кокандцев и передал желание в дальнейшем жить в мире и дружбе. Военные нападения кокандцев на казахские аулы он объяснял как личные распоряжения ташкентского правителя Мирза-Ахмета, который теперь заменен Малля-беком. В ответном письме Колпаковский также подчеркивал желательность мирных и дружественных отношений[3]. Эти переговоры до некоторой степени способствовали налаживанию мирных отношений между русскими и кокандскими властями. Колпаковский в это время еще не ставил перед собой задачи немедлен-

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 20, док. 166, 185.

[2] Там же, док. 160. Полный текст письма см. в приложении.

[3] Текст письма Колпаковского см. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1 д. 20, док. 106.

ного вторжения в Чуйскую долину. Поэтому он шел навстречу мирным предложениям кокандцев и удовлетворил просьбу об освобождении коменданта Пишпека Алишера и других пленных[1].

Восстание казахов в Ташкентском и Туркестанском бекствах, неудачи Коканда в войне с Бухарой, а также волнения среди некоторых кипчакских и киргизских племен в Ферганской и в Чуйской долинах — все это привело к упадку власти Худояр-хана. В этих условиях бухарский эмир Нарсулла выставил непременным условием прекращения военных действий против кокандцев отстранение Худояр-хана от престола. Эти обстоятельства привели к тому, что вскоре в среде видных кокандских военачальников и правителей областей стал назревать дворцовый заговор. В качестве претендента на престол заговорщики выдвигали брата Худояр-хана, Малля-бека. Малля-бек, более деятельный и способный по сравнению с Худояр-ханом, умело использовал создавшуюся обстановку и в ноябре 1858 г., свергнув Худояр-хана, объявил себя ханом[2].

Еще будучи правителем Ташкента и Туркестана, Малля-бек требовал от Худояр-хана выдачи ему бывшего правителя Ташкента Мирза-Ахмета и некоторых других придворных, которых он хотел казнить, как главных виновников внутренних беспорядков. Хан отказал в этом своему брату. Тогда Малля-бек с группой сторонников удалился в юго-восточные города ханства, прилегающие к кашгарской границе. Там он сумел расположить в свою пользу почти всех жителей и войска, после чего без особого труда занял Коканд. Крупные города ханства: Андижан, Маргелан и другие — признали власть нового хана. Незначительное сопротивление Малля-бек встретил лишь со стороны бывшего правителя Ташкента Мирза-Ахмета, но небольшие военные силы последнего были без труда разбиты[3].

По этому вопросу Колпаковский обратился с ходатайством к Гасфорду, который разрешил освободить Алишера. См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 20.

[2] См. ЦГИА Каз. ССР, ф. 3, д. 8, стр. 5—6.

[3] Худояр-хан с парваначи Мирза-Ахметом и другими своими приверженцами бежал, но был пойман и выслан на жительство в город Ходжент. Малля-бек не казнил его, как требовали многие его приб-

Находившиеся при Худояр-хане в опале видные кокандские сановники были привлечены к управлению. Кипчакский бий Нормухамед был назначен минбаши. Правителем Ташкента стал кипчакский бий Утенбай.

Новый хан начал мирные переговоры с Бухарским эмиром. Он отправил посланцев ко многим киргизским и казахским манапам и биям с целью установления и укрепления дружественных отношений, а некоторым передал подарки, чтобы расположить их к себе.

С провозглашением Малля-бека ханом установилось относительное внутреннее спокойствие. Новый хан начал энергично готовиться к обороне границ Кокандского ханства со стороны Сыр-Дарьинской и Сибирской линий. Генерал-майор Данзас в своем донесении Оренбургскому генерал-губернатору о личности Малля-бека писал: «Этот умный и деятельный человек умеет пользоваться всеми обстоятельствами, имеет сильное влияние на кокандцев»[1].

Малля-хан несколько уменьшил размеры податей с населения, на многие военные и гражданские должности в ханстве были назначены новые лица[2].

Энергичная деятельность нового хана в отношении установления внутреннего спокойствия и укрепления обороны кокандских пограничных крепостей, а также активизация деятельности кокандцев в среде пограничных казахских племен, только что ставших подданными России, ставили Западносибирского и Оренбургского генерал-губернаторов перед необходимостью скорейшего соединения Сибирской и Оренбургской линий, а также занятия ряда стратегически важных кокандских крепостей в долине реки Чу и по Сыр-Дарье. В связи с этим разрабатывались планы, намечались направления соединения Оренбургской и Сибирской линий. Катенин в одной из своих записок указывал: «Из произведенных по реке Чу рекогносцировок по поводу возбужденного в 1852 году вопроса о связи бывшего Аральского управле-

---

лиженные, Мирза-Ахмету удалось бежать в Бухару. Туда же впоследствии бежал и Худояр. См. донесение командующего Сыр-Дарьинской линией Оренбургскому генерал-губернатору от 29 ноября 1858 г. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 40, док. 236.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 40, док. 235.

[2] Там же, д. 21, док. 6 и 32.

ния с передовой линией Сибирского корпуса, которую предполагалось перенести на реку Чу, озеро Балхаш и реку Или, известно, что берега низовьев этих рек не представляют никаких удобств в хозяйственном отношении. Мысль эта давно уже оставлена. Основанное в Заилийском крае укрепление Верное выдвинуто далеко вперед за указанную черту... если бы отношения наши к среднеазиатским владениям вынудили правительство к усилению нашей пограничной с ними черты, то форт Перовский удобнее было бы связать с укреплением Верным линией, идущей через Туркестан, Каратауский хребет и вершины реки Чу к озеру Иссык-Куль»[1].

В донесении к военному министру от 6 декабря 1858 г. Катенин обстоятельно изложил свои планы в отношении дальнейших действий на Сыр-Дарьинской линии, целью которых должно было явиться соединение Сыр-Дарьинской линии с Сибирской путем занятия кокандских крепостей Джулека, Туркестана, Пишпека, Аулие-Ата и затем Ташкента. Катенин писал по этому поводу: «Неопределенность отношений наших к соседним — Среднеазиатским владениям, неудовлетворительное и, так сказать, недовершенное положение Сыр-Дарьинской линии, находящейся в самых невыгодных условиях, а также потребности в прочном административном устройстве пограничной части Зауральского края указывает на необходимость принять решительный план дальнейших действий...

...Занятие северных кокандских областей необходимо для прочного устройства военной границы Оренбургского края посредством соединения ее с Сибирской... охранение подвластных нам ордынцев, содержание Сыр-Дарьинской линии без значительного ущерба казны, пользование местными средствами, смирение дерзости кокандцев, развитие торговли между Ташкентом, Бухарой с Сибирским и Оренбургским краем, Яркендом, Западным Китаем до тех пор будут неисполнимы, покуда мы не соединим Сыр-Дарьинской линии с Сибирской Южной границей: не займем привольных населенных областей сперва Туркестана, а потом и Ташкента, и покуда

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 19, док. 25.

не будем в состоянии охранять силою и нравственным влиянием торговые предприятия промышленников»[1].

Приведенные документы характеризуют намерения царской администрации активизировать действия в отношении Средней Азии. События в Кокандском ханстве в конце 50 гг. благоприятствовали наступательной политике России. В первую очередь выдвигалась задача наступления на Кокандское ханство.

Катенин был против организации крупной военной экспедиции в глубь ханства, опасаясь, что это может привлечь внимание европейских государств. Он считал более целесообразным постепенное всеохватывающее движение путем организации мелких экспедиций и занятия последовательно одного пункта за другим, вплоть до овладения Туркестаном на ближних подступах к Ташкенту[2].

Одновременно с овладением Туркестаном Катенин мым начать движение со стороны Сибири. Он писал: «Со стороны Сибирского корпуса необходимо одновременно с сим предпринять экспедицию для занятия укрепления Пишпека и Аулие-Ата, замыкающих северные выходы из Алатауских гор, эта диверсия отвлечет силы кокандцев и облегчит занятие Туркестана»[3].

Одновременно с овладением Туркестаном Катенин считал необходимым занять промежуточный пункт Джулек, а затем крепость Яныкурган, находящуюся в 250 верстах от Джулека, а также небольшие укрепления Сузак и Чулак-Курган, расположенные на северных склонах Каратауских гор. Отряды русских войск должны были выступить из форта Перовский весной 1859 Таким образом, военные действия должны были начаться одновременно как со стороны Сыр-Дарьи против Туркестана, так и со стороны Сибирской линии — против кокандских крепостей Чуйской долины (Токмака, Пиш-

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 20, док. 228.

[2] Туркестан в это время представлял собой укрепление, в котором находилось до 600 домов с 4000 жителей. Наружная стена его была разрушена, а цитадель состояла из глинобитных стен до 4 саженей вышины, со рвом. В окружности крепость имела до 2 верст. Численность постоянного гарнизона доходила до 500 человек. В крепости находились 4 пушки и 30 крепостных ружей.

[3] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 20, док. 228.

пека и Аулие-Аты). После занятия Туркестана и Аулие-Аты Катенин считал уже возможным начать движение на Ташкент.

Плана широких наступательных действий придерживался и Гасфорд. В записке военному министру от 19 января 1859 г. он обстоятельно излагал этот план на ближайший период со стороны Сибирской линии. Гасфорд писал: «Смуты и междоусобия, не прекращавшиеся в последние годы в Средне-Азиатских владениях, сопредельных киргизской степи, требуют усиления наших военных средств или по крайней мере приведения их в такое положение, чтобы при первой потребности, в видах ограждения наших киргизов и казачьих водворений в южной части киргизской степи Сибирского ведомства, быть готовым открыть военные действия... Кокандцы упорствуют в усилии своем подчинить себе киргизов не только дикокаменных, но и подвластной нам Большой Орды, требуют насильственного зякета, которого киргизы не хотят им давать, не признавая их власти.

Несогласие дикокаменных киргизов между собой и неприязненные их действия против киргизов Большой Орды... по подстрекательству кокандцев сидящих у них на плечах, служат часто поводом к набегам, поддерживаемым вооруженными кокандскими отрядами. Чтобы не оставаться праздными зрителями этих насилий, мы каждый раз должны наряжать более или менее значительные отряды для отражения и прогнания грабительских шаек за р. Чу.

Очевидно, что мы не можем приобресть всего желаемого влияния на именованные киргизские орды дотоле, пока не уничтожится влияние на них кокандцев»[1].

Вопрос о соединении Сибирской и Сыр-Дарьинской линий был поставлен Гасфордом перед царем Николаем I еще в 1852 г. На особом совещании, в котором участвовали тогдашний военный министр князь Долгоруков, граф Перовский и Гасфорд, было признано необходимым занять линию предгорных кокандских укреплений, а именно: Токмак, Пишпек, Аулие-Ату, Сузак и Туркестан с прилегающими к последнему до р. Сыр-Дарьи землями. Это необходимо было для того, чтобы связать южную

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 21, док. 16.

передовую линию Западной Сибири с Сыр-Дарьинской линией и таким образом получить твердую государственную границу по снеговым отрогам Киргизского Ала-Тоо.

В течение шести лет Гасфорд последовательно продвигался на юг. Начиная от бывшего тогда передовым укрепления Копальского, он перешел через реки Каратал, Кексу, Или и закрепился в Заилийском крае, воздвигнув там в 1854 г. укрепление Верное. В Заилийском крае появились казачьи и крестьянские поселения, «...долженствующие, при развитии оных, служить на сей окраине твердым оплотом... империи против покушений со стороны Китая и Коканда, а если бы обстоятельства потребовали, то и основой для наступательных действий»[1].

«Важным последствием занятия Заилийской долины, не говоря уже о прочих выгодах,— отмечал Гасфорд,— было поступление в подданстве наших трех родов Большой Орды, которые кочуют за р. Или, одного из трех главных родов дикокаменных киргизов-богинцев, что открыло нам свободный переход через Небесные горы (Тянь-Шань) в Кашгарию, и если другие роды не последовали этому примеру, то единственно потому, что они находятся под непосредственным влиянием и гнетом кокандцев, которые, занимая верховья р. Чу, не перестают склонять к возмущению даже верных нам доселе киргизов Большой Орды. Все они, как киргизы Большой Орды, так и дикокаменные убеждены, что они только под покровительством Российского государя императора могут быть спокойны и ограждены от козней и грабежей кокандцев и желают, чтобы сии последние были прогнаны с верховьев р. Чу, ибо с одного только этого места их земли доступны кокандцам, от которых они, в случае занятия русскими верховьев р. Чу, навсегда будут избавлены и отрезаны, о чем они сами неоднократно просили. ...Мы не можем утвердиться на верховьях р. Чу, не выбив, как уже сказано, неприятеля из укрепления Пишпека и не укрепясь в оном или в другом по близости более для нас, если возможно, удобном месте. Занятию этого места должно следовать водворение казачьего поселения, по принятому в Западной Сибири порядку»[2].

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 21, док. 16.
[2] Там же.

Западносибирский генерал-губернатор предполагал после занятия Пишпека основать здесь или где-нибудь поблизости укрепления с постоянным гарнизоном. Занятие Пишпека он намечал осуществить не позднее 1861 г., если только это не удастся сделать раньше. В 1859 г. он считал необходимым произвести обстоятельную и подробную рекогносцировку и съемку земель по правому берегу р. Чу, против Пишпека. Исполнение всех этих мер Гасфорд считал невозможным откладывать на долгое время, особенно в связи с происшедшим переворотом в Кокандском ханстве — свержением Худояра и провозглашением вместо него его брата Малля-бека, «принца, пользующегося доверием народа и репутацией человека опытного в государственных делах»[1].

Обширный проект Гасфорда, предусматривающий занятие Чуйской долины и других пунктов Северной Киргизии, был рассмотрен на совещательном заседании в присутствии Александра II 24 января 1859 г. Вопрос рассматривался в связи с задачей соединения Сибирской и Сыр-Дарьинской линий. Было вынесено следующее решение: «В настоящее время признается возможным разрешить одну лишь рекогносцировку... Занятие верховий реки Чу, если только предстоящая рекогносцировка не окажет каких-либо неодолимых преград и самое предприятие не потребует чрезмерных расходов, то оно может совершиться не позже будущего 1860 года»[2]. Так вопрос о занятии верховьев реки Чу был решен окончательно.

Одной из непосредственных задач рекогносцировок в сторону Чуйской долины являлось производство топографических съемок всего Семиреченского края. Топографические съемки по реке Чу должны были дать подробный обзор данной местности и подступов к укреплениям Пишпек, Токмак и Мерке.

В начале февраля 1859 г. Гасфорд отдал распоряжение о подготовке казачьих отрядов для посылки их на озеро Иссык-Куль, а также в Чуйскую долину. Другой отряд должен был выступить по направлению к Санташ-

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 21, док. 16.
[2] Там же, док. 21.

скому проходу, навстречу возвращавшемуся из Кашгарии каравану[1].

Во время предстоящей рекогносцировки районов р. Чу намечался выбор промежуточного поста между Верным и Пишпеком. Он должен был служить опорным пунктом между укреплением Верным и верховьем р. Чу. При выборе необходимо было учитывать природные и климатические условия местности, наличие топлива, сенокосов и т. д. Рекогносцировка должна была выяснить возможность расположения в будущем казачьего поселения на р. Чу.

Со стороны местного населения русские власти не ожидали отрицательного отношения к производимой рекогносцировке. «...Поводом к этой рекогносцировке,— писал Гасфорд,— должно служить продолжение начатой уже съемки Заилийской долины и вместе с тем охранение наших киргизов от враждебных вторжений шаек барантовщиков, повторяющихся неоднократно в продолжении последних лет по подстрекательству и с участием пограничных кокандских войск: киргизы уже привыкли видеть в степи наших топографов при производимых ими съемках на план местности, а потому и в настоящем случае не увидят, вероятно, никаких враждебных с нашей стороны намерений»[2].

Гасфорд считал целесообразным допустить к рекогносцировке и некоторых казахских старшин, если бы они со своими джигитами пожелали принять в ней участие.

Главной своей целью рекогносцировочный отряд ставил получение подробных сведений о положении дела в Чуйской долине, о состоянии укреплений Пишпек и Токмак, количественном составе и вооружении их гарнизонов. Необходимо было также «...разведать о распоряжениях в части гражданских, политических и военных дел нового хана» Малля-бека и собрать другие всевозможные сведения о Коканде, использовав для этого как торговцев центра, так и лазутчиков. Рекогносцировочному отряду предписывалось избегать серьезных столкновений с кокандскими отрядами на левой стороне

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 21, док. 23.
[2] Там же, док. 24.

р. Чу[1]. Начальником рекогносцировочного отряда назначался находившийся в штабе Сибирского корпуса в должности старшего адъютанта штабс-капитан Венюков[2].

Еще до организации рекогносцировочной экспедиции вопросом выбора места для возведения укреплений в Чуйской долине занимался начальник Алатовского округа. Им были составлены планы и краткое описание местности. Выбранное место находилось на караванной дороге по правой стороне реки Қастек, на расстоянии 76 верст от Верного. Пункт был расположен на середине пути от Верного к Пишпеку, отличался обилием лугов для сенокошения. Раньше в этих местах киргизы занимались земледелием, но в последние годы, в связи с усилением багымты между кокандцами, киргизами и казахами Старшего жуза, пахотные участки были заброшены. В этом месте соединялись дороги, идущие от озера Иссык-Куль и от укрепления Токмак. Все эти обстоятельства увеличивали его стратегическое значение.

Подготовка рекогносцировки проводилась тайно, но кокандцам удалось узнать о ней, и они стали усиливать оборонительные средства крепости Пишпек. Укреплялись стены крепости путем возведения новых звеньев и башен. Малля-бек обратился с письмом к влиятельным киргизским манапам, казахским биям и султанам. Письма хана носили агитационный характер и призывали «вернуться» под власть кокандского хана и стать под «знамя ислама». Қолпаковский в своем донесении Гасфорду от 28 марта 1859 г. указывал: «Қокандское правительство разослало по дикокаменной орде и даже к киргизам Большой Орды, кочующим около Чу, своих чиновников-агентов с подарками от имени хана, которым приказано, возбуждая в этих племенах религиозный фанатизм против нас, склонять на свою сторону, в случае движения кокандцев сюда оказать им содействие»[3].

В апреле 1859 г. в Верном стали сосредоточиваться предназначенные для рекогносцировки отряды. Для прикрытия выделялся особый отряд под командованием войскового старшины Шайтанова.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 21, док. 24.
[2] Там же.
[3] Там же, док. 75.

11 апреля 1859 г. начальник штаба Сибирского корпуса генерал-майор Гинтовт дал подробную инструкцию Венюкову о предстоящей экспедиции. Соответствующие указания были даны также начальнику Алатовского округа Колпаковскому, который должен был обеспечить отряд всеми необходимыми продовольственными и другими средствами.

В рекогносцировке разрешено было принять участие казахским «батырам» и биям из числа «искуснейших» и преданных, по представлению Колпаковского. Венюкову предписывалось использовать этих казахских наездников преимущественно для разведки и для предохранения отряда от неожиданных нападений, но «...не полагаться на них в более серьезных действиях, иметь за ними вообще строгое наблюдение и отнюдь не допускать их к устройству барымты, дабы тем не возбудить против нас окрестного населения»[1]. В инструкции, данной Венюкову в отношении местного киргизского населения, указывалось: «В сношениях с киргизами как нашими верноподданными Большой Орды, так и с менее покорными из родов дикокаменных, сохранять самый дружелюбный характер, даже не встревожить их и не подать повода к удалению их в пределы Кокандские. Что же касается тех случаев, когда действия киргиз будут явно неприязненны нам или же вы встретите враждебные шайки ташкентцев, то предоставляется вам действовать по усмотрению открытой силой на их поражение, но стараясь по возможности не начинать дело самовольно»[2]. Далее в инструкции было сказано: «В случае если же обстоятельства позволяют и вы не будете опасаться встретить сильного неприятеля, представляется вам перейти со всем отрядом или же небольшой его частью на левую сторону Чу, где это будет удобнее, и ознакомиться ближе как с устройством кокандских укреплений, так и с качеством горных проходов, которые ведут во внутрь Кокандского царства»[3].

Как начальнику Алатовского округа, так и Венюкову особо предписывалось установить дружественные отно-

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 21, док. 87.
[2] Там же.
[3] Там же.

шения с местным киргизским населением, не допускать по отношению к нему никаких самовольных действий или притеснений, могущих вызвать недовольство. Гасфорд в своем отношении начальнику Алатовского округа писал 27 апреля 1859 г.: «Желательно было бы уверить конфиденциально через преданных нам киргизских родоначальников Джангарача, Джантая и других влиятельных манапов, что намерения наши совершенно миролюбивы, не открывая им ничего более и не требуя никаких обязательств. Поведение их в сем случае покажет, что мы от них ожидать можем в свое время»[1].

В мае 1859 г. рекогносцировочный отряд выступил из укрепления Верного[2] в направлении к Кастеку, где предполагалось основать укрепление.

Одновременно с отрядом Венюкова по направлению к Кастеку, восточнее Верного, двигалась другая экспедиция под руководством штабс-капитана Голубева, который должен был добраться до озера Иссык-Куль.

Отряд Венюкова за время своего пребывания в Кастеке не обнаружил никаких признаков враждебного отношения киргизов, кочевавших поблизости. У Кастека и в соседних районах долины Кеминь обычно кочевали сарыбагыши. На этот раз здесь недалеко были кочевья сарыбагышского манапа Джантая, занимавшего своим айылом территорию около Токмака на левой стороне р. Чу. Получив заранее известие о движении отряда Венюкова, Джантай отправил к нему своих людей с письмом, в котором сообщил некоторые сведения о кокандцах, в частности о приготовлениях Атабека в Токмаке и Пишпеке. В ответе Джантаю Венюков писал, что его отряд не имеет враждебных намерений по отношению к киргизам, что «ни один кара-киргизский род не будет обижен».

В конце мая Венюков, оставив в Кастеке роту пехоты и полсотни казаков для производства работ по возведению укрепления и для прикрытия сообщения с Верным, выступил с остальной частью своего отряда по направле-

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 21, док. 113.

[2] См. донесение начальника Алатовского округа начальнику штаба Сибирского корпуса от 14 мая 1859 г. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 21, док. 129.

нию к р. Чу[1]. Не встречая сопротивления со стороны кокандцев, отряд через горный проход Бешмойнок достиг р. Караконус в 12 верстах от кокандского укрепления Токмак, расположенного на левой стороне реки Чу[2].

27 мая произошла небольшая стычка с киргизами. Кокандцы знали о выступлении отряда Венюкова. Управляющий чуйскими киргизами датха Атабек вызвал к себе видных киргизских манапов и предложил им выставить вооруженные отряды, которые должны были поддерживать кокандские гарнизоны, стоявшие в Пишпеке и Токмаке. Атабеку удалось под угрозой немедленной расправы организовать отряд киргизов численностью до 500 человек. Придав им кокандский отряд с двумя пушками, он направил их против Венюкова. Казахи, находившиеся при отряде Венюкова, приняв киргизов за барымтовщиков, направились им навстречу. В стычке киргизы успели взять в плен казахского Султана Беке и нескольких джигитов. Но при приближении казачьей сотни киргизы отступили обратно за р. Чу, захватив с собой пленных.

В дальнейшем, несмотря на строгий надзор кокандского наместника, ряд манапов сарыбагышей и солто вступил в дружественные связи с Венюковым. Известную роль в этом сыграло обращение Венюкова к киргизам, сделанное еще в самом начале выступления отряда из Верного.

С реки Караконус отряд двинулся на восток, к Кемину.

31 мая, находясь у р. Малый Кемин, Венюков обратился к киргизам с воззванием, в котором писал: «...люди злонамеренные успели ввести вас в заблуждение на счет цели нашего похода, представив вам, будто мы хотим отнять у вас земли. Желая, чтобы вы на будущее время сохранили за собой право на доброе расположение к вам русских..., а также чтобы имели точное понятие о цели нашего похода, и по полученному мною сейчас повелению от моего начальника, генерал-губернатора, обращаюсь к вам со следующим объявлением:

Никому из вас, если будете жить в мире и спокой-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 21, док. 136.
[2] Там же, док. 137.

ствии, не будет оказано ни малейшей обиды или притеснения ни нами, ни нашими киргизами. Виновные в нарушении этого нами будут строго наказаны.

Ни один вершок вашей земли не будет у вас отнят; если будете вести себя мирно, останетесь навсегда на владении вашим наследием.

Всякому, кто явится в отряд с изъявлением преданности, будет оказана почесть по достоинству и защита от всяких притеснений со стороны врагов.

Затем, со всяким, кто вздумает нападать на нас или на людей наших, будет поступлено как с неприятелем по законам нашим.

Цель наша — осмотр земли, издавна подвластной великому царю нашему, а потому вы можете быть совершенно спокойны, если пребудете **в мире тишины.**

Да хранит Аллах верных из вас и горе враждующим. Писано на Кемине 31 мая 1859 года»[1].

Движение отряда к Кемину было предпринято с целью осмотра верховьев р. Чу. Между тем кокандцы из Пишпека и Токмака постоянно высылали разведчиков для наблюдения за движением отряда и для перехвата связных Венюкова, направляемых на Кастек и в Верный. Однако, несмотря на это, движение отряда происходило без особых трудностей. В этом важное значение имели дружественные отношения к Венюкову сарыбагышей, подвластных манапам Рыскулбеку и Джантаю и кочевавших в Кеминской долине и окрестностях Токмака.

Венюков решил занять кокандское укрепление Токмак, в связи с чем в донесении начальнику штаба Сибирского корпуса от 1 июня 1859 г. писал: «Полагаю делом весьма небесполезным и для будущих действий русских в здешнем крае занять и разрушить Токмак. Укрепление это, не имеющее возможности оказать серьезное сопротивление отряду, не лишено своего значения как по положению в соседстве прохода Бишмайнака и многих родов дикокаменных, так и потому, что находится прямо против выхода из гор Киргизналатау по речке Шамси и на дороге из Коканда к озеру

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 21, док. 148.

Иссык-Куль»[1]. Однако начальник штаба Сибирского корпуса генерал-майор Дрейер категорически запретил Венюкову занимать Токмак, каким бы легким это предприятие не представлялось. Наряду с этим он просил при благоприятных обстоятельствах попытаться перейти на левый берег р. Чу для более подробного ознакомления с устройством кокандских укреплений и с дорогами, ведущими во внутренние области ханства, в направлении к Ташкенту. Дрейер предлагал: «Уведомить комендантов Пишпекского и Токмакского укреплений, что движение Ваше, предпринятое чисто с ученою целью для продолжения начатых съемок в Заилийском крае, не имеет враждебной цели»[2].

В начале июня отряд Венюкова двинулся вниз по р. Чу. Тем временем наместнику хана удалось вновь организовать вооруженные отряды из киргизов. У многих киргизских старшин и манапов кокандские власти взяли заложников, чтобы таким образом заставить их участвовать в военных действиях. Во время движения отряда по правому берегу р. Чу толпы киргизов и кокандский отряд с двумя пушками собрались на левом ее берегу, имели место отдельные перестрелки, после чего киргизы и кокандцы ушли обратно. 6 июня к Венюкову явились посланные от киргизских манапов Чуйской долины с изъявлением покорности и с просьбой взять и разрушить Токмак, ибо в противном случае они опасались мщения кокандских властей, которое могло последовать сразу же после удаления русских отрядов из Чуйской долины»[3]. В своем донесении Венюков указывал: «Многие дикокаменные готовы теперь же разойтись по аулам, но еще удерживаются отчасти тем, что от них заложники находятся у сартов. Удаление некоторых в горы тем не менее началось и продолжается непрерывно. На перестрелке вчерашнего числа у них возник раздор с сартами...»[4]

Несмотря на старания датхи Атабека поднять киргизов против отряда Венюкова, взаимоотношения пос-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 21, док. 148.
[2] Там же, док. 159.
[3] См. там же, док. 153.
[4] См. донесение Венюкова начальнику штаба Сибирского корпуса от 5 июня 1859 г. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 21, док. 153.

леднего с киргизами складывались в общем благоприятно.

Венюков обратился к Пишпекскому коменданту Атабеку с письмом, в котором уведомил, что «русский отряд враждебных намерений относительно кокандцев не имеет»[1].

В ответном письме Атабек писал: «Пишите Вы о дружестве, но действия Ваши не походят на то. Если Вы пришли по воле падишаха, то следовало прежде нас известить, и мы, отписавши нашему Великому хану, дали бы ответ и после этого Вам следовало начать разъезды. Легкомысленный приход ваш — дело, достойное киргиз и бурутов, а не Вас (русских). Далее Вы пишите, что Вы считаете, что земли за Чу принадлежат Вам. Между тем как джалаиры, кочующие от Копала и Коксу и Караталу, дулаты, абдани, кочующие по р. Или, искони были нашими подданными, платившими нам зякет и подать»[2].

Атабек был недоволен еще и тем, что связными отряда Венюкова являлись казахи, а не русские, и просил в дальнейшем присылать к нему в качестве связных русских. «По нашему мнению,— писал он,— киргизы и буруты не имеют парламентерских качеств, потому что они недостойны доверия. Эти племена не любят спокойствия. Вам говорят одно, нам другое и ни в коем случае не могут способствовать укреплению наших дружественных отношений. Вследствие этого, если будет от Вас посланный, пусть будет русский»[3].

Мирное отношение кокандского коменданта к Венюкову Гасфорд объяснял главным образом нежеланием чуйских киргизов вступать во враждебные отношения с русским отрядом. В своем донесении военному министру Гасфорд писал: «...Киргизы начали расходиться по аулам, Пишпекский комендант Атабек-датха, вследствие того нашел вынужденным прибегнуть к изъявлениям дружбы и уважения; штабс-капитан Венюков воспользовался этим случаем, чтобы подробно

---

[1] Текст письма Венюкова к Атабеку от 5 июня 1859 г. См. там же, док. 152.

[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 22, док. 125.

[3] Там же.

изучить устройство самого Пишпека и ознакомиться с силою, вооружением и составом его гарнизона»[1].

Двигаясь по течению р. Чу, Венюков достиг в середине июня р. Ыргайты, затем с частью отряда вышел в долину Курдая и оттуда направился на Кастек для ускорения строительных работ. Другая часть отряда, состоящая из 170 казаков с одним орудием, продолжала работы по съемке местности от р. Ыргайты до кокандской крепости Иткечу в низовьях р. Чу.

Экспедиция Венюкова имела важное военно-стратегическое значение. О ее результатах Гасфорд писал: «Главные результаты рекогносцировки, в значительной части своей уже обработанные, состоят в съемке маршрутов на общем протяжении 610 верст, в подробных инструментальных планах семи местностей, удобных под укрепления и селения, в определении шести астрономических пунктов по широте, съемка планов двух кокандских укреплений — Токмака и Пишпека и подробных сведениях о реке Чу и всей причуйской стране в топографических и военно-стратегических отношениях»[2].

Благодаря экспедиции Венюкова была обеспечена безопасность казахов Старшего жуза, которые до этого большей частью теснились около Верного. Теперь они получили возможность кочевать далеко на запад. Присутствие отряда Венюкова в Чуйской долине парализовало враждебные выступления некоторых сарыбагышских феодалов, барымтовавших с бугинцами. Экспедиция Венюкова оказала большое влияние на киргизов в части укрепления их дружественных отношений с русскими властями. В донесении Гасфорда на имя военного министра указывалось: «Появление нашего отряда на Чу произвело большое влияние и на тех дикокаменных, которые кочуют около Токмака и Пишпека, которые доселе, под влиянием кокандцев были к нам неприязненны»[3].

Важное влияние на киргизские племена, кочевавшие на берегах озера Иссык-Куль, оказала и экспедиция Голубева, а также движение другого отряда к озе-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, док. 197.
[2] Там же.
[3] Там же.

ру, предпринятое как для прикрытия экспедиции, так и для встречи каравана, возвращавшегося из Кашгара. Именно после этого некоторые сарыбагышские манапы обратились к начальнику Алатовского округа с просьбой принять их в русское подданство. Гасфорд в своем донесении военному министру писал: «В настоящее время через начальника Алатовского округа мне предъявлена просьба о принятии в наше подданство двух манапов дикокаменных из рода сарыбагыш Адила и Умбет-Али, имеющих большое влияние на своих соплеменников»[1].

Между тем командование русских войск в Западной Сибири начало готовиться к новой экспедиции в будущем, 1860 г. Целью ее должно было явиться занятие кокандских укреплений Токмак и Пишпек. В связи с этим военный министр предложил Гасфорду осуществить ряд мероприятий, связанных с увеличением численности солдат, вооружения, транспортных средств и т. д. в Алатовском округе»[2].

В связи с предстоящей экспедицией важное значение приобрело укрепление дружественных отношений с чуйскими киргизами. Поэтому Гасфорд рекомендовал начальнику Алатовского округа принять все меры для сближения с правителями киргизских племен солто, сарыбагыш и др.

Гасфорд несколько сомневался в преданности некоторых сарыбагышских манапов, как Уметалы и близких к нему Адыла и Торогельды.

Уметалы, неоднократно заявлявший о своей преданности России и просивший о принятии его в русское подданство, столько же раз менял свою ориентацию, сближался с кокандцами, проявлял враждебные отношения к подвластным России казахам Старшего жуза, а в отношении бугинцев выступал как главный их притеснитель и враг.

Кокандские наместники, сохранявшие над сарыбагышами свою власть, всячески подстрекали их совершать набеги на бугинцев, которые после принятия русского подданства перестали платить зякет.

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, док. 197.
[2] Там же, д. 22, док. 186.

Подготовка военной экспедиции велась тайно, но тем не менее слухи о ней стали распространяться. Кокандцы точных данных о подготовляемой экспедиции не имели. Однако хан Милля-бек, подозревая возможность военных действий со стороны Заилийского отряда, стал принимать меры по укреплению чуйских крепостей и усилению их гарнизонов.

В начале октября Колпаковский направил письмо кокандскому коменданту в Пишпеке, в котором просил освободить находившегося в плену султана Беке и других. Колпаковский выражал также протест по поводу посылки кокандцами сборщиков зякета к бугинцам. В ответном письме кокандский бек писал, что не может освободить пленных без разрешения хана, а в отношении бугинцев он считал себя вправе требовать зякет. Таким образом, переговоры не давали должных результатов[1].

В то же время Колпаковский стал активно налаживать отношения с солтинским манапом Джангарачем и сарыбагышским манапом Джантаем, учитывая, что кочевья подвластных им племен находятся в районе будущих военных действий. Характеризуя свои отношения с чуйскими киргизами, Колпаковский в донесении к Гасфорду писал: «Что же касается до миролюбивых и успокоительных моих сношений с Джангарачем, Джантаем и прочими западными дикокаменными, то у меня, благодаря случаям, много поводов приступить к сношениям с ними в том духе, в каком изволили повелеть. Например, Джантай ныне прислал ко мне своего человека, прося удовлетворения со стороны наших киргизов в одном незначительном исковом деле. Пользуясь обстоятельствами, я признал необходимым удовлетворить его иск, если он даже немного превеличен, но не обижая, однако, и своих киргиз и написал ему письмо, что я всегда готов сделать им угодное, лишь бы они сохранили любовь и дружбу между нашими подданными и своими.

Независимо от этого, я на днях напишу письмо Джангарачу, приглашу его прислать ко мне претендентов и почетных людей для получения удовлетворе-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 22, док. 239.

ния с наших киргизов. Письмо мое будет наполнено любезными уверениями в дружбе и расположении нашем к нему, а по прибытии почетных в укрепление Верное, я на словах выражу им все, что нужно. В сношениях моих с сарыбагышами и самим Умбет-Али я буду руководствоваться тоже обстоятельствами, но постараюсь сохранить к ним такой образ действий, из которого они никогда не будут в состоянии заподозрить нашего против них намерения»[1].

В своих сношениях с киргизскими и казахскими правителями Колпаковский широко использовал не только внушения, но и подношения подарков и подкупы. В донесении Гасфорду он писал об этом: «Буду действовать непосредственно сам насколько внушениями, настолько и подарками, на каковой предмет решаюсь экономно употреблять оставленные Вашим высокопревосходительством в моем хранении вещи». Указывая на необходимость этого, Гасфорд в свою очередь писал: «Нужно будет делать подарки главным родоначальникам киргизов Большой Орды (юсуповцев), кочующих за рекой Чу, и дикокаменных, содержать лазутчиков и по временам угощать азиатцев»[2].

Колпаковскому необходимо было развивать дружественные связи со всеми киргизами Чуйской долины, т. к., хотя их представители и заявляли неоднократно о своем желании принять подданство России, фактически их положение оставалось неопределенным. Даже подданство племени бугу было еще непрочным. Осенью 1859 г., когда бугинцы на зиму перекочевали на берег Иссык-Куля, в их кочевья вторгся китайский военный отряд. В это же время туда прибыли и кокандские чиновники для сбора зякета.

В начале декабря Колпаковскому поступило письмо от бугинских манапов Качыбека и Сарпека, в котором они просили защиты. Как видно из этого письма, бугинцы хотя и платили зякет кокандцам, но своих позиций в отношении подданства не изменили. В донесении Гасфорду Колпаковский писал: «Бугинцы не только не теряют надежды на нашу защиту, но ожида-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 22, док. 252.
[2] Там же, док. 257.

ют ее, говоря, что они вынуждены были перейти на озеро, по случаю совершенной бескормицы и неурожая трав, что они питают искренние чувства преданности к нам»[1].

В ответном письме Колпаковский сообщил, что весной 1860 г. на Иссык-Куль для охраны бугинцев будут отправлены русские отряды, которые приступят к постройке на берегу озера укрепления, даже несмотря на возможное вооруженное сопротивление со стороны кокандцев[2].

Однако вопрос о военной экспедиции против Коканда не решался, но хотя Гасфорд уже вплотную приступил к ее организации, он считал желательным для успеха экспедиции одновременно действовать против кокандской крепости Джулек на Сыр-Дарье со стороны Оренбургского генерал-губернатора.

Однако необходимо было считаться и с международной обстановкой. В связи с обострением взаимоотношений между западными державами в военном министерстве России было принято решение повременить с экспедицией до особого распоряжения. 7 ноября 1859 г. военный министр указал генерал-губернатору Западной Сибири: «В отвращение возбуждаемого на западе мнения о завоевательных намерениях наших в центральной части Азии, правительство наше в настоящее время признает полезным избегать по возможности наступательных действий на наших сибирских границах.

В этих видах Государю императору благоудобно, чтобы ваше высокопревосходительство, не отменяя делаемых приготовлений по экспедиции в верховья реки Чу, не приступили, однако, к исполнению самого предприятия против Пишпека, пока не получите особого на то разрешения»[3].

Гасфорд не ослаблял своей деятельности по подготовке военной экспедиции в Чуйскую долину. Колпаковский успешно налаживал отношения с не подвластными еще России казахскими племенами Старшего

---

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, док. 288.
[2] Там же, л. 22.
[3] Там же, док. 269, л. 22.

жуза, кочевавшими за рекой Чу, и с киргизами. При этом он пытался использовать вражду между казахскими племенами албан и племенем сарыбагыш, стремясь этим путем добиться ослабления сарыбагышей, особенно тех из них, которые были подвластны манапу Уметалы. В донесении Гасфорду от 30 октября 1859 г. Колпаковский писал: «Что же касается до поддержания вражды албанов с сарыбагышами для нанесения им окончательного удара, то в этом случае никто не может оказать такой услуги, как албанский батыр Тазабек, уже открывший свою вражду с сарыбагышами за последнюю баранту, которая представляет к тому весьма естественный повод...»[1].

Наряду с Тазабеком, Колпаковский пытался использовать с этой же целью казахского бия Суранчы. Поскольку последний был в хороших отношениях с Уметалы, Колпаковский сознательно вел политику разжигания ссоры между ними. В донесении Гасфорду он писал: «Постараюсь по возможности парализовать эту дружбу и разжечь между ним и Умбет-Али вражду, которую и поддерживать до поры, до времени, найти же приличный повод к этому укажут обстоятельства»[2].

Со стороны кокандцев за все это время открытых военных действий не предпринималось.

В конце 1859 г. кокандский хан Малля-бек провел новые назначения в ряде городов. Правителем Ташкента был назначен Рустамбек, занимавший до этого пост туркестанского бека. Туркестанским беком стал Курманбек. Аскербашой был назначен Бабаджан. Малля-бек обратился к бухарскому эмиру с предложением о заключении мира и союза для противодействия колонизационному движению Российской империи. Хан развернул агитационную работу среди киргизов и казахов. В первую очередь он делал ставку на религиозную общность киргизов с кокандцами. Однако агитация агентов хана особого успеха не имела. Следует иметь в виду, что многие подвластные Коканду киргизские и казахские племена только под давлением обстоятельств терпели власть кокандского хана и ждали

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 17, док. 261.
[2] Там же.

развязки борьбы между Кокандом и Россией. Некоторые из старшин этих племен сами советовали хану ускорить начало войны с Россией, надеясь, что такая война быстрее внесет ясность в их собственное положение. Начальник Сыр-Дарьинской линии в записке от 30 ноября 1859 г. писал: «Киргизы желают, чтобы хан начал войну с русскими потому, что они уверены, если кокандцы чем-нибудь возбудят неудовольствие русских, то русские непременно завладеют если не Ташкентом, то Туркестаном, и потому многие уважаемые из них бии просят хана начать священную войну с неверными»[1].

* * *

Значительные изменения во взаимоотношениях киргизов с Кокандским ханством и Россией произошли в начале 1860-х гг. Это было связано прежде всего с обострением отношений между Россией и Кокандом из-за усиления русского влияния на казахские племена в районе р. Чу и на киргизские племена, кочевавшие на берегах озера Иссык-Куль и в Чуйской долине.

Колпаковский стремился обеспечить безопасность передовых пунктов подвластной России территории Заилийского края, приобрести прочное влияние на казахские племена чапрашты, кашкоро и ботпай, кочующие к западу от Кастека, на границе с Киргизией. Для этого он прежде всего усиливал кастекский гарнизон.

Общее положение, сложившееся в Кокандском ханстве в 1860 г., должно было облегчить успех военной экспедиции царских войск в Северную Киргизию со стороны Заилийского края даже сравнительно незначительными силами. В конце 1859 г. кокандский хан предпринял попытку улучшить отношения с бухарским эмиром, который, поддерживая дружественные отношения с Россией, вместе с тем угрожал Коканду. В случае, если бы главные силы Малля-хана выступили

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 17

по направлению к Чу или Сыр-Дарье, войска эмира могли без труда вторгнуться в Ферганскую долину и нанести чувствительные удары по центру Кокандского ханства. Опасаясь этого, хан стремился урегулировать с Бухарой все спорные вопросы. Одновременно он пытался начать переговоры с царским правительством. В конце 1859 г. хан направил специальное письмо на имя Александра II[1]. Однако генерал-губернатор Оренбургского края Катенин не нашел нужным довести до сведения царя содержание этого письма. Одновременно он принял решение, на случай, если кокандским ханом будет направлено в Россию официальное посольство (о чем шли разговоры), то задержать его в пределах Оренбургского или Западносибирского генерал-губернаторства, не допустив до столицы. По мнению Катенина, посещение Петербурга кокандским посольством могло «...возбудить недовольство бухарского эмира, поддерживающего дружественные отношения с Россией». Вражда «с кокандским ханом для нас,— писал Катенин,— всегда выгодна и в особенности ныне в том отношении, что она воспрепятствует последнему противодействовать нам на р. Сыре и р. Чу»[2].

На особом совещании у военного министра 14 декабря 1859 г. вопрос о занятии верховьев р. Чу и крепостей Пишпек и Токмак был решен окончательно. В своем отношении от 24 декабря 1859 г. военный министр сообщил Гасфорду это решение и одновременно переслал инструкцию о порядке действий. В инструкции, в частности, указывалось о том, что экспедицию для занятия Пишпека следует приурочить во времени к началу военных действий против кокандской крепости Джулек со стороны Сыр-Дарьинской линии, намеченных на 1861 г. В случае же нападения на Заилийский край самих кокандцев генерал-губернатору Западной Сибири предоставлялось право, не ожидая особого на то приказания, предпринять экспедицию против Токмака и Пишпека и занять их[3].

В это же время активизировалась деятельность наместников хана среди киргизов и казахов. Кокандские

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 7.
[2] См. там же.
[3] Там же, док. 14.

правители начали усиленно подталкивать чуйских киргизов к нападению на подвластных России казахов, делая при этом особый упор на религиозную общность киргизов с кокандцами, выдавая приказания кокандского хана за «божью волю к правоверным мусульманам» и т. п.[1]

Малля-хан стал уделять особое внимание своим пограничным крепостям. Он усилил борьбу со взяточничеством наместников, урегулировал налоги и в большей степени стал оказывать покровительство купцам. Хан начал энергично преследовать воров и барымтачей в своих владениях, приказал пограничным начальникам поддерживать с русскими властями миролюбивые отношения. Эти и другие меры способствовали приобретению им некоторого доверия своих подданных.

Однако указанная деятельность Малля-хана в известной мере парализовалась неблагоприятной для Коканда политической обстановкой в Средней Азии. С одной стороны, предшественник Малля-бека Худояр, нашедший убежище в Бухаре, опираясь на своих сторонников и на поддержку эмира, продолжал враждебные происки. С другой — отряды войск эмира постоянно совершали мелкие нападения на пограничные районы Кокандского ханства, вызывавшие ответные действия кокандских войск. Такая тревожная обстановка, разумеется, до некоторой степени связывала руки Малля-хану в подготовке к предстоящим действиям против царских войск.

Тем не менее кокандцы деятельно готовились к отражению наступления. Особенно активно шли эти приготовления в Северной Киргизии[2]. С начала 1860 г. в Пишпек стали подходить значительные войсковые подкрепления. Под страхом смертной казни кокандские военачальники потребовали от каждой юрты чуйских киргизов и казахов племени дулат по одной строевой лошади. Для обеспечения питанием уже собранных отрядов, а также для создания продовольственного запаса для более крупных военных сил кокандские власти наложили на киргизские племена сверх обычного зяке-

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 11.
[2] Там же, док. 27.

та «особый сбор» по 1000 баранов с каждого бия. Почти все правители чуйских киргизов вынуждены были согласиться на выплату такого сбора. Только правители прииссуккульских киргизов, в частности старшины и бии племени бугу, заняли двойственную, выжидательную позицию. Наиболее влиятельные бугинские манапы, придерживавшиеся русской ориентации, убедительно просили начальника Алатовского округа прислать к ним русский отряд для охраны от притеснений наместника кокандского хана. В то же время, будучи неуверенными в удовлетворении этой просьбы, бугинцы вынуждены были предпринимать собственные меры для обеспечения своей безопасности и с этой целью послать своих представителей в Коканд с подарками хану и с обещанием выплаты зякета[1].

Для восстановления своего господства над бугинцами кокандские власти, как и прежде, использовали межплеменную борьбу этого племени с сарыбагышами, тем более, что взаимоотношения их в это время были обострены в связи с пленением бугинцами манапа Торогельды.

В начале 1860 г. комендант Пишпека Атабек-датха был вызван к хану. Он изложил положение дел в Северной Киргизии в связи с движением сюда военных сил России со стороны Западной Сибири и получил подробные инструкции в отношении дальнейших действий. Ему было дано также указание открыто действовать вместе с сарыбагышами против бугинцев в случае неизъявления последними покорности. Стараясь придать своим действиям видимую законность, Атабек направил письмо Колпаковскому с объяснением причин предъявленных бугинцами требований. Он указал, что бугинцы издавна являются подданными кокандского хана и потому обязаны платить ему зякет[2]. Гасфорд предложил Колпаковскому ответить на письмо Атабека и напомнить, что бугинцы по присяге, которую они принесли на коране в Омске в 1855 г., являются подданными России и потому нападение на них кокандцев

---

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 27.
[2] Там же, док. 34.

будет рассматриваться русской властью как враждебное действие против России[1].

Тем временем к начальнику Алатовского округа все чаще стали поступать тревожные сведения о приготовлениях кокандского хана к войне против России. Так, например, стало известно, что в Коканде находится несколько англичан, занимающихся отливкой пушек по европейскому образцу и т. п.[2] Подготовка велась под знаменем «священной войны» — «газавата».

Особо важное значение Малля-хан в это время придавал установлению дружественных отношений с Бухарой. Однако эмир был настроен к кокандскому хану более враждебно, чем когда-либо. Он действовал против Малля-хана через хана Худояра и при каждом удобном случае выставлял его кандидатуру на кокандский престол. Собрав ряд своих приверженцев, Худояр ждал только удобного случая для нападения на Коканд.

Эти обстоятельства до некоторой степени заставили русское правительство поторопиться с решением о начале военной экспедиции против крепостей Токмака и Пишпека. Военный министр в своем письме генерал-губернатору Западной Сибири от 19 марта 1860 г. еще раз подтверждал уже изложенную ранее точку зрения относительно похода против Пишпека. Он указывал на необходимость «...сохранения в тайне делаемых приготовлений до исполнения сего предприятия одновременно с занятием Джулека со стороны Оренбургского корпуса в 1861 году»[3]. В письме военного министра Гасфорду от 31 марта 1860 г. указывалось, что если кокандцы сами начнут какие-либо враждебные действия против Заилийского края, в таком случае начать наступление силами, подготовленными для предполагавшейся в 1861 г. экспедиции, не ожидая действий со стороны Оренбурга, а если представятся благоприятные обстоятельства, то воспользоваться ими и занять крепости Токмак и Пишпек. В случае же отсутствия уверенности в несомненном успехе предпринимаемой

---

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 76, док. 230.
[2] Там же, д. 23, док. 33.
[3] Там же, док. 43.

экспедиции занятие Токмака и Пишпека должно быть отложено до 1861 года[1]. Для руководства предстоящими военными операциями в Чуйской долине в распоряжение Гасфорда был командирован полковник генерального штаба Циммерман.

В столкновении интересов Коканда и России в Северной Киргизии первенствующее значение в это время стал приобретать вопрос о подданстве бугинцев. События в районе Иссык-Куля назревали быстрее, чем в Чуйской долине, вследствие того, что весною 1860 г. к берегам Иссык-Куля для возведения военных укреплений и сбора зякета с бугинцев был направлен отряд Кокандских войск. В связи с этим генерал-губернатор Западной Сибири предложил Колпаковскому прекратить всякие сношения с комендантом Пишпека, указывая, что «...в этом деле последним доказательством остается сила оружия»[2].

Он писал: «Это открытое нападение по крайней мере может решить дело разом и с несомненным успехом для нас, тогда как, если мы допустим кокандцев продолжать свои происки, сбор зякета и т. п. в Дикокаменной Орде, то мы долго не в состоянии будем потом умиротворить горные племена бугинцев, сарыбагышей, солты и проч. А потому я очень рад, что правительство в этом отношении не связало моих рук»[3].

Среди бугинцев в это время сложилось две группировки. Одна, составлявшая меньшинство, во главе с манапами Мураталы, Тилекматом и Чонкарачем, представляла собой как бы «партию» кокандской ориентации. Другая, представлявшая подавляющее большинство, во главе с манапами Качибеком, Балбаем, Зарпеком, сыном Боромбая — Кылычем и др., являлась как бы «партией» русской ориентации[4].

Бугинцы, державшиеся русской ориентации, настойчиво просили Колпаковского о присылке русского отряда на Иссык-Куль для защиты от угроз и притеснений кокандцев и сарыбагышей. По получении их письма Колпаковский обратился к генерал-губернатору

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 49.
[2] Там же, док 49.
[3] Там же, док. 32.
[4] Там же, док. 54.

Западной Сибири за разрешением выслать военный отряд. Гасфорд дал такое разрешение и решительно высказался за то, чтобы бугинцы, как подданные России, не платили никаких податей кокандцам. Он предложил Колпаковскому довести до сведения кокандского коменданта в Пишпеке, что кокандцы не имеют права вмешиваться в дела бугинцев, и всякое вмешательство с их стороны будет рассматриваться русскими властями как объявление войны России.

Наряду с посылкой отряда в восточную часть озера Иссык-Куль Гасфорд находил нужным направить весною еще один, особый отряд через Кемин на западную оконечность озера, чтобы угрожать враждебным бугинцам сарыбагышам с двух сторон, а также оказать решительное противодействие прибывающим на Иссык-Куль для сбора зякета кокандским отрядам[1]. Западный отряд должен был закрыть кокандцам путь на озеро Иссык-Куль с верховьев р. Чу. В отряде должны были находиться также топографы для съемки берегов озера и прилегающих районов Терскей и Кунгей Ала-Тоо[2].

5 февраля 1860 г. Колпаковский выслал из Верного к берегам озера Иссык-Куль казачий отряд с двумя ракетными станками и с двухмесячным запасом продовольствия под командой сотника Жеребятьева[3]. Одновременно он просил старшину казахского племени албан Тазабека в случае нападения на бугинцев немедленно оказать им вооруженную помощь. С такой же просьбой Колпаковский обратился к старшинам казахских племен Суранчи и Диканбаю, кочевавшим в окрестностях перевала Кастек и в долине Джейрен-Айгыр.

В связи с обострением отношений между Россией и Кокандским ханством важное значение приобрело усиление гарнизона передового Кастекского укрепления, т. к. в случае военных действий кокандцы должны были прежде всего напасть на это укрепление.

Так называемый «восточный» отряд, выступивший из Верного 16 февраля, достиг восточной оконечности

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 15.
[2] Там же, док. 32.
[3] См. там же, док. 25.

озера Иссык-Куль и остановился среди кочевья бугинцев. Жеребятьев, раньше бывавший в этих местах, лично знал многих бугинских манапов. В отряде находился также хорунжий Бородин, хорошо знавший киргизский язык. Ему было поручено ведение различных переговоров с бугинцами и сарыбагышами.

Отряд Жеребятьева, обосновавшийся на р. Тюп, с выходом второго отряда на западную оконечность Иссык-Куля должен был двинуться ему навстречу по южному берегу озера, производя одновременно топографические съемки. Западный отряд по прибытии в Кетмалды должен был также заняться съемкой западной оконечности Иссык-Куля и прилегающих гор и, продвигаясь навстречу восточному отряду, произвести съемку берега озера. По окончании топографических работ соединенные отряды должны были возвратиться в район верховьев р. Чу. При западном отряде должно было находиться некоторое число казахов племени дулат, а при восточном — бугинцев и казахов племени албан. Для осуществления регулярной связи с тылом, в частности с передовым укреплением Кастек, решено было создать на Малом Кемине временный пост. О главной цели высылаемых на Иссык-Куль отрядов Гасфорд писал: «Цель высылки отрядов состоит в пресечении кокандцам доступа на Иссык-Куль и утверждения их влияния там. Никаких наступательных действий производить не должно; в случае необходимости быть готовыми действовать энергично, дабы держать сарыбагышей в страхе, угрожая им нападением с двух сторон»[1].

Как видно, цель посылки отряда заключалась в том, чтобы решительно противодействовать всяким попыткам кокандцев утвердить в какой-либо степени свое влияние на берегах озера Иссык-Куль и окончательно закрепить господство России в этом районе Северной Киргизии. Это было очень важно с точки зрения дальнейшей борьбы России и Коканда за обладание Северной Киргизией.

Одной из важных задач являлось создание угрозы сарыбагышам, которые, враждуя с бугинцами, все бо-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 43.

лее стали опираться на кокандцев. Нужно было подорвать влияние и значение Коканда в глазах сарыбагышей и тем самым способствовать усилению влияния на них России, а также склонить влиятельных правителей этого племени к поискам покровительства Российской империи.

По прибытии восточного отряда на Иссык-Куль выяснилось, что влияние кокандцев среди бугинцев было гораздо сильнее, чем это предполагалось начальником Алатовского округа. Кокандцы стали направлять свои вооруженные отряды на берега Иссык-Куля, в связи с чем Колпаковский выслал на Иссык-Куль вспомогательные силы[1].

Направление отрядов на озеро Иссык-Куль весной 1860 г. не означало, однако, начала серьезного военного наступления со стороны России. К началу 1860 г. в распоряжении начальника Алатовского округа еще не было достаточного количества военных сил и средств, необходимых для организации экспедиции более или менее крупного масштаба с целью вытеснения кокандцев из района р. Чу. Перед русскими отрядами ставилась задача укрепить влияние России лишь в районе Иссык-Куля.

Координация движения обоих отрядов, восточного и западного, была поручена капитану генерального штаба Венюкову. На него была возложена также обязанность вести переговоры с киргизами и кокандцами и руководить всеми топографическими работами. Ему были даны также денежные суммы для угощения влиятельных старшин и для приобретения подарков дружественным манапам[2].

Срок пребывания обоих отрядов на Иссык-Куле был рассчитан на один месяц, после чего, соединившись, возвратиться в Кастек. Но если местные условия и обстоятельства потребовали бы дальнейшего присутствия отрядов на Иссык-Куле, то продление срока экспедиции предоставлялось на усмотрение командующего отрядом[3]. Венюкову предписывалось «...не начинать никаких действий, особенно наступательных, и не пере-

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 53.
[2] Там же, док. 58.
[3] Там же, док. 54.

ходить за р. Чу. Но если бы дикокаменные киргизы или кокандцы сделали бы на отряд нападение, то... отражать силу силой...»[1]

Венюкову было указано, что его цель — мирным путем стараться привлечь на сторону России сарыбагышей. В инструкции говорилось: «Не нужно, чтобы сарыбагыши были устрашены появлением наших военных сил на озере и при этом, чтобы им была внушена необходимость не поддаваться безусловно кокандцам»[2]. Предлагалось захватить в плен, заманив предварительно в отряд лишь тех манапов, которые обнаружат явно враждебное отношение к России. Но сарыбагыши, учитывая движение восточного русского отряда, поторопились примириться с бугинцами. В знак примирения бугинцы освободили пленного манапа Торогельды[3].

Что касается кокандцев, то капитану Венюкову было предписано не вступать ни в какие сношения с кокандскими властями, а в случае, если они обратятся с вопросом о причине движения русских отрядов на Иссык-Куле, отвечать им, что русские отряды движутся по своей земле, по правому берегу Чу, ограждая права киргизов — российских подданных, а поэтому и отчет в этом давать кокандцам не обязаны[4].

Как видно, отряды, посылаемые на Иссык-Куль, призваны были по возможности действовать мирным путем и прибегать к военным действиям только в тех случаях, когда на них будет совершено нападение. Важно было показать киргизам превосходство сил России над кокандцами. Вместе с тем русские отряды должны были проявлять дружелюбное отношение России к киргизам. В инструкции, данной Венюкову, говорилось: «...экспедиция эта не должна иметь враждебного характера...», «строго не допускать солдат, а в особенности казаков, ни к каким насилиям, бесплатным поборам и обидам дикокаменных киргизов, какого бы рода они ни были, если только сами не будут нападать и враждебно действовать против нашего отряда...»[5]

---

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 54.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же
[5] Там же.

Касаясь отношения к сарыбагышам и другим киргизским племенам, Гасфорд писал: «...надобно, чтобы при выступлении отрядов на Иссык-Куль всем дикокаменным киргизам было объявлено, что намерения наши совершенно мирны, что ни одна каракиргизская юрта не будет тронута русскими, если ее обитатели будут вести себя спокойно. Но пусть все знают, что за каждый враждебный шаг против нас будут расплачиваться головами»[1]. Венюков должен был «...утвердить прочно... влияние на озере, заметно поколебленное кокандцами»[2]. Бугинцам же Гасфорд предписал объявить, «...что они навлекут на себя грозу и потом горько будут раскаиваться, если подчинятся подстреканиям кокандцев»[3].

В отношении кокандских отрядов предписывалось употребить силы оружия и вытеснить их с Иссык-Куля; если они добровольно не покинут берегов озера.

Власти Западной Сибири с известным недоверием смотрели и на действия отдельных казахских старшин. Начальнику Алатовского округа было дано предписание заманить Тезека в Верный и удержать его там до прибытия генерал-губернатора, а в отношении некоторых других казахских старшин вести осторожную политику[4].

После прибытия на Иссык-Куль восточного отряда Жеребятьева на южный берег озера прибыл сильный кокандский отряд из крепости Куртка. Кокандцы, узнав о находящихся здесь русских войсках, отправили своих людей обратно в укрепление Куртка и в Чуйскую долину, в крепость Пищпек, с просьбой о присылке подкрепления. Кокандцы возлагали надежду также на поддержку со стороны киргизов.

Пребывание русского отряда в Тюпе не остановило, однако, стремления кокандских отрядов собрать зякет с бугинцев. В это время кокандцы собирали зякет по всей Северной Киргизии. Они потребовали от бугинцев 480 лошадей и 400 баранов и, кроме того, баранов для довольствия отряда. Часть бугинцев, державших сто-

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 60.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

рону кокандцев, изъявила согласие на выплату зякета, что частично стало осуществляться. Одновременно кокандцы стали готовиться к строительству укрепления на р. Кызыл-Су, на южном берегу Иссык-Куля и поэтому попросили бугинцев оказать им содействие в подвозе камней и других строительных материалов. Часть бугинцев, подвластных манапам Мураталы, Чонкарачу, Тилекмату, обещали и в этом деле оказать кокандцам помощь[1].

Однако подавляющее большинство бугинцев, считавших свое русское подданство окончательным и твердо убежденных в надежности защиты со стороны России, решительно воспротивилось сбору зякета, во всем стремилось поддерживать русские отряды.

Учитывая враждебную деятельность кокандцев, Жеребятьев перешел с Тюпа на р. Каракол, в центр кочевьев бугинцев, как на более выгодную позицию для активного противодействия. Жеребятьев потребовал, чтобы кокандцы удалились из районов кочевьев бугинцев. На это начальник кокандского отряда ответил, что он ничего враждебного против русских не имеет и что его отряд прибыл сюда по приглашению самих бугинцев. В случае же нападения русских отрядов кокандцы не намерены оказывать никакого сопротивления. Как выяснилось впоследствии, такой «миролюбивый» ответ был рассчитан на то, чтобы выиграть время до подхода подкреплений из крепости Куртка и из Чуйской долины.

Жеребятьев попросил разрешения у начальника Алатовского округа открыть военные действия против кокандцев. Колпаковский в свою очередь запросил разрешения на это у командования Сибирским корпусом. Однако командир Сибирского корпуса находил более целесообразным начать действия против кокандцев на Иссык-Куле после прибытия на озеро западного отряда подполковника Шайтанова. Выступление этого отряда задерживалось. Колпаковский опасался, что к моменту прибытия отряда Шайтанова кокандцы успеют собрать с бугинцев значительное количество зякета и, узнав о прибытии второго русского отряда,

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 64 и 69.

удалятся в крепость Куртка. Поэтому он решил начать военные действия против кокандцев силами только восточного отряда[1]. Колпаковский предписал Жеребятьеву ни под каким видом не допускать среди русскоподанных бугинцев сбора зякета.

Согласно разработанному маршруту, 10 мая должно было начаться движение восточного отряда по южному берегу озера на запад. Так или иначе он должен был пройти мимо айылов бугинского манапа Мураталы, державшего сторону кокандцев, и столкнуться с кокандскими отрядами, стоявшими на реке Джууку. Колпаковский учитывал, что вытеснение кокандцев с озера Иссык-Куль силой оружия должно было оказать благоприятное для интересов России влияние не только на бугу, но и на другие киргизские племена и на заилийских казахов[2]. Особенное значение такое действие должно было иметь для бугинцев, по отношению которых Колпаковский тогда писал: «Мы много обещали бугинцам в пользу их защиты от всякого вторжения к ним чужеземцев, претендующих на владычество ими»[3].

Борьба за утверждение влияния России была настолько важной, что Колпаковский в начале мая решил сам с дополнительным войском выехать в район расположения восточного отряда для того, чтобы лично руководить военными действиями[4]. В это же самое время начал свое движение к побережью Иссык-Куля и западный отряд. 7 мая 1860 г. этот отряд выступил из Верного, имея в своем составе пехоту, кавалерию и артиллерию[5].

Командир Сибирского корпуса в своем отношении к начальнику Алатовского округа от 9 мая 1860 г. требовал принятия решительных и беспощадных мер по отношению к кокандцам и бугинцам, придерживающимся кокандской ориентации. Ссылаясь на свою инструкцию, данную капитану Венюкову, он писал: «Кокандцев я приказал с Иссык-Куля прогнать силой,

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 64 и 69.
[2] Там же, док. 69.
[3] Там же.
[4] Там же, док. 82.
[5] Там же.

если они не согласятся уйти добровольно по предложению нашему, а так как дело теперь, по-видимому, должно кончиться оружием, то исполнить это со всею энергией и поспешностью; если это вами еще не сделано, стараться истребить или взять в плен весь отряд, чтобы ни одна душа не ушла. Если партия бугинского манапа Мурат-Али и Чон-Карача примет участие в действиях против нас, то истребить ее в устрашение прочим родам. Не поняв чести и ласк, пусть испытывают кару и мзду. Во всяком случае стараться захватить силой или хитростью двух мятежных манапов — Мурат-Али и Чон-Карача с их мерзавцем секретарем, если попадутся нам в руки, то посадить их в Верном в тюрьму; секретаря — в двойные оковы.

Начатый кокандцами на Иссык-Куле курган разорить, взятый ими зякет отобрать, данный от двух вышепоименованных враждебных манапов, и оставить в пользу наших войск; взятый же вынуждением от других родоначальников возвратить хозяевам, если они не принимали участия против нас. Преданных нам манапов обласкать и наградить...»[1]

Действия, предусмотренные инструкцией в отношении кокандцев и части бугинцев, капитан Венюков имел намерения применить и к сарыбагышам. Он хотел доказать сарыбагышам, правители которых — манапы Торогельды и Уметалы, отступили в глубь Тянь-Шаня, что для русских отрядов не существует недосягаемых кочевий. В случае, если сарыбагыши не пойдут на заключение окончательного мира с бугинцами и не произведут свои расчеты по барымтованному скоту, Венюков имел намерения преследовать Торогельды, отобрать у него пашни и отдать их бугинцам, а в случае противодействия сарыбагышей разорить несколько их айылов силами бугинцев, подкрепленных казаками. Для того, чтобы заставить сарыбагышей вернуть также и отогнанный скот казахских племен албан и обеспечить спокойствие на Иссык-Куле, Венюков предполагал захватить самого Торогельды и ряд других влиятельных манапов сарыбагышей, отправить их в Верный и держать их там в качестве заложников. Однако

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 83.

не раскрывая до времени своих намерений, Венюков разослал всем киргизским племенам, и в том числе сарыбагышам, обращения, призывая их к миру, спокойствию и дружбе[1].

Западный отряд 10 — 12 мая остановился в Кастеке, а 14 мая прибыл в Малый Кемин. Сюда, в ответ на обращение, к капитану Венюкову явился посланный от манапа Рыскулбека, айылы которого были расположены поблизости от местонахождения отряда. Доверенному Рыскулбека манапу Менди было поручено заняться производством расчетов по барымтованному скоту с подвластными России казахами Старшего жуза. От манапа Менди Венюков узнал, что Уметалы откочевал далеко на Талас, а Торогельды — на Терской Ала-Тоо. Оставшиеся на Кемине сарыбагыши желали примирения с казахами Старшего жуза, с которыми у них была барымта, и просили об этом содействия Венюкова. Далее Менди сообщил о недовольстве сарыбагышей кокандцами, которые собрали зякет сверх нормы[2].

К середине мая начальник Алатовского округа в сопровождении небольшого отряда прибыл в район Восточного побережья Иссык-Куля. К этому времени положение дел на Иссык-Куле начало меняться. По мере продвижения русских отрядов к бассейну озера Иссык-Куль начали меняться позиции тех бугинских манапов, поведение которых до этого было двусмысленным или прокандским.

Сотник Жеребятьев 6 мая начал движение с р. Каракол и приблизился к кокандской крепости Джууку. Кокандцы, заметив это, оставили свой лагерь и через ущелье Джууку ушли в сторону укрепления Куртка на Нарыне. Бугинские манапы, поддерживавшие кокандцев, в частности Мураталы, изъявили теперь полную покорность и немедленно согласились на требование Жеребятьева откочевать и присоединиться к остальным бугинцам. Отряд Жеребятьева продолжил движение по южному берегу озера на запад для соединения с западным отрядом, производя одновременно съемки мест-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 82.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док.89.

ности[1]. Тем временем, снявшись с Малого Кемина, западный отряд Шайтанова совершил трудный переход и 20 мая достиг берегов Иссык-Куля. Поскольку ко времени прибытия отряда Шайтанова на Иссык-Куль кокандский отряд, стоявший на южном берегу озера, уже оставил свой лагерь и ушел к крепости Куртка, задача отряда Шайтанова, заключавшаяся в открытии военных действий против кокандцев с запада, отпала. Главной причиной поспешного отступления кокандцев, которые первоначально даже намеревались напасть на Жеребятьева, явилось известие о движении западного отряда. Боясь быть атакованными с двух сторон, они решили отступить в Нарын[2].

Кокандские наместники, находившиеся в крепостях Пишпек и Токмак, не могли в это время помешать движению западного отряда на Иссык-Куль или выслать сколько-нибудь крупное подкрепление своему отряду, стоявшему на Джууку. Они смогли только выслать небольшой отряд, который, однако, узнав об отступлении иссык-кульского отряда в Нарын, вернулся обратно. Атабек-датха принял движение западного отряда за серьезное наступление со стороны России. Он поспешно отправил к хану людей с этим известием и просил срочно прислать крупные военные силы в Чуйскую долину[3].

Как видно из донесения Колпаковского от 22 мая 1860 г., положение среди бугинцев после ухода кокандского отряда в корне изменилось. Никаких укреплений кокандцам построить не удалось, как не удалось собрать и зякета. Оказалось, что даже бугинцы, подвластные манапам Мураталы и Тилекмату, откладывали под различными предлогами выплату зякета.

По приезде начальника Алатовского округа на Иссык-Куль к нему явились все манапы бугинцев, в том числе и стоявшие до сих пор на стороне Коканда манапы Мураталы, Тилекмат и Чонкарач, и выразили полную покорность Российской империи. На вопрос начальника Алатовского округа — почему нарушили прися-

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 91.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 95.
[3] Там же.

ту и предались кокандцам — они отвечали, что никогда не были намерены нарушить свою присягу, а сблизились с кокандцами лишь для того, чтобы при их содействии получить обратно от сарыбагышей своих пленных сородичей. Они тут же поклялись, что более никогда ее не нарушат. Колпаковский имел намерение захватить в плен Мураталы и Тилекмата и наказать их. Но, уступая просьбам других бугинских манапов, оставшихся верными России, а также боясь не запугать остальных бугинцев, он отказался от своего намерения и ограничился лишь тем, что объявил: в случае дальнейших нарушений манапами Мураталы и Тилекматом присяги или же двуличного их поведения они, как изменники, поплатятся «... не только своими головами, но и всем аильным состоянием, которое все будет предано огню и мечу»[1].

С целью укрепления связи бугинцев с Россией наиболее влиятельные манапы были приглашены в Верный для представления генерал-губернатору.

В это время часть племени сарыбагышей во главе с манапами Адылом Аджы и Калыгулом кочевала на северном побережье Иссык-Куля. Они намеревались откочевать на запад к верховьям р. Чу. Но внезапное прибытие западного отряда не дало им возможности это сделать. Эти манапы участвовали почти во всех набегах Торогельды на бугинцев, а также совершали набеги на казахов Старшего жуза племени албан. Поэтому капитану Венюкову было предписано вызвать этих манапов в отряд, задержать их и прислать в Верный. Венюков написал письма Адылу и Аджы, приглашая их приехать для переговоров. Но Адыл, заподозрив опасность, сам не явился, а послал своего молодого сына вместе с одним джигитом. Тогда Венюков для захвата Адыла направил в его айыл отряд из сорока казаков при одном орудии под командованием хорунжего Ельгина. Оставшуюся часть отряда Венюков разделил на группы: первую — при одном орудии под командой штабс-капитана Обуха он направил по южному берегу озера для соединения с отрядом Жеребятьева, а другую двинул по северному берегу на

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 99.

восток, вслед за отрядом Ельгина[1]. Манап Адыл вскоре был захвачен[2].

Деятельность западного отряда подходила к концу. Но командующий обоими отрядами капитан Венюков еще не был убежден, что в дальнейшем, после ухода отряда с Иссык-Куля, там будет обеспечено спокойствие среди бугинцев и сарыбагышей. Особенно мало было надежды на сарыбагышского манапа Торогельды, который после ухода отрядов с Иссык-Куля вновь мог возобновить нападения на айылы бугинцев и дулатовских казахов. Наличие заложников не давало гарантии. Поэтому Венюков пришел к выводу, что для обеспечения полного спокойствия в этих местах необходимо оставить небольшие отряды в стратегически важных пунктах. Такими пунктами он избрал Кетмалды и Малый Кемин. Кроме того, наличие русского отряда на Кемине могло до некоторой степени закрыть пути кокандцам на Иссык-Куль со стороны Токмака и Пишпека[3].

Таким образом, задача была выполнена: влияние России среди бугинцев прочно утвердилось. Прежние сторонники кокандцев манапы Мураталы, Тилекмат, Чонкарач и др. теперь твердо придерживались русской ориентации.

После перехода части западного отряда через перевал Тор-Айгыр в сторону Кемина другая его часть под командованием капитана Венюкова направилась в долину Кочкор. Имелось в виду закончить топографические съемки местностей на запад от озера и произвести осмотр важных в стратегическом отношении проходов в горах Тянь-Шаня, в местностях Джоон-арык и Кызарт. В начале июня этот отряд достиг прохода Джоон-арык и расположился лагерем недалеко от горных проходов Кызарт и Челек, ведущих на Нарын и Талас. Венюкову не удалось вступить в какие-либо сношения с манапом Торогельды и подведомственными ему сарыбагышами, так как они в это время ушли в долину Джумгал, а оставшиеся в долине Кочкорка са-

---

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 101.
[2] См. там же, док. 102.
[3] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 104.

рыбагыши, подвластные манапу Рыскулбеку, вели себя, как и раньше, дружественно.

4 июня отряд Венюкова выступил обратно в сторону Кетмалды, а 10 июня прибыл на Малый Кемин[1].

Так к середине июня закончилось рекогносцировочное движение западного отряда в сторону озера Иссык-Куль. Исходя из создавшейся обстановки, в связи с возможным нападением Торогельды и кокандцев на бугинцев после ухода русских отрядов и, уступая просьбам бугинцев, решено было оставить на Иссык-Куле отряд Жеребятьева до особого распоряжения. Колпаковский в донесении Гасфорду еще 6 мая 1860 года писал: «Соизволили приказать мне объявить бугинцам, что для постоянной их защиты мы готовы на землях их поставить укрепления, что и было мною им передано, с уверением, что мы все для них сделаем, как для своих подданных. Несмотря на пребывание в их землях нашего отряда, они, вследствие разъединения между собой, и до сих пор неотступно просят меня о постройке у них крепости»[2]. Возможность нового нападения на бугинцев со стороны Коканда, так же как и враждебных бугинцам сарыбагышей, не была еще окончательно устранена. Поэтому начальник Алатовского округа находил нужным охранять безопасность бугинцев, хотя бы временно, силами русских отрядов. Начальник штаба Сибирского корпуса в своем отношении к начальнику Алатовского округа писал: «...бугинцев можно временно поддерживать военным отрядом, пока мы не утвердились на Чу, тогда мы будем иметь возможность охранять их уже оттуда»[3].

По прибытии в Кемин западного отряда пленный сарыбагышский манап Адыл, а также все остальные «почетные» киргизы, оказывавшие немалое содействие отряду, были направлены в Верный для представления генерал-губернатору.

Экспедиция Венюкова заставила кокандские власти временно отказаться от своих притязаний на эту территорию и оказала влияние на ту часть сарыбагышей,

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 111.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 114.
[3] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 98.

которая ориентировалась на Коканд, укрепила положение бугинцев. Она значительно подняла в глазах киргизов Тянь-Шаня и Иссык-Куля значение России. В донесении военному министру от 14 июня 1860 г. Гасфорд, излагая деятельность иссык-кульских отрядов, указывал: «Результатом этих движений является не только совершенное восстановление нашего влияния у бугинцев, которых все манапы прибыли в Верный, но и удаление с Иссык-Куля кокандцев, захват Адыла и бегство некоторых главнейших хищников рода сарыбагышей, одних за Небесные горы, а других в Талас»[1]. Гасфорд особо подчеркивал роль «почетных» киргизов племени бугу и сарыбагыш, которые находились при отряде и усердно помогали ему, рассылая людей для связи, поставляя рабочий скот, рабочую силу, продовольствие и т. д.

В результате этой экспедиции была выполнена и другая важная работа — произведена топографическая съемка всего южного побережья, а также недоснятой ранее части северного побережья озера Иссык-Куль. Были сняты также верховья р. Чу. Результаты этой работы должны были дать возможность завершить нанесение на карту сопредельных с Заилийским краем частей Тянь-Шаня и цепи Алатовских гор, пересекающих реку Чу.

Кокандцы, однако, далеко еще не считали Иссык-Куль для себя потерянным. Малля-хан решил направить в Чуйскую долину более крупные силы, которые могли бы нанести чувствительный удар русским отрядам Заилийского края и парализовать влияние России в Северной Киргизии, в том числе и среди бугинцев. Прежде всего правительство Коканда имело в виду произвести нападение на передовое укрепление России в Северной Киргизии — Кастек. Подготовка к нему была начата еще до экспедиции Венюкова на Иссык-Куль.

Кокандский хан, готовясь к предстоящим военным действиям, начал усиленный сбор зякета сверх обычной нормы. Сборщики зякета встречали большие затрудне-

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 114.

ния, особенно среди киргизов, поскольку размеры его были слишком обременительны.

Хан провел также некоторые изменения в системе управления отдельными областями в целях усиления центральной власти. Он добивался, с одной стороны, ослабления власти более крупных наместников ханства, а с другой — усиливал свою власть, устанавливая непосредственную связь с комендантами крепостей.

Малля-хан стремился также сглаживать издавна раздиравшие Кокандское ханство противоречия между феодальной знатью кочевых киргиз-кипчаков и торгово-купеческими слоями оседлого узбекского населения и землевладельческой аристократии. Он усердно добивался привлечения на службу, особенно военную, влиятельнейших киргиз-кипчакских феодалов, считая киргизов и кипчаков подходящим резервом для укомплектования своих войск. Надо сказать, что Малля-хан в истории Коканда выступает, несомненно, как довольно видная фигура; он в исключительно трудных и сложных для Коканда условиях проявлял немало энергии и таланта государственного деятеля. Однако и он пал жертвой «традиционной» в ханстве феодально-придворной борьбы, издавна разъедавшей это государство. Командующий Сыр-Дарьинской линией в донесении на имя Оренбургского генерал-губернатора о деятельности хана писал: «Малля-бек, изгнав брата своего Худояра с помощью бухарского эмира и достигая ханского достоинства в ноябре 1857 года, постоянно приобретает все более и более влияние не только в самом ханстве, но даже и среди соседних кочевых племен, как-то: дикокаменных киргизов, кипчаков, каратавцев, почти всегда подчинявшихся ханам только номинально. Стесненный с одной стороны противодействием Худояра, опасаясь тайных козней эмира Бухарского, постоянно поддерживающего какого-либо претендента на престол с тайной целью воспользоваться неурядицами Коканда к личной своей пользе, и с другой, боясь близкого соседства русских, Малля-бек тем не менее с искусством ловкого азиатского политика твердо держался на шатком престоле, обнаруживая в делах внутреннего управления, в противоположность расслабленному Худояру, замечательную дея-

тельность»[1]. Командованию Сыр-Дарьинской линии нельзя отказать в реалистическом изображении одной из видных личностей на ханском престоле Коканда.

В предстоящей войне с Россией главным объектом нападения кокандских войск, наряду с укреплением Верного в Заилийском крае, должен был стать форт Перовский на Сыр-Дарье. Сроки начала похода не были определены, т. к. они зависели от многих обстоятельств. А пока хан хлопотал об отправлении посольства в Россию, пытаясь вести переговоры о мире и дружбе, и приказывал своим пограничным бекам избегать каких-либо военных столкновений с русскими отрядами.

Положение Кокандского ханства по-прежнему осложнялось враждебными отношениями с эмиром бухарским, попытки установления мира и дружбы с которым не дали положительного результата. Тогда Малля-хан в феврале 1860 г., воспользовавшись выступлением эмира против афганцев, напал на бухарскую крепость Ура-Тюбе. Однако взять её не удалось, т. к. эмир сумел быстро выставить против Малля-хана 12-тысячное войско под командой Худояра. Указанные события в еще большей степени обострили взаимоотношения между Кокандом и Бухарой.

В то же время значительно большая опасность надвигалась на Кокандское ханство со стороны России. Состояние ханских войск и укреплений в Чуйской долине не могло идти ни в какое сравнение с военной мощью Российской империи.

Вооружение и организация кокандских войск были очень отсталыми, и поэтому кокандские военачальники при военных столкновениях рассчитывали главным образом на численное превосходство. Высший командный состав состоял из числа приближенных хана и других влиятельных представителей феодальной аристократии. Средний командный состав вербовался из представителей феодалов, отчасти купцов и торговцев. Наиболее подходящий контингент для комплектования командных кадров представляли беспокойные и буйные представители кипчакских феодалов.

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, док. 74.

Военной дисциплины, строго предусмотренной определенным уставом, в кокандском войске не существовало. Нередко стимулом к воинской службе служила жажда добычи и грабежа. Многие военачальники смотрели на свою должность больше как на источник обогащения, нежели как на выполнение воинского долга.

Плохо было поставлено в Кокандской армии дело военного снабжения. Во время походов и войн войска регулярно не получали казенного продовольствия, а питались, приобретая продукты на базарах или у населения, живущего вблизи от мест движения и расположения воинских частей. Такая система снабжения часто приводила к тому, что войска нуждались в самом необходимом, а иногда оставались и вовсе без продовольствия. Огнестрельного оружия не хватало, а то, которое имелось, было старым и разнообразных образцов.

Что касается численности кокандских войск, то она зависела от многих обстоятельств и никогда не была постоянной. Она зависела и от популярности того или иного похода, и от расположения подданных к хану в данный момент, и от предполагаемой легкости достижения успеха, и от возможности захвата добычи и т. д. Было время, когда хан в состоянии был в течение двадцати дней собрать до 40 тысяч человек и выступить с ними в поход. Но постоянные междоусобицы и особенно так называемая «кипчако-сартовская» резня сильно отразились на военной мощи ханства и увеличили недоверие кочевых киргизов и кипчаков к хану и его окружению. При таких обстоятельствах собрать в короткий срок большое количество воинов становилось все труднее.

В ожидании наступления царских войск со стороны Сибирской и Оренбургской линий были усилены гарнизоны крепостей Аулие-Ата, Мерке, Ашмара, Пишпек и Туркестан.

Не будучи в силах оказать серьезного сопротивления в открытом поле, кокандские войска могли упорно защищаться в своих крепостях.

Кокандская линия укреплений в Чуйской долине имела двоякое назначение: во-первых, охраны границ, которые, однако, не были твердо установлены (со сто-

роны Заилийского края такой границей кокандцы условно считали р. Чу); во-вторых, поддержки власти хана над разными родами и племенами киргизов, кочующих от Иссык-Куля на запад, в Чуйской долине, Тянь-Шане, Таласе и Чаткале, а также некоторыми казахскими племенами. Линию кокандских укреплений в Чуйской долине составляли крепости Токмак, Пишпек, Ак-Су, Мерке, Ит-Кечю, Аулие-Ата, Чулак-Курган и Сузак. Последние три по своему географическому расположению были отделены от центра кокандского ханства невысокими горными цепями Казыкурт, Буруллдай и Кара-Тоо, тянувшимися по правой стороне Сыр-Дарьи. А крепости Токмак, Пишпек, Ак-Су, Мерке и Ит-Кечю были отделены от основной территории ханства горным хребтом Киргизский Ала-Тоо и представляли наиболее отдаленные опорные пункты кокандских владений. Сузак и Чулак-Курган составляли передовые пункты на путях к Ташкенту с низовьев Чу. Остальные шесть крепостей были расположены в стратегически важных пунктах по дороге от Ташкента к верховьям р. Чу.

В смысле административного управления крепости Чулак-Курган и Сузак были в ведении туркестанского бека. Остальные шесть, расположенные восточнее, находились в ведении ташкентского парваначи. Из этих крепостей наиболее крупной являлась Аулие-Ата, которая служила главным опорным пунктом Чуйской укрепленной линии. Но к 1860 году наиболее важное значение стал приобретать Пишпек, поскольку он был передовым пунктом, обращенным в сторону российских владений в Заилийском крае. Комендант Пишпека являлся одновременно главным начальником крепостей Токмак и Ак-Су. Комендант Аулие-Ата имел такое же отношение к крепостям Ит-Кечю и Мерке.

Общая линия кокандских укреплений от Токмака до Сузака достигала 500 верст. Разумеется, она обеспечивала покорность киргизов и казахов власти кокандского хана. Но когда кокандское ханство столкнулось с таким сильным государством, как Россия, этой линии оказалось явно недостаточно.

Ознакомившись с состоянием военных сил Коканда в Чуйской долине, капитан Венюков писал: «Если бы

не укрепления, в которых, как известно, все азиатцы защищаются очень храбро, часто отчаянно, то можно полагать, что отряд из 450 человек, ходивший в прошлом году на Чу, был бы в состоянии прогнать всех сартов до последнего из целой страны от берегов Иссык-Куля до Таласа и гор Казыкурт»[1].

При обороне своих причуйских владений кокандский хан мог рассчитывать в основном только на собственные силы, на гарнизоны своих крепостей. Что касается киргизов, кочевавших в Чуйской долине, то на них кокандский хан не мог возлагать надежд. Многочисленные тяжелые поборы, различные притеснения и произвол, чинимый сборщиками зякета и самими комендантами крепостей, вызывали у киргизского народа ненависть и злобу по отношению к кокандским властям. Во время экспедиции капитана Венюкова в Чуйской долине в 1859 г. киргизы, как говорилось выше, держались на стороне кокандцев главным образом из-за боязни жестоких наказаний, могущих последовать после ухода русских отрядов. Тем не менее даже тогда некоторые киргизские племена через своих представителей вступили в сношения с капитаном Венюковым, призывая его взять кокандские укрепления. Так, например, часть сарыбагышей просила занять Токмак, поставив это как условие их перехода на сторону России.

Таким образом, состояние военных сил Коканда в Причуйском районе к началу 1860 г. благоприятствовало успеху намеченных военных предприятий Гасфорда.

Еще в середине мая 1860 г. в разгар деятельности Иссык-Кульской экспедиции в Верный прибыл полковник Циммерман, назначенный командующим военными силами, сосредоточенными в Заилийском крае для предлагаемой экспедиции. Он получил от Гасфорда указание немедленно приступить к осуществлению необходимых мероприятий, чтобы в любое время быть готовым к походу. На основании сведений, имеющихся в распоряжении капитана Венюкова, Циммерман должен был ознакомиться с районами предполагаемых военных

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 115.

действий в Чуйской долине, с планами и картами расположенных там кокандских укреплений. Кроме того, Циммерману предписывалось лично обследовать пути, ведущие от Верного до Кастека и далее в сторону Пишпека, срочно принять меры к исправлению труднопроходимых участков дороги и сделать их пригодными для движения артиллерии и других видов колесного транспорта с грузами. Для этих целей в распоряжение Циммермана были посланы инженерные и саперные офицеры.

Циммерману предписывалось, если кокандские власти станут подстрекать киргизов на барымту против подвластных России казахов и предпримут вторжение на правый берег р. Чу, перейти в решительное наступление вплоть до взятия Токмака и Пишпека. В случае же движения кокандских отрядов на Иссык-Куль Циммерман должен был из Чуйской долины выступить против них с тыла, с тем, чтобы разбить их и вытеснить с берегов озера, обеспечив тем самым переход на сторону России колеблющейся части прииссыккульских киргизов. Одновременно Гасфорд доводил до сведения Циммермана, что активные наступательные действия против крепости Пишпек, по указанию Александра II, должны начаться лишь в будущем году. Поэтому общий характер действий Заилийских военных сил летом 1860 г. должен быть преимущественно оборонительным и состоять в охране границ Заилийского края и поддержании влияния России на Иссык-Куле.

Иссык-Кульская экспедиция выявила чрезвычайно шаткое положение Кокандского ханства в Чуйской долине и на Иссык-Куле, а также неспособность кокандских войск к какому-либо серьезному противодействию царским войскам. Эти обстоятельства побудили командование Западной Сибири к дальнейшим наступательным действиям против кокандских опорных пунктов в Северной Киргизии и повлияли на решение Циммермана и Колпаковского не откладывать предполагаемую экспедицию, а предпринять ее в том же, 1860 г., использовав для этого какой-нибудь незначительный предлог.

К июлю 1860 г. Малля-хан успел сосредоточить в

Чуйской долине значительные военные силы, несмотря на то, что положение его заметно пошатнулось в связи с усилившейся борьбой феодальных группировок внутри ханства. Часть влиятельных кипчакских и узбекских феодалов, недовольных политикой хана, умело использовала глухое брожение в народе. В некоторых районах Ферганской долины, в том числе и населенных киргизами, произошли открытые выступления против хана. Положение осложнялось еще и тем, что в 1859 г. в ряде районов ханства был неурожай. Гарнизоны некоторых крепостей, будучи не в состоянии прокормиться, либо дезертировали, либо вынуждены были совершать грабительские набеги на соседние айылы.

С весны 1860 г. начальники кокандских отрядов, как обычно, стали широко применять метод подстрекательства чуйских киргизов на набеги и барымту против подвластных России казахов Старшего жуза. Командующий войсками Заилийского края полковник Циммерман в донесении Гасфорду от 1 июля 1860 г. обращал особое внимание на повторяющиеся набеги зачуйских киргизов, в которых участвовали и кокандцы[1]. Эти набеги вынудили казахов племени дулат и некоторых других племен, кочевавших в горах на запад от Верного, уйти в районы более отдаленных кочевий, а частью — в окрестности Верного. В район Кастека прикочевала и часть айылов сарыбагышей, находившихся в мирных и дружественных отношениях с начальником Алатовского округа. Причиной их прихода была боязнь подвергнуться наказанию со стороны кокандцев за свои миролюбивые отношения с русским отрядом во время Иссык-Кульской экспедиции.

В начале июля столкновения между кокандцами и Заилийскими отрядами в окрестностях Кастекского укрепления участились, что и послужило поводом для начальника Алатовского округа перейти к решительным действиям. В результате в августе и сентябре Кокандские укрепления Токмак и Пишпек были взяты и разрушены отрядами царских войск.

Во время операции по взятию Токмака и Пишпека чуйские киргизы никаких враждебных действий про-

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 23, док. 132.

тив русского отряда не предпринимали. Ко времени начала военных действий Заилийского отряда киргизские айылы откочевали в горы и находились в основном на высокогорных пастбищах — джайлоо и за киргизским Алатоо — в долине Сусамыра. Кокандские военачальники и лично сам хан приложили немало усилий, чтобы в войне с Россией добиться активной поддержки со стороны киргизов. Но киргизы в большинстве не примкнули ни к той, ни к другой стороне.

Безразличное отношение киргизского народа к описываемым событиям имело свои причины. Киргизы знали, что с уничтожением господства кокандцев они ничего не теряют. Но в то же время они не знали и не могли знать, что несет им господство царской России. Царизм как «тюрьма народов», как проявление жесточайшего национально-колониального гнета предстал перед киргизами уже после вхождения их в состав России.

Киргизские правители-манапы выжидали и не принимали активного участия в борьбе до выяснения ее окончательных результатов. Правда, среди них были и такие, которые положительно отозвались на призывы Циммермана и в самом начале его похода изъявили свое согласие со всеми подвластными им родами принять подданство России. Так поступил, например, крупный сарыбагышский манап Джантай.

Что касается поведения казахских племен Заилийского края в период операций Циммермана, то оно было более определенным. Многие из правителей казахов по первому требованию оказывали помощь русским отрядам, а некоторые и сами со своими джигитами, как например, наиболее влиятельный из казахских султанов Старшего жуза Тезек, участвовали в экспедиции.

Крупные киргизские манапы Джангарач, Байтик и др. не явились в лагерь Циммермана, но и кокандцам никакой поддержки не оказывали. Цель их заключалась главным образом в обеспечении безопасности своих айылов.

Гасфорд предписал Циммерману быть строгим по отношению к киргизским манапам, враждебным России. «Надо стараться,— указывал он,— захватить

враждебных сарыбагышских манапов Уметалы и Торогельды»[1]. Но их айылы в это время находились вне пределов досягаемости Циммермана, в глубине Тянь-Шаня.

Во время осады крепости Пишпек из ущелья Аламедин показался отряд конных киргизов, число которого доходило до 400 человек. Не зная его намерений, Циммерман послал против него султана Тезека с его джигитами и две сотни казаков под командой есаула Бутакова и поручика барона Врангеля. Не вступая ни в какие переговоры, отряд киргизов отошел в горы и скрылся. Через два дня после падения Пишпека в его окрестностях вновь появилось много киргизов, намерения которых по отношению к отряду Циммермана были совершенно мирные и дружественные. Целью их прибытия, как выяснилось, было желание заняться уборкой проса и пшеницы, оставшихся неубранными на полях вокруг крепости.

Во время разведки Тезека в ущелье Аламедин один из его джигитов был смертельно ранен в стычке с киргизами. Основываясь на этом, Циммерман приказал казахам, находившимся при его отряде, нападать на киргизов и отбирать у них лошадей. Вскоре главный манап солтинцев Джангарач послал четырех почетных представителей к Циммерману с изъявлением желания принять российское подданство. Но представители Джангарача были задержаны и с солтинцев был потребован «кун» — выкуп за убитого казаха. Кун был определен в 200 лошадей и 6 девяток, в число которых входило две девушки. Киргизы обязались выплатить этот кун[2].

Вслед за Джангарачем многие киргизские старейшины, бии и влиятельные манапы стали посылать к русскому командованию людей в качестве доверенных лиц с изъявлением готовности стать подданными России.

5 сентября 1860 г. было начато разрушение крепости Пишпек. Ввиду того, что стены ее были чрезвычайно крепкими и толстыми, работа по срытию их

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 164.
[2] Там же, док. 165.

представляла большую трудность. В течение 7 дней здесь работало до 600 чел., а на взрыв укреплений было употреблено 217 пудов пороха. От крепости остались лишь кое-какие постройки, находившиеся вне стен.

Падение Пишпека произвело большое впечатление на казахов и в особенности на киргизов, поскольку эта крепость являлась наиболее важной в военном отношении кокандским пунктом в Северной Киргизии. Пишпек считался также и важным политическим центром кокандского господства. Наместник кокандского хана в Пишпеке управлял не только такими малыми крепостями в Чуйской долине, как Токмак, Ак-Су и др., но являлся правителем и над теми киргизами, которые кочевали в долинах Кочкорка, Джумгала и на берегах Иссык-Куля.

Накануне обратного выступления отряда Циммерман выпустил обращение к чуйским киргизам и казахам племени дулат, кочевавшим также в Зачуйской долине. Он разъяснил причины похода в Чуйскую долину, а также причины взятия и разрушения кокандских крепостей Токмак и Пишпек. Действия русского отряда Циммерман объяснял как ответ на враждебные действия кокандцев, напавших на укрепление Кастек. Он призывал киргизов не поддерживать в дальнейшем кокандское ханство и окончательно перейти в подданство России[1].

После взятия и разрушения крепости Пишпек, а также во время обратного движения русского отряда киргизы в общем оставались нейтральными. Это констатировал Циммерман в своем отношении на имя Гасфорда от 17 сентября 1860 г.: «При возвращении отряда от развалины Пишпека,— писал он,— никто из дикокаменных не являлся, и наши разъезды, посылаемые даже ночью, не встречали решительно никого. Все зачуйские киргизы поражены были ужасом вследствие взятия Токмака и в особенности Пишпека»[2]. Киргизы, как и кокандцы, остались довольны хорошим обраще-

---

[1] Подробный текст обращения см. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 165.

[2] Там же, док. 166.

нием русского командования с военнопленными. Это вызывало у многих военнопленных желание не возвращаться обратно в Коканд, а принять русское подданство и остаться жить на подвластной России территории. Пленные коменданты крепостей Токмака и Пишпека Атабек-датха и Алишер-датха убедительно просили Циммермана разрешить им проживание в Верном или в других городах России. Русские власти разрешили им это, и впоследствии им было предписано, совместно с несколькими служившими при них людьми и некоторыми чиновниками, поселиться в Семипалатинске[1].

В результате похода Циммермана для чуйских киргизов сложилась чрезвычайно неопределенная и трудная обстановка, мешавшая им определить свое отношение к происходящим событиям. В Чуйской долине, после разрушения крепостей Токмак и Пишпек, действительными хозяевами стали русские власти Алатовского округа. Но, с одной стороны, быстрое возвращение русских отрядов из Чуйской долины, а с другой — прибытие свежих военных отрядов хана в Аулие-Ата и энергичная деятельность кокандских военачальников по подготовке новой крупной военной экспедиции против Заилийского края делали, казалось бы, установившееся господство России в Чуйской долине сомнительным. Вот почему, несмотря на последовавшее вскоре заявление почти всех чуйских киргизов об их преданности России, трудно было надеяться на то, что эта преданность будет стабильной.

Одним из важных условий успеха предпринятых действий в Чуйской долине кокандские военачальники считали привлечение на свою сторону местного киргизского населения.

Канаат-Ша разослал из Аулие-Ата своих представителей к киргизам и причуйским казахам с призывом примкнуть к нему для «священной войны» против «неверных». К манапам Джангарачу, Джантаю, Байтику и другим он отправил своих людей с подарками и приглашением присоединяться к нему. Крупные киргизские манапы Джангарач, Джантай, Байтик и ряд

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 160.

других стали теперь склоняться на сторону Коканда. Действительной причиной этого явилось прибытие в Чуйскую долину небывалого до сих пор количества кокандских войск. Киргизские манапы понимали, что в случае неподчинения кокандцы не остановятся перед применением силы для их наказания. Джангарач так же, как и Джантай, несмотря на свои дружественные отношения с Циммерманом и выраженное ранее желание принять подданство России, теперь обещал приехать в лагерь Канаат-Ша и со своей стороны содействовать ему в его предприятии.

Этот факт интересен как проявление двуличия киргизских манапов-правителей, связанного с переменами в политической обстановке. В этом отношении характерна позиция манапа Джангарача. Джангарач во время осады крепости Пишпек, как известно, изъявил готовность принять подданство России. В донесении военному министру Гасфорд писал 8 сентября 1860 г.: «Ныне даже зачуйские киргизы просят нашего покровительства, уразумев счастье находиться под могущественным покровом русского царя. В числе последних главный манап и родоначальник сильного племени султов, Джангарач, уже заявил это желание полковнику Циммерману. Ввиду того, что покорность этого племени по переходе войск наших за Чу будет иметь весьма полезное для нас влияние на другие племена зачуйских киргизов, то я уполномочил полковника Циммермана наградить Джангарача большой золотой медалью и почетным бархатным кафтаном, а в случае искренней его к русскому правительству привязанности и если примет присягу со своими родичами, то обещать особую еще награду от всемилостивейшего государя, как-то чин, соответствующий его влиянию, и деньги»[1].

Однако по мере приближения крупных кокандских военных сил у Джангарача изменилась и ориентация, так как в случае проявления непокорности хану он первым мог подвергнуться разгрому, а надеяться на поддержку уже ушедших из Чуйской долины русских отрядов ему было трудно. Именно это очень сложное

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 161.

и противоречивое положение киргизов определяло и противоречивые позиции тех или иных племен.

Известную роль в изменении политической ориентации отдельных киргизских племен играла и враждебная агитация кокандцев, выдававших военные предприятия хана в Северной Киргизии как войну против «неверных», «во имя аллаха». Такую же работу, направленную на разжигание религиозного фанатизма среди верующих мусульман, кокандцы проводили не только среди киргизов, но и среди казахов Причуйской долины[1].

Циммерман, однако, не придавал должного значения военным приготовлениям кокандцев и не имел еще сведений о настоящем положении дел. Восстановление разрушенного Пишпека считалось невозможным ввиду приближения зимы. Предполагалось, что кокандцы в лучшем случае в этом году смогут устроить новое нападение на Кастек. «Я полагаю,— писал Циммерман,— что движение их на Кастек может состояться только в том случае, если они убедятся в расположении к ним кочевников Дикокаменной и Большой Орды, в которых, нет сомнения, теперь потеряна их уверенность»[2].

Циммерман решил со всеми своими силами вернуться в Верный, так как генерал-губернатор Западной Сибири предписал ему не оставаться в этом году в Пишпеке. Гасфорд писал Циммерману: «...в сем году уже не будет времени в оном прочно расположиться и обеспечить тамошний гарнизон продовольствием и устроить надежные сообщения с Кастеком»[3]. Гасфорд считал необходимым подыскать на правом берегу р. Чу удобный пункт для возведения передовых укреплений, откуда можно было бы успешно поддерживать влияние России на кочевых зачуйских киргизов, в противовес влиянию Коканда. «Не переходя на первых порах на левый берег р. Чу,— писал Гасфорд,— утвердиться в наступающем году прочно на правом, откуда мы достаточно будем иметь возможность обуздывать хищных сарыбагышей, постоянно враждующих и разоряющих род Бугу, принявший русское подданство, и

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 152 и 153.
[2] Там же, док. 161.
[3] Там же.

поддерживать привязанность к нам прочих дикокаменных племен»[1]. 16 сентября 1860 г. Циммерман прибыл с отрядом в Кастек.

Так закончилось первое более или менее значительное военное выступление царской России против владычества кокандского хана в Северной Киргизии. В донесении на имя Александра II Гасфорд, подытоживая результаты Чуйской экспедиции, писал 20 сентября 1860 г. «На следующий же день приступлено к разорению этого разбойничьего гнезда, в продолжении больше полувека державшего жителей окрестных гор и долин в оцепенении, и нарушая спокойствие преданных нам киргизских племен... важные результаты этой славной для нашего оружия экспедиции суть следующие: уничтожение влияния вероломных кокандцев на племена Дикокаменых киргизов, живущих на верховьях реки Чу и на озере Иссык-Куль, успокоение киргизов Большой Орды, окончательное утверждение нашего владычества в Заилийском крае и совершенное обеспечение в том крае наших казачьих водворений»[2].

В честь побед Заилийских отрядов киргизский хребет Ала-Тоо был назван Александровским хребтом. Обосновывая свое ходатайство об этом переименовании, Гасфорд писал: «Хребет этот упирается северными подошвами в р. Чу, теряющуюся в песках недалеко от русла долженствующей принять ее реки Сыра, а южными покатостями в самую Сыр-Дарью, далее которой не простирались победы Александра Великого, победоносные же войска Александра II дошли до северного его склона. Таким образом, на сем хребте связываются события древней и новой истории, царствование двух славных царей одного и того же имени. Почему дабы сему хребту дать определительное в географии название и значение, согласно единодушному желанию и просьб всех шатбс- и обер-офицеров отряда, и просил бы Ваше высокопревосходительство испросить высочайшего императорского величества соизволения на поименование сего хребта, лежащего непосредственно перед фронтом империи,— Александров-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 161.
[2] Там же.

ским»[1]. Хитрый дипломат и услужливый чиновник, Гасфорд, угождая честолюбию царя, надеялся завоевать еще большее его расположение. Но, как показали события, уверенность Гасфорда в прочном положении России в районе р. Чу являлась преждевременной.

* * *

Падение Пишпека серьезно подорвало власть кокандского хана на севере Киргизии. Однако кокандцы не отказались от борьбы за ее восстановление. Колпаковский не отдавал себе полностью отчета в действительном положении дел, он сомневался возможности активных действий со стороны хана в ближайшее время. Между тем многие факты говорили о том, что хан намерен предпринять наступательные действия против Заилийского края, начиная с Кастека.

Чтобы удержать под влиянием России чуйских киргизов, многие правители которых изъявили Циммерману свою преданность, Колпаковский направил ряд прокламаций. Одна из которых гласила:

«Я уже писал вам о той заботливости нашего могущественного правительства, которое все готово сделать для Вашего спокойствия. Мы известились, что кокандцы и после падения Токмака и Пишпека снова хотят забрать вас в руки, а цель их заключается в желании только обобрать вас зякетом, без которого им нечем жить. Не верьте их уверениям в желании вам добра, они только коварствуют и их подарки есть только вступление к тому, чтобы разорить ваш народ вконец. Их подарки вы не должны считать счастьем, а будущим бедствием. Русское же правительство раз дало слово защищать вас, и вы должны быть уверены, что оно его сдержит, хотя бы пришлось для вашего блага принести жертвы. Русские для Вашего благоденствия не пощадят ваших врагов, и, если нужно будет, то не только остальные крепости кокандцев, но и самое их ханство падет под ударом нашего могущественного оружия. Вразумите эту правду вашему народу и поймите вашу пользу. Желаю вам спокойствия и надеюсь,

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 170.

что Вы с достойным вам благоразумием оцените мои добрые желания»[1].

В последний момент, в предвидении серьезных военных конфликтов Колпаковский стал спешно осуществлять перегруппировку войск Заилийского края с целью приближения к Кастеку»[2].

Исходя из опыта предыдущих событий, он предпринял ряд мер, чтобы не допустить перехода на сторону кокандцев отдельных подданных России казахских старшин. С этой целью, согласно указанию Гасфорда, было решено во время возможных военных столкновений с Кокандом держать под надзором всех подозрительных казахских правителей, заранее вызвав их для этого в Верный. До окончания военных действий они должны были придерживаться в качестве заложников. Одновременно предприняты были меры к использованию казахских султанов и старшин, которые считались безусловно преданными России. Самых влиятельных из них, султанов Байзака и Джангазы, Колпаковский просил прислать вооруженных джигитов, которых хотел использовать главным образом для постовой службы, связи и разведки[3].

15 октября Колпаковский обратился к влиятельным албановским казахам, капитану русской службы Тазабеку, султану Тезеку Нуралиеву, подпоручику Джангазы Суюкову, капитану Аблесу Аблаеву, с письмом следующего содержания: «Так как ваши Албаны всегда отличались преданностью и усердием перед другими родами, то я прошу Вас, почтенный султан, по получении этого письма, назначить как можно более киргизов на самых лучших конях... Цель вызова киргизов заключается в том, чтобы киргизы побили окончательно сартов, которые хотят опять придти к Кастеку... Но добыча от сартов достанется киргизам. Поспешите, султан, исполнить это как можно скорее и посылайте желающих побить сартов. Будьте здоровы»[4].

Однако, несмотря на обращения начальника Алатовского округа, отдельные феодалы племен чапрашты,

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 181.
[2] Там же, док. 183.
[3] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 187.
[4] Пичугин, Указ. соч., стр. 13.

дулат и др., кочевавшие западнее Верного, стали выражать свое сочувствие Коканду.

С прибытием в Чуйскую долину крупных военных сил хана положение киргизов стало исключительно трудным. 19 октября 1860 г. Колпаковский писал Гасфорду: «Кроме казахов, к кокандцам стали прибывать сочувствующие им киргизские роды сарыбагыш, подвластные манапу Уметалы, некоторые роды солтинцев и киргизы из родов племени Булекпай, во главе с манапом Корчу»[1].

Под давлением кокандцев многие киргизские правители-манапы изъявили свою покорность власти кокандского хана и выполняли требования командования кокандских войск. Донесение Колпаковского рисует обычную картину того времени; как только в Северной Киргизии начинали увеличиваться войска хана, киргизская феодальная верхушка склонялась на сторону Коканда. И, наоборот, всякое усиление влияния России непременно приводило феодальную верхушку к сближению с русским командованием. В этом, кроме всего прочего, выражалась боязнь многих киргизских правителей впасть в немилость той стороны, которая одержит победу.

Когда Канаат-Ша, как представитель ханской власти и главнокомандующий ханских войск, прибыл в Чуйскую долину, он в первую очередь выразил большое недовольство главному манапу солтинцев Джангарачу за то, что он в связи со взятием Циммерманом Пишпека прислал к нему с поздравлением своего брата и своих детей. Канаат-Ша теперь требовал от Джангарача, чтобы он на деле доказал свою преданность кокандскому хану, в противном случае угрожал расправой. Он предложил ему представить в его распоряжение 500 строевых лошадей, по два капа[2] проса с каждого подвластного ему айыла и выделить 1000 человек для работ по восстановлению Пишпека. Требования Канаата Джангарач вынужден был выполнять. В наказание за поведение Джангарача во время взятия Пишпека Канаат возложил на него и подвластные

[1] Пичугин. Указ. соч., стр. 13.
[2] Кап — мешок, куда вмещалось 5 пудов.

ему племена все издержки по восстановлению этой крепости. Во время движения Канаата на Кастек — Узун-Агач Джангарач должен был также выставить некоторое количество вооруженных людей. Кроме Джангарача, к походу Канаата должны были примкнуть манапы сарыбагышей.

Правда, киргизы во время военных столкновений практически участия в боях почти не принимали, и число кокандских войск за счет киргизских отрядов увеличивалось лишь номинально. Кроме этого, в составе кокандских войск находилось некоторое число неорганизованных «добровольцев», заинтересованных главным образом в захвате какой-либо добычи и грабеже. Этот сброд, следуя за войском, создавал лишь видимую многочисленность, не играя, однако, почти никакой роли в увеличении действительной боевой мощи кокандской армии.

Кокандские войска состояли почти исключительно из конницы. Пехоты, состоявшей из более или менее обученных военному делу сарбазов, было очень мало. Артиллерия состояла из медных орудий пятифунтового калибра. Слабым местом кокандских войск являлось также отсутствие достаточных продовольственных запасов, и войско нередко голодало. Система закупок продовольствия самими воинами на базаре и у населения создавала большие трудности в организации питания и расшатывала дисциплину. Многие кокандские кавалеристы имели очень слабых коней, непригодных к бою. Эти лошади, главным образом насильственно взятые у чуйских киргизов и казахов, далеко не отвечали потребностям регулярной кавалерии.

Главнокомандующему кокандских войск Канаату были предоставлены широкие полномочия. Хан поручил ему управление не только Ташкентом, но и рядом крепостей, расположенных к востоку от Ташкента, до верховий р. Чу. Ему же было предоставлено право по своему усмотрению организовать и вести войну против царских войск, заключать мир и распоряжаться собранным зякетом от киргизских и казахских племен, подведомственных ташкентскому наместничеству[1].

---

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 183.

Несмотря на тщательно разработанный план, кокандские войска, предпринявшие наступление на передовые российские военные укрепления, вынуждены были возвращаться без результатов. В донесении на имя Гасфорда Колпаковский 26 октября 1860 г. писал, что кокандцы могли бы иметь успех: «во-первых, если бы киргизы, на которых они рассчитывали, все единодушно пристали к ним, и, во-вторых, если бы их не застала здесь поздняя осень и недостаток продовольствия и подножного корма»[1].

Находясь под тяжелым гнетом кокандского хана, трудящиеся киргизы не выразили никакого желания защищать этот режим насилия и деспотизма. Наоборот, многие киргизы желали поражения кокандцев, надеясь в таком случае избавиться от ненавистного ханского гнета.

Для киргизского народа была очень дорога свобода и независимость. Киргизы оказывали героическое сопротивление попыткам Китайской империи в конце XVIII — начале XIX вв. установить над ними свою власть. Они неоднократно выступали против попыток кокандского хана утвердить над ними свое господство. Только вследствие военного превосходства кокандцев киргизский народ вынужден был терпеть иго, от которого старался избавиться с помощью России. Киргизские же правители-манапы вели себя двулично, ибо этим путем пытались сохранить свое господствующее положение и привилегии. К концу октября 1860 г. кокандцы полностью отступили в пределы ханства.

* * *

Дальнейшими серьезными сдвигами в развитии киргизско-российских отношений ознаменовался конец 1850-х гг. Активизация наступательного движения царских войск, неудачи попытки восстановления ханской власти в районе озера Иссык-Куль, падение кокандских крепостей Токмака и Пишпека и поражение хана на Узун-Агач-Кастеке в 1860 г.— все это

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 197.

значительно способствовало утверждению господства России в Северной Киргизии.

Противоречивая военно-политическая обстановка в Северной Киргизии, в известной мере определявшая двойственное поведение киргизских манапов, после Узун-Агач-Кастекских событий стала проясняться.

События у Узун-Агач-Кастека со всей очевидностью показали невероятную отсталость вооружения и системы организации кокандских войск. Крупные феодалы, приближенные хана и влиятельные киргизские старшины, из которых состоял командный состав, были не способны и в эти критические дни прекратить обычные свои раздоры и интриги, приведшие к развалу войск. В конечном итоге поражение было результатом экономической, культурной и политической отсталости феодального Коканда, его загнивания и развала.

События у Узун-Агача в значительной степени предопределили упрочение власти царской России в Северной Киргизии и над казахами Старшего жуза. Это в конечном счете привело к сближению с Россией вслед за бугинцами и другие киргизские племена.

Глава третья

РАЗВИТИЕ КИРГИЗСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ 60-х ГОДОВ И ПАДЕНИЕ ВЛАСТИ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА НА СЕВЕРЕ КИРГИЗИИ

Наиболее неблагоприятным для Кокандского ханства в его борьбе за удержание господства на севере Киргизии был 1860 год. Военные столкновения России и Коканда у Кастека, на Иссык-Куле, в Чуйской долине и в Узун-Агаче привели к тому, что Кокандское ханство все более утрачивало свои позиции и влияние на киргизов Иссык-Кульской котловины и отчасти Чуйской долины. После сражения у Кастека уже самая возможность дальнейшего господства Коканда в Северной Киргизии стала сомнительной.

Несмотря на это, Малля-хан не терял надежды на восстановление своей власти в этом районе. После отступления Канаата от Узун-Агача он приказал оставить в Пишпеке значительные военные силы, а остальные части держать наготове в крепостях Мерке, Аулие-Ата и Ташкенте. Главнокомандующий Канаат-ша также некоторое время оставался в Аулие-Ате, чтобы своим присутствием оказывать влияние на киргизов и казахов Причуйской долины и на месте руководить дальнейшим ходом подготовки к новым военным операциям[1].

Восстановленный Пишпек должен был вновь стать

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 217.

опорным пунктом кокандского владычества в Северной Киргизии. Весною 1861 г. сюда должен был снова прибыть Канаат-ша со значительными силами и артиллерией[1]. Хан намеревался верховное командование взять на себя, а всему предприятию, еще в большей мере, чем раньше, придать характер «газавата». Проповедь «священной войны» среди мусульманского населения Северной Киргизии и Заилийского края должна была служить в руках хана идеологическим оружием.

Кокандские власти придавали теперь большое значение крепости Ит-Кечу, поскольку она после падения Токмака и Пишпека оставалась еще оплотом Коканда среди некоторых казахских племен. Численность гарнизона Ит-Кечу была увеличена, на ее вооружении имелась артиллерия, был назначен новый комендант датха Пардабек.

Кокандский хан предпринял новую попытку урегулировать отношения с эмиром Бухарским, но эмир Насрулла потребовал выдачи ему Канаата и выставил ряд неприемлемых для хана условий. В то же время он стремился укрепить дружественные отношения с Россией, особенно после отмены в 1859 г. пошлины с ввозимых в Россию бухарских товаров. Помимо этого, эмир по-прежнему придерживался политики поддержки разных претендентов на кокандский престол, в частности Худояра. После смерти эмира Насруллы Малля-хан, воспользовавшись политическими затруднениями в бухарском ханстве, возникшими в связи с борьбой вокруг престола, напал на крепость Ура-Тюбе и захватил ее[2]. Это обстоятельство еще более обострило взаимоотношения между Бухарой и Кокандом и серьезно отразилось на деятельности Малля-хана по организации обороны северо-восточных владений.

Начальник Алатовского округа был в курсе всех этих событий. К нему поступали сведения как от специально направляемых тайных агентов из числа киргизов, так и от казахов, киргизов и торговцев, прибывших из Кокандского ханства в Заилийский край. В связи с этим Колпаковский серьезно занялся усилением оборо-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 236.
[2] Там же, док. 226, 236.

ны Заилийского края. В этом отношении его неизменно поддерживал Гасфорд.

В числе мер, предпринятых для укрепления влияния России на киргизов, было разоблачение реакционного лозунга «газавата». Гасфорд не без оснований полагал, что призывы к «газавату» могли оказать известное влияние на мусульманское население. Поэтому он считал необходимым усилить разъяснительную работу по вопросу об отношении правительства России к мусульманскому вероисповеданию. Он писал Колпаковскому: «Что касается до войны за веру, которую кокандцы собственно для своих интересов и к гибели киргизов стараются разжигать, то уверить сих последних, что русское правительство никогда и никому не препятствовало исполнять обряды своей веры по установленным каждым вероисповеданием правилам, а, напротив, само устраивало в разных местах киргизской степи магометанские мечети, и что оно воюет не против веры, а против злых и неблагонамеренных соседей, нарушающих общее спокойствие и благоденствие народов»[1].

События 1860 года резко повлияли на торговые сношения России с кочевниками, среднеазиатскими ханствами и даже с Западным Китаем. Число караванов, идущих из Ташкента в Кульджу и обратно, теперь резко сократилось. Вместо обычного пути через Заилийскую долину караваны стали ходить по южному побережью Иссык-Куля. Но и здесь они нередко подвергались грабежу со стороны отдельных киргизских феодалов. Количество караванов, идущих из Ташкента, Туркестана и Аулие-Аты в сторону казахских кочевий, также значительно уменьшилось[2]. В этих условиях развитие торговли и, прежде всего, обеспечение безопасности караванных путей также требовали усиления Российских гарнизонов в Заилийском крае.

Наряду с этим Гасфорд считал целесообразным для отвлечения кокандских войск от Заилийского края начать движение со стороны Оренбурга вверх по Сыр-Дарье и возвести укрепления Джулек и Джанкала[3].

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 24, док. 222.
[2] Там же, оп. 1, д. 24, док. 89.
[3] Там же, док. 224.

Решение об этом было принято Оренбургским генерал-губернаторством еще при Катенине, а его преемник, генерал-адъютант Безак, планировал начать наступление весною 1861 г.[1]

После Узун-Агачских событий генерал-губернатор Западной Сибири несколько изменил свою политику в отношении казахских старшин Старшего жуза, т. к. поведение некоторых из них не оправдало надежд царской администрации. Даже те казахские феодалы, которые пользовались покровительством царских властей в Заилийском крае и были представлены к наградам, скрыто поддерживали связь с Кокандом. Поэтому решено было применить к ним более жесткую политику, вплоть до строгих наказаний: заключение в тюрьму, наложение штрафов, выселение в другие края и т. п. Гасфорд писал Колпаковскому: «Нахожу необходимым при настоящих обстоятельствах принять меры самой бдительной осторожности не только против внешнего неприятеля, но и внутри края»[2]. В частности, Гасфорд предлагал Колпаковскому пресекать всякие проявления самостоятельных действий со стороны казахских султанов, биев и их джигитов. Он советовал для этого образовать легкие казачьи отряды, которые, в случае нарушения казахской и киргизской знатью спокойствия в крае, должны были брать аманатов или разорять их аулы[3]. Гасфорд писал: «...в отмену прежней выжидательной системы, с которою уже неприятель достаточно ознакомился, должно принять наступательную, которая их поразит неожиданностью. В случае надобности устраивать на пересеченной местности засады, дабы можно было совершенно неожиданно встречать шайки хищников, подкрадывающихся для грабежа и разбоя.

Держа таким образом неприятеля в постоянном страхе, соблюдая повсюду бдительность и осторожность, при изменении системы действий можно надеяться остановить хищные проделки киргизов (т. е. казахов Старшего жуза.— Д. Б.) и, в особенности, не дать им воспользоваться знанием слабости прежней системы»[4].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 225.
[2] Там же, док. 220.
[3] Там же.
[4] Там же.

В отношении некоторых казахских старшин Гасфорд рекомендовал применить испытанную политику поддержки родовых и племенных распрей. Он писал Колпаковскому: «Возобновить и поддерживать распри между Средней Ордой и Джалаирами, сделав секретное сношение с подполковником Гриненко, который и со своей стороны должен назначить двух посредников из Средней Орды, придравшись к какой-либо ссоре или к чему-либо другому, арестовать их обоих или одного из них, более другого вредного, по Вашему усмотрению. Их несогласия увеличат нашу силу. В сих видах старые расчеты между дулатами и бугинцами могли бы также быть возобновлены с пользою для нас»[1]. Далее Гасфорд предлагал в районах Кастека, Узун-Агача и Каскелена и к западу от этих местностей допускать кочевки киргизов или казахов только по специальному разрешению и по взятии надежных аманатов. По направлению к р. Чу и по долинам рр. Кастек и Каскелен велено было предпринимать все время движения казачьих разъездов и отрядов с целью не допускать утвердиться в этих местностях без особого на то разрешения отложившихся казахских «родов»[2].

Эти и другие указания Гасфорда и легли в основу дальнейших действий Колпаковского по отношению к казахским и киргизским старшинам. Колпаковский часто с недоверием стал относиться к ним, когда они выражали свою покорность. Так, когда наиболее влиятельный киргизский манап Джангарач заявил после событий под Узун-Агачем о своем желании стать русским подданным, Колпаковский не поверил в искренность его намерений; и действительно, этот манап, заявляя о своей преданности России, в то же время поддерживал дружественные отношения с кокандцами[3].

После падения Токмака, Пишпека и поражения под Узун-Агачем более или менее надежным укреплением кокандского ханства в Чуйской долине оставалась крепость Аулие-Ата, которая стала поспешно укрепляться в ожидании наступления царских войск из Западной Си-

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 24, док. 219.
[2] Там же.
[3] Там же, док. 235.

бири. Здесь были сосредоточены основные силы хана, предназначенные для будущих военных действий в Заилийском крае. Укрепление Пишпек само по себе теперь уже не могло служить серьезным опорным пунктом в борьбе за Северную Киргизию. Его гарнизон занимался лишь наблюдением за киргизами Чуйской долины с целью недопущения их перекочевки на подвластную России территорию и сбором зякета.

Киргизы Чуйской долины, отягощенные чрезмерными налогами и военными поборами хана, особенно во время последних военных действий, были готовы при первой возможности избавиться от разорительного налогового гнета и насилия ханских наместников, перекочевав в пределы российских владений. Генерал-губернатор Оренбургского края, генерал-адъютант Безак в своем отношении военному министру от 25 января 1861 г. дал правильную оценку положения дел. Он писал: «Укрепления Пишпек и Токмак, хотя и занимаются кокандскими войсками под начальством Садыбека, брата бывшего ташкентского правителя Рустамбека, но единственно только с целью удержать киргизов от перекочевок в наши пределы и имеют приказание отступить при первом известии о приближении русских войск»[1].

В начале февраля 1861 г. Колпаковский представил генерал-губернатору Западной Сибири план новой экспедиции против Коканда, направленной в глубь Чуйского края. Во время экспедиции должно было быть построено укрепление на р. Чу, которое служило бы опорным пунктом Российского влияния в Чуйской долине. Колпаковский писал Гасфорду: «...я имею еще в виду и то обстоятельство, что по вторичном разрушении Пишпека войска наши, не возвращаясь в Верное, могут приступить к устройству Александровского укрепления на месте, которое для сего будет выбрано, а также к разработке дорог и устройству сообщительных на оных пунктов»[2].

В январе 1861 г. Гасфорд вышел в отставку. Генерал-губернатором Западной Сибири был назначен генерал-лейтенант Дюгамель.

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 2.
[2] Там же, док. 22.

Подытоживая свою десятилетнюю деятельность в качестве генерал-губернатора, Гасфорд писал в приказе по войскам Сибирского корпуса 16 февраля 1861 г.: «О достоинстве войск свидетельствуют военные подвиги их, ознаменовавшиеся в течение 10-летнего моего командования присоединением к империи судоходной реки Или, всего Заилийского края и предгорий Небесного Хребта. Важное это приобретение останется навсегда нерушимым памятником в истории Западной Сибири и нашего отечества. Снежные балки Тянь-Шаня, этого мало доселе известного просвещенному миру и недоступного даже путешественникам серединного в Азии хребта, преклонили главы свои перед мужеством и удальством войск наших»[1].

Гасфорд рассматривал Северную Киргизию как территорию, уже находящуюся под властью Российской империи. Но он несколько поторопился со столь оптимистическим выводом. В действительности дело обстояло не совсем так. В центре Тянь-Шаньского хребта еще стояли кокандские опорные пункты — крепость Куртка на Нарыне, мелкие крепости Джумгал и Тогуз-Торо. Расположенные здесь гарнизоны еще не сталкивались с царскими войсками и охраняли власть кокандского хана над тянь-шаньскими киргизами.

Начальник Алатовского округа, не зная, какая будет политика Дюгамеля в отношении Коканда, писал генерал-губернатору: «Не зная, какой образ действия угодно будет указать господину корпусному командиру..., я, не обнаруживая моих намерений, обратился из наступательной к прежней выжидательной системе и только в особенно важных случаях отступлю от этой системы, как, например, когда получу известие, что неприязненные эти племена будут собираться в значительных силах для набегов на подданных нам киргизов или на какой-нибудь из наших пунктов и т. п.»[2].

«Выжидательная система» Колпаковского включала и метод разжигания междоусобной родовой борьбы, использование родоплеменных распрей в интересах колонизации края. Многочисленные документы со всей

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 34.
[2] Там же, оп. 1, д. 25, док. 38.

очевидностью показывают, что царские власти искусно применяли политику поддержки междуродовой вражды среди казахских и киргизских племен. Такая политика начальника Алатовского округа не была случайностью, она исходила из общего курса колониальной политики царского правительства. Классики марксизма-ленинизма неоднократно отмечали, что царизм так же, как и другие колониальные державы, искусно применял политику натравливания народов, резни и погромов, политику «разделяй и властвуй».

Кроме всего прочего, она служила реакционным целям затушевывания классовой борьбы и затемнения классового самосознания угнетенных народных масс. В. И. Ленин указывал: «Разжигая расовую вражду и племенную ненависть, правительство может на время задержать развитие классовой борьбы»[1].

Известно, что любые колониальные захваты, осуществляемые теми или иными государствами в интересах эксплуататорских классов, сопровождаются, как правило, разглагольствованиями о «единстве» народа и правительства, «единстве» интересов всей нации и т. п. Однако войны, ведущиеся в интересах захвата других территорий, в конечном счете ставят своей целью колониальное порабощение и эксплуатацию трудящихся покоренных народов. И такое порабощение отвечает интересам не всей нации государства-завоевателя, а лишь господствующим, эксплуататорским классам. В войнах такого характера правящими классами и их правительством применяются все средства для затушевывания классовых противоречий, скрытия действительных целей захватов. В этом плане разжигание национальных и религиозных раздоров, расовой и племенной вражды является излюбленным приемом колонизаторов. Таким приемом постоянно пользовались в борьбе за господство над Киргизией и Кокандское ханство, и Российская империя, каждый в своих интересах.

После Узун-Агачских событий кокандский хан, как уже отмечалось, еще не считал себя побежденным.

В начале апреля 1861 г. Канаат-ша выступил из Ташкента по направлению к Аулие-Ата, намереваясь

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 9, стр. 334, изд. 5.

оттуда идти в Пишпек. Целью его выступления являлось восстановление подорванного влияния кокандского хана среди киргизов. Кроме того, необходимо было полностью восстановить разрушенную пишпекскую крепость и собрать зякет с киргизов и некоторых казахских племен, считавшихся еще подвластными Коканду.

В начале мая Канаат прибыл в Пишпек. С его прибытием численность гарнизона возросла до двух тысяч человек. Хан в это время находился в Ташкенте и ждал известий от Канаата, намереваясь в случае новых военных столкновений с отрядами царских войск лично выступить на помощь Канаату. Но Канаат получил сведения, что русские власти в Заилийском крае пока не собираются нападать на Чуйские крепости, а готовы мирно урегулировать отношения с Кокандом.

Отношения между кокандскими властями и начальником Алатовского округа развивались в этот период действительно без новых конфликтов. Это дало возможность Колпаковскому наладить движение торговых караванов, нарушенное в результате событий 1860 г. 19 марта прошел первый торговый караван из Ташкента в Кульджу через алма-атинские станицы, а затем такие караваны из Ташкента и Коканда в сторону Западного Китая через Верное стали проходить все чаще. Некоторые из них даже останавливались торговать в алма-атинских станицах. Русские власти, заинтересованные в развитии торговых связей, оказывали всяческое содействие в обеспечении безопасности этих караванов[1].

Основным вопросом, стоявшим перед начальником Алатовского округа в это время, было возведение укреплений вблизи кочевий чуйских киргизов. Еще при Гас-

---

[1] В своем отношении к Дюгамелю от 1 мая 1861 г. Колпаковский писал: «С наступлением весны открылось, прекратившееся во время военных действий, движение из Ташкента и Коканда торговых караванов: сначала они появлялись небольшими партиями от 40 до 50 верблюдов в караване, каковых было уже три, а на днях проследовал через Верное караван в числе 300 верблюдов, из них незначительная часть осталась с товарами для торговли в Алма-Атинских станицах, а все остальные проследовали в Кульджу. Вслед за этим следует другой такой же большой караван: им оказывается законное покровительство, а на свободное следование по Большой Орде выдаются охранные листы». (ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 80).

форде был намечен подходящий район — правый берег р. Чу у Чумычского брода.

Обер-квартирмейстер Сибирского корпуса 27 февраля 1861 г. в связи с этим писал начальнику Алатовского округа: «Для упрочения нашего владычества на юге Алатауского округа и для лучшего охранения киргизов Большой Орды от делаемых на них кокандцами нападений признается необходимым возвести на правом берегу р. Чу, против Чумычского брода, особое укрепление, с содержанием в оном постоянного гарнизона в числе 600 человек и учредить несколько сообщительных пикетов между этим и Кастекским укреплениями»[1].

Пикеты намечалось расположить вблизи р. Чу, чтобы иметь возможность оказывать более активное влияние на чуйских киргизов. «Устроив таким образом сообщительную линию,— писал Колпаковский,— мы будем иметь ту выгоду, что замкнем главные перевалы через Алатовский хребет, каковы: Кастек, Кара-Кастек и Биш-Майнак и будем иметь наблюдение за главными бродами на Чумыче и против разоренного Токмака. Эти два брода важны потому, что на них сходятся многие дороги, лежат караванные пути, а у старого Токмака проходит с южной стороны Иссык-Куля большая дорога...

Указываемый мною путь через Кастекское ущелье представляет еще и ту выгоду, что нам удобнее будет действовать на дикокаменных киргизов, кочующих в Причуйской долине и на южном склоне Кунгей-Алатауского хребта. Имея за нашей пикетной линией хлебопашественные поля и лучшие кочевки в горах, эти народы, сроднившись со своими землями, не захотят лишиться их и потому должны будут поступить в число русских подданных»[2].

Дюгамель, не возражая против идеи основания укрепления в Чуйской долине, придерживался, однако, более осторожной политики и с одобрения военного министра нашел целесообразным продолжать пока более обстоятельное изучение края.

Вскоре он совершил поездку по Западно-Сибирскому генерал-губернаторству для проверки состояния войск и

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 44.
[2] Там же, док. 53.

укреплений, а также осмотра районов возможных поселений. Дюгамель побывал в Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Коскбектах, Сергиополе, Копале и в Илийском укреплении, а 19 мая прибыл в укрепление Верное.

Еще до прибытия в Верное он командировал своего начальника штаба полковника Краеруса для рекогносцировки дорог, ведущих к р. Чу, и самой долины. Небольшой отряд полковника Краеруса выступил 9 мая и вскоре достиг места, намеченного для основания укрепления у Чумычского брода. Внимательно осмотрев местность, Краерус пришел к убеждению о невозможности строительства каких-либо укреплений в этом пункте и 16 мая прибыл в Кастек[1].

Ознакомившись с докладом Краеруса, генерал-губернатор согласился с ним и в донесении военному министру 24 мая 1861 г. писал: «Сооружение Александрогорского укрепления не принесет ощутительной пользы ни в политическом, ни в военном отношениях.

В политическом отношении мы не приобретаем никакого влияния ни на киргизов Большой Орды, ни на дикокаменных киргизов, кочующих почти постоянно за р. Чу, где корма гораздо лучше, чем по правому берегу этой реки, и кокандцы, имея между их кочевьями несколько укрепленных пунктов, всегда будут иметь над ними первенствующее влияние... В военном отношении Александрогорское укрепление, даже если бы вместо одного мы строили бы два или три укрепления, нимало не прикроет нашей границы, и хищнические партии и кокандские полчища всегда будут иметь возможность переходить безнаказанно за реку Чу, несколько выше или ниже наших укрепленных пунктов. Но хуже всего, по мнению моему, то, что вследствие близкого расстояния предполагаемого Александрогорского укрепления от Пишпека (всего 11 верст) и других кокандских крепостей, надо ожидать ежедневных стычек между нашими и кокандскими гарнизонами, и эти стычки могут со временем перейти в упорную и бесконечную войну»[2].

Отвергнув проект строительства укреплений на правой стороне р. Чу, полковник Краерус предлагал начать

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 90.
[2] Там же.

движение в Чуйскую долину и овладеть кокандскими крепостями Пишпек, Ак-Су, Мерке и Ит-Кечю. Он считал, что только занятие этих пунктов может обеспечить мир и господствующее положение России над северными киргизскими и всеми казахскими племенами Старшего жуза. Дюгамель, однако, не поддержал мнение Краеруса, опасаясь, что в этом случае с кокандцами неизбежно началась бы длительная война. В своем донесении военному министру он писал: «Эта бесплодная борьба без всяких результатов, наконец, невольно заставит нас предпринять экспедицию в более широких размерах, которая, может быть и против нашего желания, окончится покорением всего Кокандского ханства. Вот отчего я всякий шаг за р. Чу считаю опасным по своим последствиям.

Положение наше в Заилийском крае действительно несколько шатко, и во время вторжения кокандцев, в октябре месяце прошедшего года оно становилось критическим. Решительные действия полковника Колпаковского устранили угрожающую краю опасность»[1].

Как видно, Дюгамель был противником дальнейшего расширения подвластной России территории за счет кокандских владений. Он считал необходимым остановиться на достигнутом и окончательно упрочить позиции России в Заилийском крае. «В настоящее время цель наша должна состоять в упрочении владычества России в тех пределах, которые заняты нашими поселениями, воздерживаясь при том от новых приобретений, которые в сущности нас только ослабляют»[2].

Прежде всего, по его мнению, необходимо было укрепить Верное, увеличить его военные силы, превратив его в неприступный опорный пункт российского владычества не только в Заилийском крае, но и в значительной части казахской степи и прилегающих районов Северной Киргизии. В указанном донесении Дюгамель писал: «Укрепление Верное, как главное складочное место всех наших артиллерийских и продовольственных запасов, есть самый важный пункт не только Заилийского края, но и всей киргизской степи. Это ключ всей

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 50.
[2] Там же.

нашей позиции, и пока этот ключ будет в наших руках, нам нечего опасаться за безопасность края, но, чтобы Верное соответствовало своему назначению, надобно, чтобы этот пункт был бы, по крайней мере, изрядно укреплен и снабжен достаточным гарнизоном не только для обороны крепостных верхов, но также и для снаряжения из гарнизона подвижной колонны, которая в случае надобности могла быть направлена, куда необходимость укажет. Гораздо лучше из Верного сделать неприступную для наших азиатских соседей твердыню, чем раздробить наши силы по нескольким мелким крепостцам, слабые гарнизоны которых при отсутствии удобных путей сообщения, особенно зимою, могут подвергаться разным неожиданным случайностям»[1].

К моменту приезда Дюгамеля в Верное состояние этого укрепления далеко не отвечало его назначению, а вновь составленный план, предусматривавший усиление оборонительных сооружений, еще не был утвержден инженерным департаментом.

Новый генерал-губернатор признал наличные военные силы Заилийского края недостаточными и нашел нужным усилить их за счет перевода из Омска дополнительных воинских частей.

В отношении Кокандского ханства Дюгамель намерен был придерживаться более мирной политики, чем его предшественник. В своем донесении военному министру он писал: «Для успокоения тревожного состояния умов и для настоящего преуспевания Заилийского края, содержащего в себе столько источников богатства, нужно еще одно, а именно — прочный мир. Тогда только вновь водворенные казачьи поселения окрепнут и достигнут желаемого благосостояния и потому весьма желательно, чтобы наши отношения к Коканду были бы определены путем мирных переговоров»[2]. Дюгамель считал, что с Кокандским ханством необходимо установить такие же примерно отношения, как с Хивой и Бухарой. Однако дело осложнялось неопределенностью политического положения киргизов Чуйской долины. Как Дюгамель, так и начальник его штаба правильно

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 50.
[2] Там же.

понимали, что отношение киргизов к России во многом зависит от давления, оказываемого на них кокандскими властями. Краерус писал: «В настоящее время по долине р. Чу кочуют: 1. часть киргизов Большой Орды. 2. часть соплеменных им дикокаменных киргизов и, наконец, 3. там расположено несколько ханских укреплений. Эти племена не столько по единоверию, сколько по местному положению своему на границе Кокандского ханства и вынуждаемые силой из расположенных среди них укреплений находятся совершенно под влиянием кокандского правительства, действуя, может быть иногда поневоле, враждебно против нас...

...Следовательно, чтобы водворить тишину и спокойствие на южной границе Западной Сибири, нужно уничтожить влияние кокандцев на чуйских и дикокаменных киргизов, и тем вывести их из фальшивого положения, в котором они находятся как в отношении России, так и Коканда, и тогда нет сомнения, что эти номады пристанут к своим соплеменникам, кочующим в пределах империи. Влияние, приобретенное кокандцами на чуйских и дикокаменных киргизов, как сказано выше, основано не столько на единоверии этих народов, сколько на материальной силе, которою владеют кокандцы, имея несколько укреплений среди кочевий русских и дикокаменных киргизов, а именно Пишпек, вновь отстроенный, Мерке, Аксу и Ит-Кечу. Из этих пунктов кокандские гарнизоны во всякое время могут наказать чуйских и дикокаменных киргизов за малейшее неповиновение и вместе с тем взволновать подвластных нам киргизов Большой Орды»[1].

Правильно определив сложность политического положения киргизских племен Чуйской долины, Краерус считал, что добиться окончательного их перехода в подданство России можно только путем занятия Пишпека, Мерке, Аксу и Ит-Кечу постоянными военными отрядами русских войск. Но это неизбежно вызвало бы войну с Кокандским ханством.

Окончательное решение в отношении дальнейшей политики в Заилийском крае было вынесено Особым Комитетом 29 июня 1861 г. В постановлении Комитета

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 50.

говорилось: «По видам собственно стратегическим, в отношении к средствам обороны нашей границы с Кокандом, и по соображениям политическим, для открытия торговых путей в Кашгар и другие пункты Средней Азии, нам было бы выгодно перенести нашу пограничную линию вперед, в местность более благоприятную по естественному своему положению. Но такое предприятие при настоящих обстоятельствах оказывается несвоевременным и поэтому казалось бы возможным разрешить генерал-лейтенанту Дюгамелю отменить в нынешнем году постройку укрепления на р. Чу, заняться преимущественно работами в укреплении Верного и внутренним устройством Заилийского края, и потому в случае предложения кокандцев, не уклоняться от мирных сношений с ними, но не иначе как в виде перемирия, отнюдь не поставляя положительно границу нашу на р. Чу и не связывая нас в видах на будущее время. Вместе с тем, не теряя из виду непрочность и ненадежность всяких обстоятельств с кокандцами, враждебность их отношений с нами на западной стороне против Джулека,— содержать в готовности отряд в укреплении Верном или в Кастеке по мере надобности и местного удобства на случай неприязненных действий кокандцев»[1].

Особый Комитет, таким образом, признал целесообразным не ограничивать рекой Чу границу России и не связывать себя в отношении свободы действий на будущее. Была даже подчеркнута желательность перенесения пограничной линии на юг в сторону Северной Киргизии. Отменяя строительство укреплений на р. Чу, Особый Комитет рассматривал эту меру лишь как временную, а не как принципиальный отказ от наступательных действий в сторону кокандских владений вообще. Решение Особого Комитета получило одобрение Александра II.

Руководствуясь указаниями генерал-губернатора Западной Сибири, Колпаковский несколько ослабил свою активность и встал на путь урегулирования отношений с Кокандом на основе мирных переговоров. В этом плане и происходила его переписка с Канаатом, а затем с беком крепости Пишпек Рахматуллой. Эта

[1] ЦГИА. Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 110.

переписка представляет интерес с точки зрения анализа российско-кокандских отношений весной 1861 года[1].

Как видно из переписки, обе стороны пришли к согласию регулировать свои взаимоотношения на мирной основе. Тем не менее вскоре отношения между российскими и кокандскими властями вновь обострились. Поводом для этого явилось прибытие на Иссык-Куль кокандских сборщиков зякета, встретивших содействие со стороны отдельных бугинских манапов. Известный бугинский манап Мураталы теперь опять стал склоняться на сторону хана, т. к. был недоволен старшинством манапа майора Качибека Шералина и поддерживающими его русскими властями. Качибек Шералин и манап Нурдолот Джоробаев в начале мая 1861 г. сообщили начальнику Алатовского округа о прибытии кокандцев.

С получением письма Качибека Колпаковский предъявил ультимативное требование Рахматулле отозвать сборщиков зякета. Он писал: «Несмотря на желание твоего правительства и моего жить в мире и согласии, в которых мы, по своему великодушию, Вам не отказывали, я ныне узнал, что ты отправил с сыном манапа Мурат-Али в Бугинские волости 15 человек закетчей для сбора зякета.

Не раз было писано Вам, что Бугу — наши подданные, принявшие присягу нашему Государю, но ты как будто наперекор не перестаешь вмешиваться в их дела и даже решился собирать зякет. Не нарушай начатой между нами дружбы и отзови их обратно, а то я буду в твоем поступке видеть неприязнь ко мне.

Может быть, ты скажешь, что за зякетом приглашали Вас сами Бугу? Неужели в лице Мурат-Али, подлого старика, ты считаешь бугинцев. У них не он старший, а другой»[2].

Одновременно Колпаковский сообщил об этом генерал-губернатору и просил разрешения отправить военный отряд на Иссык-Куль для того, чтобы поддержать бугинцев. Колпаковский считал, что при создавшихся обстоятельствах невозможно оставить бугинцев на про-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 95.
[2] Там же, док. 86.

изволь судьбы и позволять кокандцам брать с них дань. Не менее важным он считал поддержание власти и авторитета майора Качибека Шералина среди бугинцев в противовес Мураталы[1]. Дюгамель разрешил Колпаковскому послать на Иссык-Куль отряд для ограждения бугинцев[2].

В это же время кокандские власти начали враждебные действия против подвластных России казахов Заилийского края, использовав для этого чуйских киргизов племени солто. 16 июня отряд солтинцев численностью до 300 человек совершил нападение на пять аулов подвластных России казахов, кочевавших в низовьях р. Каскелена на северо-запад от Заилийского пикета[3]. Во время нападения было убито 4 человека, тяжело ранено 3; 17 женщин и детей было увезено в плен. Кроме того, киргизы угнали 20 верблюдов, 50 голов рогатого скота и около 2000 баранов. С получением этого известия Колпаковский приказал войсковому старшине Бутакову, находящемуся на Кастеке, преследовать шайку барымтачей и наказать их. Бутаков с сильным казачьим отрядом настиг барымтачей за Курдайским перевалом. У них было отбито около 300 баранов, но с остальной добычей киргизы успели переправиться через р. Чу и скрыться. Вскоре стало известно, что набег солтинцев был совершен по непосредственному подстрекательству кокандских властей.

Опасаясь выступления русского отряда на Иссык-Куль, кокандские сборщики зякета вскоре покинули айылы бугинцев и вернулись ни с чем в Пишпек. Неудача кокандских сборщиков зякета объяснялась также и энергичным противодействием со стороны самих киргизов, не поддержавших манапа Мураталы. Некоторые айылы сарыбагышей также имели столкновения с кокандскими сборщиками и в связи с этим стали искать покровительства начальника Алатовского округа, чтобы иметь возможность в случае серьезной угрозы со стороны хана опереться на его поддержку. Во второй половине августа сарыбагышские манапы — Рыскулбек, Ху-

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 98.
[2] Там же, док. 112.
[3] ЦГИА Каз. ССР, ф. 3, оп. 185, д. 120, связка 10, лл. 5—6.

дояр и Тулекабыл отправили своих представителей в Верный с выражением преданности России и в доказательство своей искренности прислали заложников[1].

Датха Рахматулла за грубые злоупотребления, допущенные им в отношении киргизов, вскоре был смещен и переведен в Аулие-Ата. Комендантом Пишпека был назначен бывший комендант Аулие-Ата — Мирза-Даулет. Однако новый комендант Пишпека оказался не лучше прежнего, он также стал чинить произвол, требовать выплаты повышенного зякета с киргизов, в том числе и с бугинцев. Кроме того, он стал усиленно подталкивать киргизов к барымте на аулы подвластных России казахов. Для обеспечения безопасности казахских аулов от нападения барымтачей Колпаковский образовал особые отряды из самих казахов. В конце сентября один из таких отрядов, численностью в 80 человек, состоявший из казахов племени кашкоро, встретил группу барымтачей, в количестве около 100 человек, состоявшую из киргизов племени солто. В происшедшей стычке барымтачи, потеряв несколько человек ранеными и пленными, отступили. Мелкие столкновения между отдельными казахскими и киргизскими племенами не прекращались в течение всего 1861 г.[2]

Осенью 1861 г. кокандцы вновь отправили на Иссык-Куль сборщиков зякета. Прибыв в бугинские айылы, они при содействии манапа Мураталы, а также находящегося под его влиянием манапа Тилекмата стали собирать зякет. Старший манап Качибек Шералин не мог воспрепятствовать этому, так как кокандцы угрожали бугинцам нападением на их айылы. Обо всем этом Качибек письменно донес Колпаковскому и просил его указаний, как поступить в создавшейся обстановке. Колпаковский настоятельно просил его ни под каким видом не допускать сбора зякета кокандцами. Относительно высылки отряда он писал, что позднее время года не позволяет этого сделать (был уже конец октября, и почти все дороги на Иссык-Куль, в особенности в горных проходах, завалены снегом).

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 141.
[2] Там же, док. 149.

Подобное положение у бугинцев в последние годы создавалось неоднократно, и Колпаковский пришел к убеждению о необходимости постоянного нахождения русских отрядов на Иссык-Куле. В своем отношении к Дюгамелю он писал 22 октября 1861 г.: «Бугинцы, кочующие от Верного на 18 дней ходу, часто по слабости своей и недоверию их к нам отдаются на произвол нахальных кокандцев, лишь бы только спасти свой скот от упадка зимою. Я поспешаю почтительнейше донести обо всем этом Вашему Высокопревосходительству и осмеливаюсь доложить, что по отдаленности этого племени, которое мы обязаны защищать от вторжения к ним кокандцев, я в настоящее время не могу ничего сделать для их защиты, кроме моих письменных сношений и убеждений, и что положение бугинцев не будет обеспечено до тех пор, пока не будет находиться постоянно на Иссык-Куле среди их кочевьев какая-либо самостоятельная воинская наша команда. Без этой поддержки и нашей силы подданство бугинцев к России будет только номинальное и охранение их советами будет внушать в них недоверие к нашей силе и ложное понятие о неумении нашем владеть кочевниками»[1].

Находя положение бугинцев действительно трудным, Дюгамель согласился с Колпаковским и со своей стороны также признал необходимым основание постоянного укрепленного пункта на Иссык-Куле. Практика показала, что временное пребывание там отрядов в летнее время не обеспечивает надежной защиты бугинцев от ханских сборщиков зякета. После ухода русских отрядов кокандцы снова направляли сборщиков в киргизские айылы. Учитывая это обстоятельство, Дюгамель писал начальнику Алатовского округа: «Я признаю необходимость для защиты бугинцев, как подданных русского императора, принять более решительные меры постоянным занятием озера Иссык-Куль. В этих видах поручаю Вашему высокоблагородию представить мне соображения, где именно по дороге из Верного через Санташский проход по Заукинскому перевалу можно будет возвести передовой пост»[2].

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 175.
[2] Там же.

Колпаковский предлагал возвести укрепление на южной стороне Иссык-Куля, между реками Каракол и Джыргалан. Условия местности, наличие некоторых строительных материалов, топлива и покосных лугов благоприятствовали этому. Выбор места был определен не только интересами защиты бугинских айылов, но и обеспечения безопасности караванных торговых путей, идущих через перевал Джууку в Кашгар. Наряду с постройкой укрепления, Колпаковский находил необходимым создать около него крестьянские поселения, которые развивали бы здесь хлебопашество и тем самым обеспечивали гарнизон продовольствием.

Управление местными айылами предполагалось оставить в руках биев. Русские чиновники только в необходимых случаях должны были поддерживать власть старшего манапа. Личное же участие их в решении «Киргизских дел» «строго воспрещалось»[1].

Кокандцам, однако, на этот раз не удалось осуществить сбор зякета с бугинцев (кроме тех, которые были подвластны манапу Мураталы). Не только бугинцы, но и значительная часть сарыбагышей и многих других киргизских родов Центрального Тянь-Шаня уклонились от уплаты зякета. Причиной этого, помимо ослабления влияния кокандцев в результате узун-агачских событий, было еще другое обстоятельство, которое имело решающее значение — восстание известного датхи Алымбека.

Алымбек-датха, виднейший представитель киргизской феодальной знати Алая, до 1860 г. занимал должность наместника хана в Наманганском округе. В 1860 г., во время похода Канаата в Заилийский край, он собрал по повелению хана значительный отряд в своем округе для подкрепления Канаату. С прибытием в Чуйскую долину его значение, как представителя киргизских феодалов, среди северных киргизов значительно возросло. Хотя хан приказал Алымбеку находиться в постоянном подчинении Канаата, он плохо подчинялся главнокомандующему, а киргизы даже признавали в качестве главнокомандующего не Канаата, а Алымбека.

Во время узун-агачских событий все участвовавшие в походе вспомогательные киргизские отряды находи-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 183.

лись под командованием Алымбека и фактически непосредственного участия в них не принимали, хотя представляли значительную силу. Канаат-ша был очень недоволен Алымбеком, обвинив его в нежелании ввести в дело отряды киргизов.

Как известно, после сражения у Кара-Кастека предложение Канаата предпринять вторичное наступление на Узун-Агач было отвергнуто. В этом деле одним из противников Канаата выступал Алымбек. Канаат обвинил Алымбека в измене и потребовал применения к нему самого жесткого наказания. Основываясь на доносе Канаата и после допроса других участвовавших в походе лиц, хан нашел Алымбека действительно виновным и вынес ему смертный приговор. Алымбек в это время находился в Андижане, откуда был вызван к хану. Не подозревая об ожидавшей его участи, он решил явиться к нему, но один из приверженцев Алымбека известил его о вынесении ему смертного приговора, Алымбек бежал из Коканда и скрылся среди алайских киргизов и стал готовиться к восстанию.

Мятежному феодалу удалось поднять почти всех алайских киргизов племени адыгене и монгуш. Однако силы Алымбека оказались недостаточными не только для наступления на Коканд, но даже для оказания решительного сопротивления высланным против него ханским войскам. Он вынужден был оставить Алай и передвинуться в Центральный Тянь-Шань. Здесь Алымбек обосновался в верховьях р. Нарын и нашел поддержку со стороны тянь-шаньских киргизов. К Алымбеку присоединились виднейшие сарыбагышские манапы Уметалы, Аджы, Адыл и Торогельды со всеми подвластными айылами. Это укрепило его положение. Хан был вынужден отказаться от враждебных действий против Алымбека и решил примириться с ним. С этой целью он отправил к Алымбеку своих представителей, поручив им уговорить его пойти на примирение. Но Алымбек оставался непреклонным. Он не только не поддался уговорам ханских посланцев, но задержал их в качестве пленников, а затем предал всех смертной казни. Получив об этом известие, Малля-хан выслал против Алымбека значительный отряд, но отряд, оказавшись в глубине киргизских кочевий, среди гор и ущелий, не имея

надлежащей связи с Кокандом, потерпел поражение и почти весь истреблен.

Однако, несмотря на эти временные успехи, положение Алымбека было очень трудным. Он колебался — подчиниться ли ему вновь кокандскому хану или же попытаться стать самостоятельным правителем киргизов. Не надеясь на осуществление этого последнего намерения, он стал искать связи с русскими властями, чтобы заручиться их поддержкой в случае возникновения серьезной войны. В известной мере этими обстоятельствами объяснялась и попытка ряда видных правителей сарыбагышей, кочевавших в верховьях реки Чу, вступить в дружественные отношения с начальником Алатовского округа.

Дюгамель в своем отношении военному министру, касаясь положения Алымбека, писал 8 июня 1861 г.: «Алымбек будто бы намерен остаться среди дикокаменных киргизов, кочующих в верховьях Нарына, между озером Иссык-Куль и Мало-Бухарской равниной, и сделаться независимым правителем этого народа, вступив предварительно в дружеские с нами сношения.

Имея в виду, что сближение с Алымбеком полезно для нас в том отношении, что может благоприятствовать безопасному следованию караванов в Кашгар, я предписал полковнику Колпаковскому: в случае если Алымбек действительно откроет с ним сношения, то, не отказывая ему в нашем расположении, стараться поддерживать дружеские с ним отношения»[1].

Разумеется, восстание киргизов во главе с Алымбеком против Кокандского ханства было выгодно царской России. Министр иностранных дел Горчаков в своем отношении к Дюгамелю писал 29 июня 1861 г.: «По предмету восстания Наманганского парваначи Алымбека и дикокаменных киргизов против кокандского хана сообщено было на высочайшее воззрение Государя Императора. Его Величество находит... дельными Ваши распоряжения, сделанные на случай, если Алымбек выкажет намерение вступить с нами в дружеские сношения»[2].

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 116.
[2] Там же, док. 126.

Восстание Алымбека сделало положение Малля-хана еще более затруднительным. К тому же у него вновь обострились отношения с Бухарой. Весной 1861 г. борьба за владение пограничной крепостью Ура-Тюбе разгорелась с новой силой и в июне окончилась взятием этой крепости Малля-ханом[1]. Но этот успех был достигнут ценой ослабления позиций ханства в других пунктах.

Если на Сибирской линии отношения между Кокандом и Россией в это время приняли относительно мирный характер, то этого нельзя было сказать о районе Сыр-Дарьинской линии. Весной 1861 г. отряды царских войск достигли со стороны Оренбурга бывшей кокандской крепости Джулек и приступили к основанию здесь укрепления. В мае в лагерь начальника Сыр-Дарьинской линии генерал-лейтенанта Дебу явился посланник туркестанского бека Сабдан-ходжи и от его имени выразил протест против постройки на Сыр-Дарье российского укрепления. Генерал Дебу, однако, отверг протест и продолжал строительство[2].

Оренбургский генерал-губернатор Безак придерживался более активной политики по отношению к Кокандскому ханству. Он намеревался продолжать движение даже дальше Джулека. Одновременно он высказывался за наступательную политику и со стороны Сибири[3].

Генерал-квартирмейстер Оренбургского корпуса в своем донесении военному министру писал 18 декабря 1861 г.: «В настоящее время генерал от инфантерии Дюгамель считает необходимым войти с Кокандом в мирные сношения, в то время как генерал-адъютант Безак предлагает действовать против того же владения силой оружия... Для отстранения подобных недоразумений казалось бы необходимым определить раз навсегда ту общую систему, согласно которой правительство намерено действовать относительно Туркестана»[4].

В ноябре 1861 г. Безак изложил военному министру свои соображения относительно дальнейшей политики

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 94.
[2] Там же, док. 102.
[3] Там же, док. 115.
[4] Там же, док. 187.

царского правительства в Средней Азии. Безак одобрял принятую генералом Обручевым систему отдельных укреплений в степи, которая, по его мнению, заменяя дорогостоящие военные экспедиции, являлась лучшим средством обеспечения охраны границ и наблюдения за казахами, принявшими подданство России. Он только сожалел, что после возведения Кара-Бутакского, Уральского и Оренбургского укреплений не были построены другие укрепления, в частности на Эмбе.

Однако в 1861 г. Безак считал глубокое и всеохватывающее движение внутрь Кокандского ханства преждевременным и полагал ограничиться пока исследованием течения Сыр-Дарьи вверх от Джулека. Для подвоза продовольствия и боеприпасов должна была быть отправлена вверх по Сыр-Дарье флотилия из двух пароходов под начальством флигель-адъютанта Бутакова. Истинная цель движения флотилии Бутакова, однако, была замаскированной. Безак писал: «Я полагал бы вменить в обязанность флигель-адъютанту Бутакову избегать неприязненных столкновений с кокандцами, а, напротив, заявлять, что экспедиция предпринимается с ученой целью в видах упрочения наших торговых с ними сношений»[1].

Движение вверх по Сыр-Дарье, по мнению Безака, должно было продолжаться до тех пор, пока Оренбургская линия не соединится с Сибирской.

Вопрос о соединении Сибирской и Сыр-Дарьинской линий, как уже известно, обсуждался значительно раньше, в 1851 г. Военный министр, выражая мысль Николая I, указывал тогда в своем отношении к графу Перовскому, что соединение Оренбургской и Сибирской линий является «предметом первейшей важности и необходимости». Основываясь на этом, Безак писал: «Такая высочайшая воля, высказанная тогда, когда мы владели лишь устьем Сыр-Дарьи, в настоящее время делается неотложной потребностью, и смею думать, что если бы с движением нашим от моря Аральского вверх по Сыру и с устройством на нем новых фортов не имелось в виду такое же встречное движение со стороны Сибирского корпуса, то не стоило бы проникать до берегов

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 179.

Аральского моря и утверждаться на устье Сыра, а также делать экспедицию к Ак-Мечети и возводить Джулек»[1].

На пути соединения Сибирской и Сыр-Дарьинской линий стоял Туркестан, одно из сильнейших кокандских укреплений на Сыр-Дарье, овладение которым было ближайшей целью.

По мнению Безака, взятие Туркестана не представляло трудности. Он надеялся овладеть им даже без боя. Его план заключался в следующем: на берегу Сыр-Дарьи, на расстоянии около 200 верст от Джулека, надо было возвести укрепление, которое, находясь в тылу Туркестана, изолировало бы его от остальной части ханства. Однако для более прочного укрепления позиций России и Средней Азии Безак считал необходимым овладеть Ташкентом. «Нужно непременно овладеть Ташкентом,— писал он.— От него через укрепление Аулие-Ата идет удобная прямая дорога до Кульджу и Чугучак, и я полагаю, что Сибирскому корпусу весьма легко в первый год построить укрепление в Пишпеке, а на следующее лето овладеть крепостью Аулие-Ата и прийти к Ташкенту на соединение с войсками Оренбургского корпуса, которое, устроив на Сыре, смотря по удобству и по ближайшей линии к Ташкенту, укрепление как для прикрытия флотилии, так и для сосредоточения в нем продовольственных припасов, могут совокупно с Сибирским корпусом приступить к овладению Ташкентом»[2].

В дальнейшем Ташкент мог стать опорным пунктом для противодействия всяким попыткам кокандцев оторгнуть какую-либо часть уже занятой территории. Гарнизон Ташкента при необходимости мог бы получить своевременную поддержку как из фортов, расположенных на Сыр-Дарье, так и из Аулие-Аты, со стороны Сибирского корпуса. Занятие Ташкента давало возможность значительно облегчить продовольственное снабжение гарнизонов. Овладение Ташкентом могло бы также ослабить феодально-родовые междоусобия и барымту между пограничными казахскими племенами.

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 179.
[2] Там же.

Это же открыло бы возможность разработки залежей полезных ископаемых около Туркестана.

Ташкент уже тогда был важнейшим промышленным районом Средней Азии. Здесь сходились торговые пути из Бухары, Китая и России. Военностратегическое и географическое положение города обеспечивало его преобладающее положение во всем Кокандском ханстве. Ташкент играл исключительную роль в части развития торговых связей с Бухарой и Кашгарией. Все эти обстоятельства и учитывались русскими властями.

Достижение указанных целей Безак считал возможным только при условии активных действий со стороны Западной Сибири. Он писал по этому поводу, что с «промедлением в отношении занятия Пишпека и при открытии с кокандцами со стороны Сибири мирных сношений, они, не опасаясь ничего, оттуда могут обратить все свои силы на Сыр-Дарью и угрожать Джулеку»[1]. Поэтому Безак выражал уверенность, что генерал Дюгамель, ближе познакомившись с положением дел, убедится в необходимости перехода к более активным действиям по отношению к Коканду.

Понимая, что военные предприятия более крупного масштаба со стороны могли бы обратить на себя внимание европейских правительств, в частности английского, Безак писал: «Медлить с этим не следует, так как теперь не трудно справиться с Кокандом, но если англичане дадут им хорошую артиллерию и исправное нарезное оружие, то тогда задача сделается несравненно труднее и обойдется гораздо дороже»[2].

Предлог для овладения Ташкентом, по мнению Безака, найти было нетрудно, потому что «пограничные кокандцы, слабо повинуясь своему правительству, не воздержатся от набегов в наши пределы и от грабежа киргизов, наших подданных, а при том вся страна, даже до Ташкента включительно, принадлежала киргизам в то время, когда они присягнули на подданство России»[3].

Генерал-губернатор Оренбурга находил возможным овладеть Туркестаном и Ташкентом не позднее 1863 г.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 25, док. 179.
[2] Там же.
[3] Там же.

На ближайшее время он считал необходимым предпринять рекогносцировочное движение от Верного через укрепления Пишпек, Аулие-Ата до Сузака на расстоянии более 500 верст. Такое движение должно было выяснить возможные пути и условия соединения линий.

Однако генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель отрицательно отнесся к идее рекогносцировочного движения от Верного до Сузака, как и мысли об активизации действий заилийских военных сил против Коканда за р. Чу. Он писал: «...я сомневаюсь, чтобы одно появление наше на берегах р. Чу могло бы принести существенную пользу войскам, на Сыр-Дарьинской линии расположенным, по причине огромного расстояния, разделяющего операционные линии Оренбургского и Сибирского отдельных корпусов. Перейти же за реку Чу значило начать военные действия, к чему я не считаю себя уполномоченным и резко противоречило бы принятой мною системе»[1].

Военный министр Милютин поддержал точку зрения Безака. В своем отношении на имя генерал-губернатора Западной Сибири от 24 февраля 1862 г., исходя из соответствующего решения Особого Комитета, он указывал Дюгамелю, что р. Чу никогда не признавалась чертой, ограничивающей круг действия военных сил Заилийского края. Он писал: «Что же касается до самой системы, которой должно следовать со стороны Западной Сибири, то хотя мирные отношения к соседям составляют неизменное желание его величества, однако же при теперешнем состоянии Коканда, при дикости этого народа и его вражде к нам, более и более обнаруживающейся в последнее время, нельзя ожидать успеха ни от мирных с ними отношений, ни от строго оборонительного образа действий»[2]. Военный министр особенно настаивал на активизации действий со стороны Западной Сибири в связи с усилением движения кокандских войск на Сыр-Дарьинской линии.

Вынужденный подчиниться указаниям сверху, Дюгамель предложил Колпаковскому привести в боевую готовность военные силы Заилийского края. В начале

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 26, док. 13.
[2] Там же, док. 25.

1862 г. в Заилийском крае было сосредоточено 13 рот пехоты, т. е. почти вдвое больше, чем в начале 1861 г. Этих сил вместе с артиллерией и казаками было вполне достаточно не только для обороны края, но и для развертывания, в случае необходимости, наступательного движения.

Внутреннее положение Кокандского ханства по-прежнему оставалось тяжелым в связи с обострением феодально-придворной борьбы между кочевыми киргиз-кипчакскими феодалами и торгово-купеческими слоями оседлого населения. Несмотря на это, хан готовился к противодействию отрядам царских войск, особенно со стороны Сыр-Дарьинской линии. Он стал сосредоточивать войска в окрестностях Туркестана, Ташкента и Сузака и через своих агентов склонял кочующие в районе Сыр-Дарьинской линии казахские племена к перекочевке в кокандские владения. Одновременно отдельные кокандские отряды стали предпринимать набеги на подвластные России казахские аулы. Канаат-ша, занятый подготовкой войск в Ташкенте, нередко предпринимал наступательные действия против передовых укрепленных пунктов Сыр-Дарьинской линии, совершал набеги вниз по Сыр-Дарье и, действуя на бухарской караванной дороге, наносил значительный ущерб торговле России со среднеазиатскими ханствами.

В связи с этим оборона левого фланга Сыр-Дарьинской линии стала приобретать для царского командования важное значение. Укрепление Джулек, возведенное летом 1861 г., не могло полностью обеспечить безопасность этого фланга. Кокандское укрепление Яны-Курган, находящееся в 90 верстах от Джулека, на правом берегу Сыр-Дарьи, продолжало оставаться опорой ханских войск, грабивших окрестные подвластные России аулы казахов. Поэтому Безак принял решение разрушить Яны-Курган. 20 сентября из Джулека был направлен сильный отряд под начальством генерал-лейтенанта Дебу, а 24 сентября гарнизон крепости Яны-Курган, не дождавшись подкрепления из Туркестана, сдался[1]. Крепостные укрепления были взорваны.

Взятие Яны-Кургана вызвало ответные действия Ка-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 26, док. 32.

наата, который с крупным отрядом приблизился к Джулеку. Однако он не решился напасть на укрепление и стал сосредоточивать свои силы около развалин крепости Яны-Курган. Здесь, на острове Буркутты Канаат стал возводить новое укрепление, назвав его Дин-Курган, т. е. оплот веры. Командование Оренбургского корпуса решило не допустить возведения нового укрепления. Против Дин-Кургана был направлен отряд под начальством генерала Дебу[1]. Крепость, строительство которой подходило к концу, имела гарнизон из 250 человек, который не продержался и одного дня.

Неудачи, постигшие кокандцев на Сыр-Дарье, ускорили развертывание событий в Заилийском крае. Начальник штаба Сибирского корпуса в феврале 1862 г. сделал распоряжение о подготовке к выступлению за р. Чу летучего отряда. Он писал: «По первому приказанию должны быть готовы к выступлению в поход: 4 или 5 рот пехоты, две сотни боевого резерва и четыре конных орудия. Отряд этот, если надобность потребует, будет двинут к р. Чу, по направлению к Пишпеку, с целью отвлечь кокандские войска, которые будто бы угрожают Сыр-Дарьинской линии..., цель движения заключается собственно в отвлечении неприятельских сил, а не в решительных с ними военных действиях»[2]. Время выступления отряда предполагалось приурочить к весне, когда появится подножный корм.

В начале марта группа киргизов из племени солто под предводительством манапа Булан-Чолока перешла р. Чу, вторглась в кочевья кашкоровских казахов и напала на аулы султана Аблеса Адилова. Встретив организованный отпор со стороны кашкоровских казахов, киргизы были разбиты, многие из них попали в плен. Среди пленных было 25 манапов, которых Колпаковский приказал отвезти в Верный и держать там до окончания расчетов по барымте[3].

Хотя этот набег был совершен не без подстрекательства кокандцев, однако он был одним из обычных набегов, совершаемых с целью угона скота. Такие набеги

[1] Отряд состоял из 500 чел. пехоты, 300 казаков, 140 казахов при 10 орудиях (См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 26, док. 32).
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 26, док. 32.
[3] Там же, док. 31.

происходили издавна и носили взаимный характер. Несколько раньше, в начале февраля, такое же нападение на казахов племен албан и субан, управляемых султаном Тезеком Нуралиевым, было совершено бугинцами[1].

Взаимные набеги были ничем иным, как проявлением обычной межплеменной вражды. Такие набеги издавна использовались кокандцами, а в последнее время и царскими властями Западной Сибири в целях упрочения своего влияния. Они и могли дать Колпаковскому желанный повод для выступления.

В начале 1862 г. гарнизоны кокандских крепостей Чуйской долины вели себя пассивно. Силы кокандского ханства в Чуйской долине в это время вообще стали гораздо слабее, чем в 1861 г. Это было связано не только с тем, что кокандские войска сосредоточивались на Сыр-Дарьинской линии, но и с тем, что в самом ханстве вновь обострилась борьба феодальных группировок. В начале 1862 г. против Малля-хана организовался заговор, в котором участвовали ближайшие его советники. Но заговор был раскрыт и его участники казнены.

Не успел хан расправиться с участниками заговора, как был организован новый, в котором активную роль играли родственники казненных. Заговорщикам удалось убить Малля-хана и возвести на престол племянника убитого — Шахмурада. Но часть правящей придворной феодально-аристократической верхушки не согласилась с этой кандидатурой и выдвинула на престол Худояра. Эту группировку возглавляли Канаат и Рустамбек.

Новый хан Шахмурад обратился к Канаату с просьбой явиться в Коканд и обещал ему должность главнокомандующего кокандскими войсками. Но Канаат, подозревая опасность, оставался в Ташкенте и стал готовиться к обороне на случай выступления против него нового хана. В то же время он стал вести переговоры с Худояром, находившимся еще в бухарских владениях, и просил его подойти со своими вооруженными силами к границам Ташкентской области. Он обещал впустить Худояра в Ташкент с тем, чтобы в дальнейшем добиться возведения его на ханский престол[2].

---

[1] ЦГИА Каз. ССР, ф. 3, д. 306, л. 15.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 26, док. 50.

В начале марта Худояр при поддержке эмира бухарского прибыл в Ташкент и присоединился к Канаату, который объявил его кокандским ханом. Тогда хан Шахмурад со своим войском, в котором преобладали кипчаки и киргизы, двинулся на Ташкент и обложил город, однако после 53-дневной осады вынужден был отступить к Коканду.

Дюгамель, достаточно осведомленный о положении в Кокандском ханстве, писал военному министру: «При беспрерывных неурядицах, волнующих это ханство, при разноплеменном составе его народонаселения нельзя ожидать единодушного сопротивления... кокандцы не могут рассчитывать на сочувствие и помощь кочевого народонаселения, т. е. на киргизов разных родов, которых они ожесточили против себя своими поборами и притеснениями»[1]. В этих условиях намеченное движение Колпаковского за р. Чу должно было иметь полный успех.

19 марта 1862 г. Дюгамель предложил Колпаковскому сосредоточить в укреплении Кастек отряд и, приняв над ним личное командование, выступить за р. Чу через Курдайский горный проход. Этот отряд должен был двинуться по направлению к Пишпеку и выяснить, в какой степени кокандцы успели восстановить крепость. Далее отряду надлежало следовать, придерживаясь подножья Киргизского Ала-Тоо, на запад, по направлению к кокандским укреплениям Ак-Су и Мерке. Цель состояла в том, чтобы отвлечь внимание кокандских властей от Сыр-Дарьинской линии, а также произвести рекогносцировку местности. В отношении киргизов Чуйской долины Колпаковскому было предписано: «Дикокаменным киргизам объявить, что цель наша не в завоеваниях, а в доставлении мира и тишины киргизам, подданным русского государя, и в избавлении их от притеснения кокандцев[2]. Дюгамель указывал Колпаковскому: «В случае, если по приближении вверенного вам отряда к Пишпеку кокандцы сами оставят это укрепление или в оном защищаться не будут, то временно заняв его войсками, разрушить верки, насколько то будут позволять

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 26, док. 64.
[2] Там же, док. 35.

средства, находящиеся при отряде. Оставлять же войска в Пишпеке для постоянного его занятия я не нахожу нужным в том внимании, что это занятие, не входя в план каких-либо более определенных и решительных действий с нашей стороны, только уединит войска, там оставленные, что при затруднительности сообщений, в особенности в зимнее время, будет сопряжено со многими неудобствами.

В этих видах прошу Ваше высокоблагородие действовать в сем случае согласно прежде данных мною инструкций, имея главнейшее в виду, что цель настоящего движения заключается в том, чтобы угрожать кокандцам, по возможности собрать подробные и точные сведения о местности, почти для нас неизвестной»[1].

22 апреля Колпаковский выступил из Кастека. Его отряд переправился через Чу у Касыкского брода, около Чумыча, и направился к укреплению Ак-Су, находящемуся между Мерке и Пишпеком[2]. По пути движения к Ак-Су Колпаковскому удалось узнать, что численность гарнизона Пишпека доходит до 400 человек, а вооружение крепости состоит из 6 орудий.

Гарнизон укрепления Ак-Су, по полученным сведениям, состоял всего из 20 человек. Решено было захватить его в плен. С этой целью туда был направлен авангард в составе сотни казаков при двух горных орудиях. В укреплении, захваченном без всякого сопротивления, было найдено всего два крепостных ружья и мешок пороху[3].

От Пишпека до Ак-Су отряд проходил по местам, занятым кочевьями киргизов племени солто. Киргизские айылы ни в какие враждебные отношения с отрядом не вступали. Во время ночлега отряда в Ак-Су к Колпаковскому явился манап Джангарач. Он выразил благодарность за миролюбивое и дружественное отношение к подвластным ему киргизам. Почти все киргизское население Чуйской долины смотрело на движение отряда Колпаковского как на событие, избавляющее от тяжелых поборов и произвола кокандских чиновников. Генерал-губернатор Западной Сибири писал по этому пово-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 26, док. 52.
[2] Там же, док. 56.
[3] Там же, док. 54.

ду военному министру в мае 1862 г.: «Видя стройное движение нашего отряда и неприкосновенность стад своих и имущества, а также успокоенные объявлением, сделанным им полковником Колпаковским, что цель наших действий не завоевание, а доставление мира и тишины киргизам, подданным государя императора, и избавление их от притеснений кокандцев, султы везде встречали отряд радостными приветствиями»[1].

Заняв Ак-Су, отряд продолжал движение на запад, по направлению к р. Каинды. В 35 верстах от Ак-Су, на р. Каинды, находилось маленькое укрепление Шиш-Тебе, гарнизон которого заранее обратился в бегство. Отряд оставил это укрепление также неразрушенным и последовал далее по направлению к Мерке. Крепость Мерке также сдалась без сопротивления.

В продолжение всего времени между отрядом Колпаковского и местным киргизским и казахским населением поддерживались мирные и дружественные отношения. А около крепости Мерке, во время стоянки отряда, к Колпаковскому явились старшины окрестных казахских и киргизских племен с выражением дружественных чувств. Дюгамель в донесении военному министру писал: «В лагерь наш под Мерке к полковнику Колпаковскому явились старшины окрестных родов киргизов дикокаменной и большой орд. В уверенности, что мы пришли занять Зачуйские земли навсегда, они выразили свою полную подчиненность России и, под впечатлением безукоризненного поведения наших войск относительно их аулов, предложили несколько десятков быков, которые и были приняты и обращены на мясные порции отряду»[2].

Вскоре отряд начал обратное движение и после четырех переходов достиг Пишпека. Здесь была произведена рекогносцировка местности, во время которой между русскими и кокандцами почти непрерывно велась перестрелка.

Снявшись с позиции под Пишпеком, отряд направился к Чумычскому броду и 15 мая вступил в укрепление Верное[3].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 26, док. 66.
[2] Там же.
[3] Там же, док. 61.

В результате этой экспедиции был разведан весь Зачуйский район. Стало известно, что территория до самого Мерке свободна для движения войск, а местное киргизское население настроено дружелюбно. От Пишпека до Мерке имелась хорошая грунтовая дорога, вполне удобная для движения артиллерии и обоза. В результате рекогносцировки были также намечены пункты для возведения будущих укреплений. Экспедиция давала понять киргизскому населению Чуйской долины, что крепость Пишпек сама по себе не может служить сколько-нибудь серьезной преградой для проникновения отрядов царских войск в глубь подвластной кокандскому ханству территории в сторону Аулие-Аты и Ташкента.

Одобряя теперь со стратегической точки зрения мнение Безака о необходимости овладения Ташкентом совокупными силами Сибирского и Оренбургского корпусов, Дюгамель считал необходимым основать ряд укреплений между Кастеком и Ташкентом, которые служили бы опорными пунктами. Он нашел также желательным, если предполагаемое движение на Ташкент будет осуществляться в 1863 г., уже осенью 1862 г. овладеть Пишпеком, а наступление на Аулие-Ату предпринять осенью 1863 г. с тем, чтобы произвести рекогносцировку местности далее в сторону Ташкента.

Однако Дюгамель отмечал и неизбежность возрастания расходов при дальнейшем движении войск как вверх по Сыр-Дарье, так и со стороны Заилийского края, а также после соединения Оренбургской и Сибирской линий занятия Ташкента. Он продолжал доказывать невыгодность такого движения с финансовой точки зрения[1]. В письме к Дюгамелю Милютин вскоре разъяснил решение Особого Комитета в отношении проекта Безака и изложил точку зрения правительства о дальнейших действиях со стороны Западной Сибири. Он писал: «Комитет одобрил предложения генерал-адъютанта Безака лишь в общих видах, и командиру отдельного Оренбургского корпуса в будущем, 1863 году разрешено только произвести рекогносцировку Туркестана, а прежде всего признано необходимым, чтобы как генерал-адъютант Безак, так и Ваше высокопревосходительство

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 26, док. 54.

озаботились собранием об означенном пространстве сведений сколь возможно более точных... Содействие со стороны Западной Сибири, о котором ходатайствует командир отдельного Оренбургского корпуса для производства высочайше разрешенной в будущем, 1863 году рекогносцировки и для дальнейших своих действий в долине Сыр-Дарьи, состоит в диверсии и в предложениях в 1863 году занять Пишпек, а в 1864 году Аулие-Ата... Вместе с тем ежегодные движения наших отрядов в долину р. Чу, которые продолжаются уже с 1859 года, и разрушение построенных в ней кокандских укреплений, по всей вероятности, понудят кокандцев оставить навсегда эту долину, подобно тому, как они оставили Джулек и другие ближайшие к нему укрепления на Сыр-Дарье после повторных туда движений наших войск и после разрушения Ак-Мечети в 1853 году»[1].

Таким образом, военный министр указывал на необходимость активизации военных действий со стороны Западной Сибири. В связи с этим Дюгамель принял решение в ближайшее время предпринять наступление на Пишпек, овладеть им и разрушить.

* * *

После возвращения рекогносцировочных отрядов из Чуйской долины весной 1862 г. внимание начальника Алатовского округа было отвлечено событиями, происходившими на китайской границе. В это время вновь произошло осложнение во взаимоотношениях русских властей Заилийского края с китайскими властями, которые предъявили свои претензии на сбор дани у ряда подвластных России казахских и киргизских племен, кочевавших в пограничных с Китаем районах Северной Киргизии и Илийского края.

Особенно настойчиво эти требования китайские власти предъявляли к бугинцам, так как их кочевья простирались до пограничных районов, Каркыра и Текеса. В поисках хороших пастбищ бугинцы нередко перекочевывали в эти районы. Это обстоятельство, при совер-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 26, док. 77.

шенном отсутствии в этих местах твердо установленных государственных границ, и дало повод китайским властям рассматривать бугинцев как своих подданных. Было время, когда некоторая часть бугинцев в силу различных обстоятельств — отсутствия корма для скота, натиска враждебных племен, в частности сарыбагышей и др.— иногда действительно временно переходила на китайскую территорию. Теперь же пограничные китайские власти, получив от бугинцев отказ в выплате дани, стали действовать вплоть до применения силы. Некоторые бугинские старшины были захвачены в плен. Будучи извещен об этих событиях, начальник Алатовского округа приказал своим пограничным отрядам охранять права подданных России от незаконных притязаний цинских властей. Колпаковский донес о происшедших осложнениях на китайской границе генерал-губернатору Западной Сибири. Вопрос был поставлен на обсуждение Особого комитета[1], который нашел желательным придерживаться с китайскими властями дружественных отношений, не принося, однако, ущерба интересам России. Здесь же было отмечено, что опасения по поводу возможности войны с Китаем не имеют под собой оснований.

События, связанные с притязаниями китайских властей, а также попытка кокандцев из крепости Куртка осуществить сбор зякета с бугинцев заставили начальника Алатовского округа отправить военный отряд на озеро Иссык-Куль под командованием капитана Проценко. Бугинцы встретили отряд радушно и заявили о своей верности российскому правительству. Кокандских сборщиков зякета в это время уже не было, так как они, получив известие о выступлении отряда из Верного, ушли обратно в Нарын.

В середине июля отряд Проценко перешел через реки Барс-Коон, Аксай и Улахол. После осмотра окрестностей озера и выбора пунктов для строительства укреплений отряд двинулся на восток в сторону Санташа.

Ознакомившись на месте с положением бугинцев, Проценко пришел к выводу, что угроза со стороны Ки-

---

[1] Отношение министра иностранных дел к генерал-губернатору Западной Сибири от 12 марта 1862 года № 1031.

тая является действительно реальной и что если они не будут обеспечены постоянной поддержкой русских вооруженных отрядов, то попадут под влияние цинских властей. Колпаковский, разделяя мнение Проценко, писал Дюгамелю: «...положение бугинцев весьма шатко и может быть поддержано только положительным нашим там водворением с устройством крепости в нынешнее же лето содержанием... постоянного отряда для охранения киргиз...»[1]. Откладывая возведение укрепления на Иссык-Куле до следующего года, Колпаковский все же решил оставить до глубокой осени находившийся там отряд. В случае надобности он считал нужным оставить в кочевьях бугинцев казачий отряд и на зиму, устроив для него временное жилище. В отношении продовольственного снабжения отряда Колпаковский возлагал надежды на прииссыккульских киргизов, которые готовы были оказать в этом необходимую поддержку. В задачу отряда должно было входить ограждение бугинцев не только от агрессии Китая, но от произвола кокандцев. Колпаковский доносил в августе 1862 г. генерал-губернатору Западной Сибири: «Оставление сего отряда до весны по моему соображению важно там собственно для того, что с удалением его, если в нынешнее лето переговоры о границе не будут кончены, бугинцы, по легкомыслию своему и подстрекательству китайцев, могут отложиться в Китай и, находясь там, повредят вопросу о границе. С другой стороны, оставление его там признается полезным и потому, что после долгих обещаний наших оказывать бугинцам защиту против кокандцев и враждебных сарыбагышей и для поддержания власти старшего манапа нам следует исполнить свое обещание»[2].

Отряд капитана Проценко произвел также осмотр границ на Каркыре и в пределах Текеса. Бугинцы в период пребывания отряда оказывали ему всяческую поддержку и добросовестно выполняли все поручения его начальника. Многие из бугинских манапов со своими джигитами следовали вместе с отрядом во время его движения вдоль озера Иссык-Куль и на Текесе. Впо-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 26, док. 74.
[2] Там же, док. 85.

следствии начальник Алатовского округа в своей записке на имя Дюгамеля отмечал: «Продолжительное пребывание русского отряда в нынешнем году в бугинских кочевьях дало возможность на деле видеть степень привержения этих киргиз к русским, а вместе с тем доставил случай некоторым из них показать свое усердие. Я надеюсь, что Вы разделяете мнение о необходимости поощрить это усердие, тем более, что у бугинцев, не часто видящих русских у себя, поощрение это будет иметь особую цену»[1].

К осени перед начальником Алатовского округа возник более серьезный вопрос — об отношении к крепости Пишпек. Дюгамель не настаивал на вторичном занятии и разрушении Пишпека в 1862 г., однако военный министр Милютин не согласился с его мнением и прямо указывал, что следовало бы не отказываться в этом году от её занятия»[2].

Для успеха экспедиции создавались благоприятные условия. В Кокандском ханстве еще продолжалась жестокая феодально-придворная борьба. Кочевые народы, главным образом киргизы и кипчаки, выступали против Худояра. Ташкент был осажден войсками Шахмурада. В свою очередь Канаатом были сосредоточены в Ташкенте гарнизоны других крепостей, находившихся под его управлением. Сюда был вызван, в частности, туркестанский бек вместе с гарнизоном, а Туркестан оставлен без всякой защиты, несмотря на угрозу, нависшую над ним со стороны царских отрядов Оренбургского корпуса.

Гарнизон осажденного Ташкента оказывал упорное сопротивление, и Шахмураду, несмотря на длительную осаду, не удалось взять город. Вскоре наступление войск эмира Бухарского в сторону Коканда и занятие им Ходжента заставило Шахмурада снять осаду Ташкента и уйти на защиту своих владений. Вслед за Шахмурадом в сторону Коканда двинулись из Ташкента войска Худояра и Канаата и вошли в столицу ханства. У ворот своей столицы Шахмурад был встречен выстрелами из орудий и разбит. Кипчаки и киргизы разбе-

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 3, оп. 1, л. 5.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 26, док. 95.

жались, хан Шахмурад бежал в Киргизию, а Худояр вновь провозгласил себя ханом.

Заняв престол, Худояр-хан обратился к населению с призывом продолжать войну с кипчаками и киргизами. После этого он намеревался начать войну против России.

Однако Худояр-хан, слабохарактерный и малоспособный к управлению государством, не проявил себя в решении тех трудных вопросов, которые в это время стояли перед Кокандским ханством. В своем отношении на имя военного министра Дюгамель в общем верно характеризовал Худояр-хана. «Утверждение в ханстве Худояр-хана, правителя малоспособного и склонного к гаремной жизни,— писал он,— могло бы служить отчасти ручательством, что кокандцы не станут нас тревожить пограничными ссорами, если бы во главе правления претендента не стоял Канаат, человек смелый и предприимчивый. Но во всяком случае пока Шахмурад не потеряет окончательно сочувствия дикокаменных киргизов и кипчаков и пока эмир Бухары будет следовать в отношении Коканда своекорыстной политике покойного отца, до тех пор, несмотря на всю воинственность Канаата, можно предполагать, что кокандцам будет довольно дела у себя дома»[1].

Канаат вскоре был вызван эмиром Бухарским, который хотел воспользоваться его услугами. После ухода отрядов эмира из ханства кипчаки и киргизы вновь сделали попытку подступить к Коканду, но были разбиты. Главной причиной поражения киргиз-кипчаков на этот раз были раздоры среди кочевой феодальной знати, в результате чего двое видных ее представителей вместе с Шахмурадом перешли на сторону Худояр-хана»[2].

Но кипчаки и киргизы и после этого поражения оказывали сопротивление Худояр-хану. В дальнейшем они нашли нового «законного» претендента на ханский престол и продолжали совершать нападения на различные города Кокандского ханства. Им удалось временно занять города Наманган, Маргелан, Ходжент и даже Коканд. В конце августа и начале сентября 1862 г., в пе-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 26, док. 76.
[2] Там же.

риод наибольших своих успехов, кипчак-киргизские предводители обратились с воззванием ко всем киргизским племенам, проживающим под властью Кокандского хана. Они призывали их не подчиняться Худояр-хану, нападать на гарнизоны кокандских крепостей и уничтожать представителей власти, поддерживающих Худояр-хана.

Воззвание дошло и до чуйских киргизов, отношение которых к Коканду давно уже было двойственным. Оно дало толчок движению, направленному против кокандского господства. Видный манап племени солто Байтик Канаев занял резко враждебную позицию по отношению к Коканду. Враждебную позицию заняло также племя сарыбагыш. Такое же положение создалось и среди тянь-шаньских киргизов, которые стали выступать с прямыми угрозами гарнизону кокандской крепости Куртка.

Так, внутренняя борьба, происходившая в центре Кокандского ханства, нашла отклик почти во всей Киргизии. Манап Шабдан, некоторое время служивший у Канаата и Худояр-хана, в своей биографии писал: «При отъезде моем Худояр-хан поручил мне известить о победе над кокандцами всех беков в восточных городах, принадлежавших Ташкенту, и манапов кыргызов и казахов. В Пишпеке я узнал, что генерал Колпаковский взял уже Мерке и что наши кара-киргизы, во главе которых был мой отец, отложились от сартов и подчинились русским. Рахматулла, бек Пишпекский, будучи зол на меня за отца, велел джигита моего Баяке высечь розгами, дал ему сто ударов и обоих нас посадил в зиндан. Нам, однако, удалось бежать из тюрьмы, и мы прибыли домой. Рахматулла потом присылал Доссарыка, своего человека, передать мне, что хочет со мною мириться, но я, помня его обиды, убил посланного и разошелся таким образом с сартами, передавшись окончательно русским»[1]. Манап Байтик под давлением киргизов Чуйской долины, особенно сильно страдавших от поборов и насилия Рахматуллы, открыто выступил против него. Это выступление объяс-

[1] См. Н. Аристов. Киргизы и Западный Тянь-Шань..., гл. XII, стр. 58.

нялось также тем, что Байтик, как наиболее крупный из киргизских правителей Чуйской долины, был недоволен господством кокандцев, ущемлявших его личную власть над киргизами.

Стихийный протест чуйских киргизов против ханского гнета летом 1862 г. стал проявляться в отказе от уплаты зякета, а затем дело дошло до столкновений с мелкими кокандскими отрядами. Этим решил воспользоваться манап Байтик. Он организовал заговор против Рахматуллы и привлек к участию в нем некоторых других влиятельных киргизских правителей Чуйской долины. Подготовленные военные отряды должны были привести в исполнение задуманный заговор. Байтик вступил также в связь с племенем сарыбагыш, влиятельнейший манап которого Джантай согласился поддержать выступление Байтика вооруженной силой. Конкретной целью восстания было нападение на гарнизон уже восстановленного Пишпека и его разрушение. Байтик намеревался обманным путем заманить Рахматуллу в свой айыл и там убить его. Летом 1862 г. Байтик пригласил Рахматуллу в гости в свой айыл на джайлоо, но Рахматулла, заподозрив неладное, не принял приглашения. Байтик, однако, продолжал вести подготовку к выступлению против кокандской власти. Свои приготовления к войне, а также заговор против Рахматуллы он держал в строгой тайне, и это дало ему возможность впоследствии, обманув бдительность Рахматуллы, осуществить свой замысел.

В конце августа айыл Байтика откочевал в Чуйскую долину, местность Акчий, расположенную недалеко от Пишпека. Байтик решил устроить здесь большой той[1], на который должен был быть приглашен и Рахматулла. На этот раз Рахматулла принял приглашение. Приехав в айылы Байтика с отрядом в 60 сарбазов, Рахматулла все же не чувствовал себя спокойно и приказал не отпускать лошадей на подножный корм, а держать наготове. В самый разгар тоя был дан сигнал к нападению на кокандский отряд. Сарбазы, опрокинув юрту и отбиваясь от нападавших, посадили Рахматуллу на лошадь и дали ему возможность в сопровождении нескольких

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 26, док. 93.

человек вырваться из окружения. Но стоявшие на пути к Пишпеку джигиты Байтика нагнали Рахматуллу, и один из манапов, Кокум Чойбеков, смертельно ранил его.

Гарнизон Пишпека, численность которого доходила до 600 человек, под начальством сына Рахматуллы немедленно был приведен в боевую готовность. Ворота крепости были закрыты, а торговые операции в лавках прекращены. Киргизы, находившиеся в Пишпеке на базаре, задержаны в качестве заложников. Предприняв эти меры, гарнизон Пишпека все же не решился перейти к наступательным действиям. О происшедших событиях Байтик немедленно известил другие киргизские племена, в том числе сарыбагышей, которые немедленно выступили на поддержку. Пишпек оказался осажденным. Однако взять его без артиллерии было невозможно. Несмотря на свое значительное численное превосходство, киргизы могли вести только перестрелку с осажденным гарнизоном.

Опасаясь прибытия кокандских войск со стороны Аулие-Аты, Байтик решил обратиться за помощью к Колпаковскому и послал к нему своего брата Сатылгана с просьбой прислать отряд и артиллерию для взятия крепости. Колпаковский немедленно доложил об этом Дюгамелю, который разрешил выступить против Пишпека, овладеть им и разрушить. Выступление Колпаковского теперь стало необходимым не только потому, что этот вопрос уже был предрешен независимо от обращения Байтика, но и потому, что отказ Байтику оставил бы невыгодное для русских властей впечатление у чуйский киргизов, подорвал их надежду на помощь русских отрядов в борьбе против кокандского хана[1].

По прибытии отряда Колпаковского под Пишпек было объявлено, что отряд «...пришел избавить зачуйских киргиз навсегда от притеснений сартов». Байтик со своей стороны выразил готовность оказать помощь отряду: предоставить рабочий скот, продовольствие, рабочую силу и вооруженные отряды. Однако, считая свои силы

[1] О событиях, связанных с восстанием чуйских киргизов и нападением их на Токмак и Пишпек, см. донесение генерал-губернатора Западной Сибири на имя военного министра от 19 сентября 1862 г. (ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 26, док. 93).

вполне достаточными для взятия крепости, Колпаковский отказался от вооруженной помощи Байтика.

После 10-дневной осады Пишпекская крепость пала. Взятие Пишпека было важным шагом на пути соединения Сибирской и Оренбургской линий. Кроме того, оно вносило ясность в положение чуйских киргизов, которые до этого, сообразуясь с обстоятельствами, неоднократно изъявляли желание принять подданство России, а затем снова оказывались под властью Кокандского ханства.

С падением Пишпека власть кокандского хана над киргизами Чуйской долины фактически была утеряна. Главным опорным пунктом кокандцев в Чуйской долине теперь оставалась Аулие-Ата. Киргизы с ненавистью смотрели на этот последний оплот кокандского владычества в их кочевьях. Байтик еще во время осады Пишпека заявлял Колпаковскому о своем намерении начать военные действия против Мерке и Аулие-Аты. Вскоре Аулие-Ата действительно подверглась нападению киргизов племени багыш и кипчаков под начальством манапа Сарымсака. Укрепление защищало около 2000 кокандцев и казахов Большой Орды, кочующих по Таласу. Кипчаки и багыши, встретив сильное сопротивление гарнизона, обратились за помощью к киргизам племен солто и сарыбатыш. Нападение киргизов и кипчаков на Аулие-Ату было отголоском враждебного отношения кочевников к Худояр-хану[1].

Худояр-хан хотя и утвердился в Коканде, но внутреннее положение ханства было настолько трудным, что он не мог послать в Чуйскую долину вооруженной силы для подавления киргизов. В то же время киргизы после ухода русских отрядов не чувствовали себя достаточно уверенно. Они вновь попали в неопределенное и трудное положение, в особенности те из них, которые находились под властью Байтика. В своих столкновениях с кокандцами они зашли настолько далеко, что примирение стало невозможным. В случае усиления кокандских гарнизонов киргизам Чуйской долины грозило полное разорение. Поэтому они сейчас, как никогда, ощущали необходимость в прочном покровительстве России.

Русские власти в свою очередь понимали, что они в

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 71, д. 26, док. 123.

случае необходимости не окажут чуйским киргизам поддержки, то это приведет к падению престижа России. Поэтому Колпаковский стал настаивать на организации новой экспедиции в Чуйскую долину весной 1863 г. Экспедиция должна была не только воспрепятствовать восстановлению Пишпека, но и провести рекогносцировку в сторону Аулие-Аты, Чулак-Кургана и Сузака. Мнение Колпаковского вполне согласовывалось с установками в отношении соединения двух линий и нашло поддержку генерал-губернатора Западной Сибири. Был намечен маршрут движения летучего отряда, но предписывалось не предпринимать действий против самой крепости Аулие-Ата[1].

4 мая 1863 г. Колпаковский с отрядом выступил из Кастека[2]. У Чумычского брода он соединился с отрядом Бутакова, направленным сюда ранее. После прибытия в Пишпек был сформирован особый летучий отряд под командованием подполковника Лерхе. Часть отряда Колпаковского занялась окончательным разрушением пишпекской крепости. Киргизы оказывали Колпаковскому всестороннюю помощь.

Вступление отряда Колпаковского в Чуйскую долину и движение летучего отряда Лерхе не вызвало какого-либо противодействия со стороны кокандцев. Более того, они заранее оставляли свои позиции, отступая из мелких крепостей. Гарнизон крепости Мерке численностью до 200 человек, получив известие о вступлении русских отрядов в Чуйскую долину, оставил это укрепление и отступил по направлению к Аулие-Ате[3]. Одновременно с движением отряда Лерхе самостоятельно действовали отдельные киргизские отряды, преследовавшие отступающие кокандские гарнизоны, причем главную роль здесь играли киргизы, подвластные Байтику. Их нападению подвергся, в частности, отступавший гарнизон крепости Мерке, во время которого был убит ее комендант Пардабек[1].

Киргизы и казахи Старшего жуза, воспользовавшись присутствием Колпаковского в Пишпеке, занялись раз-

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 3, д. 22, док. 10—12.
[2] ЦИА Каз. ССР, фонд 3, д. 513, связка 22, лл. 10—12.
[3] Там же, л. 140.
[4] Там же.

решением своих споров по барымте, прибегая к его посредничеству. Колпаковский поручил решение этих споров совету биев. Как видно, правящая бай-манапская верхушка уже в то время начала опираться на поддержку царских властей[1].

Летучий отряд Лерхе продолжал движение по направлению к Аулие-Ате. Кочующие киргизские и казахские племена никаких признаков враждебности к нему не проявляли, а наоборот, оказывали ему всяческое содействие. Характеризуя отношение к своему отряду киргизов и казахов, проживавших в окрестностях Аулие-Аты, Лерхе писал в донесении Колпаковскому: «Наши и некоторые дикокаменные ждут нас с нетерпением, приносят в жертву каждый день баранов, чтобы мы скорее пришли»[2].

Лерхе обратился с воззванием к наиболее влиятельным киргизским правителям — Джангарачу, Худайбергену и другим. Он объяснял им задачу движения отряда, уверял, что никаких других целей, кроме установления покоя и тишины среди местного населения и освобождения его от притеснений со стороны Кокандского ханства, у отряда нет. Вместе с тем Лерхе просил их оказывать необходимую помощь отряду[3].

22 мая отряд Лерхе достиг Аулие-Аты и расположился лагерем в пяти верстах от крепости, на правой стороне р. Талас. Гарнизон Аулие-Аты состоял примерно из 700 человек, среди которых было 300 конных джигитов. Вооружение крепости составляли 7 пушек. Кроме гарнизона, в крепости проживало значительное количество торговцев[4]. Рекогносцировка показала, что занятие Аулие-Аты не представит особой трудности. 26 мая Колпаковский выступил из Пишпека на соединение с отрядом Лерхе. Но по пути он получил сообщение от временно исполняющего должность начальника Алатовского округа подполковника Глазенапа о столкновениях с пограничными китайскими отрядами, происшедших на юго-восточной границе Заилийского края. Имея в Верном малочисленный гарнизон, Колпаковский вынужден

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 3, д. 513, лл. 168—169.
[2] Там же, лл. 173—175.
[3] Там же.
[4] Там же, лл. 243—244.

был изменить свое решение о движении летучего отряда в сторону Сузака. Учитывалось и то обстоятельство, что отряду дальше Аулие-Аты пришлось бы идти по Голодной степи, лишенной кормов и воды и неудобной для движения артиллерии. Кроме того, в тылу отряда оставалась крепость Аулие-Ата. Лерхе было приказано вернуться обратно.

В результате зачуйской экспедиции царское командование получило ценные сведения: были произведены топографические съемки местности от Пишпека до Аулие-Аты, сняты планы кокандских крепостей, намечены предстоящие маршруты движения военных отрядов. Но самое существенное — обеспечена безопасность чуйских киргизов, положен конец неопределенности их политического положения.

При всем этом успех колонизационного движения России в этом районе не был окончательным, пока сохранялась возможность пограничных конфликтов с Китаем. В сущности, столкновения русских и китайских пограничных отрядов были неизбежными, т. к. районы кочевий подвластных России казахских и киргизских племен не отделялись какой-то твердой границей от китайской территории. Точная граница между Россией и Китаем в этих районах только устанавливалась. В соответствии с Пекинским трактатом 1860 года была внесена определенная ясность в решение пограничных споров. Однако эти споры могли еще возникнуть.

* * *

Одновременно с экспедицией в Чуйскую долину в 1863 г. царскими властями была начата рекогносцировка в направлении Кашгара под командованием капитана генерального штаба Проценко.

Центральный Тянь-Шань являлся в это время одним из важных районов кочевий северокиргизских племен сарыбагыш, саяк, чон-батыш, черик, монолдор, тынымсеит и др. Природные условия Центрального Тянь-Шаня

---

[1] См. ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, д. 7-с, лл. 38, 76, 82.

способствовали интенсивному развитию скотоводства, поэтому эти районы были особенно важны для кокандцев как источник скотоводческого сырья. Захваченный кокандцами еще в начале тридцатых годов, Центральный Тянь-Шань управлялся через кокандские военные укрепления Джумгал, Куртка, Атбаши и Тогуз-Торо. Гарнизоны этих укреплений подчинялись коменданту крепости Куртка. Артиллерийского вооружения кокандские укрепления не имели.

В 1863 г. ко времени движения отряда Проценко к Нарыну расселение киргизских племен на Тянь-Шане представляло собой следующую картину: племя сарыбагыш занимало своими кочевьями районы Тянь-Шаня от р. Чу и западной оконечности озера Иссык-Куль до р. Нарына и от р. Сусамыр до Малого Нарына. Племя саяк кочевало по обеим сторонам р. Нарын, от окрестностей бывшего китайского моста до Кетмень-Тюбе, Джазы и Кугарта. Племя черик кочевало по рр. Атбаши и Аксай. Род тынымсеит, из племени бугу, кочевал по верхнему течению Нарына и Тоюна, племя багыш занимало территории, граничившие с Китаем. Все эти киргизские племена, хотя и считались подвластными Коканду, на деле, особенно с начала 60 гг., воспользовавшись внутренней борьбой в Кокандском ханстве, перестали признавать власть хана.

Движение русских отрядов на Тянь-Шань в 1863 г. вызывалось прежде всего необходимостью фактически освободить тянь-шаньских киргизов из-под власти Кокандского ханства, ибо только в этом случае могло быть обеспечено их подданство России. Киргизы племени солто, сарыбагыш и бугу, зимовавшие в Чуйской долине и на берегах Иссык-Куля, во время летних кочевок уходили далеко за Киргизский Алатоо, на высокогорные пастбища Сусамыр, Кочкор, Джумгал, Сон-Куль, а бугинцы, перевалив Терскей-Алатоо, пасли скот в районах Тарагая, Аксая, Арпы, Карагужура и т. д. Во время летних перекочевок эти племена не только близко соприкасались с подвластными Коканду тянь-шаньскими киргизами, но и кочевали вместе с ними, что осложняло вопрос о подданстве этих племен и давало почву для возникновения различного рода конфликтов.

Наряду с этим, необходимость утверждения России

в Центральном Тянь-Шане вызывалась интересами развития торговых связей с Восточным Туркестаном и в особенности с важнейшим его торговым городом — Кашгаром. Кашгар издавна играл большую роль в торговле среднеазиатских ханств. Это объяснялось его удобным расположением на стыке Индии, Афганистана, Китая и Средней Азии. Русские власти стремились открыть прямой торговый путь из Заилийского края в Кашгар и учредить там Российское консульство и торговую факторию.

Капитан Проценко в своей записке на имя Дюгамеля писал: «Трудности кашгарского нашего вопроса состоят не в приезде консула, но в завязке и развитии непосредственной торговли с Кашгарией, ибо только при этом условии пребывание нашего консула в Кашгаре, как и во всяком другом пункте, будет рационально и неубыточно.

Развитие нашей торговли составляет одну из главных целей нашего стремления в Азии. Кроме Кашгара, в Средней Азии есть для торговли Ташкент, Коканд и Андижан, затем Яркенд, Хотан, Бухара, Хива и другие... С Ташкентом и Бухарой мы имеем уже значительные торговые сношения; Кашгария же стоит до сих пор от нас отдельно. Торговля с нею, идущая через Кульджу и Коканд, самая ограниченная: Завязать с нею непосредственную торговлю возможно только при устройстве безопасных путей сообщения. Меры для достижения этой безопасности будут лучшими мерами для развития торговли. И только приняв такие меры, можно думать об основании консульства и торговой фактории в Кашгаре»[1].

Наиболее короткий путь в Кашгар пролегал через Северную Киргизию. Но чтобы освоить и обезопасить этот путь, нужно было предварительно занять район Нарына и возвести здесь постоянное укрепление. «Устройство нашего укрепления на Нарыне,— писал Проценко,— занятие Нарынского края представляется единственно прочным средством для установления безопасности на путях в Кашгарию, а, следовательно, для заведения непосредственной с ней торговли»[2].

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, ВУА, д. 8-с, л. 130.
[2] Там же.

Соображения капитана Проценко разделяло царское правительство. Решено было направить в 1863 г. рекогносцировочную экспедицию через Центральный Тянь-Шань в сторону Кашгара. Одновременно экспедиция должна была содействовать распространению влияния России на тянь-шаньских киргизов. Командование «кашгарским отрядом» было поручено капитану Проценко.

В начале мая 1863 г. отряд выступил из Кастека, прошел по ущелью Боом к озеру Иссык-Куль, а оттуда через Кызартский перевал проник в Джумгальскую долину, где стояла кокандская крепость Джумгал. Долины Джумгала и Кочкора были населены саяками и сарыбагышами, которые еще раньше выражали желание принять русское подданство. Поэтому со стороны местных киргизских племен отряд не встречал враждебных действий. Наоборот, киргизы предоставляли отряду рабочий скот, служили проводниками, снабжали продовольствием.

Кокандский гарнизон в Джумгале был весьма малочисленным и плохо вооруженным. Застигнутый врасплох, он сдался без боя. Затем отряд Проценко направился к главной кокандской крепости на Тянь-Шане — Куртка. Хотя она имела относительно сильный гарнизон, но тем не менее кокандцы не решились оказать сопротивления русскому отряду и заранее отступили. Куртка была занята и разрушена. При разрушении крепости отряду Проценко оказывали помощь киргизы[1].

Падение Куртки окончательно уронило в глазах тянь-шаньских киргизов авторитет и влияние Коканда. Киргизские племена, кочевья которых были расположены в окрестностях разрушенных крепостей, теперь считали себя избавленными от власти кокандского хана и тяжелых поборов. Появление русских отрядов на Нарыне, взятие и разрушение Куртки сразу же развязало руки киргизам, с ненавистью терпевшим ханский режим и произвол его наместников. Киргизы племени саяк, проживавшие в окрестностях кокандского укрепления Тогуз-Торо, самостоятельно начали действовать против

---

[1] См. *Талызин.* Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855—1868). Памятная книжка Семиреченского обл. стат. ком. на 1898 год. т. II, Верный, стр. 36.

кокандцев. В начале июня они овладели этим укреплением и разрушили его. В донесении на имя военного министра Дюгамель писал по этому поводу: «9-го июня в рекогносцирующем отряде, продолжавшем разрушать занятое им укрепление Куртка, получено уведомление о разрушении дикокаменными киргизами, рода саяк, кокандского укрепления Тогуз-Торау, находящегося в 4-х переходах от Куртка, вниз по реке Нарыну. Таким образом, верхнее течение реки Нарына было очищено от кокандцев»[1]. Выступления против кокандских властей имели место и среди киргизов Атбашинской долины. Незначительный кокандский гарнизон Атбаши вынужден был оставить укрепление и спасаться бегством. Таким образом, на Тянь-Шане в 1863 г. происходили события, аналогичные тем, что имели место в 1862 г. в Чуйской долине: ликвидация кокандских укреплений осуществлялась при поддержке киргизского населения.

После падения Тогуз-Торо стало известно, что в тылу отряда Проценко среди части сарыбагышей и саяков начались волнения. На отряд подпоручика Зубарева, двигавшегося от Рыбачьего к Нарыну, не без одобрения со стороны Уметалы и манапа Осмона было совершено нападение. Подоспевший к нему на помощь Проценко заставил киргизов рассеяться. Правда, после этого киргизы не предпринимали новых попыток нападения и враждебных намерений не проявляли. В своем отчете капитан Проценко указывал на это событие как на явление, не имевшее сколько-нибудь серьезных последствий. Он писал: «Враждебные действия кара-киргизов в этом году против отряда, рекогносцировавшего Тянь-Шань, не дают никаких оснований предполагать особое сопротивление со стороны нарынских кочевых жителей, ибо враждебность сарыбагышей и саяков проявилась вследствие причин совершенно случайных. Она напоминает только ту неожиданную измену и враждебность, которую выказали и заилийские киргизы в 1850 г. во время первого похода русских под укрепление Таучу-бек»[2].

Заслуживает внимания оценка этих событий Н. Се-

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, ВУА, д. 8-с, л. 80.
[2] Там же, л. 130.

верцовым, путешествовавшим по Тянь-Шаню в 1867 г.: «Возмущение Уметалы, который никогда искренне не придерживался русской ориентации, было вызвано надеждой на расширение своих кочевий за счет чериков, кочевавших в районе Нарына. Уметалы понимал, что добиться этого при помощи царских войск ему не удастся, не было у него надежды и поднять свое влияние при поддержке царской администрации среди соседних киргизских племен... Первоначально Уметалы выжидал исхода битвы отряда Проценко с местным кокандским гарнизоном. Но после падения без сопротивления наиболее сильной из кокандских крепостей — Куртка, надежда на ослабление или на уничтожение отряда Проценко исчезла. Оставалось или отказаться от стремления к расширению кочевий и своего влияния, или попытаться собственными силами уничтожить отряд Проценко. Уметалы и предпринял попытку и потерпел жестокую неудачу»[1].

Позиция Уметалы в этот период в некоторой степени определялась также борьбой киргиз-кипчакских феодалов против Худояр-хана. Поддерживая связь с главарями восставших в Ферганской долине киргиз-кипчаков Уметалы не хотел закрепления русских отрядов на Тянь-Шане. После изгнания кокандских гарнизонов из района Тянь-Шаня он стал опасаться усиления влияния царизма. Этим и было вызвано организованное им нападение на отряд Зубарева. Однако настроения некоторых феодалов не отражали стремлений всего народа. Именно поэтому на Тянь-Шане быстро установилось спокойствие, и новых выступлений против русского отряда киргизы не предпринимали.

Учитывая мирную ситуацию, Проценко решил продолжить экспедицию по изучению дороги в Кашгар через Центральный Тянь-Шань, но ему было приказано направиться на усиление Кегенского отряда. В донесении на имя военного министра Дюгамель писал 17 июля 1863 года: «Волнения прекратились, ряд же волостей, принимавших участие в нападении, стали быстро откочевывать в сторону. Рекогносцировка путей, веду-

---

[1] *Н. Северцов.* Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, Спб., 1879, стр. 211—212.

щих в Кашгар, снова сделалась возможной, но полученные от генерал-майора Колпаковского известия о сборе китайцев против кегенского отряда, на восточной стороне озера Иссык-Куля, заставили штабс-капитана Проценко возвратиться в урочище Кутмалды, откуда он должен был следовать на соединение с кегенским отрядом»[1].

Экспедиция капитана Проценко на Тянь-Шань сыграла важную роль в деле распространения влияния России на тянь-шаньских киргизов и ликвидации кокандского господства. Власть кокандского хана над тянь-шаньскими киргизами была подорвана. Опорные пункты кокандского владычества на Тянь-Шане — укрепления Джумгал, Куртка, Атбашы и Тогуз-Торо лежали в развалинах.

Кокандское правительство оказалось бессильным противодействовать наступлению русских войск. Острая борьба внутри ханства, а также давление со стороны Сыр-Дарьинской линии совершенно исключали возможность посылки кокандских войск на Тянь-Шань.

В результате экспедиции многие киргизские племена Центрального Тянь-Шаня фактически стали подданными России. Это обстоятельство обеспечивало упрочение господства России в Чуйской долине и на Иссык-Куле и создавало предпосылки к налаживанию торговых связей с Кашгаром через Нарын.

Экспедиция оказала известное влияние и на пограничные с Кашгарией киргизские племена, среди которых наиболее крупным было племя черик. В условиях отсутствия твердо установленной пограничной линии между Кокандом и Китаем черики нередко подвергались притеснениям и со стороны последнего налогами. Это и вело к разорению айылов, военно-полицейским экзекуциям. Приняв подданство одной из сторон, черики не были гарантированы от нападения другой. Не случайно поэтому основная масса чериков жила в нищете.

Продолжительное пребывание в районе Иссык-Куля русских отрядов и окончательное утверждение влияния России над племенем бугу способствовали сближению

---

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, ВУА, д. 7-с, л. 80.

чериков с российскими властями. Видя на опыте бугинцев, что российские власти способны обеспечить надлежащую защиту подвластных им племен, черики решили весной 1863 г. принять русское подданство. Главные их старшины Турду-Мамед Тойматов и Карышмак Сазанов от имени всего племени обратились с соответствующим прошением на имя начальника Алатовского округа: «Управляющему киргизами Большой Орды и Дикокаменных Богу Высокостепенному Полковнику Колпаковскому следующая просьба:

Старшие и младшие рода Чирик манапы сим доверяем с общего согласия нашего Найману Аджибекову и Улуке Хасенову ходатайствовать перед Вами о принятии нас в подданство. Род чириков по меньшей мере состоит из 5000 кибиток.

Терпя разные насилия и притеснения от соседей наших всех четырех сторон, мы решились идти в подданство одного Великого народа, подобно Манапу Бурамбаю, который также, подобно нам, не обретая спокойствия от своих соседей, пошел в подданство Белого Падишаха и тогда стал жить спокойно, почему и мы нарочито посылали людей к брату Бурамбая, Старшему манапу Сарпеку, за советом и объяснением, который нам вполне объяснил все порядки и законы Е. И. В. и его справедливость, а также то, что кто бы в какой вере ни находился, одинаково пользуется его правосудием, почему мы по общему совету и согласию добровольно решились быть подданными великого падишаха, подобно Бугинцам, и с этой целью посылаем к Вам несколько человек манапов просить особу Вашу о принятии нас в подданство, с надеждой, что Вы не откажете нам в просьбе и донесете о том великому падишаху; мы же поднимали Св. Коран и будем служить до капли крови. Земли наши отстоят от Кашгарии на три дня езды, а зимние кочевки только на один день, от г. Турапана и Аксы также три дня езды, а соседи наши Чон-Багыши, а враги — сарыбагыши»[1].

[1] К письму была приложена печать старшего манапа рода чериков Турду-Мамед Тайматова и тамги биев: Абдрамана, Ашима, Курсакбая, Ашимбека, Атамбека, Курумбека, Туруке Чубара, Сопая, Адильбека и Джуребуна. См. Архив ВПР, фонд Гл. арх. 1—7, 1844—1863 гг., д. 1, лл. 5, 6.

В другом прошении, написанном в это же время, старшины чериков заявляли: «1279 года, месяца Сафара (т. е. 1863 г., июнь) подают это письмо нижепоименованные представители рода Чирик, манапы: Турдеке, Имемес Исенбаев и прочие по собственной и доброй их воле правителю Большой Орды и Бугинцев, Минбаши приставу о следующей просьбе: мы все, от малого до старика, подаем эту просьбу и покорнейше просим препроводить ее к белому царю с ходатайством принять нас на подданство, а мы, с своей стороны, готовы собственноручно и добровольно поднять коран и присягнуть на верность с обещанием до последней ложки крови служить царю»[1].

Ознакомившись с прошениями чериков, Дюгамель в своем отношении на имя вице-канцлера от 22 апреля 1863 года писал: «Начальник Алатовского округа и киргизов Большой Орды доносит, что Манапы Дикокаменных киргизов, рода Чирик, заявили желание поступить на подданство государю императору.

С этой целью явились к генерал-майору Колпаковскому в укр. Верное посланцы с письмами от главных родоправителей рода Чирик. Обещав им ходатайствовать о принятии киргиз помянутого рода в подданство России, начальник Алатовского округа сделал распоряжение через начальника отряда, расположенного на оз. Иссык-Куль, об оказании сим киргизам возможного содействия к ограждению их от грабежей со стороны соседних племен Дикокаменной Орды.

По собранным сведениям, род Чириков простирается до 6 тыс. кибиток. Кочевья их занимают пространство к югу от р. Нарына по рекам Аксай и Атбашы и, прилегая к путям, ведущим в Кашгар, оканчиваются примерно в 50-ти верстах от этого города. Чирики были прежде кокандскими данниками и платимый ими зякет доставляли в Курган Куртка, находящийся на правом берегу Нарына. Но впоследствии два или три года Чирики не вно-

[1] К письму приложена печать Турдеке Ибраима и тамгы Карымшака Сазанова, Таныбека Когубаева, Ишимбека Чаястанова, Абрамана Аджибекова, Ашима Исенгельдина, Джаубасара Турдыбаева, Тоймата Бусурманова, Тюрке Кылакходжина, Кунакпая Кутлубаева и Курумбека Акджувакова. См. Архив ВПР, ф. Гл. арх. 1—7, 1844—1863 гг., д. 2, л. 7.

сили наложенного на них зякета, а кокандское правительство, занятое внутренними смутами, как должно полагать, прекратило с ними сношения.

Принятие рода Чирик в подданство России, по мнению моему, будет для нас выгодно в том отношении, что через распространение на них нашего влияния можно ожидать самых благоприятных последствий как для спокойствия подвластных России киргизов Дикокаменной Орды, рода Бугу, так и в видах обеспечения торговых путей в Кашгарию, прилегающих по местам, обитаемым этими киргизами. При том, с переводом чириков в подданство России, должно ожидать, что и другие роды Дикокаменных киргизов, а в особенности сарыбагыши, кочующие в верховьях Кебина и на западной стороне Иссык-Куля, также последуют их примеру и тогда окончательно распространится решительное влияние России над сими племенами до самых пределов Кашгарии. Но с другой стороны, принятие рода Чирик в подданство России налагает на нас некоторого рода обязательство оказывать им вооруженную защиту и покровительство от притеснений как соседних племен, так и самих кокандцев. Ограничиваться же в этом случае одними дружелюбными советами и внушениями будет невыгодно потому, что подобная система действий может возбудить в них некоторое к нам недоверие и даже, отчасти, вселить ложное понятие о неумении нашем владеть кочевниками.

На основании этих соображений, я полагал бы не отвергать настоящей просьбы означенных киргизов о принятии их в подданство России, и если последует на это высочайшее разрешение государя императора, то пригласить их прислать в Омск депутатов, снабженных надлежащими, от своих соотечественников, полномочиями для торжественного принятия присяги на подданство государю императору, подобно тому как это было исполнено в 1855 году в отношении депутатов рода Богу...

Если последует Высочайшее разрешение на принятие рода Чирик в Русское подданство, то для правильного управления как сим родом, так и богинцами, я полагал бы необходимым разрешить мне приступить весною будущего года к постройке укрепления на Иссык-Куле, о чем сделано представление и г-ну Военному Министру.

Это укрепление, составляя опорный пункт для оказания, в случае необходимости, вооруженной защиты покорным нам родам Дикокаменной Орды, от притеснений их ближайших соседей, послужит также и промежуточным постом для поддержания сообщения укрепления Верного с Кашгаром, в случае открытия в сем городе Русской торговли»[1].

Одновременно Дюгамель писал военному министру: «Представляя при сем к вашему превосходительству копию с отношения моего к государственному вице-канцлеру о желании, изъявленном дикокаменными киргизами племени чирик принять подданство России, имею честь уведомить, что ввидах ограждения сих киргиз от притеснения от ближайших соседей, я полагал бы необходимым построить на оз. Иссык-Куль небольшие укрепления»[2].

Министр иностранных дел Горчаков доложил Александру II о содержании письма Дюгамеля и вскоре 23 мая 1863 г. он писал генерал-губернатору Западной Сибири: «Отношение Вашего Высокопревосходительства от 22 апреля № 628 я повергал на Высочайшее Его Императорского Величества воззрение. Телеграфическою депешею от 21 мая[3] я имел уже честь сообщить Вам Высочайшую резолюцию.

Постепенное распространение нашего влияния между независимыми племенами, кочующими на пределах Китая и Коканда, имеют для нас важное значение, в особенности для мирного и прочного обеспечения пути в Кашгарию.

А потом, по мнению Министерства Иностранных Дел, нам следует воспользоваться настоящим случаем для упрочения влияния нашего на Дикокаменных киргизов. Само собой разумеется, что при сношениях с означенными киргизами должно соблюсти надлежавшую осторожность, а также избегать излишней огласки, чтобы не

---

[1] Архив ВПР, фонд Гл. арх. 1—7, 1844—1863 гг., д. 2, лл. 1, 2, 3.

[2] ЦГВИА, фонд ВУА, д. 36—60, лл. 1—2.

[3] В телеграмме говорилось: «Государь-император разрешил принять в Омске депутатов рода Черик согласно отношению № 628 для принесения присяги на подданство Российской империи». См. Архив ВПР, фонд Гл. арх. 1—7, 1863—1864 гг., д. 2, л. 9.

возбудить каких-либо толков по сему предмету — в особенности в Европе.

При личном свидании с депутатами рода Черик Вашему Высокопревосходительству будет возможно убедиться, насколько желание их поступить в Русское подданство искренне. С тем вместе необходимо будет сделать им некоторые внушения относительно обязанностей добровольно принимаемых, подобно тому как было поступлено в 1855 г. по случаю принятия Русского подданства киргизами рода Бугу.

Что же касается до укрепления на Иссык-Куле, то Министерство полагает, что Вы признаете возможным, не обременяя возведением оного Государственного Казначейства, обратить на этот предмет сумму, предназначенную на постройку укрепления в Аулие-Ата.

О последующем Министерство Иностранных Дел будет ожидать дальнейших сообщений Вашего Высокопревосходительства»[1].

В августе 1863 г. депутация чериков направилась в Омск для принесения присяги на русское подданство с письмом следующего содержания: «Сего 1863 года, августа 15 дня, мы, нижеприложившие свои печати и тамги манапы, бии и почетные люди Дикокаменной Орды, рода Черик, с общего совета и согласия изъявили свое душевное желание на подданство российского великого государя императора и для принятия присяги в Омске избрали от лица всего нашего народа от отделения Каракол — манапа Умуке Несинбаева, от отделения Тамга — манапа Неташбека Токина и от отделения Як-Чувин — манапа Аджибая. В удовлетворение чего и прикладываем свои печати и тамги»[2].

Депутация была принята генерал-губернатором, и вскоре 13 октября 1863 г., в торжественной обстановке, в присутствии военных и гражданских чинов штаба и канцелярии Западносибирского генерал-губернаторства, а также некоторых казахских султанов и старшин, допущена к присяге на верноподданство Российской империи от имени всего племенного объединения чериков.

---

[1] АВПР, фонд Главного архива, 1—7, 1863—1864 гг., д. 2, лл. 10—11.

[2] АВПР, фонд Гл. арх., 1—7, 1844—1863 гг., д. 2, л. 18.

Приведенные документы неопровержимо свидетельствуют о добровольном вхождении племени черик в состав России.

Примеру чериков вскоре последовала часть саяков, только что освобожденных от власти кокандских наместников. Так же, как и черики, они спешили добиться покровительства русских властей. Особенную инициативу проявили те из них, которые во время взятия отрядом Проценко Куртки напали на кокандское укрепление Тогуз-Торо и разрушили его. Ободренные успешными действиями русских отрядов и опираясь на их поддержку, саяки тогда решительно выступили против ханской власти, однако после ухода отряда Проценко положение их оказалось весьма тяжелым. Выходом из него могло быть только принятие подданства России. Просьба саяков о принятии их в русское подданство также была удовлетворена.

Свое желание принять русское подданство изъявила также часть племени бугу-тынымсеит. Эта часть бугинцев, состоявшая из многих родов, кочевала в верховьях Нарына и почти никогда не спускалась к берегам Иссык-Куля, к своим соплеменникам. Нарынские бугинцы были больше связаны с киргизами Тянь-Шаня, чем с бугинцами, жившими на берегах Иссык-Куля. После принятия подданства России тынымсеиты попали в такое же положение, как и саяки, оказавшись после ухода русских отрядов из Нарына перед угрозой расправы со стороны кокандцев. Поэтому они откочевали из окрестностей Нарына в Иссык-Кульскую долину и слились с остальными бугинцами. Генерал-губернатор Западной Сибири в ноябре 1863 г. писал: «Теным-сейды, состоящие из четырех родов и 5 подразделений разного наименования, хотя и принадлежат к бугинцам, но кочевали всегда в окрестностях Нарына, где много терпели от деспотизма кокандцев, теперь добровольно вошли в долину Иссык-Куля и соединились с богинцами. Наконец, Саяки изъявили также желание принять подданство России»[1].

События начала 60 гг. в Северной Киргизии в значительной мере способствовали распространению влияния

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, ВУА, д. 8-с, л. 137.

Российской империи. Важной задачей царской России теперь становилось закрепление достигнутых успехов. Для этого необходимо было, прежде всего, обеспечить безопасность северокиргизских племен и оградить их от притеснений кокандских или китайских феодалов. Нужно было возвести в наиболее важных пунктах, среди кочевьев киргизов, военные укрепления. Одним из таких пунктов, прежде всего являлся берег озера Иссык-Куль.

Определенные опасения вызывали действия цинских властей, которые по-прежнему стремились распространить свое влияние на пограничные киргизские и казахские племена. В донесении канцлеру Дюгамель отмечал: «Китайцы продолжают волновать умы в орде и рассылают к старшим султанам и другим влиятельным людям письма возмутительного содержания, в которых, между прочим, уверяют, что весной они начнут снова против нас неприязненные действия»[1]. Учитывая это, Колпаковский настаивал на возведении укрепления в Иссык-Кульской долине или, в крайнем случае, предлагал оставить там на зиму достаточно сильный отряд[2]. Он писал Дюгамелю: «Вопрос о проведении государственной границы породил волнения между киргизами и много других беспорядков и в том числе неоднократное покушение китайцев к прочному водворению на Иссык-Куле, а с другой, когда черики, искавшие покровительства России, приняты уже в подданство, возвращение наших войск с Иссык-Куля утратит всякое влияние на тамошний край... С удалением нашего отряда к ним тотчас же явятся кокандские сборщики податей и китайские агенты для привлечения на свою сторону, а может быть, даже и войска для занятия Иссык-Куля»[3]. Обоснование русских отрядов в Иссык-Кульской долине должно было также, как указывалось, обеспечить безопасность торговых путей в Кашгар. В связи с этим в донесении Дюгамелю Колпаковский писал: «Присутствие нашей силы на Иссык-Куле оказало уже самое благотворное влияние на водворение спокойствия между киргизами и на охранение торговых путей к Кашгару, и в этом последнем отношении, утвердясь на

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, ВУА, д. 8-с, л. 137.
[2] См. там же, л. 138.
[3] Там же, л. 137.

Иссык-Куле, мы делаем огромный шаг к развитию нашей торговли с Кашгаром и всем Туркестаном, прилегающим к западной границе Китая»[1].

Идея обоснования на Иссык-Куле русского отряда Дюгамелем была одобрена. Решено было возвести укрепление на южном побережье озера, в ущелье Джууку. Был также выделен специальный отряд для зимовки в этом районе. Одновременно Колпаковский усиливал и меры идейного воздействия. Он разослал от своего имени к наиболее влиятельным правителям пограничных киргизов письма, в которых разъяснял, что отношения между Россией и Китаем издавна были мирными и в дальнейшем должны оставаться такими же. Пограничные инциденты Колпаковский объяснял незаконными действиями китайских солонов и сибо[2]. В отношении слухов о военных приготовлениях Китая Колпаковский писал, что они не имеют под собою никакой почвы, распространяются китайскими пограничными властями с целью запугать киргизские племена.

Обращение Колпаковского к населению, а также пребывание русских отрядов в стратегически важных пунктах пограничных районов, несомненно, оказали положительное влияние на настроение киргизов и казахов, кочевавших поблизости от китайской границы. В результате прекратилась перекочевка отдельных киргизских «родов» в пределы китайской территории, а многие из ранее откочевавших на китайскую территорию теперь стали возвращаться обратно.

Не менее благоприятно для царской России развивались события и на Сыр-Дарьинской линии. Здесь небольшой отряд царских войск под командованием начальника Сыр-Дарьинской линии полковника Черняева беспрепятственно прошел весною 1863 г. до Туркестана. Туркестан в это время был почти лишен необходимых средств обороны. Однако Черняев, согласно данному ему предписанию, не овладел Туркестаном, а свернул к Каратауским горам и 30 мая без труда занял Сузак, жители которого изъявили желание стать подданными России. 8 июня сдался гарнизон укрепления Чулак-Кур-

---

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, ВУА, д. 8-с, л. 90.

[2] Солон и сибо — китайские пограничные отряды и начальство.

ган, а вслед за этим приняла решение принять русское подданство часть казахских племен бештамгалы, кочевавших на Каратау.

Затем отряд Черняева возвратился в Джулек.

Одновременно пароходы «Урал» и «Сыр-Дарья» под начальством флигель-адъютанта Бутакова поднялись из Джулека вверх по Сыр-Дарье и беспрепятственно прошли до урочища Баилдыртугай, на расстояние 810 верст. Благодаря этому была проведена рекогносцировка в направлении предполагаемого соединения Сибирской и Оренбургской линий. Экспедиция Бутакова провела также большую работу по изучению военного и экономического судоходства по Сыр-Дарье.

Положение Кокандского ханства оставалось тяжелым. Правда, кипчаки и киргизы, прекратив в зимнее время военные действия против Худояр-хана, удалились в горы. Пользуясь этим, бухарский эмир попытался примирить Худояр-хана с кипчакскими и киргизскими феодалами, чтобы упрочить его положение. С этой целью он послал к киргизским и кипчакским старшинам для ведения мирных переговоров своего махрама. Однако киргизы не приняли его мирных предложений, а с весны 1863 г. вновь возобновили военные действия. Войска Худояр-хана, направленные против киргизов, были разгромлены. Тогда эмир послал в Коканд около 2000 своих воинов под начальством бывшего коменданта крепости Ак-Мечеть Якуб-бека, но киргизы и кипчаки под г. Маргеланом нанесли серьезное поражение и бухарским войскам. В марте 1863 г. эмир Музаффар с 12-тысячным войском лично прибыл в Коканд. Киргизы и кипчаки вынуждены были отступить, но продолжали действовать в других районах ханства. Соединившись с казахами племени дулат, они вскоре осадили Чимкент, Аулие-Ату и ряд других городов. В результате сообщение между центром Кокандского ханства и его окраинами было почти прервано.

В июне киргиз-кипчакские войска под руководством своих феодалов, умело использующих народные антикокандские волнения в своих интересах, подступили к Коканду. Эмир Музаффар, убедившись в невозможности подавить восстание киргизов и кипчаков, а также обеспокоенный восстанием в Шахризябсе, вынужден

был возвратиться в Бухару. Худояр-хан, лишившись поддержки Бухарского эмира, должен был оставить престол. Власть в ханстве целиком перешла в руки киргиз-кипчакских феодалов. 9 июля 1863 г. они провозгласили кокандским ханом сына бывшего хана Малля-бека, Саит-Мурада, которому было 12 лет. В правительство вошла группа феодалов из кипчаков и киргизов, среди которых многие были энергичными и способными людьми. Опекуном малолетнего хана и регентом ханства был назначен мулла Алымкул, отличавшийся энергией и сильным характером. В качестве советников при нем состояли Минбай Датха, Бекмугамет, Дусет Мадер и другие феодалы, пользующиеся большим влиянием. Начальниками важнейших кокандских городов и крепостей также были назначены новые люди из сторонников киргиз-кипчаков.

Начальник Сыр-Дарьинской линии полковник Веревкин в своем отчете за 1863 г. отмечал: «С самого начала уже можно было видеть, что во главе ханского правительства стоят люди, не принадлежавшие к ничтожной категории людей, составляющих правительство при Худояр-хане. Деятельность правительства тотчас же обратилась к приведению военных и финансовых средств ханства в лучшее состояние и обеспечению для партии кипчаков прочного положения. С этими целями в самом Коканде начали собирать и формировать войска, лить орудия (которых отлито уже 17), а город укреплять, стараясь, кроме того, окружить его преимущественно родами киргиз, которых преданность новому правительству не подлежала сомнению... Таким образом, Кокандское ханство, находившееся в конце прошлого года по причине смут и междоусобий в самом плачевном состоянии, теперь начало как бы воскресать и устраиваться»[1].

Новое правительство спешно увеличивало численность гарнизонов пограничных городов и крепостей. Укрепления, взятые и разрушенные царскими отрядами, как Сузак и Чулак-Куган, были заняты вновь. Беком в Чулак-Курган был назначен Мирсабир, а гарнизон доведен до 2000 человек. Сузак был занят группой сарбазов с беком Таш-Юзбашом во главе. В Ташкенте чис-

---

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, ВУА, д. 8-с, л. 157.

ленность гарнизонов была доведена с 300 до 4000 человек, в Туркестане — до 2000 человек. В крепостях началось укрепление стен, углубление рвов и т. д. Стали рассылаться в большом количестве письма и обращения к киргизским и казахским племенам с призывами быть верными новому правительству.

Однако внешнее положение Кокандского ханства оставалось непрочным. Попытка заключить союз с Хивой не дала положительных результатов, стремление войти в мирные сношения с Бухарой потерпели полную неудачу. Кокандское посольство даже не было допущено к эмиру, который поклялся во что бы то ни стало вновь занять Коканд. Плохо обстояли дела и внутри ханства. Слишком разнородны были условия жизни различных частей ханства. Киргизские и казахские племена, с одной стороны, и оседлое население — с другой, находились в различных общественно-экономических и политических условиях. Это отмечалось и царской администрацией. В цитированном нами отчете Веревкина говорилось: «Партия кокандцев, или сартов, хотя униженная в настоящее время, но обладающая наиболее значительной и сравнительно большею цивилизацией, не считает себя окончательно побежденной и готова при первой возможности снова поднять голову, особенно при опоре извне. Да и сама господствующая партия не составляет однородной, плотной среды, ибо в нее входят киргизы разных родов, кипчаки, дикокаменные, дулатовцы и пр., а у каждого из этих родов свои собственные интересы и мало привычки к подчиненности»[1].

В этих условиях вряд ли можно ожидать, что кокандское правительство предпримет в ближайшее время какие-либо значительные меры для возвращения утраченных владений в Чуйской долине, на Сыр-Дарьинской линии, а также в Центральном Тянь-Шане, восстановление утраченной власти было мало вероятным.

Анализируя состояние Кокандского ханства с этой точки зрения, Веревкин писал: «Можно с достоверностью утверждать, что положение дел в Кокандском ханстве хотя и значительно улучшается сравнительно с прежним, все же не позволит кокандскому правительст-

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, ВУА, д. 8-с, л. 157.

ву, несмотря на все желание его предпринять что-либо серьезное против нас»[1].

И, действительно, как показал последующий ход событий, Кокандское ханство было не только не в состоянии предпринять какие-либо активные наступательные действия, но и обеспечить надлежащую защиту своих наиболее важных крепостей и городов: Аулие-Аты, Туркестана, Чимкента и Ташкента. Эти крепости были заняты царскими войсками в течение 1864—1865 гг. После этого вся Северная Киргизия окончательно вошла в состав Российской империи.

* * *

Таким образом, в начале 60 гг. XIX в. произошли крупные изменения в политическом положении северных киргизов. В 1860—1863 гг. окончательно укрепилось влияние России во всей Северной Киргизии.

Принятие русского подданства племенным объединением черик и другими тянь-шаньскими киргизами, а также фактическое утверждение господства царской России в Иссык-Кульской и Чуйской долинах привели в 1863 г. к присоединению к России почти всей Северной Киргизии.

В значительной степени этому благоприятствовали феодальная и придворная борьба в Кокандском ханстве, а также ослабление Цинской империи, которая в это время не в состоянии была создать сколько-нибудь серьезных препятствий успешному распространению влияния России на киргизов и казахов.

Наиболее важное значение имело стремление самого киргизского народа к надежному миру и спокойствию, к обеспечению своей безопасности извне путем добровольного вхождения в состав Российской империи.

■

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, ВУА, д. 8-с, л. 157

Глава четвертая

СОЕДИНЕНИЕ СИБИРСКОЙ И СЫР-ДАРЬИНСКОЙ ЛИНИЙ И ЗАВЕРШЕНИЕ ПРОЦЕССА ВХОЖДЕНИЯ СЕВЕРНОЙ КИРГИЗИИ В СОСТАВ РОССИИ

Одной из важных проблем военно-колонизационной деятельности царского правительства в Средней Азии и Казахстане в середине 60 гг. было соединение Сибирской и Сыр-Дарьинской линий. Этому благоприятствовало внутреннее положение России в тот период. Оправившись после поражения в Крымской войне, царизм преодолел революционную ситуацию 1859—1861 гг. и отменил крепостное право «сверху». Спад массового революционно-демократического движения после 1863 г. развязывал царизму руки в его колонизационном движении в глубь среднеазиатских ханств.

Внешнеполитические отношения России начала 60 гг. не выдвигали сколько-нибудь значительных препятствий на пути укрепления позиций царизма в Средней Азии. Наиболее вероятным и сильным противником царской России в этом районе выступала Англия, но ее положение на Среднем Востоке было ослаблено национально-освободительным восстанием в Индии 1857—1859 гг. и потому английское правительство не могло решительно противодействовать наступательной политике России.

Рекогносцировочные экспедиции 1863 г. показали, что соединение Сибирской и Сыр-Дарьинской линий и

создание устойчивой и твердой границы империи на юго-востоке не представляют особых трудностей. Свое мнение по этому поводу высказал военный министр Милютин: «Уже в 1851 году в Бозе почивший государь император Николай Павлович соизволил признать устройство передовой линии по р. Чу и Сыр-Дарье, для соединения границ, делом первейшей важности, причем Особый Комитет, рассматривавший это предложение, считал выгодным занять всю линию предгорных Кокандских укреплений»[1].

В начале 1863 г. этот вопрос снова обсуждался на заседании Особого Комитета. В его решении, однако, было записано: «Осуществление соединения Оренбургской и Сибирской линий, как оно ни желательно, необходимо пока отложить, ограничиваясь на первое время исключительно ограждением киргизов, вступивших уже в наше подданство и изучением пространства, разделяющего передовые линии»[2]. Осторожность Особого Комитета, по всей вероятности, была вызвана неразрешенностью пограничных споров с Китаем. Именно на это ссылался Дюгамель в своем отношении Безаку: «При настоящем положении дел по китайской границе я не нахожу возможным до окончательного проведения пограничной линии предпринять что-либо со своей стороны для соединения Заилийской и Сыр-Дарьинской линий и полагаю, что если вопрос о разграничении с Китаем не будет окончен летом предстоящего года, то все-таки не представляется возможным ранее 1865 г. предпринять экспедицию в пределы Кокандского ханства для соединения упомянутых линий»[3].

В июле 1863 г. в связи с рассмотрением донесения Безака об успешных действиях полковника Черняева вопрос о соединении линий вновь был поставлен на рассмотрение правительства. Александр II нашел его первостепенно важным и требующим неотложного разрешения.

Результаты экспедиции Черняева говорили о том, что соединение Сибирской и Сыр-Дарьинской линий не тре-

---

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, ВУА, д. 8-с, л. 149.
[2] Там же, д. 7/0, л. 99.
[3] Там же, д. 8, л. 129.

бует больших материальных затрат. Кроме этого, экспедиция Черняева наметила наиболее удобное направление соединения линий: от Джулека к Сузаку, Чулак-Кургану и далее к Аулие-Ате и горам Каратау. Такое направление давало возможность достигнуть цели даже без овладения Ташкентом.

Успешные действия Черняева с незначительными силами, без особых расходов и потерь в людях явно показывали военную слабость кокандцев. Взвесив все эти обстоятельства, военный министр и министр иностранных дел пришли к согласованному мнению о необходимости в будущем, 1864 г., осуществить соединение Сыр-Дарьинской и Сибирской линий.

1 августа 1863 г. Александр II одобрил это решение. 12 августа 1863 г. генерал-губернаторам Оренбурга и Западной Сибири было дано соответствующее указание военного министра[1].

Одним из моментов, ускоривших решение вопроса о соединении линий, явилась необходимость обеспечить защиту киргизов, принявших подданство России. В своем отношении Дюгамелю Милютин писал: «Что касается до участия тех киргизских родов, которые изъявили желание принять русское подданство, то правительство ни в коем случае не может оставить их на произвол судьбы и тем подвергнуть гонениям со стороны кокандцев. Приняв их однажды в русское подданство, мы не можем отказаться от них, не подрывая доверия к русскому имени, но для защиты этих племен необходимо приискать действительные средства, так как заведение с ними торговых сношений едва ли для того достаточно»[2].

В разработке конкретного плана действий экспедиционных отрядов значительную роль сыграли записки командующего Сыр-Дарьинской линией полковника Веревкина и в особенности полковника Черняева. По их проекту, как уже отмечалось, линия соединения должна была пройти от Джулека через кокандские крепости Сузак, Чулак-Курган, Аулие-Ата, Пишпек, Токмак до Кастека и Верного.

---

[1] См. ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, ВУА, д. 7-с, л. 99.
[2] Там же.

В своей записке от 22 сентября 1863 г. Веревкин дал описание населения и территории, простиравшейся на пути соединения линий со стороны Сыр-Дарьи, а также охарактеризовал кокандские крепости Сузак и Чулак-Курган[1]. Он отмечал: «...число кочующих здесь дулатовцев и биштамгалинцев простирается всего до 20000 кибиток, за дулатовцами кочуют уже дикокаменные киргизы, племя воинственное и беспокойное своими набегами... В Сузаке с постоянно кочующими у города киргизами — до 2000 жителей, а в Чулак-Кургане до 800 душ. Как тот, так и другой город окружен превосходными фруктовыми садами... От Чулак-Кургана в 50 верстах при подошве гор находится крепостца Саудакент, которую содержат биштамгалинцы, а в 60 или 70 верстах от Аулие-Ата есть еще другая крепостца, при озере Майликула, Ак-Балык, принадлежащая киргизам. Обе эти крепостцы совершенно ничтожны и не имеют никакого военного значения.

Полоса удобных к хлебопашеству мест в длину будет около 200 верст, а в ширину от 50 до 70 верст»[2].

Значение приобретения этой территории с многочисленным оседлым и кочевым населением Веревкин оценивал, прежде всего, с точки зрения финансовых интересов государства и как необходимую материальную базу для поддержания Сыр-Дарьинской линии. «Вместе с... полосой плодородной земли,— писал Веревкин,— в наше подданство поступят, кроме оседлых жителей Сузака, Чулак-Кургана и Аулие-Ата (всего до 4000), кочующие киргизы Кунградского, Биштамгалинского и Дулатовского родов, всего до 250000 кибиток... Можно безошибочно рассчитывать на получение податей по крайней мере с 200000 кибиток, что, если мы ограничимся принятым у нас теперь кибиточным сбором, составит 300000 руб. серебром»[3]. Веревкин считал также, что с утверждением господства России в важных стратегических пунктах — Аулие-Ате, Туркестане, Ташкенте — появится возможность заставить кокандское правительство заключить с Россией выгодный для последней мир и торговый договор. Кроме того, можно будет оказывать эффектив-

[1] См. ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, ВУА, д. 7-с, л. 112.
[2] Там же.
[3] Там же.

ное влияние также на Бухару. «Существующая почти между всеми владениями Средней Азии нравственная, религиозная и отчасти политическая связь,— писал Веревкин,— сделает то, что наши решительные действия против кокандского ханства неминуемо произведут впечатление и на Бухару. Для серьезного влияния на Бухару (в чем заключается, так сказать, весь узел среднеазиатского вопроса) необходимо овладение Ташкентом, от которого до Бухары всего 400 верст страной, населенной и удобной для действия войск...»[1]

Со своей стороны полковник Черняев подчеркивал первостепенное значение соединения линий как в экономическом, так и в политическом отношениях. Характеризуя районы, по которым пройдет соединение линий, Черняев писал: «Между крайними пунктами Сибирского и Оренбургского ведомств, укреплениями Кастекским и Джулеком, по северную сторону Каратауского хребта около 800 верст расстояния, и на протяжении этом находится в трех местах оседлое туземное население: в Аулие-Ата, Чулак-Кургане и Сузаке. Из трех поименованных пунктов наиболее важен Аулие-Ата потому, что находится на пересечении главных путей из Ташкента и Коканда, а также потому, что окрестности его представляют богатые кочевья киргизов. Чулак-Курган имеет значение по своему близкому соседству с Туркестаном, к которому в этом месте пролегает самый удобный путь через Каратау, и по положению своему среди биштамгалинцев, одного из самых сильных и наиболее воинственных племен Большой Орды. В окрестностях его находятся свинцовые рудники, разрабатываемые ныне кокандцами, и копи каменного угля.

Сузак лежит на караванном пути из Ташкента в Троицк и замечателен по своему плодородию и промышленному духу жителей»[2].

Говоря о военно-стратегическом значении соединения линий, Черняев указывал, что оно принесет «...огромную пользу в случае, если мы вынуждены будем к каким-либо диверсиям в глубь Средней Азии».

По плану Черняева войска Западной Сибири должны

---

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, ВУА, д. 7-с, л. 112.
[2] Там же, д. 8-с, л. 192.

были занять Аулие-Ату, построить промежуточное укрепление для сообщения с Кастеком в Пишпеке или Чалдоваре и такое же укрепление — между Аулие-Атой и Чулак-Курганом. Со стороны Оренбурга необходимо было укрепиться в Сузаке и Чулак-Кургане и соединить их посредством постов с Джулеком. Соединение линий, по мнению Черняева, кроме всего прочего, давало возможность улучшить продовольственное снабжение гарнизонов Сыр-Дарьинской линии[1].

В конце 1863 г. генерал-адъютантом Безаком был представлен в военное министерство окончательный план соединения линий. Военный министр в свою очередь представил его на усмотрение императора. Александр II повелел:

«1) С будущего 1864 года приступить к соединению передовых Сибирской и Оренбургской линий на предложенных генерал-адъютантом Безаком основаниях, т. е. занять Сузак войсками отдельного Оренбургского и Аулие-Ата отдельного Сибирского корпусов с тем, чтобы впоследствии перенести границу на Арысь, проведя оную от Аулие-Ата через Чимкент на Туркестан...

4) Разрешить генерал-адъютанту Безаку немедленно приступить к приготовлениям для предстоящей экспедиции, дабы отряды могли выступить в степь с появлением подножного корма; приступить к таким же приготовлениям со стороны Западной Сибири, немедленно по утверждении сметы потребных для экспедиции расходов»[2].

25 декабря 1863 г. Дюгамель сообщил начальнику Алатовского округа о решении военного министра занять в будущем году Аулие-Ату и дал указание о сосредоточении в Верном необходимого количества войск, которым с наступлением весны надлежало двинуться за

---

[1] В одной из записок Черняева приведен интересный очерк быта солдат Сыр-Дарьинской линии. Черняев писал: «Достаточно пробыть несколько суток в одном из укреплений Сыр-Дарьинской линии, чтобы убедиться в безвыходно-отчаянном положении там солдат. С рассветом выходят они ежедневно на работу, оканчивающуюся утром в 11 часов, тогда как с 8 часов летом жара становится уже нестерпимой. В два часа снова собираются и, окончив свои уроки, около 7 часов расходятся по казармам, где в земляном полу и камышовых нарах гнездятся мириады насекомых, не дающих им покою ночью...» (ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, ВУА, д. 8-с, л. 192).

[2] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, ВУА, д. 8-с, л. 149.

р. Чу, к крепости Аулие-Ата и по занятии ее приступить к постройке помещений для постоянного нахождения там русских отрядов. Дюгамель указал также на необходимость создания промежуточных постов между Аулие-Атой и Верным, в частности в Пишпеке, Мерке и других пунктах[1].

Одновременно с продвижением русских войск в глубь Кокандского ханства должна была начаться и колонизация Чуйской долины. Первоначально это вызывалось чисто военными соображениями: для налаживания сообщения между Кастеком и Аулие-Атой необходимо было создать несколько промежуточных постов с небольшими гарнизонами. Затем российские власти должны были начать переселение казаков и крестьян с целью образования в Чуйской долине новых станиц и сел. «Только при проведении всего этого в исполнение,— писал Дюгамель военному министру,— мы станем твердой ногой за р. Чу и тогда содержание наших отрядов во вновь приобретенном крае не обойдется дороже, чем в Заилийском крае, потому что местные средства для сего будут достаточны»[2].

Более обстоятельно изложил свое мнение по этому поводу начальник Алатовского округа. Он считал необходимым как для поддержания сообщения между Верным и Аулие-Атой, так и для охраны торговых караванов и прекращения барымты между казахами и киргизами учредить промежуточные посты в Токмаке, Пишпеке и Мерке. Особенно важное значение он придавал Пишпеку. «В Пишпеке,— писал он,— по важности этого пункта с административной точки зрения, куда во времена владычества сартов привыкли являться все дикокаменные киргизы для разбирательства возникающих между собой дел и для уплаты ясака, и в том внимании, что Пишпек, как центральное к Аулие-Ата место, может служить складочным для него пунктом, состав гарнизона предполагается более сильный»[3].

Укрепление названных пунктов должно было создать более благоприятные условия для гражданской колони-

[1] ЦГАОР Узб. ССР, ф. 1575, ВУА, д. 8-с, л. 151.
[2] ЦГВИА, фонд ВУА, отд. II, № 6769, ч. II.
[3] Туркестанский окружной архив, 1863 г., № 1, Штаб Западносибирского корпуса.

зации Чуйской долины. Колпаковский предлагал для начала переселить по 40 семейств из каждой заилийской станции с предоставлением им тех же льгот, какими пользовались переселенцы в Заилийском крае. Общее число подлежащих переселению семейств Колпаковский на первое время ограничил приблизительно 200, из которых 100 должно было водвориться в Аулие-Ате, 25 — в Мерке, 50 — в Пишпеке и 25 — в Токмаке. Он считал необходимым для развития хлебопашества призвать к оседлости киргизов и других местных жителей. Колпаковский также предложил занять бывшие мелкие кокандские укрепления Аксу и Шиш-Тюбе, т. к. по своему расположению эти пункты были удобны для налаживания регулярного почтового сообщения.

Все эти соображения начальника Алатовского округа получили одобрение Дюгамеля, но вместе с тем он считал занятие Шиш-Тюбе и Аксу, а также и массовую колонизацию Чуйской долины делом несколько преждевременным[1].

Для командования экспедиционным отрядом, который должен был выступить со стороны Западной Сибири, военным министром был намечен полковник Черняев.

Распоряжение военного министерства о приготовлениях к экспедиции было дано и Оренбургскому генерал-губернатору. Милютин предложил Безаку выслать отряд по направлению к Сузаку одновременно с выступлением Черняева в сторону Аулие-Аты[2]. Безак приказал снарядить специальный отряд со значительным числом казаков под командованием начальника Сыр-Дарьинской линии полковника Веревкина. В случае сосредоточения в Туркестане значительных сил неприятеля Веревкину было предложено выслать из Джулека в сторону Туркестана летучий отряд и не дать возможности кокандцам оказать помощь Аулие-Ате[3].

Таким образом, весной 1864 г. решено было начать активные военные действия против Кокандского ханства, в котором к этому времени установилось относительное спокойствие. Кокандские власти стали предприни-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 27, док. 23.
[2] См. там же, док. 19.
[3] См. там же, док. 33.

мать меры по восстановлению ранее утраченного влияния на киргизское население.

Один из кипчакских феодалов Нурмухаммед, назначенный правителем Ташкента, совершая осмотр области, нашел состояние ряда укреплений неудовлетворительным и приказал начать работы по их усилению. В ноябре 1863 г. крепость Мерке, оставленная кокандцами во время экспедиции полковника Лерхе, снова была ими занята. Нурмухаммед разослал киргизским манапам и некоторым казахским старшинам письменное обращение с объявлением о вступлении в должность правителя Ташкента и с призывом повиноваться ему. Главнейшим киргизским манапам, в частности Джангарачу, он отправил также подарки. Некоторые племена солто, управляемые Джангарачем, частично уплатили кокандцам зякет. Но основная часть этого племени, подвластная манапу Байтику, а также сарыбагыши, за исключением кочевавших около Нарына и состоявших в ведении Уметалы, отказались от уплаты зякета, считая себя подданными России.

Наиболее преданный царскому правительству киргизский манап Джантай Карабеков передал Колпаковскому ряд писем-обращений кокандского правительства, адресованных не только ему, и но и многим другим сарыбагышским манапам.

Обращение к Джантаю тогдашнего главы Кокандского правительства Алымкула было следующего содержания: «Уважаемым и прямодушным высоким друзьям и старым доброжелателям биям Джантаю и Худояру и всем почетным людям рода Сарыбагыш после засвидетельствования наших поклонов и милостей следующая речь: волею всевышнего беспредельного бога 92 кочевых племени унизились между собой и, наконец соединясь единым духом согласия, поработили своего внутреннего врага и положили подножие престола в Кокане, после чего по всем отраслям правления совершенное приобрели спокойствие. Этой милостью, ниспосланною богом, воспользовались особенно все ак-калпаки (дикокаменные).

За то, что вы до сих пор не поспешили прибыть к Хазрет-хану с поздравлением и для узнания его благополучия и получения его щедрот, мы по родственному

к Вам чувству весьма огорчены, но все-таки по чувству того же родства мы надеемся на Вас и думаем, что вы не приезжали из опасения по делу Пардабека и Рахматуллы и если это действительно так, то вы нисколько не опасайтесь, потому что после воцарения на ханство, в пятый день месяца Сафара, великого нашего хана объявлена амнистия.

На случай же врагов внешних и наказания в пример перед народом негодяев и ослушников внутренних, мы формируем войска и приводим в порядок оружие.

К Вам же единственно из чувства родства послали доверенное лицо парваначи Койчи, по прибытии которого вы должны во всем его слушаться и поступать согласно его воле. С ним посылаются наши подарки».

Обращение к Джантаю хана Сеид Султана гласило: «Старые доброжелатели наши Джантай-батыр и все старшие и младшие почетные люди племени сарыбагыш, надейтесь на получение наших великих милостей, в доказательство чего мы посылаем к вам доверенного нашего парваначи Койчи.

Хвала господу. Подданные нашего высокого престола путями священного закона достигли совершенного благоденства и все 92 кочевых племени облеклись в одежду согласия и вошли в один круг единства.

Таким образом, верные наши подданные успокоились, о чем слышащие ухом веры, сочувствующие нам волости и села приезжают к нам и милостями нашими торжествуют, причем каждый остается при своей степени и своем посту.

Почему мы по совершенной нашей к Вам благосклонности, раскрывая этим выражением нашу милость, и вы из чувства к вере и уважения к Востоку должны приехать для узнания покоя, благополучия старших, больших и младших людей и надеяться на получение высоких наших милостей и успокоения сердечные.

Происшествие же с Пардабеком и Рахматуллой мы простили и вы совершенно на этот счет успокойтесь»[1].

Как видно из содержания этих писем, кокандское правительство обещало простить киргизам их прежние, враждебные кокандцам действия, в частности убийство

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 27, док. 32.

Пишпекского бека Рахматуллы и коменданта крепости Мерке Пардабека.

Такого же рода письма были направлены и крупным солтинским правителям Байтыку и Байгазы. Аулие-Атинский бек писал: «Почтенным Байтыку и Байгазы, сослуживцам и детям. Речь следующая: посланное Вами письмо через Датху Кудайбергена в мои руки доставлено, за содержание, заключенное в нем, я остаюсь очень довольным, а равно и за разные известия, из которого не видно лжи ни на конец волоса.

Что же касается до Рахматуллы, то он погиб за свои противозаконные действия и достойно получил наказание божие.

Объясненные известия в письме Вашем доставило много удовольствия, которые сообщены великому хану в Минбаши. Отколь и получите великую награду.

Прошлого раза Байзак с покорностью примирился со мной и все дети его возвращены ему, не прошло после того 5 дней, как Байзак, снова изменив данной присяге, собрав воров, воображает бежать в Семиреченский край, опасаясь за измену свою достойного возмездия от эмира и великого хана. Вследствие чего Вам, любезные дети, посылаю с известием этим посла Ишана и с получением этого немедленно прошу Вас... прибыть сюда, а если бог велит, то головы наши, а скот ваш и с великою добычею возвратитесь обратно, добыча на этом и том свете никому в возврат не пойдет.

На этом свете перед ханом, а на том свете перед богом ответчик будет не кто другой, как я. Если же поможете нам в этом деле, не только будете прощены за смерть Рахматуллы, но еще получите великую милость от великого хана нашего. Если вы поистине называете меня отцом своим, то немедленно приезжайте. Остальное же Вам сообщит на словах Ишан, которому верить»[1].

Атабек призывал Байтика напасть на казахского старшину Байзака, изменившего хану, и соблазнял возможностью захвата большого количества его скота. Из этого письма видно, как преследовались кокандским правительством лица, изменившие свое подданство. Кокандские наместники при этом опять прибегали к методу

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 3, д. 513, лл. 149—150.

натравливания одних племен против других, пытаясь соблазнить возможностью захвата добычи, к чему были склонны почти все представители феодальной знати киргизов и казахов.

В начале 1864 г. в Аулие-Ата прибыл ташкентский правитель Нурмухаммед. Здесь он неоднократно совещался с манапами таласских и чуйских киргизов, а также с биями казахских племен, кочевавших в окрестностях Аулие-Аты. Из киргизских манапов на эти совещания приезжали Джангарач, Маймыл и Тыналы, вновь изъявившие свою покорность кокандскому хану и обязавшиеся в дальнейшем снова выплачивать зякет[1]. Скорее всего это было связано с тем, что подвластные Джангарачу солтинцы занимали западную часть Чуйской долины, которая территориально примыкала к центральным областям Кокандского ханства, а крепость Аулие-Ата непосредственно угрожала им и таласским киргизам. Именно поэтому Джангарач, как и Тыналы, айылы которых располагались в Таласской долине, не мог вести себя по отношению к Коканду так же свободно, как Байтик и Джантай.

Известную роль играл также приход к власти в Коканде кипчакских феодалов, с которыми киргизские феодалы как кочевники имели много общего. В результате некоторые правители чуйских киргизов, в частности Джангарач и Маймыл, в начале 1864 г. вновь подпали под влияние Коканда и стали действовать в угоду кокандским наместникам. Вновь начались взаимные набеги киргизов и казахов Чуйской долины, причем нападающими чаще бывали киргизы. Казахи доносили об этом начальнику Алатовского округа, т. к. сами не могли чего-либо предпринять: положение в это время было очень тяжелым в связи с джутом[2].

---

[1] ЦИА Каз. ССР, ф. 3, д. 652, лл. 1—3.

[2] Колпаковский в своем донесении генерал-губернатору Западной Сибири от 9 марта 1864 г., касаясь положения казахов Заилийского края в это время, писал: «В здешнем крае падеж скота продолжается, холода хотя и уменьшились, но снегу еще много, сена же ни в командах, ни у жителей почти не осталось нисколько, более всего бедствуют киргизы (т. е. казахи.— Б. Д.), многие из них, имевшие порядочное хозяйство, потеряли весь скот и теперь пешком таскают на базар кожи от погибшего скота». (ЦГИА, Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 27, док. 43).

Весной 1864 г. Колпаковский решил направить в Чуйскую долину небольшой отряд с тем, чтобы подействовать на киргизов, которые заметно стали поддаваться кокандскому влиянию. Кроме того, Колпаковский считал себя обязанным удовлетворить просьбу подвластных России казахских племен о защите их от набегов чуйских киргизов. Главная же цель заключалась в том, чтобы предупредить нежелательные поступки отдельных киргизских манапов Чуйской долины, которые могли окончательно поддаться влиянию кокандского правительства. Войсковому старшине Бутакову было приказано выступить с отрядом и расположиться на правом берегу р. Чу, напротив разрушенного Токмака. Бутаков должен был пригласить к себе манапов солто в лице Байтика, Корчу, Кокума, Байсалбая и др. и по прибытии их в отряд, под предлогом устройства совещания, отправить в укрепление Верное[1].

17 марта 1864 г. отряд Бутакова выступил из Кастека. Во время движения отряда к Бутакову явился сын манапа Джантая — Мырзалы, сообщивший некоторые сведения о положении дел у чуйских киргизов и, кроме того, передавший несколько писем кокандских властей, направленных его отцу Джантаю. Вскоре к нему явился также сарыбагышский манап Менгли с изъявлением готовности оказать содействие отряду[2].

В конце марта отряд Бутакова из урочища Чон-Торткуль двинулся к Караконусу. Вместе с ним следовали явившиеся накануне киргизские манапы племени солто Байтик, Корчу, Макеш, Шамдык, Узбек Бошкоев и др.[3], а также манапы-сарыбагыши Менде и Мырзалы (сын Джантая). Впоследствии все они были отправлены Бутаковым в укрепление Верное. Этому обстоятельству Дюгамель придавал важное значение. В донесении военному министру он писал: «Имея таким образом в своих руках более влиятельных манапов, можно полагать, что родовичи их не откочуют с Чуйской долины и не будут вредить действиям наших отрядов»[4]. В данном случае генерал-губернатор Западной Сибири проявил

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф.715, оп. 1, д. 27, док. 42.
[2] См. ЦГИА Каз. ССР, ф. 3, д. 652, лл. 4—5.
[3] См. там же, лл. 7—8.
[4] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. II, № 6788.

излишнюю осторожность. Чуйские киргизы, которые уже считали себя подданными Российской империи, вряд ли создали бы какие-либо препятствия предстоящей экспедиции даже и при наличии среди них задержанных старшин. Но как бы то ни было, попытка кокандцев привлечь на свою сторону некоторых видных чуйских манапов своевременно была парализована.

Бутакову удалось собрать ценные сведения о положении в Кокандском ханстве. Стали известны подробности плана главнокомандующего кокандскими войсками парваначи Мингбая. Он занимался в это время подготовкой войск и укреплением пограничных крепостей. Однако ханская казна была истощена, торговля пришла в упадок, отношения с Бухарой оставались враждебными.

Относительное спокойствие на китайской границе и крайняя неустойчивость внутреннего положения Кокандского ханства, при мирном и доброжелательном отношении киргизов к русским отрядам, создавали благоприятную обстановку для подготовки и осуществления экспедиции в направлении Аулие-Аты. Весной 1864 г. Колпаковский приказал начать ремонт дороги через Кастекское ущелье до р. Чу, чтобы сделать ее пригодной для движения колесного транспорта.

К маю 1864 г. экспедиционный отряд Черняева был готов к выступлению. К этому же времени были приведены в готовность и военные силы Оренбургского генерал-губернатора, которым надлежало действовать со стороны Сыр-Дарьинской линии[1]. Выступив в начале мая из Верного, отряд Черняева спустился в долину р. Чу. Часть его с 8 орудиями переправилась на левый берег реки и остановилась у развалин крепости Токмак. Поручиком Стрельниковым была произведена подробная съемка Кастекского ущелья и р. Чу с промером глубины от устья Большого Кемина до брода у Токмака.

Кокандские власти, получившие сведения о выступлении Черняева, ограничились лишь усилением гарнизона Аулие-Аты и установлением наблюдательного поста в Мерке.

Киргизские айылы, расположенные в районах Ток-

[1] См. ЦВИА, ф. б., д. 6, 42—586, л. 324.

мака и Пишпека, оставались совершенно спокойными. В своем донесении Черняев подчеркивал: «Население, занимающееся хлебопашеством по предстоящему нам пути, остается на своих местах, оканчивая обработку полей, а кочевники начинают уже переходить в горы на летние кочевки»[1].

От имени Черняева в киргизские аилы было разослано обращение следующего содержания: «По воле великого государя, я вступаю в земли ваши с тем, чтобы на вечные времена водворить в них спокойствие и порядок. Намерения нашего правительства теперь, как и прежде, заключаются в том, чтобы защитить преданное нам население от грабежей и насилия, обеспечить следование караванов, покровительствовать торговле и промышленности, примирить враждующие между собой роды и тем доставить возможность каждому спокойно пользоваться трудами рук своих. Для достижения этих целей русские войска несколько раз уже приходили по призыву вашему, но лишь только уходили, как враги снова нападают на Вас. Вследствие этого, многие между вами неоднократно просили и теперь просят о принятии их под покровительство русского правительства и об устройстве крепостей для ограждения от постоянных притеснений кокандцев. Просьбы услышаны нашим великим государем, войска, мною предводимые, посланы с тем, чтобы навсегда остаться в землях ваших, и горе тому, кто отныне дерзнет нападать на Вас.

Отряд мой имеет с собою все необходимое и ни в чем не нуждается. Предупредите тех, которые не знают еще русского войска и судят о нем по войскам кокандским, чтобы никто ничего не опасался и оставался спокойно на своем месте»[2].

Обращение сыграло положительную роль. Сразу же по прибытии отряда в Чуйскую долину к Черняеву явились главные старшины сарыбагышей — Джантай, Худояр, Торогельды и другие. Они изъявили желание оказывать отряду всякого рода содействие и просили разрешить им участвовать в военных действиях против

---

[1] Туркестанский окружной архив, 1863, №1, Штаб Сибирского корпуса.

[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 27, док. 72.

Аулие-Аты. Черняев оказал киргизским старшинам хороший прием, мирно решил все возникшие на почве барымты споры и расчеты с казахами и приподнес им подарки. В донесении Дюгамелю он писал 17 мая 1864 г.: «Киргизские старшины для выражения особенной своей преданности вызывались бесплатно доставить лес для устраиваемого в их кочевьях укрепления. Сверх того, бии эти присоединили к милиции отряд своих сыновей и ближайших родственников. За таковое искреннее доброжелательство я дал всем биям сарыбагышским халаты, часы и другие подарки»[1].

В середине мая 1864 г. около развалин Токмака Черняев заложил укрепление с целью обеспечить безопасность сообщения между Верным и Аулие-Атой[2]. Гарнизон его должен был оставаться здесь и на зиму. Сарыбагышские манапы, айылы которых кочевали поблизости от Токмака, обязались заготовить необходимый для строительства лес[3]. Так в Чуйской долине было основано первое русское укрепление — Токмак, впоследствии ставший административным центром Токмакского уезда.

Благодаря созданию Токмакского укрепления у чуйских киргизов появилась уверенность в окончательном устранении опасности со стороны Кокандского ханства. В донесении генерал-губернатору Западной Сибири Черняев, отмечая причины устройства укрепления Токмак, писал: «Решаясь на заложение Токмакского укрепления, я имел в виду крайнюю необходимость устроить этапные пункты во время следования отряда в передний путь к Аулие-Ата как для обеспечения движения транспорта, так в особенности для того, чтобы окончательно убедить население в намерении правительства утвердиться в Зачуйском крае и тем доставить возможность туземцам

---

[1] Туркестанский окружной архив, 1863, № 1, Штаб Сибирского корпуса.

[2] При выборе пункта для укрепления Черняев руководствовался тем, что у Токмака находился брод через реку Чу. Кроме того, окрестности Токмака представляли собой лучшие угодья и плодородные поля для хлебопашества. В административном отношении этот пункт имел также важное значение. С созданием Токмакского укрепления Кастекское укрепление должно было потерять свое прежнее значение. Черняев считал необходим м упразднить его, а гарнизон перевести в Токмак, что и произошло впоследствии.

[3] ЦГИА Узб. ССР, оп. 1, д. 27, док. 74.

открыто принять нашу сторону, не опасаясь мести кокандцев»[1].

16 мая Черняев снялся со стоянки у Токмака и, не встречая никакого сопротивления со стороны ханских войск, 24 мая достиг крепости Мерке. Кокандский гарнизон крепости успел перейти в Аулие-Ату. Черняев решил устроить в Мерке второй этапный пункт между Аулие-Атой с Верным.

Во время движения Черняева от Токмака к Мерке небольшим отрядом под начальством капитана Красовского и при участии магистра Северцова и горного инженера Фрейзе была проведена разведка в направлении Киргизского Ала-Тоо, которая дала возможность убедиться в мирном настроении и дружественном расположении кочевавших здесь киргизов. Н. Северцов провел также важные научные наблюдения.

Таким образом, взаимоотношения русского отряда с киргизами Чуйской долины складывались благоприятно. Черняев принял многих влиятельных киргизских старшин, которые сами приезжали в его лагерь. Особенно важно было установить нормальные отношения с Байтиком и Корчу — двумя наиболее влиятельными манапами племени солто, незадолго перед этим барымтовавшими с подвластными России казахами Старшего жуза. Эти манапы обратились к Черняеву с просьбой разрешить им участвовать в походе против Аулие-Аты. Они изъявили также готовность оказать содействие отряду в снабжении рабочим скотом и продовольствием. Черняев по этому поводу писал: «В Пишпеке присоединились к отряду со своими джигитами манапы Байтик и Корчу, кочующие около развалин этой крепости, и в лагерь наш прибыли бии Абайдулла, Саза-Мулла и другие, которые никогда не являлись прежде к русскому начальству Вообще каракиргизы, с которыми приходилось иметь близкие сношения, оказывали нам полное доверие и охотно приводили в отряд скот для продажи»[2].

Некоторые айылы солто, в частности подвластные манапам Джангарачу и Бошкою Канаеву, накануне прибытия отряда Черняева в Чуйскую долину откочевали

[1] Туркестанский окружной архив, 1863, № 1, Штаб Сибирского корпуса.

[2] Там же.

в Талас. Это было вызвано главным образом нежеланием уплаты по барымте казахам Старшего жуза, у которых ими было угнано за последнее время значительное количество скота. В связи с этим Черняев доносил Дюгамелю: «Несвоевременный уход племени солто от засеянных своих полей в горы на летние кочевья можно было объяснить отчасти желанием их уклониться от расчетов по баранте с нашими киргизами, потому что число угнанного ими, в последнее время, скота доходило до нескольких тысяч и они после голодной зимы не в состоянии были бы возвратить и третьей доли... Принимая во внимание этот уважительный факт, а также запутанность и многосложность обоюдных претензий и непримиримую вражду, существующую с давних пор между нашими кайсаками и каракиргизами, трудно было рассчитывать на полюбовное их соглашение»[1].

Впрочем, учитывая благоприятную ситуацию и настроение народа, Джангарач, а также Бошкой Канаев вступили с Черняевым в дружественные отношения и просили об окончательном принятии их с подвластными им племенами в подданство России. Манап Бошкой Канаев даже послал своего сына Узбека с джигитами для участия в походе против Аулие-Аты. Черняев направил письмо Бошкою и другим киргизским манапам, откочевавшим на Талас, с объяснением цели экспедиции. В ответ на него по прибытии в Мерке он получил письмо от Бошкоя Канаева, в котором тот объявлял себя подданным Российской империи. Бошкой писал: «Письмо Ваше мы получили и остаемся довольны за то, что Вы прекратили претензии между каракиргизами и киргизами Большой Орды. Со времени Мадалы-хана мы были подданными Кокандского правительства, но в настоящее время имею подданство к Белому царю и посылаю к Вам сына своего Узбека с джигитом, но хороший ли мы народ или худой, Вы еще не узнали. Если окажемся хорошими перед Вами, то будем служить, а если дурны-мы, то будем виноваты и будем за то отвечать. Врагов у нас много, а потому и просим Вашей защиты. Вместо нас находится у Вас Байтик и Узбек с джигитами, сам

[1] Туркестанский окружной архив, 1863, № 1, Штаб Сибирского корпуса.

же я по старости лет не могу ехать на лошади, явлюсь к Вам впоследствии.

Покорнейше прошу Вас дать мне бумагу с приложением печати, чтобы русские и киргизы не обижали егинчей, земледельцев, находящихся на пашнях на урочище вершины Ашмара и до Мерке»[1].

В середине мая 1864 г. манап Джангарач умер. Его дети и манап Чойбек из Таласа также обратились к Черняеву с аналогичным прошением. Оно гласило: «Мы, дети Джангарача, свидетельствуем Вам поклон. Прибыть к Вам сами не можем, потому что делаем на могиле отца нашего памятник, а чтобы заявить Вам, что мы верноподданные Белому царю, то посылаем Вам для службы джигита своего Байбека. А также я, Чойбек Кокумов, свидетельствую Вам поклон и изъявляю верноподданническую свою преданность Белому царю тем, что пойманных мною четырех человек рода чапрашты возвращаю без выкупа»[2].

Черняев хорошо принял посланцев упомянутых манапов, подтвердил, что они безусловно являются подданными России, и просил их в дальнейшем не считать себя подданными Коканда. В донесении Черняева генерал-губернатору Западной Сибири указывалось: «Находя весьма важным для нас привлечь на свою сторону фамилию Джан-Гарача и таких сильных манапов, каковы Бочкай, Байсейт и Теналы, я обнадежил этих родственников, что просьба их о принятии в русское подданство будет уважена»[3].

Во время стоянки в Мерке Черняев организовал в своем лагере суд биев, в котором участвовали наиболее влиятельные представители киргизов и казахов. В течение четырех дней на этом суде решались споры, возникшие между киргизами и казахами на почве барымты. Установление в дальнейшем мирных отношений между ними входило в интересы русских властей, так как теперь киргизы стали такими же подданными России, как и казахи Старшего жуза. Черняев писал Дюгамелю: «Можно предполагать теперь, что вражда между кара-

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, дело 27, док. 210.
[2] Там же.
[3] Там же.

киргизами и кайсаками, происходившая главным образом от постоянной баранты, с устройством наших укреплений может быть ослаблена, а претензии их между собой будут к осени совершенно окончены»[1]. Находившийся в отряде Черняева штабс-ротмистр Чокан Валиханов сыграл важную роль в установлении мирных взаимоотношений между казахами и киргизами. Подчеркивая его заслуги, Черняев отмечал: «Достижению такого благоприятного результата наших сношений с туземцами много способствовал своими знаниями и усердием штабс-ротмистр Валиханов»[2].

В конце мая отряд Черняева выступил из Мерке и, не встречая препятствий, дошел до ур. Узун-Булак. Здесь Черняев получил сведения о намерении кокандского командования встретить его под стенами Аулие-Аты. Поэтому в начале июня отряд направился к этой крепости.

Крепость Аулие-Ата располагалась на небольшой возвышенности на левом берегу р. Талас, в 80 верстах к северу от хребта Карабура и в 460 верстах на запад от укр. Верного. К югу и востоку от крепости были расположены селения, обнесенные стенами для защиты от нападений окрестных киргизов и казахов[3].

На месте Аулие-Аты когда-то существовал богатый торговый город Тараз, разрушенный впоследствии. В начале 1820 г. кокандский хан Мадалы, покорив кочевавших здесь казахов, прислал своего сановника Адынбека с целью построить на этом месте крепость для защиты торговых «сартов» от нападений киргизов и казахов, а также для сбора зякета с окрестных племен. Адынбек построил цитадель и был первым её комендантом. При нем же переселились сюда жители селения Уч-Курган. Впоследствии, в начале 1850 г., с увеличением населения и развитием торговли, вокруг города была воздвигнута стена, образовавшая крепость Аулие-

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 27, док. 210.

[2] Там же.

[3] К западу от Аулие-Аты, саженях в 400, находилось кладбище, среди которого возвышался полуразрушенный мавзолей «святого», по имени которого была названа крепость. (См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп, 1, дело 27, док. 210).

Ату в том виде, в каком она предстала перед отрядом Черняева.

Поскольку Аулие-Ата являлась наиболее типичной кокандской крепостью, небезынтересно несколько подробнее остановиться на ее характеристике. Внутри крепости располагалось 5 продольных и 5 поперечных узких улиц, имелось 517 домов с лавками, 66 — без лавок, 3 мечети, 1 чугунолитейная мастерская, 8 кузниц, а на юго-восточной стороне — караван-сарай. При главной мечети было начальное духовное училище, где мулла учил детей грамоте.

Прилегавшее к крепости поселение, возникшее в последние годы, имело 4 правильные улицы и 250 домов, 5 мечетей, 22 лавки. Здесь также была чугунолитейная мастерская, 15 кожевенных заведений и 3 караван-сарая.

Все постройки крепости были глиняными, низкими и непрочными. В городе и в его окрестностях разводились сады. В некоторых из них встречались виноградные лозы и яблони, урюковые и грушевые деревья. Здесь выращивались зерновые культуры, которые выгодно скупались кочующими киргизами и казахами.

Жители Аулие-Аты состояли из узбеков, занимавшихся главным образом торговлей и садоводством.

Город Аулие-Ата имел важное торговое значение. Находясь на пути из Кокандского ханства в Кульджу, Верный, Копал и Семипалатинск, он служил пристанищем для караванов, идущих туда из Ташкента, Коканда, Намангана и других торговых городов. Купцы снабжали местное население бумажными и шелковыми тканями, выделанными кожами, сушеными фруктами и другими товарами среднеазиатского кустарно-ремесленного производства. Товары свои они выменивали у киргизов за скот, главным образом на баранов.

Управлялся город семью аксакалами — старшинами, которые назначались беком из кандидатов, выдвигавшихся жителями, от которых они и получали вознаграждение за службу.

Жители города были обязаны содержать в чистоте улицы. Кроме того, они облагались данью в пользу хана. Владельцы мастерских и ремесленники платили за место, на котором стояло заведение, специальные

государственные налоги. Свободные участки продавались жителям по назначенной беком цене. Налогом облагались также владельцы садов и огородов.

Значительный налог кокандскому хану платили подданные ему киргизы. Так, киргизы, подведомственные Аулие-Ате, платили с юрты батман хлеба[1], воз дров, воз сена и по 3 барана с каждой сотни. Кроме постоянных налогов и сборов, киргизы и казахи постоянно облагались и разного рода экстренными налогами.

Таково было торговое значение и административное управление главной кокандской крепости в Чуйской долине — Аулие-Аты ко времени взятия ее отрядом Черняева.

3 июня отряд царских войск расположился лагерем в 7 верстах от крепости, а 4 июня, после короткой осады, Аулие-Ата была взята.

Временно исполняющим должность коменданта крепости Черняев назначил полковника Багацевича, который должен был привести ее в надлежащее состояние и создать условия для постоянного пребывания здесь русского гарнизона[2].

Одновременно с продвижением отряда Черняева в направлении Аулие-Аты было начато наступление и со стороны Сыр-Дарьинской линии под командованием полковника Веревкина. 13 июня отряд Веревкина овладел Туркестаном. Туркестанский бек Мирза-Давлет со своим гарнизоном вырвался из города и ушел к Ташкенту[3].

Со своей стороны Черняев после Аулие-Аты решил послать за хребет Карабура, в Чаткальскую долину, легкий отряд с целью расположить чаткальских киргизов в пользу России и удержать их таким образом от участия в подготавливаемых кокандцами военных операциях против Аулие-Аты. Начальником этого отряда был назначен подполковник Лерхе, которому было предписано по пути следования присоединить к себе

---

[1] Батман равнялся примерно 10 пудам.
[2] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 27, док. 89.
[3] См. ЦГВИА, фонд ВУА, д. 36, лл. 60—62.

высланную ранее разведочную партию, проводившую под руководством Н. Северцова научные наблюдения в ущелье Карабура. В Карабуринском ущелье, недалеко от перевала, располагалось несколько небольших кокандских укреплений — «курганов», гарнизоны которых с приближением отряда Лерхе перешли через перевал на южную сторону. После трудного перехода через снежный перевал отряд спустился в Чаткальскую долину. На левом берегу р. Чаткал, недалеко от Каракаспакского ущелья, находился кокандский пикет, близ которого жили кокандские сборщики зякета. В 4 верстах от этого пикета, вниз по течению реки, находилось главное кокандское укрепление в Чаткальской долине — Чиназ. С приближением отряда Лерхе кокандцы оставили укрепление и отступили вниз по течению реки и в боковые горные ущелья. По приказу Лерхе укрепление Чиназ было разрушено, и отряд двинулся дальше по правому берегу реки с целью разведать переправы и пути, ведущие к Намангану.

Чаткальскую долину населяли в основном киргизы племен саруу, багыш, кытай, кушчу и др. Местное население в своем подавляющем большинстве не проявляло вражды к отряду Лерхе. Более того, многие представители киргизских племен от имени народа обращались к начальнику отряда с просьбой о принятии их в русское подданство. В донесении на имя Черняева Лерхе, характеризуя отношение местного киргизского населения к его отряду, писал 1 июля 1864 г.: «Кочующие по Карабуринскому и Каракаспакскому ущелью киргизы являлись постоянно ко мне на походе с просьбой о принятии их в подданство белого царя. Более значительные из этих манапов Кыдралы, Иги-Берды и Саты-Мон (рода сару) сопровождали отряд и прибыли с ним в Аулие-Ата на принятие подданства России»[1].

Однако отдельные манапы, пользовавшиеся покровительством кокандского хана, держали его сторону. Видную роль среди них играл известный своим религиозным фанатизмом манап Сарымсак, который призывал единомышленников послать вооруженных всадников в

[1] ЦГВИА, фонд ВУА, отд. II, № 6709.

ханское войско и в союзе с ханом начать войну против «кафиров».

От дружественно настроенных киргизов и захваченных в Чиназе пленных Лерхе получил сведения, что в Чаткал накануне прибыл кокандский отряд с целью организовать «ополчение» из киргизов. Однако узнав о приближении русского отряда, кокандцы отступили. Сарымсак же, собрав около 200 вооруженных джигитов, ушел в горы. Лерхе послал ему письмо с предложением заключить мир, но манап прогнал парламентеров и на письмо не ответил. Посланный для захвата Сарымсака взвод конных стрелков вернулся ни с чем, т. к. предупрежденный об этом манап успел скрыться.

В конце июня стало известно, что главнокомандующий хана Алымкул сосредоточивает крупные военные силы в Ташкенте, откуда намеревается идти на Чимкент, а затем на Аулие-Ату и Туркестан. В связи с этим отряду Лерхе было приказано вернуться обратно в Аулие-Ату[1].

Экспедиция Лерхе в Чаткал показала непрочность власти кокандского хана в этом районе и мирное настроение подавляющего большинства чаткальских киргизов по отношению к России. Результатом экспедиции явилось падение кокандской власти на Чаткале и принятие чаткальскими киргизами русского подданства. Манап Сарымсак также вскоре возбудил ходатайство о принятии его с подвластным ему племенем багыш в подданство России. Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский доносил по этому поводу военному министру 26 ноября 1865 г.: «Вследствие ходатайства кочующего в числе 150 юрт за Карабурою рода Багыш

---

[1] Поход в Чаткал совершался в иключительно трудных природных условиях. Лерхе писал: «Кто не бывал в подобных горных переходах, тот не может судить о том достоинстве, с которым вернувшийся оттуда солдат рассказывает своим сотоварищам о перенесенных им трудностях и лишениях, и действительно, ежели принять во внимание холод, снег, постоянную сырость и дожди, ветер, господствующий в горах, и присоединить к этому всему крутые подъемы, каменистый грунт и частые переправы вброд через горные потоки (по воде холодной как лед), то вполне имеет право гордиться солдат, с мужеством и терпением перенесший все эти невзгоды». (ЦГВИА, ф. ВУА, отд. II, № 6769).

манапа Сарымсака о принятии его в подданство России с разрешением кочевать по сю сторону кара-буринских гор, на ур. Бакаир, генерал-майором Черняевым разрешена этому манапу испрашиваемая перекочевка»[1]

* * *

После овладения Аулие-Атой и Туркестаном соединение Сибирской и Сыр-Дарьинской линий становилось реальным делом. На очередь дня встал вопрос об организации и строительстве передовой линии укреплений от Верного до Туркестана.

К тому же обширные районы кочевий киргизских и казахских племен, расположенные между Верным и Ак-Мечетью, безотлагательно требовали правильной организации управления.

На огромном пространстве, от Аральского моря до Иссык-Куля, были расположены укрепления царских войск — форт № 1, Перовский, Туркестан, Аулие-Ата и Верный с промежуточными укрепленными пунктами, форт № 2, Джулек, Мерке, Токмак и Илийское (Кастек с возведением Токмака потерял свое значение). Необходимо было подчинить их одному командованию и решить другие вопросы, связанные с организацией новой укрепленной линии. Наиболее приемлемый проект представил полковник Полторацкий в записке от 9 июля 1864 года[2].

Собственно передовую линию должны были составить укрепления, начиная от форта Перовского до Токмака включительно. В соответствии с этим полковник Полторацкий предлагал:

1. Упразднив управление Сыр-Дарьинской линии, форты № 1 и 2 подчинить начальнику Аральской флотилии, возложив на него ответственность за оборону низовьев Сыр-Дарьи.

2. Укрепление Верное оставить по-прежнему в ведении начальника Алатовского округа.

3. Из укреплений Перовского, Джулека, Туркестана,

[1] Сборник архивных документов «Туркестанский край», т. 17, ч. II, стр. 115.

[2] ЦВИА, фонд ВУА, отд. II, № 6769.

Чимкента, Аулие-Аты, Мерке и Токмака образовать передовую «Ново-Кокандскую» линию с центром управления в Аулие-Ате или Чимкенте.

4. Начальнику новой линии, вследствие значительной ее отдаленности как от Оренбурга, так и от Омска, предоставить широкие права и самостоятельность[1].

Записка Полторацкого легла в основу проекта создания «Ново-Кокандской линии», об учреждении которой генерал-губернаторы вскоре возбудили ходатайство перед военным министерством. Поставленный военным министром на рассмотрение Александра II проект был одобрен. В своем отношении к Безаку Милютин писал: «Государь император 18 минувшего июля высочайше повелеть соизволил изо всех укреплений, возводимых на вновь занятом пространстве от р. Чу до Сыр-Дарьи по бывшее кокандское управление Яны-Курган включительно, образовать в виде временной меры передовую Кокандскую линию»[2]. Начальником Ново-Кокандской линии был назначен генерал-майор Черняев.

После потери Туркестана и Аулие-Аты правители Коканда, как обычно, начали усиленно разжигать религиозный фанатизм и призывать к войне за возвращение «священного» Туркестана, в котором находилась чтимая мусульманами Средней Азии мечеть ходжи Ахмета-Ясеви. Кокандское правительство предприняло также меры по укреплению и вооружению Чимкента. Учитывая это обстоятельство, Черняев решил овладеть Чимкентом как можно скорее, пока он еще не был достаточно укреплен.

Получив в свое распоряжение все расположенные на Ново-Кокандской линии войска, Черняев в начале сентября 1864 г. двинул на Чимкент отряды с двух сторон — со стороны Аулие-Аты и со стороны Туркестана, 21 сентября Чимкент был взят.

Падение Чимкента имело важное значение. В своем донесении Дюгамелю Черняев писал: «Цитадель, построенная на неприступной возвышенности, и остальные укрепления с небывалой до сего у кокандцев фланговой обороной, сильное вооружение артиллерией, с

[1] См. Д. Романовский. Заметки по Среднеазиатскому вопросу, Спб., 1868, стр. 146, приложение 8.

[2] Там же.

громадным запасом разрывных и других снарядов, и десятитысячный гарнизон, составленный из лучших войск ханства, дают мне право доложить Вашему Высокопревосходительству, что падение Чимкента, повергающее к подножию его императорского величества обширный край с населением полмиллиона, свидетельствует о серьезном значении этого события»[1].

После падения Чимкента главные силы кокандских войск сосредоточились в Ташкенте, самом большом городе ханства, население которого достигало 100 тыс. человек. Город был окружен стеной протяженностью в 24 версты. В Ташкенте в это время существовала влиятельная группа торговцев — сторонников установления близких экономических связей с Россией. Была и другая группировка, которая не желала сближения с Россией и, не надеясь на способность Коканда отстоять независимость Ташкента, стремилась к союзу с Бухарой, как наиболее могущественным из среднеазиатских ханств.

Черняев решил, не теряя времени, произвести рекогносцировку и, если представится возможность, попытаться овладеть Ташкентом. С этой целью 27 сентября отряд Черняева выступил из Чимкента.

Мулла Алымкул, правильно оценив нависшую над Ташкентом опасность, деятельно занялся его укреплением. Между тем в городе создалось чрезвычайно трудное положение. После занятия отрядом Черняева линии по Арысу в Ташкент перестали приходить караваны. Вследствие этого цены на продукты значительно повысились, возникли трудности в снабжении продовольствием войск, сосредоточенных в городе. В этой напряженной обстановке против Алымкула возник заговор. Главную роль в нем играли сторонники бухарской ориентации. Но заговор был раскрыт, зачинщики понесли суровое наказание. Однако и после расправы с заговорщиками в городе продолжали ходить слухи о предстоящем прибытии в Ташкент Худояр-хана с бухарским войском. Сторонники бухарской ориентации продолжали поддерживать тайную связь с эмиром Бухары. Эмир потребовал передачи ему Ташкента, но

[1] ЦГИА Узб. ССР, оп. 1, дело 27, док. 243.

Алымкул ответил, что намерен оборонять Ташкент как от русских, так и от бухарцев и в крайнем случае предпочтет сдаться русским[1]. Это резко обострило отношения между Кокандом и Бухарой и по сути исключило возможность защиты Ташкента совместными силами.

2 октября отряд Черняева предпринял наступление с южной стороны города, но атака была неудачной. После осады, продолжавшейся до 24 октября, Черняев вернулся в Чимкент.

Неудачная осада Ташкента заставила Черняева обратиться к военному министру с рядом вопросов, связанных с дальнейшими действиями в Средней Азии. В Петербурге решили пока остановиться на достигнутых успехах и в ближайшее время дальнейшего продвижения в глубь среднеазиатских ханств не предпринимать. В записке на имя Черняева говорилось: «На основании вышеизложенных соображений Министерства иностранных дел и военного, по взаимным обсуждениям системы будущих действий наших в Средней Азии, пришли к заключению, что в настоящее время Россия может ограничиться достигнутыми уже результатами, отказываясь от дальнейшего наступления и приняв границею линии от китайских пределов по Тянь-Шаньскому хребту, водораздельной черте между долинами Чу и Таласа и бассейном Сыр-Дарьи, затем по одному из отрогов Каз-Курта, впереди Арыса на Сыр-Дарью»[2].

Однако Черняев не оставил своего намерения овладеть Ташкентом и продолжал подготовку войск в Чимкенте, Туркестане и Аулие-Ате. Кроме того, он требовал присылки дополнительных военных сил из Верного и форта Перовского. Новое наступление на Ташкент он предполагал начать весной 1865 г.

Между тем в пограничных с Западным Китаем районах Северной Киргизии и Заилийского края заметно стало ощущаться влияние происходящих в Кашгарии политических событий. В 1862 г. в провинции Шэньси вспыхнуло восстание дунган, которое быстро распространилось на провинцию Ганьсу. Восстание

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, дело 27, док. 288.
[1] Там же, д. 28, док. 38.

носило национально-освободительный характер. Дунгане выступили против гнета китайских феодалов и императорской власти. Вскоре восстание перекинулось в Джунгарию и в провинцию Синьцзян. Особенно активное участие принимали в нем уйгуры Кульджинского края — «таранчи»[1]. К восставшим присоединились и отдельные группы пограничного киргизского и казахского населения. Во главе восстания стоял дунганский народный герой Быйянху.

Вскоре, однако, среди восставших возникли разногласия и произошел раскол. Дунгане вошли в соглашение с китайским правительством, а «таранчи» продолжали борьбу и вскоре захватили власть в Кульджинском крае.

Одновременно произошло восстание в кашгарских городах Куча, Аксу, Кашгаре, Яркенде, Хотане. Результатом его явилось возникновение государства Якуббека. «В это время,— указывал Куропаткин,— влиятельным лицом в городе Кашгаре был Сыдык-бек, по происхождению кипчак. По другим сведениям, Сыдык-бек был киргиз, явившийся в город Кашгар со своей шайкой, грабившей как китайцев, так и кашгарцев»[2]. Сыдык-бек обратился к кокандскому правителю Алымкулу с просьбой направить в Кашгарию сына Джагир-ходжи Бузурука для провозглашения его ханом. Алымкул удовлетворил эту просьбу. Вместе с Бузуруком в Кашгар прибыл кипчак Якуббек в качестве начальника его отряда. Якуббеку суждено было вскоре сыграть видную роль в Восточном Туркестане. «Бузурук-хан,— писал Куропаткин,— в сопровождении Якуббека и Алдаша, родственника Алым-Кула, 60-ти человек джигитов и прислуги в 1864 году явился под стенами города Кашгара и был с радостью встречен жителями. Сыдык-бек передал управление города Бузурук-хану, надеясь играть при нем первую роль. Но вскоре он увидел в Якуббеке противника своим планам и между двумя соперниками началась борьба, которая должна была окончиться только смертью одного из них. Якуббеку на первых же порах удалось поссорить

[1] «Таранчи» — выходцы из Кашгара, «казенные хлебопашцы», находившиеся в Китае на положении ссыльных.

[2] Куропаткин, Указ. соч., стр. 132.

Бузурука с Сыдык-беком и последнему пришлось бежать. Якуббек был назначен батырбашею (главнокомандующим)»[1].

Якуббеку удалось провести несколько успешных операций против китайских войск, в связи с чем Куропаткин указывал: «Первые военные действия, введенные Якуббеком, состояли в осаде Гульбаха в Кашгаре (Янгишааре), в двух походах против Яркенда и в походе против Хотана. В этих действиях войска Якуббека состояли из сбора — кашгарцев, кара-киргизов, кокандцев и др. весьма дурно вооруженных»[2].

Вскоре Якуббеку удалось захватить власть в Кашгаре в свои руки и в течение трех лет объединить Кашгарский, Янги-Гиссарский, Яркендский и Хотанский округи.

После смерти Алымкула Якуббек порвал свою зависимость от Коканда и, сломив сопротивление враждебной ему группы кипчакских феодалов, провозгласил себя в 1866 г. «бадаулетом» — главой государства. Бывший хан Бузурук был отправлен в Мекку на поклонение гробу пророка.

Киргизы принимали широкое участие в движении народов Восточного Туркестана. Их было немало и в войсках Якуббека. «Киргизы и Кара-киргизы,— отмечал Куропаткин,— явились охотниками для комплектования кавалерии Якуббека. Их употребляли преимущественно для гарнизонов в отдельных постах и для почтовой гоньбы чабарами (курьерами)»[3].

Разумеется, начальник Алатовского округа вынужден был чутко реагировать на всякие действия Якуббека в отношении пограничных киргизов. Летом 1864 г. после занятия городов Аксу и Турфан Якуббек намеревался продолжать поход до г. Кульджи. Кратчайший путь из Кашгара в Кульджу лежал через перевал Музарт. Но Колпаковский направил отряд под командованием полковника Полторацкого, который занял перевал и разрушил близ него мост на реке. Другой отряд был двинут к верховьям р. Кеген, с одной стороны, как демонстрация, которая должна была содействовать

[1] Куропаткин, Указ. соч., стр. 132.
[2] Там же, стр. 159.
[3] Там же, стр. 166.

успешному окончанию переговоров с китайскими властями по вопросу об уточнении границ — конкретно речь шла о включении в состав Российской империи всей долины Кегена, с другой — для сбора сведений как о силах Якуббека, так и о ходе восстания дунган в пограничных районах[1].

Восстание дунган, а также происходившие в Восточном Туркестане события оказали известное влияние на киргизов пограничных районов. Среди них распространились воззвания, к ним нередко прибывали и специальные представители восставших. В результате некоторые казахские аулы стали откочевывать в пределы Китая. Имели место также случаи насильственного увода пограничных киргизских айылов.

Летом 1864 г. начальник Алатовского округа, придавая серьезное значение положению дел на границе, сам прибыл на Иссык-Куль. Бугинцы не принимали участия в восстании и не испытывали давления со стороны Кашгара, но положение пограничного с Кашгарией племени черик было трудным. Дюгамель писал военному министру: «Во время пребывания генерал-майора Колпаковского на озере Иссык-Куль явились к нему двое почетных людей из дикокаменных киргизов рода черик и доставили письмо от старшего манапа Турдуке. В этом письме манап Турдук заявляет от имени всего чириковского народа жалобу на китайских инсургентов, действующих в Кашгаре под предводительством ходжей, которые делают чирикам разные притеснения; берут насильно и в большом количестве верблюдов для перевозки тяжестей и разный скот для продовольствия своего войска. Самого же Турдуке с 50 джигитами силою увлекли под Кашгар. Находясь в таком положении, Турдуке просит защитить чириковский род, принявший подданство России»[2].

Подчеркивая свое отношение к происходящим в Западном Китае событиям и поведению пограничных киргизских и казахских племен, Дюгамель продолжал: «Имея в виду, что в 5-й статье договора, заключенного в Чугучаке 25 сентября сего года, постановлено: «К

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 27, док. 281.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 27, док. 231.

какому государству отошли места кочевых народов, обитающих вдоль границы, к тому государству вместе с землею отходят и самые люди и тем государством управляются,— я предписал начальнику Алатовского округа, в видах противодействия происками китайцев, увлечь на свою сторону ближайшие к их пределам волости пограничных киргизов, следить за перекочевками их и своевременно принимать надлежащие меры для воздержания сих ордынцев от перехода в китайские пределы за черту определенной границы.

Что же касается до отношений к нам магометанской инсургенции в Китае, то, принимая во внимание, с одной стороны, что восстание дунган, подвигаясь к нашим пределам, может произвести волнение в Киргизской степи, а с другой, что вмешательство в эти дела не обещает для нас особенных выгод, я нахожу, что в сем отношении было бы удобнее по крайней мере на первое время сохранить наблюдательное положение на пограничном пространстве, прилегающем к Западному Китаю. С этой целью с наступлением весны будущего года выставить наши отряды на юго-восточной части границы и отнюдь не допускать инсургентов переходить за черту ее для поборов в аулах подданных нам киргизов и в то же время не дозволять последним откочевывать в Китайские пределы»[1].

Обострение положения на границе с Кашгарией сделало необходимым постоянное пребывание русского отряда на озере Иссык-Куль. Еще весной 1864 г. Колпаковский направил на Иссык-Куль небольшой отряд и просил Дюгамеля оставить его там постоянно для защиты бугинцев и чериков[2].

Дюгамель ответил Колпаковскому: «Я утверждаю сделанное Вами распоряжение зимовать на Иссык-Куле одной роте пехоты, 50 казакам и взводу горной артиллерии и постройки для них средствами отряда временного укрепления и помещения»[3].

Для возведения укрепления была избрана местность, примыкающая к Аксу, в 20 верстах на восток

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 27, док. 231.
[2] См. там же, док. 208.
[3] Там же, док. 221.

от озера Иссык-Куль[1]. Таким образом, среди кочевий бугинцев в 1864 г. возникло первое укрепление Российской империи. Важное значение теперь приобретал и Токмак, как военно-административный центр присоединенного Чуйского края.

Теперь не только бугинцы, но и черики, а также тянь-шаньские киргизы стали ощущать реальную власть Российской империи.

В 1864 г. влияние России стало проникать и в некоторые районы Южной Киргизии, в особенности в Кетмень-Тюбинскую долину. Крупный манап Рыскулбек, возглавлявший 10 тыс. киргизских юрт племени саяк, под давлением подвластного ему народа обратился в декабре 1864 г. к генералу Черняеву с просьбой о принятии его вместе с подвластными ему племенами в русское подданство. Рыскулбек направил Черняеву следующее прошение: «Начальнику Ак-мечети, Туркестана, Чимкента, Аулие-Ата, Пишпека и Токмака свидетельствую свой поклон и приношу следующую просьбу: Я, Рыскулбек, кочующий между Андижаном и Кетмень-Тюбе и управляющий десятью тысячами кибиток саяковского рода, изъявляю настоящим письмом свое желание вступить в верноподданство белого царя вместе с управляемым мною народом.

Если просьба эта будет **направлена** и вы сообщите мне о том, я, оставаясь на местах прежних кочевок, буду служить государю и вам.

Места на Кетмень-Тюбе с давнего времени принадлежат мне и я оттуда никуда не укочую.

Сарыбагыши и султы уже два года делают мне притеснения, и если вы пришлете мне письмо ваше, то они не посмеют больше притеснять меня»[2].

Как видно, причиной стремления Рыскулбека стать подданным России в известной мере явились притеснения со стороны племен солто и сарыбагыш. Летом 1864 г. на Сусамыре и Кетмень-Тюбе произошло столкновение Рыскулбека с солтинским манапом Байтиком из-за пастбищ. Солтинцы подвергли айылы Рыскулбека разгрому и угнали много скота. Подвергаясь нападе-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 27, док. 221.
[2] Там же, д. 28, док. 393.

ниям племен солто и сарыбагыш, Рыскулбек должен был искать защиту у русских властей.

Черняев обратился к Дюгамелю с запросом о том, что ему надлежит ответить Рыскулбеку. Дюгамель в свою очередь писал военному министру: «Представляю копию с рапортом генерал-майора Черняева и копию письма саякского рода манапа Рыскулбека, имею честь покорнейше просить разрешения принять Османа Рыскулбекова с подвластными ему 10 тыс. кибиток в верноподданство его величеству Государю императору»[1]. По докладу Милютина Александр II разрешил удовлетворить просьбу саяков[2]. На основании этого военный министр на ходатайстве Дюгамеля написал: «Высочайше повелено принять в подданство саяков»[3]. Милютин писал на имя генерал-губернатора Западной Сибири 18 марта 1865 г.: «О просьбе манапа саякского рода Рыскулбека вступить в русское подданство со всем подвластным ему родом в числе 10 тысяч кибиток государь император на принятие в подданство означенного манапа изъявил соизволение»[4].

Принятие русского подданства саяками и другими племенами, кочевья которых располагались на Сусамыре и в Кетмень-Тюбинской долине, означало распространение господства России и над некоторыми районами Южной Киргизии.

Летом 1864 г. произошли, однако, некоторые изменения в положении тянь-шаньских киргизов. В начале августа, т. е. еще до падения Чимкента, фактический правитель Кокандского ханства Алымкул выступил во главе значительных сил в направлении Кашгара с целью помочь местному правителю Сыдык-беку подавить вспыхнувшее там восстание. Кокандские войска двигались по территории тянь-шаньских киргизов. Это дало кокандцам возможность убедиться, что они могут сравнительно легко восстановить утраченную над ними власть. Восстановив крепость Куртка, Алымкул имел далее намерение вторгнуться в Чуйскую долину. Комен-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 29, док. 76.
[2] Там же, док. 80.
[3] Там же, док. 76.
[4] А. Серебренников. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания, 1865, ч. I, док. 80.

дант Токмака доносил по этому поводу командующему Заилийским казачьим отрядом войсковому старшине Путилову: «Кокандцы в больших массах двигаются по направлению к верховьям р. Иссыгаты, грабя аулы киргизов и забирая лошадей у них»[1]. Однако вторжения кокандцев в Чуйскую долину не произошло, т. к. в Токмаке в это время стоял сильный гарнизон, который мог своевременно парализовать их действия. Кроме того, Алымкул, получив известие о падении Чимкента, вынужден был поспешно вернуться в Ташкент. Тем не менее указанные события на Тянь-Шане требовали увеличения численности войск Заилийского края и в том числе в Чуйской долине. В связи с этим 21 января 1865 г. Черняев обратился к военному министру с письмом, в котором обосновывал необходимость укрепления левого фланга Ново-Кокандской линии. Он писал: «Зимой пространство от Аулие-Аты до Иссык-Куля покрыто снегами, заваливающими горные проходы, но летом дороги через горы открываются и киргизы откочевывают от Мерке и Токмака в самые предгорья. Для прикрытия их летних кочевьев укрепления наши становятся уже недостаточными и необходимо выслать отряд. К тому же, левый фланг населен каракиргизами — племенем наиболее диким и между которыми Алымкул, как однородец их, может скорее надеяться встретить сочувствие, чем между киргизами Большой Орды. Поэтому необходимо, чтобы из Верного в марте месяце направлены были две роты с горным взводом в Токмак с тем, чтобы можно было при перекочевке киргизов передвинуть вместе с ними и отряд в верховья Таласа или Сусамыра»[2].

На усилении левого фланга настаивал также генерал-майор Колпаковский. При этом он учитывал не только происки Алымкула на Тянь-Шане и факт занятия кокандским отрядом укрепления Куртка, но и влияние на киргизов восстания в Западном Китае. В рапорте на имя Дюгамеля он указывал 29 марта 1865 г.: «Необходимость в усилении войск выразилась еще больше, когда по требованию генерала Черняева

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, дело 29, док. 33.
[2] Там же, док. 23.

выдвинуто из Верного в январе две роты и в начале марта, вследствие известия о намерении муллы Алымкула спуститься со своими скопищами через Александровский хребет, проходом Шамси, в долину Чу, приготовлена к отправлению в Токмак еще одна рота»[1].

Таким образом, напряженность положения на границе с Западным Китаем и Кашгарией, а также активизация кокандцев на Тянь-Шане требовали немедленного административного устройства Ново-Кокандской линии и укрепления ее обороны. Еще в конце 1864 г. генерал Черняев в представлении на имя военного министра просил разрешить ему занять Ташкент для окончательного упрочения позиций России в Средней Азии. Правительство не поддержало мнения Черняева о необходимости овладения Ташкентом, но нашло нужным предоставить ему достаточные силы и средства для обеспечения безопасности всей присоединенной к России территории от Иссык-Куля до Туркестана. Было решено образовать из вновь присоединенных земель новую административную единицу и сосредоточить военную и гражданскую власть в одних руках. Милютин представил Александру II проект образования новой Туркестанской области, который был утвержден царем 12 февраля 1865 г. В связи с этим был издан приказ военного министра: «Государь император, в видах лучшего устройства Оренбургского края и Западной Сибири, высочайше повелеть соизволил:

1. Учрежденную в минувшем году в Зачуйском крае передовую линию соединить с Сыр-Дарьинской линией и образовать из всего пограничного со Средне-Азиатскими владениями пространства, от Аральского моря до озера Иссык-Куль, одну область, с присвоением оной наименования Туркестанской.

2. Управление новой областью поручить особому военному губернатору, возложив на него же командование всеми расположенными там войсками.

3. Военного губернатора Туркестанской области подчинить в военном отношении командующему войска-

---

[1] Туркестанский окружной архив, 1864, 1, Штаб Западносибирского округа.

ми Оренбургского края, а в гражданском — Оренбургскому генерал-губернатору[1].

Военным губернатором Туркестанской области был назначен генерал Черняев[2]. Вскоре ему были даны инструкции, определяющие дальнейшую политику вновь образованной области. С Кокандом предписывалось по возможности придерживаться мирных отношений и добиться представления российским купцам в Коканде прав и преимуществ, необходимых для ведения нормальной торговли, «...по возможности избегать всякого вмешательства во внутренние дела ханства». «Вооруженное вмешательство,— говорилось далее,— могло бы быть допущено лишь в том случае, когда подобным вмешательством можно было бы предупредить нарушение наших пределов и наших торговых интересов, но и тогда мы должны предпринимать эти действия с твердой решимостью не делать новых поземельных приобретений и не переносить далее нашу границу»[3]. В отношении Ташкента указывалось: «Мы решили не включать этого города в пределы империи потому, что признали несравненно выгоднейшим ограничиться косвенным на него влиянием, весьма действенным по близости наших военных сил. ...С восстановлением же прежней независимости, город этот послужит удобным орудием, в случае необходимости действовать на Коканд, а отчасти и на Бухару, и вместе с тем становится для нас оградой против всяких внезапных покушений Коканда и Бухары»[4].

В инструкции были определены и основы дальнейших взаимоотношений Черняева с киргизами, принявшими русское подданство. «Что касается до горной страны, лежащей к западу от озера Иссык-Куля,— говорилось в инструкции,— то проведение там нашей укрепленной линии должно зависеть исключительно от стратегических соображений, но Министерство иностранных дел полагает, что кочующим там дикокаменным киргизам, принявшим номинальное русское под-

[1] ЦГВИА, фонд ВУА, отд. II, № 6795.

[2] В 1865 г. вместо Безака генерал-губернатором Оренбургского края был назначен генерал Н. А. Крыжановский.

[3] ЦГВИА, фонд ВУА, отд. II, № 6795.

[4] Там же.

данство, должно быть заявлено, что действительное наше покровительство и вооруженная защита будут оказываемы только тем, которые будут находиться внутри нашей линии, с предоставлением им всех прав и с возложением на них всех обязанностей русских подданных; таким образом, те из этих киргизов, которые стали бы тревожить этих наших подданных, должны подвергаться карательным мерам со стороны наших отрядов»[1].

В этой же инструкции указывалось на необходимость установления тайных сношений с влиятельными ташкентскими торговцами, экономические интересы которых были связаны с Россией, и усиления с их помощью «партии» российской ориентации. В документе интересно подмечена действительная сущность экономических интересов ташкентской правящей верхушки. «Все одинаково строги на счет мусульманского приличия и одинаково равнодушные к вере, когда дело идет о денежных выгодах. Самая нетерпимость иноверных торговцев гораздо более основана на меркантилизме, нежели на фанатизме, который более служит благовидным предлогом»[2].

Причины, заставившие правительство запретить Черняеву занятие Ташкента, изложены в отношении военного министра Крыжановскому. «Настоящее общее положение дел в Европе, писал министр, требует крайней осторожности в наших действиях на восточных окраинах и, что сравнительно малозначащие предприятия в Азии могут породить серьезные затруднения для нашей европейской политики, дав новый повод обвинять нас в завоеваниях и в честолюбии»[3]. Ограниченный указанными инструкциями, Черняев, однако, не отказался от мысли о захвате Ташкента. Весной 1865 г. в связи с вновь начавшейся войной между Бухарой и Кокандом представилась благоприятная обстановка для активных действий. Бухарский эмир, пользуясь тем, что население было недовольно правлением Алымкула, вторгся в пределы Кокандского ханства и занял город Ходжент. Черняев решил немед-

[1] ЦГВИА, фонд ВУА, отд. II, № 6795.
[2] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 29, док. 120.
[3] Глав. арх. МИД Аз. деп., 1862, № 15, ч. II, 1—9.

ленно воспользоваться этим обстоятельством и начал наступление на Ташкент. 29 апреля он взял крепость Ниязбек, что дало возможность отрезать Ташкент от воды, а также от посевов и фруктовых садов. После овладения Ниязбеком Черняев некоторое время надеялся на добровольную сдачу Ташкента, но к городу подошли войска из Коканда под командованием Алымкула, и защитники города почувствовали себя значительно увереннее. 9 мая произошло первое крупное сражение кокандских войск с отрядом Черняева, в котором погиб кокандский главнокомандующий Алымкул. Смерть Алымкула нанесла большой удар делу обороны Ташкента. «Среди защитников появились признаки глубокого разложения и неустойчивости, началось дезертирство, были случаи прямой измены; кокандские войска стали разбегаться»[1].

После ухода из Ташкента некоторой части кокандских войск у населения усилилось стремление опереться на поддержку бухарского эмира Музаффара и с его помощью отстоять город. К нему было отправлено посольство, и вскоре в Ташкент прибыл представитель эмира Искандер-бек, которому поручено было взять на себя руководство обороной города.

В ночь с 14 на 15 мая 1865 г. отряд Черняева начал штурм Ташкента. 17 мая после уличных боев ташкентские власти начали переговоры о капитуляции. Город был взят отрядом Черняева, но, как это предполагали в Петербурге, занятие Ташкента вызвало осложнения во взаимоотношениях со среднеазиатскими ханствами. Пользуясь трудным положением Кокандского ханства, Бухарский эмир бесцеремонно стал захватывать отдельные его районы. Одновременно он потребовал от Черняева очистить Ташкент, рассчитывая присоединить его к Бухаре. В этих условиях, несмотря на предостережения Оренбургского генерал-губернатора, Черняев продолжал проявлять активность. В ответ на требование эмира оставить Ташкент он приказал задержать бухарских купцов, находящихся в Ташкенте и в пределах Туркестанской области. В свою очередь эмиром были задержаны послы Черняева в Бухаре.

---

[1] История народов Узбекистана, том II, Ташкент, 1947, стр. 232.

В сентябре 1865 г. Крыжановский лично приехал в Ташкент, объявил его независимым городом и посоветовал Черняеву в дальнейшем придерживаться более осторожной политики в отношении Бухары и Коканда.

Самовольными действиями Черняева были недовольны как Крыжановский, так и военное министерство. Военный министр писал об этом 8 февраля 1866 г. Крыжановскому: «Все объяснения Черняева в части отправления им посольства в Бухару, а также его деятельности как в отношении Ташкента, так и всей Средней Азии императором найдены «неудовлетворительными». Император велел... немедленно вызвать его в Петербург для разъяснения личным докладом всех встречаемых недоразумений. Со своей стороны Крыжановский в донесении на имя министра также неодобрительно отзывался о деятельности Черняева в Туркестанской области.

В феврале 1866 г. вопрос о замене Черняева был решен и на его место назначен генерал-майор Романовский, который повел дело более осторожно.

Между тем в Кокандском ханстве после падения Ташкента начались новые раздоры. Бухарский эмир стремился утвердить на кокандском престоле своего ставленника, чему решительно противодействовали кипчакские и южнокиргизские феодалы.

Эмир Бухарский не мог решительно противодействовать Черняеву и его преемнику Романовскому. После того, как он написал ультимативное письмо Черняеву с требованием вывести войска из Ташкента, его силы на некоторое время оказались связанными борьбой с Кокандом. Войскам эмира вскоре удалось взять Коканд. «Эмир,— писал Крыжановский,— немедленно начал в нем (Коканде.— Б. Д.) все те неистовства, которыми владетели Средней Азии имеют обыкновение прославлять свое имя. Целые пирамиды отсеченных голов, длинные ряды повешенных, замученных, на кол посаженных и проч. должны были служить народам Азии очевидным доказательством торжества эмира. Кипчаки удалились в горы, заняли позицию, приготовленную им мудрым Алымкулом на черный день, и, невзирая на значительную утрату в людях, понесенную

ими как при защите Коканда, так и ежедневными убийствами, совершенными эмиром, не только не покорились ему, но одержали славную победу над бухарским войском, вздумавшим атаковать их позицию»[1]. Но, увлеченные успехом, кипчак-киргизы со всей артиллерией покинули свои горные позиции и сразились с эмиром в открытой долине. На этот раз они были разбиты, потеряли всю артиллерию и бежали частью в горы, а частью в Кашгар. Благодаря этому эмиру вновь удалось посадить в Коканде ханом Худояра[2].

Однако положение Худояр-хана в Коканде и теперь было непрочным. Крыжановский в своем донесении писал: «...Весьма легко случиться может, что кипчаки совершат нынешней зимой то же, что сделали в 1863 году, т. е. выгонят второй раз Худояр-хана, что опять может повести к войне их с эмиром»[3]. Но кипчаки были окончательно обескровлены последним сражением с эмиром. За честолюбивые интересы кипчакских феодалов тяжело расплачивались трудящиеся массы кипчаков и отчасти киргизов. Ослабление кипчак-киргизских феодалов объяснялось также утверждением господства России над северными киргизами, которые постоянно поддерживали их в борьбе с Кокандом. Поэтому Худояр-хану на этот раз удалось удержаться на престоле до конца существования ханства.

С занятием Ташкента и утверждением над ним российского протектората война России с Кокандом была в основном закончена.

Таким образом, в течение 1864 и 1865 гг. Россия в войне с Кокандом достигла решающих успехов. Жизненно важные районы Кокандского ханства с городами Туркестаном, Аулие-Атой, Чимкентом и Ташкентом были присоединены к России. Через эти города прошел оборонительный рубеж подвластной России территории.

---

[1] Из донесения Крыжановского военному министру. ЦГВИА, ф. ВУА, отд. II, № 6795, II ч.

[2] Эмир вскоре возвратился в Бухару, захватив большую добычу, в том числе увел в свой гарем 100 женщин, взятых в Коканде. ЦГВИА, фонд ВУА, отд. II, № 6795, ч. II.

[3] ЦГВИА, фонд ВУА, отд. II, ч. II, д. 6795.

* * *

Успех военных операций России против Коканда в 1864—1865 гг. в определенной степени был обусловлен мирными взаимоотношениями с Китаем. Но в самом Китае в этот период ширилось восстание дунган и таранчей, а также населения Восточного Туркестана против цинских властей. Поэтому положение в пограничных с Китаем районах было все же тревожным. К движению начали примыкать отдельные группы кочующих около границы казахов и киргизов, особенно из казахского племени албан и отчасти киргизских племен бугу и черик. В донесении на имя Западносибирского генерал-губернатора Колпаковский писал 15 февраля 1865 г.: «В последнее время инсургенты через своих эмиссаров успели взволновать все приилийские киргизские роды Абданов и всех бугинцев, находящихся под протекцией китайцев. Из числа почетных киргизов, отложившихся от нас во время вооруженного замешательства с Китаем в 1863 г., Батчи, Джетен, Саурук и другие явно пристали к стороне дунганов и снабжают их лошадьми и джигитами. Джетен и султан Дур-Алы еще колеблются и выжидают, не зная, к какой стороне пристать. Бугинцы, в особенности кочующие по Текесу, выжидают только прибытия ходжей святоборцев с войском, чтобы заявить им свою преданность и готовность содействовать имуществом. Вообще все киргизы находятся в напряженном выжидательном положении, готовые броситься при первой возможности на сторону инсургентов»[1].

Киргизы, в основном сарыбагыши и бугинцы, принимавшие участие в восстании, выступали главным образом против подвластных Китаю калмыков, которые кочевали в пограничных районах Западного Китая. Отдельные киргизские феодалы — Балбай и другие,— временно примкнув к восставшим, грабили калмыков, угоняли скот и пленных. В донесении генерал-губернатору Колпаковский так характеризовал действия киргизов против калмыков: «...киргизы, сторонники дунганов, совершенно ограбили калмыков, отняли у них

[1] ЦГВИА, фонд ВУА, отд. II, № 6794.

весь скот и многих людей увели в плен, от буддийского монастыря в Сумбе оставлены одни развалины и человек 30 избитых калмыков, истекающих кровью и умирающих голодной смертью. «В грабеже калмыков участвовали бугинцы, абданы и даже сарыбагыши в окрестностях Токмака, многие из них обогатились калмыцким скотом и имуществом»[1].

Шабдан Джантаев в своей биографии писал: «...я вскоре с сорока джигитами предпринял набег на калмыков, обитавших в Суашу, на кульджинской стороне Текеса. Хотя набег наш был удачен и мы забрали много лошадей, но времена были уже не те, мы должны были, по приказанию Колпаковского, возвратить отбитый скот калмыкам»[2].

Бугинцы, кочевавшие в пределах Китая и принимавшие более активное участие в восстании, вскоре, однако, откочевали в пределы России и объявили себя российскими подданными. Колпаковский объяснял это боязнью возможной мести со стороны калмыков в случае подавления восстания. Но это говорит и о неустойчивости позиции и временном характере участия бугинцев в восстании. «После сего грабежа,— писал Колпаковский,— бугинцы, не видя конца кульджинской борьбе и опасаясь быть наказанными, что, несомненно, последовало бы, если манчжуры будут иметь перевес над дунганами, а отчасти и от распространившейся повсюду молве о намерении нашем подать помощь Западному Китаю, вышли из китайских пределов и изъявили желание добровольно быть подданными России и, в доказательство своей преданности, представили от каждого рода аманатов»[3].

Более активное участие в восстании народов Восточного Туркестана приняли черики. Правда, этому способствовало географическое расположение их кочевий. «Известия... о положении наших новых подданных чериков,— говорилось в одном из донесений Колпаковского,— ...весьма неутешительны: кочуя на урочищах Кокшаале, в Нарыне, вдали от нашего влияния, они

---

[1] ЦГВИА, фонд ВУА, отд. II, № 6794.
[2] *Н. Аристов.* Указ. соч., стр. 59.
[3] ЦГВИА, фонд ВУА, отд. II, № 6794.

сделались участниками действий инсургентов, дав им в Кашгаре верблюдов, лошадей, баранов и 150 человек джигитов. Бывший правитель Кашгара Ходжа-Садык-бек, направившись в Коканд с 12000 войском, оставил при себе брата старшего манапа чериков Турдеке — Абласана с 50 джигитами. Действия свои черики оправдывают тем, что, находясь среди враждебных нам народов, они без нашего содействия не могут стать во враждебное к ним отношение, почему и просят о посылке для защиты их кочевок отряд... И так как такового не было, то это и может служить предлогом к оправданию их действий в союзе с инсургентами»[1].

Характеризуя отношение к происходящим событиям киргизов других пограничных племен, Колпаковский отмечал: «Положение прочих киргизов, ближайших к китайской границе, также чрезвычайно двусмысленное, которые с напряженным вниманием следят за происходящими событиями на востоке, готовы при первой возможности пристать к инсургентам»[2]. Одним словом, киргизы и казахи явно сочувствовали повстанцам в их освободительной борьбе против маньчжурских властей, т. к. киргизы и сами неоднократно выступали против агрессии Цинской империи.

Участие пограничных киргизов в восстании народов Восточного Туркестана вызвало беспокойство генерал-губернатора Западной Сибири, так как дальнейшие успехи этого восстания, несомненно, усилили бы брожение среди подвластных России киргизов и казахов Старшего жуза. Кроме того, восставшие во время занятия ими Кульджи разграбили русскую торговую факторию. Этим и другими поступками они в известной мере обнаруживали недружественное отношение к России.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, Колпаковский считал нужным занять Чугучак, Кульджу, а затем по возможности и Кашгар. Обосновывая необходимость занятия охваченных восстанием пограничных районов Западного Китая, Колпаковский писал генерал-губернатору 27 февраля 1865 г.: «Если принять

---

[1] Туркестанский окружной архив, 1865, № 17. Шт. Оренб. окр.
[2] Там же.

в расчет положение наших дикокаменных киргизов, их образ мыслей и преданность инсургентам, как изволите усмотреть ниже, то для обеспечения границ сего края и предупреждения беспорядков между киргизами, нам не только необходимо выставить пограничные отряды, но даже считаю долгом вновь выразить свое мнение в пользу занятия Чугучака, Кульджи и Кашгара... не с завоевательной целью, а единственно в видах собственных интересов, для предупреждения волнений между киргизами и ограждения наших пределов от вторжения необходимо было бы теперь же занять Чугучак»[1].

Разрешения на оккупацию Кульджинского края Колпаковский, однако, не получил, но получил указание всемерно укреплять пограничные с Западным Китаем посты, создать новые пограничные посты на Кегене, Текесе и в других важных пунктах. Был усилен и отряд, находившийся на берегу Иссык-Куля под начальством капитана Белинского. Начиная с весны 1865 г., начались интенсивные работы по завершению строительства Аксуйского укрепления.

Весной 1865 г. к бугинцам на р. Текес под видом ходжей прибыли агенты восставших и стали склонять манапов присоединиться к ним, соблазняя возможностью легкой наживы. Некоторые манапы колебались, а часть их согласилась откочевать в пределы Китая. Колпаковский в своем донесении от 11 мая 1865 г. писал: «...на реку Текес прибыло несколько ходжей, присланных дунганами... они начали склонять бугинцев присоединиться к восстанию, угрожая в противном случае приходом из Кашгарии в первых числах мая 12 тыс. войска, предложили им перекочевать в пределы Китая, а кстати пограбить общих их врагов — калмыков. При невозможности нашему отряду, расположенному на р. Аксу, по раннему времени года, когда лежал еще снег, иметь близкое наблюдение за киргизами, кочующими на р. Текес, а также вследствие наклонности киргиз к легкой добыче, ходжам было не трудно увлечь бугинцев; большая часть их аулов решилась с открытием подножного корма откочевать в Китай и с этой целью некоторые из них перекочевали к проходу

[1] Туркестанский окружной архив, 1865, № 17, Шт. Оренб. Окр.

Кипчак. В ожидании же наступления более поздней весны около 1500 человек бугинцев под предводительством ходжей и главных своих правителей отправились на грабеж калмыков, кочующих на р. Алияз. Здесь калмыки были окончательно разграблены, лишились почти всего имущества и многие из них пали жертвой зверства ходжей, руководителей бугинцев»[1].

Как только слух о намерении бугинцев откочевать в Китай достиг начальника иссык-кульского отряда, тотчас же был направлен на р. Текес наблюдательный отряд под начальством подпоручика Никольского. Прибытие этого отряда заставило бугинских правителей отказаться от их намерения откочевать в Китай.

Начальнику Иссык-Кульского отряда было дано указание запретить бугинским манапам грабительские набеги на калмыков, принимая к ним строгие меры, вплоть до ареста и исключения из российского подданства. В этом Колпаковский основывался на мнении Горчакова, выраженном в отношении на имя военного министра 29 апреля 1865 г.: «Может быть, Вы изволите признать полезным, по сношении с генерал-губернатором Западной Сибири, предложить исключить из нашего подданства те кочующие племена, которые принятием участия в разбоях дунганей нарушили свою присягу и потеряли право на наше покровительство»[2].

Пограничным отрядам было приказано не допускать откочевки киргизских айылов в Восточный Туркестан. Но, несмотря на это, некоторые казахские старшины, в частности Саурук и Дуралы, а также бугинский манап Балбай продолжали участвовать в восстании дунган. Они располагались со своими айылами в пограничных с Китаем районах и поэтому считали себя недосягаемыми для русских властей.

Известный бугинский батыр Балбай в свое время был удостоен нескольких наград за свою службу на пользу России, но, несмотря на это, чувствуя себя стесненным из-за постоянного пребывания русских отрядов на Иссык-Куле, он отложился от бугинцев во главе своего айыла рода токойлу, в количестве около

---

[1] ЦГВИА, фонд ВУА; отд. II, № 6794.
[2] Там же.

30 юрт. Действия Балбая не были вызваны какими-либо серьезными причинами. Необузданный, привыкший издавна к буйной, разбойничьей жизни, проведший всю свою жизнь в грабительских набегах на саяков, сарыбагышей, казахов и калмыков и завоевавший себе «славу» на этом поприще, он теперь никак не мог примириться с мирной, спокойной жизнью, которую предписывали ему русские власти. Именно это обстоятельство и было причиной его откочевки в горы, в глубь Текеса.

Колпаковский предложил начальнику иссык-кульского отряда начать с ними переговоры через верных России бугинских манапов. Переговоры с Сауруком вел его родственник бугинский манап Тилекмат. Тилекмат отправил своих джигитов с письмом, в котором просил Саурука перекочевать на подвластную России территорию, а также подействовать на Балбая и уговорить его откочевать в район Иссык-Куля[1]. Дуралы и Саурук ответили, что считают себя российскими подданными, а места, где они кочуют, тоже являются подвластными России. Пообещав снова перекочевать на старые свои кочевья, они направили начальнику Алатовского округа письмо с выражением верности России[2]. Словесно передал обещание перекочевать обратно и Балбай.

Однако заявления Саурука, Дуралы и Балбая об их верности России были только словами, т. к. в действительности они не выполняли никаких обязанностей, возлагаемых на них как на русских подданных. Поэтому было решено весной 1867 г. направить на Текес специальный отряд с целью заставить своевольных манапов вернуться в пределы России.

Оставить безнаказанными Саурука, Балбая и Дуралы было невозможно, так как их действия являлись плохим примером для других пограничных казахских и киргизских айылов.

Полковник Полторацкий писал, что Саурук «уже пятый год безнаказанно грабит манчжур, калмыков и наших киргизов. Стоя в 150 верстах от границы, он считал себя в полной безопасности. Между тем захват

---

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 11, оп. 3, дело 15, л. 8.
[2] См. там же, ф. 11-с, оп. 3, д. 15, л. 15.

этой знаменитости, в неуловимости которой была убеждена вся орда, мог произвести самое благоприятное впечатление на всех киргизов, как выбежавших от нас, так и наших, доказав, что от власти и руки белого царя никуда не уйдешь»[1].

В мае 1867 г. особый отряд под начальством полковника Полторацкого направился на Текес. Вместе с ним двигался отряд джигитов во главе с Кучуком, сыном бугинского манапа Сарпека.

Айыл Саурука располагался в ущельях Атын-Суйских гор. Здесь же находились и айылы откочевавших бугинцев во главе с Балбаем.

Полторацкий решил подойти к айылу Саурука ночью, выслав вперед легкий отряд под командой есаула Халдеева, в который входили и джигиты Кучука. Отряд Халдеева незаметно подошел к айылу, окружил юрту Саурука и, не встретив сопротивления, взял его в плен. После этого, оставив при Сауруке небольшую охрану, Халдеев и Кучук поспешили к айылу Балбая, который находился верстах в десяти. Балбай также был застигнут врасплох и взят в плен.

Получив сведения о пленении Саурука и Балбая, Полторацкий с остальной частью отряда двинулся вперед, чтобы не дать айылам откочевать на китайскую территорию. Въехав в долину, где стояли отложившиеся айылы, Полторацкий застал их в смятении. Большая часть мужчин разбежалась по горам. Один из влиятельных казахских старшин Молдожан и брат Саурука Чалты-Бай явились к Полторацкому. Через них было приказано всем айылам откочевать на равнину по направлению к российским владениям. Это приказание было исполнено. Предводители отложившихся айылов — Саурук, Балбай, Молдожан и Сабатыр-Мулла, кроме султана Дуралы, были в руках Полторацкого. Дуралы, как стало известно, со своим айылом только накануне откочевал по направлению к Кульдже. Полторацкий послал вдогонку легкий отряд Халдеева. Пройдя верст 30 ускоренным маршем, Халдеев настиг растянувшийся айыл, отбил часть лошадей и скота, а

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 11-с, оп. 3, 15, л. 15.

также задержал семейство султана Дуралы. После этого последний сам явился в отряд[1].

Непокорные старшины — Саурук, Дуралы, Балбай и Сабатыр-Мулла под охраной были доставлены в Верный и заключены в тюрьму, а их айылы расселились по старым своим кочевьям, слившись со своими прежними племенными объединениями.

Военный губернатор Семиреченской области генерал Колпаковский решил подвергнуть пленных старшин примерному наказанию и этим показать всем остальным киргизским и казахским старшинам, что всякие попытки нарушения условий подданства не останутся безнаказанными. Об этом своем намерении он доложил генерал-губернатору, который со своей стороны нашел его правильным. В рапорте военному министру от 29 июня 1867 г. генерал-губернатор писал: «Я вполне разделяю мнение генерал-майора Колпаковского о необходимости передать полевому военному суду манапов Саурука и Балбая и сослать султана Дуралы в один из отдаленных городов Западной Сибири»[2]. Несколько позже Колпаковский передал дела Саурука, Балбая и Дуралы на рассмотрение Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана, поскольку Семиреченская область по новому положению входила в состав Туркестанского края.

Ознакомившись с делами Саурука, Балбая и Дуралы, Кауфман нашел справедливым оправдать их. В своем отношении военному министру от 30 ноября 1867 г. он писал: «Во всяком случае Дуралы-султан, Саурук и прочие были пойманы ранее, чем истек шестимесячный срок, назначенный им на размышление, и следовательно, их едва ли можно было подвергать наказанию, не подрывая доверия к слову русского начальства»[3].

Дуралы, Саурук, Сабатыр-Мулла и Балбай содержались в заключении со времени их пленения до приезда в укрепление Верное в октябре 1867 г. Кауфмана. К этому времени Балбай умер в тюрьме. По прибытии

---

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 11-в, оп. 3, д. 15, лл. 6—8.
[2] Там же, лл. 1—3.
[3] Там же, лл. 21—22.

в Верный Кауфман объявил арестованным прощение в присутствии знатных казахских старшин Семиреченской области, предупредив их, однако, что если кто-нибудь вздумает еще раз откочевать на территорию Китая, то будет исключен из числа подданных Российской империи[1].

С возвращением ранее откочевавших айылов на Иссык-Куль среди бугинцев и пограничных казахов Старшего жуза установилось полное спокойствие. Дуралы и Саурук примирились со своей участью и оказали известное влияние на других манапов и старшин.

Менее благоприятно складывалось положение на Тянь-Шане. Как известно, летом 1864 г. сюда прибыли кокандские войска под начальством Алымкула. Они успели восстановить укрепление Куртка на Нарыне и вновь распространить свое влияние на некоторые племена тянь-шаньских киргизов. Военный губернатор Семиреченской области доносил генерал-губернатору Западной Сибири 15 февраля 1865 г.: «Крепость Куртка на Нарыне, разоренная в 1863 г. нашими войсками, снова возобновлена и имеет влияние на все киргизские роды, кочующие в верховьях Сыр-Дарьи, по Нарыну и Кочкору, возмущает их против нас и доставляет войскам Алымкула большие материальные средства»[2].

Распространение кокандского влияния на Нарыне становилось особенно нетерпимым в связи с возможным вторжением в этот район войск Якуббека, тем более что между Кокандом и Якуббеком поддерживались дружественные отношения. Наличие кокандского укрепления на Тянь-Шане создавало трудности для кочевавшего на границе с Кашгарией племени черик и других киргизских племен, уже принявших подданство России. Они оказывались в неопределенном положении, боясь наказания за «измену» с обеих сторон. В связи с этим перед царскими властями возникла важная задача — защитить своих подданных от посягательств кокандцев. Кроме того, появление кокандцев на Тянь-Шане открывало широкий простор для участия киргизов в происходивших в Кашгарии событиях. Не исключалась

---

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 11-с, оп. 3, д. 15, лл. 21—22.
[2] Воен. учен. арх., отд. II, № 6794.

и возможность насильственного воздействия на тянь-шаньских киргизов со стороны Якуббека, который был не прочь использовать политическую неустойчивость Кокандского ханства для того, чтобы подчинить их своему влиянию.

Государство Якуббека вообще создавало серьезные помехи и угрозы окончательному утверждению господства России в Северной Киргизии. В 1867 г. Якуббек сумел объединить под своей властью почти все крупные города Восточного Туркестана — Кашгар, Яркенд, Хотан, Турфан, Аксу и др. Цинская власть в Восточном Туркестане была уничтожена. Якуббек провозгласил себя единоличным правителем Восточного Туркестана. Он пытался создать такое же самостоятельное феодальное государство, какими были среднеазиатские ханства — Бухара, Хива и Коканд. В своей внешней политике Якуббек стремился использовать противоречия между такими крупными государствами, как Англия и Россия, граничившими с его владениями и на юге и севере. Он стремился территориально расширить свое государство за счет Китая, с одной стороны, и за счет Северной Киргизии — с другой. Через владения Якуббека пролегал один из основных караванных путей из Средней Азии в Индию: Коканд — Кашгар — Яркент — Кашмир. Кашгария являлась удобнейшей позицией великих держав на стыке Китая, Индии и Средней Азии в их колонизационной деятельности на Востоке. «Именно в этом стратегическом положении Кашгара и заключалось основное значение его для Англии и России»[1].

Указанные обстоятельства вынудили губернатора Семиреченской области предпринять летом 1867 г. военную экспедицию на Нарын с целью изгнать кокандский гарнизон и окончательно утвердить власть России среди тянь-шаньских киргизов, с 1863 г. считающих себя ее подданными. Организация новой военной экспедиции была необходима в связи с принятием российского подданства новыми киргизскими родами борукчу, принадлежавшими к отделу эсенгул племени сарыбагыш.

Отряд Полторацкого направился на Тянь-Шань

[1] История народов Узбекистана, т. II, 1947, Ташкент, стр. 246.

в начале июля 1867 г. В долинах Кочкора и Джумгала он встретился с айылами сарыбагышей, подвластных манапу Торогельды. Торогельды и зависимые от него манапы изъявили готовность оказать содействие отряду. Они дали лошадей и быков для перевозки грузов, а также людей, выполнявших обязанности разведчиков и проводников.

Наряду с выполнением основной задачи, Полторацкому необходимо было добиться покорности сарыбагышского манапа Уметалы, отложившегося от России, как известно, еще в 1863 г. Уметалы со своими айылами в это время кочевал на Чатыркуле, куда и направился отряд. Но когда он достиг Чатыркуля, здесь айылов Уметалы уже не оказалось, они откочевали на труднодоступные места Карагужура. Проводники повели отряд Полторацкого через трудные перевалы. Этот путь потребовал много времени, но дал возможность провести топографические съемки в Центральном Тянь-Шане.

С приближением отряда Полторацкого к Нарыну кокандский гарнизон, стоявший в Куртке, как и в 1863 г., оставил укрепление и через перевал Кугарт ушел в Ферганскую долину. Получив сведения о появлении айылов Уметалы на Арпе, отряд направился туда и далее к верховьям Аксая, но не смог его настигнуть и возвратился обратно в долину Нарына. Полторацкий произвел осмотр долины с целью выбора пункта для будущего укрепления.

В сентябре 1867 г. после возвращения из Нарына отряда Полторацкого произошло событие, еще более укрепившее положение России на Тянь-Шане: манап Уметалы Ормонов со всеми подвластными ему родами сарыбагыш принял русское подданство. Это произошло во время пребывания на Тянь-Шане научной экспедиции Н. А. Северцова.

В 1867 г. Н. А. Северцов имел намерение принять участие в экспедиции полковника Полторацкого на Чатыркуль, но не успел явиться ко времени выступления отряда. В Семипалатинске Северцов имел свидание с военным губернатором Семиреченской области генералом Колпаковским, который, одобрив намерение Северцова, дал соответствующее указание о предостав-

лении в его распоряжение отряда и других необходимых средств для организации научной экспедиции в верховья реки Нарын.

В районе Нарына Северцов неизбежно должен был встретить Уметалы. Характеризуя положение Уметалы после его разрыва с русскими властями, Северцов писал: «Умбет-ала прошел по всему Каракоджуру на Малый Нарын, перешел Большой Нарын близ его истоков, оттеснил нарынских чериков и в долине Атбаши нашел себе крепкий притон в центре набегов не хуже каракоджурского, там устроился пашнями и зимовками, а летом бродил по Сырту, причем грабил кашгарские караваны, шедшие торговать с каракиргизами не его аулов, и барантовал со всеми соседями: и с саяками, и с богинцами, которых оттеснил с верхне-нарынского сырта беспрестанными угонами скота во время летнего кочевания. Тут он покорил и переселил на Малый Нарын богинское отделение Монолдур, но и довольно других богинцев было захвачено вразброд, отдельными аулами. Умбет-ала, отложившийся с 5—6 тыс. кибиток, кочевал к 1867 году слишком с 8 тыс. на огромном пространстве от Каракоджура и вершин Нарына до Чатыр-куля, Аксая и Арпы, т. е. верст 500 с С. В. на Ю. З. и верст 300 с С. В. к Ю. В. по всем сыртам у долин Верхнего Нарына и Атбаши»[1].

От набегов подвластных Уметалы сарыбагышей наиболее страдали бугинцы юго-западных волостей, расположенных у Барскоуна и подвластных старшинам Арзымату и Атабеку. В результате эта часть бугинцев потеряла почти все джайлоо, совершенно была вытеснена с Сырта и должна была ограничиться только узкими долинами у Барскоуна и Тона. Но и эти места нередко подвергались набегам сарыбагышей, подведомственных Торогельды. Поэтому бугинские старшины приняли активное участие в походах отрядов полковника Полторацкого, а затем Северцова на Нарын, чтобы с их помощью обеспечить себя необходимыми пастбищами. До тех пор пока Уметалы оставался вне подчинения царским властям, бугинцы не могли безопасно кочевать по Сырту. Среди примкнувших со своими джигитами

[1] *Северцов Н.*, Цит. соч., стр. 213.

к Северцову были Арзымат и Атабек. Но Северцов и не думал нападать на Уметалы, как хотелось Арзымату и Атабеку, он только хотел произвести топографические съемки и научное исследование Центрального Тянь-Шаня. Однако обстоятельства сложились так, что Северцову пришлось заняться и политическими вопросами.

На стоянке у реки Шаркратма отряд встретил группу киргизов, вооруженных пиками и саблями. Из рассказов выяснилось, что Уметалы со своим братом Чаргыном и вассальным манапом Осмоном откочевал с Атбаши на правый берег Нарына, по направлению к своим старым кочевьям у Каракуджура. На совещании подвластных ему старшин Уметалы объявил свое решение покориться и вновь принять подданство России. Это решение было вновь принято всеми и по киргизскому обычаю утверждено жертвоприношением.

В отряде Северцова опасались, что покорность Уметалы не искренняя. Поэтому было решено проверить показания киргизов. С этой целью к Малому Нарыну послали легкий отряд казаков. Вскоре Северцову стало ясно, что намерение Уметалы вступить вновь и окончательно в подданство России на этот раз не вызывает сомнений.

После похода капитана Проценко в 1863 г. Уметалы попробовал принять кашгарское подданство, но кашгарский правитель отнесся к нему сурово, и Уметалы снова ушел к своим старым кочевьям. «На такой суровый отказ была, впрочем, и уважительная причина,— указывал Северцов,— к каракиргизам ходят кашгарские караваны с матой и халатами, которые обменивают на скот для городского продовольствия — и из этих караванов Умбет-алы пропускал без грабежа только ходившие в его собственные аулы с лично ему знакомыми караван-башами..., а все караваны, ходившие к другим родам, он грабил беспощадно, содержал засады на караванных путях, и жалобы на эти грабежи я еще на Иссык-Куле слышал от ограбленных купцов»[1].

Враждебные отношения складывались у Уметалы и с Кокандом. «Андижанские караваны,— писал Север-

[1] *Северцов Н.,* Цит. соч., стр. 310.

цов,— ходившие к каракиргизам, Уметалы допускал без грабежа только в свои аулы, а не в чужие, перехватывал и кокандские транспорты в Куртку, не раз блокировал тамошний гарнизон, требовавший с него зякета».

Что касается соседних киргизских племен, то Уметалы был в одинаковой вражде со всеми: и с бугинцами, и с чериками, и с саяками. «Сойти с Атбаши для продолжения прежней вольно-разбойничьей жизни,— указывал Северцов,— было некуда при только что объясненных враждебных отношениях к Кашгару и Коканду; оставалось только обеспечить возможную безнаказанность прежних разбоев добровольным возвращением в русское подданство, причем, по занятии нами Нарына, сохранялись его аулам просторные кочевья — для расширения которых, как объяснено выше, он и отложился.

Взбунтовался он в удобное время, когда мы готовились к войне с Кокандом, а кашгарцы — к восстанию против Китая, и то и другое вспыхнуло в 1864 году, а он возмутился в 1863 году и покорился тоже не слишком поздно, когда в Кашгаре установилось твердое правление Якуббека и наши отряды за Нарыном показали ему конец войны, до того занимавшей русские войска в Средней Азии»[1].

Во время стоянки на Нарыне к Северцову явилось четверо сарыбагышей, которые представились как посланные от Уметалы. Их возглавлял один из сыновей Уметалы — Чакмакташ. Его советником был доверенный джигит Байбагул. Они передали заявление Уметалы о том, что он и весь его айыл решили добровольно возвратиться в подданство России.

Желая мирно окончить предпринятую не с военной, а с научной целью экспедицию, Северцов меньше всего думал о наказании сарыбагышей и принял их покорность, но с условием, что они подчинятся решению начальства Семиреченской области относительно вознаграждения пострадавших от их грабежей. Одновременно Северцов потребовал личного свидания с Уметалы, чтобы окончательно убедиться в искренности его намерений и в случае необходимости поддержать перед

[1] *Северцов Н.,* Цит. соч., стр. 1.

генерал-губернатором Кауфманом его просьбу о помиловании за события 1863 г. Чакмакташ немедленно известил об этом своего отца, и Уметалы сам явился к Северцову во время остановки у р. Оттук. Северцов дает следующее описание его внешности: «Это был толстый хромой старик, лет под 60, черты его широкого скуластого лица были типично кара-киргизские, выражение на первый взгляд добродушное и несколько вялое. Но, всматриваясь ближе, можно было заметить на этой апатичной физиономии отпечаток хитрого ума и твердой воли. Одет был просто, в армячинном халате сверх нагольного тулупа... наружность не показывала грознейшего из кара-киргизских батырей, чем он, однако, был и притом наследственно, по смерти своего отца Урмана. Впрочем, он никогда и не был таким смелым рубакой, как его отец, а побеждал более военными хитростями...»[1]

Уметалы преподнес Северцову подарок. Относительно своего подданства он объявил, что оно является окончательным и искренним, согласился на возмещение причиненных убытков во время нападения на отряд Зубарева в 1863 г. и вообще на уплату штрафа, какой русские власти наложат на него. Он просил только о том, чтобы ему были возвращены его прежние кочевья.

24 сентября Северцов отправил в Токмак двух джигитов с донесением Кауфману, ехавшему тогда из Верного в Ташкент через Токмак, о принятии русского подданства всеми сарыбагышами, подвластными манапу Уметалы, в числе около 5000 юрт, или около 50 тыс. душ. Уметалы дал Северцову «свою тамгу — печать на белом листе бумаги, чтобы на этом листе написать обязательство, какое от него генерал-губернатор потребует. По киргизским обычаям эта тамга на белом листе уже сама по себе составляла обязательство безусловной покорности»[2]. В свою очередь Уметалы отправил своего сын Акташа к военному губернатору Семиреченской области Колпаковскому с просьбой, чтобы его окончательно приняли в подданство России.

Колпаковский хорошо принял Акташа и представил

---

[1] *Северцов,* Цит. соч., стр. 355—356.
[2] Там же, стр. 357.

его Кауфману. Было решено вновь принять Уметалы со всеми его айылами в русское подданство, но с условием, чтобы он более не повторял своих набегов на другие киргизские племена, жил спокойно и мирно, а также возместил убытки, причиненные во время нападения на отряд Зубарева 13 июля 1863 г. Акташ привез Уметалы ответное письмо Колпаковского, в котором указывались условия выплаты выкупа за пострадавших из отряда Зубарева[1].

Уметалы, получив письмо Колпаковского, в свою очередь ответил ему письмом, в котором перечислил всех лиц, руководивших нападением саяков и сарыбагышей на отряд Зубарева в 1863 г. Он просил, чтобы все они также были привлечены к выплате штрафа. Среди них он указал на саякского манапа Осмона Тайлакова, который в том же году взбунтовался и в долине Тогузторо совершил нападение на Токмакского уездного начальника майора Загряжского[2].

В дальнейшем Уметалы окончательно вернулся в число подданных России. Колпаковский, однако, учитывая прежние его поступки, решил лишить его того

---

[1] Письмо Колпаковского к Уметалы было следующее:

«Умет Али Урманову.

Письмо, посланное тобою с сыном Ак-ташем, мною получено. Со времени твоей ссоры с бугинцами ты много разграбил оставшихся верными своему делу перед государем. Мне небезизвестно также, что 13 июля 1863 года ты рискнул напасть на слабый русский отряд и при урочище Ике-Чат в ущелье р. Куртки переранил одного офицера и 7 солдат, из которых двое умерли.

Не стану входить в причины, которые заставляют тебя переменить свой образ жизни, но верю тому, что ты хочешь на старости лет провести время спокойно. Но если я прощу тебя, то с условием. Условие следующее: ты должен заплатить за двух убитых русских кун и за кровь раненых. За двух убитых я назначаю кун каждому по 75 лошадей, раненому офицеру 100 лошадей, остальным 5 раненым солдатам каждому по 25 лошадей. Всего тебе следует заплатить триста семьдесят пять лошадей или же за каждую лошадь по 200 р.— семь тысяч пятьсот рублей серебром. Эти деньги ты с надежным человеком пошлешь в Верный генералу Колпаковскому. За сим, если киргизы или купцы будут жаловаться на тебя, ты должен будешь рассчитаться с ними по суду биев.

Если ты согласишься на мои предложения, то по данному мне великим государем уполномочию я тебя прощаю, забываю все прошлое, дозволяю прикочевать на прежние свои места и жить спокойно». (ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, КТГГ, арх. № 16, оп. 29, л. 9).

[2] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 1—КТГГ, оп. 14, д. 11, лл. 12—13.

положения, которое он занимал среди сарыбагышей. Северцов писал об этом: «Когда в следующем 1868 году было введено новое положение и кара-киргизы разделены на волости, сообразно с местами их зимовок, с выборными старшинами, то все три старшины тем самым лишились прежней волости и ни один не был вновь избран в волостные старшины. Уметалы, утомленный своей бурною жизнью, тогда спокойно остался честным человеком, богатый (несмотря на уплоченные штрафы) и уважаемым своими однородцами. Чаргын последовал его примеру, привыкши во всем следовать за старшим братом»[1].

Таким образом, 1867 г. явился заключительной вехой в процессе вхождения Северной Киргизии в состав Российской империи.

* * *

В 1865 г. после вхождения в состав России основной части Северной Киргизии и значительной территории Кокандского ханства по Сыр-Дарье перед царским правительством встал вопрос об организации управления этими районами. Царскому правительству необходимо было создать крепкую власть в Туркестане, как одну из мер, обеспечивающих господство России в этом крае.

2 февраля 1865 г. Александр II утвердил журнал Комитета министров о командировании в Туркестанский край особой комиссии под председательством действительного тайного советника Гирса для выработки проекта организации управления. Проект «Положения об управлении Туркестанским краем», разработанный комиссией, обсуждался 11 июля 1867 г. Советом Министров, который вынес решение об образовании Туркестанского генерал-губернаторства в составе Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей.

Новое генерал-губернаторство было подчинено Военному Министерству, тогда как другие губернии России находились в ведении Министерства внутренних дел.

---

[1] *Северцов,* Чит. соч., стр. 344.

Царское правительство рассматривало военно-административный аппарат Туркестанского генерал-губернаторства как орудие осуществления своей колониальной политики. Военный характер управления объяснялся еще и тем, что районы нового края граничили с владениями Бухары, Хивы и коренными областями Кокандского ханства, а также западными провинциями Китая.

Согласно «Положению об управлении Туркестанским краем», территория Северной Киргизии вошла главным образом в состав Семиреченской области, образовав в ней два уезда: Токмакский и Иссык-Кульский. Киргизы, кочевавшие в Таласской, Чаткальской и Кетмень-Тюбинской долинах, вошли в состав Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области. Во главе областей стояли военные губернаторы, во главе уездов — уездный начальник. На местах киргизские айылы разбивались на волости во главе с выборными волостными управителями. Каждая волость в свою очередь разделялась на старшинства, во главе которых стояли выборные айыльные старшины. Русские поселения и оседлое население управлялись приставами. Военные губернаторы областей и уездные начальники сосредоточивали в своих руках и гражданскую и военную власть. Им были подчинены все стороны управления, они имели право отменять выборы волостных управителей и т. д. Выборная низовая администрация являлась не чем иным, как придатком военной администрации.

Царское правительство использовало в своих интересах господствующий класс местного населения. На низовые административные должности выбирались представители бай-манапства.

По «Положению», киргизское население делилось по волостям и айылам. В состав волости входило до 2000 юрт, айыла — до 200 юрт. Волостная и айыльная администрация выбирались населением. Выборы местной администрации — айыльных старшин, биев и волостных управителей — происходили в присутствии уездных начальников. Киргизская беднота фактически была лишена права принимать участие в выборах. Избирательных прав не имели женщины.

Айыльные старшины обычно избирались на 3 года и утверждались уездными начальниками. Волостной управитель избирался на волостном съезде, где присутствовали представители айылов по одному от 50 юрт. Эти представители выбирались только из имущих классов. На волостной съезд беднота никогда не попадала.

Выборы носили чисто формальный характер, т. к. за военным губернатором оставалось право утверждать или не утверждать кандидата, избранного волостным съездом.

Права волостных управителей и старшин определялись законом, но на деле их власть на местах носила характер неограниченного насилия и произвола. Волостным управителям и старшинам государство выплачивало жалование. Кроме того, отпускались деньги на содержание писарей и рассыльных. Но эти официальные ассигнования составляли ничтожную часть по сравнению с теми огромными поборами, которые незаконно взимались с народа и присваивались управителями и их джигитами.

Киргизское манапство выслуживалось перед царским правительством, за что награждалось «почетным гражданством», орденами, медалями, халатами и т. п.

Некоторые крупные манапы были представлены к военным чинам. Так, известные бугинские манапы Боромбай и Качыбек в свое время получили чин подполковника, Джантай — капитана, Шабдан — войскового старшины и т. д.

Высшим судебным органом в Туркестане была Туркестанская судебная палата. В уезде судебная власть находилась в руках уездного судьи, а в киргизских волостях — у биев и казиев. Казии — представители мусульманского духовенства — судебные дела вершили на основе шариата — свода законов исламской религии. Более распространенным в киргизских айылах был суд биев. Бии выбирались одновременно с волостными управителями на волостном съезде, по 4 на каждую волость. Суд биев основывался на народных обычаях, неписаном законе «нарх», который обычно истолковывался в интересах эксплуататорских классов. Бийский суд имел инстанции: единоличный суд бия, волостной суд биев, чрезвычайный и уездный съезд биев.

Бии не получали жалования, а собирали при решении дел особый штраф, так называемый «бийлик», размер которого определялся самими биями. Бийлик был орудием выкачивания средств в пользу биев и стоящих за ними манапов.

Неограниченной властью был наделен Туркестанский генерал-губернатор. В 1867 г. на имя генерал-губернатора фон Кауфмана был издан специальный царский указ, так называемая «Золотая Грамота». Эта грамота предоставляла генерал-губернатору широкие полномочия, вплоть до права заключения мира и объявления войны, ведения торговых и дипломатических переговоров и заключения договоров с соседними феодальными владениями и государствами. При генерал-губернаторе существовал Совет, состоящий из военных и гражданских чинов, назначаемых самим генерал-губернатором.

Поскольку низовой аппарат целиком состоял из представителей эксплуататорских классов, выборность низовой администрации по «Положению» 1867 г., в сущности, не могла ограничить власти феодальной знати. Утверждение В. В. Бартольда, что с введением выборности низовой администрации на основании «Положения» 1867 г. «власть манапов пришла к концу»[1], не отражает действительного положения. Выборы местной администрации — волостных управителей, старшин и биев — фактически были формальными. Они не давали народу возможности свободно выражать свои права и желания. Но они помогали царскому правительству ограничивать власть и влияние отдельных крупных представителей манапства, отрицательно относившихся к факту вхождения Киргизии в состав России. С другой стороны, те представители феодальной знати, которые перешли на сторону царизма, верно служили ему, опирались на него и проводили его политику.

Так называемые «избирательные кампании» сопровождались появлением множества «партий» и группировок, борьбой между ними, драками, жалобами, лож-

[1] *В. В. Бартольд.* Киргизы (Исторический очерк), Фрунзе, 1943, стр. 80.

ными доносами и т. п. Обычным явлением в борьбе за «выборные» должности был подкуп представителями бай-манапства не только выборщиков и отдельных избирателей, но уездной и даже областной администрации. На это затрачивались десятки тысяч рублей, ложившихся тяжелым бременем на народ, с которого впоследствии эти деньги взыскивались выбранными волостными управителями.

В конце 1867 г., после образования Токмакского уезда, его начальником был назначен майор Загряжский. Начальником Иссык-Кульского уезда — майор Томский. Эти два уезда, включавшие в себя основную часть территории Северной Киргизии, непосредственно подчинялись Семиреченскому военному губернатору.

Новое административное устройство фактически уничтожило веками складывавшиеся патриархально-феодальные органы власти. Эта ломка патриархально-феодального политического устройства киргизского общества имела свою положительную сторону. В Северной Киргизии начал действовать определенный и твердый административно-управленческий аппарат, что было важно для стабилизации экономической и политической жизни. Наступил конец беспорядкам и бесконечным феодально-родовым войнам и набегам. Это обстоятельство самым благоприятным образом сказалось на развитии скотоводческого и земледельческого хозяйства и культуры Киргизстана.

В то же время установление в Северной Киргизии твердого административного управления создавало благоприятную обстановку для развития гражданской колонизации.

Начало заселения Северной Киргизии связано с колонизацией Семиреченской области. Еще в 1864 г. генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель приказал Семипалатинскому военному губернатору собрать сведения о пунктах возможного заселения, а в 1866 г. было дано указание об устройстве русского поселения у оз. Иссык-Куль[1]. В 1867 г. были подготовлены пункты для заселения: в Иссык-Кульском уезде — Каракол, в Токмакском — Токмак, в которых уже в следующем

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, фонд 1, оп. 27, дело 466, л. 4.

году появились первые переселенцы. На 14 марта 1868 г. в Токмакском укреплении числилось только 27 семей переселенцев (не считая войск). В том же году возникают поселения Беловодское, Лебединское, Уйтал, Преображенское и Теплоключинское. В дальнейшем их количество неуклонно растет.

Крестьянские поселки располагались таким образом, чтобы в соединении с казачьими поселениями и городами они могли составить непрерывную цепь оседлых поселений на главнейших путях сообщения. В Северной Киргизии такими линиями поселения были Семиреченский, Каракольско-Токмакский и Пишпекско-Нарынский тракты, а также Чуйская и Таласская долины.

Власть царской администрации к 1867 г. оставалась непрочной только над тянь-шаньскими киргизами. Хотя после принятия русского подданства манапом Уметалы и подвластными ему сарыбагышами на Тянь-Шане больше не оставалось киргизских племен, не принявших подданства России, тем не менее тянь-шаньские киргизы, находясь вдали от центров царской администрации и не имея в непосредственной близости от себя русских укреплений, как подданные Российской империи были неустойчивы. В случае возникновения осложнений в отношениях России с пограничными с Киргизией государствами они могли, при известных условиях, поддаться антироссийским влияниям последних. Если такого рода опасность со стороны Коканда теперь, после 1868 г., по существу не угрожала, то она становилась реальной со стороны Кашгарского государства Якуб-бека.

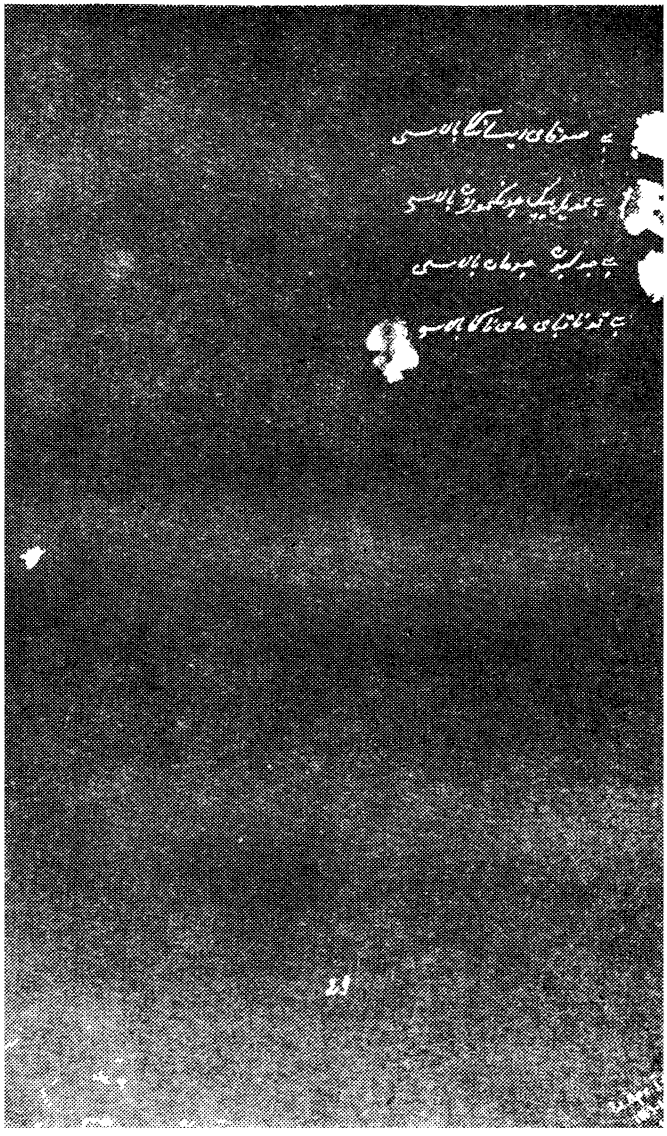
В 1867 г. в верховьях р. Нарын начальник русского отряда Полторацкий, проводя топографические съемки, вступил с Якуббеком в переговоры, в ходе которых ему было предложено установить торговые сношения с Россией. Якуббек ответил согласием на установление торговых связей и даже на открытие русской торговой фактории в г. Кашгаре. Русские купцы Первушин и Хлудов с караванами были пропущены в Кашгар. Их товары были куплены самим Якуббеком по установленной им самим твердой цене. Когда русские купцы возвращались обратно, Якуббек отправил вместе с ними своего племянника Шады-Мырзу для ведения перегово-

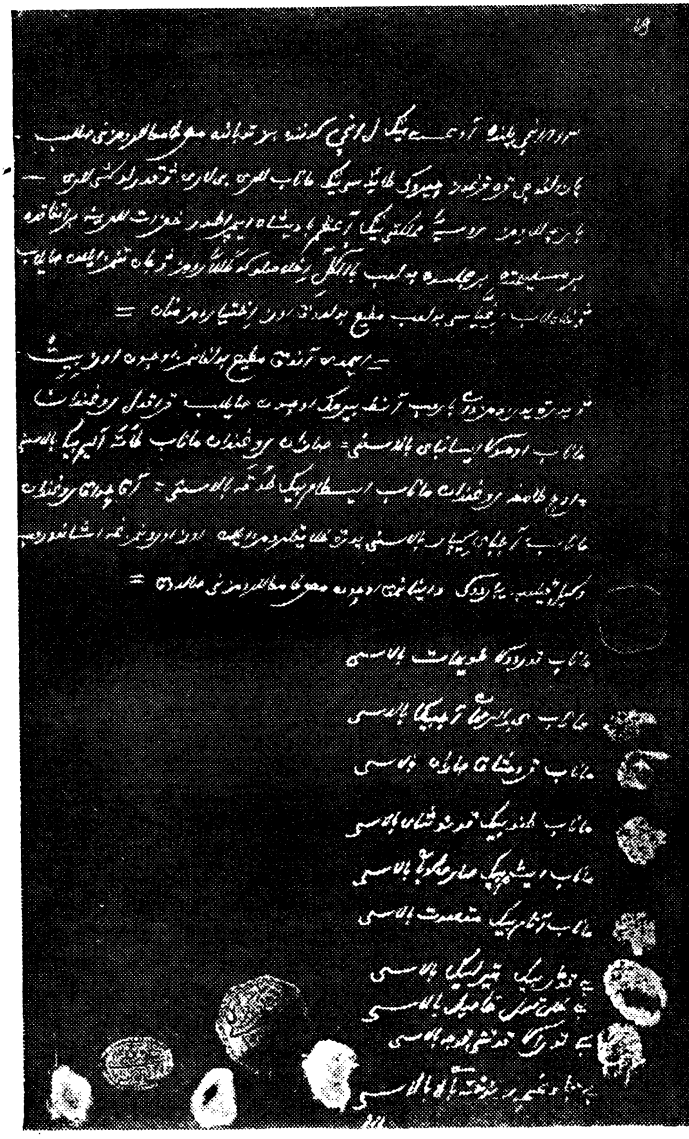
ров с Туркестанским генерал-губернатором Кауфманом об установлении регулярных торговых связей, а также об уточнении границ между его владениями и Россией. Шады-Мырза был направлен Кауфманом в Петербург, однако там отказались вести с ним официальные переговоры. Министр иностранных дел князь Горчаков по этому поводу заявил: «Наше правительство, находясь в дружественных отношениях с Китаем, никогда не станет вступать ни в какие переговоры с восточными туркестанцами, явными бунтовщиками против пекинского правительства»[1].

Попытка Якуббека договориться с Кауфманом об уточнении границ, таким образом, не увенчалась успехом. Туркестанский генерал-губернатор, как и правительство в Петербурге, избегал заключения формального договора с Якуббеком об установлении государственной границы, так как это означало бы фактическое признание Россией государства Якуббека, что не соответствовало тогдашнему курсу русской внешней политики в Кашгарском вопросе.

После этой неудачи Якуббек стал завязывать все более тесные торговые связи с Англией и в своей внешней политике придерживаться английской ориентации. В 1868 г. английское правительство передало Якуббеку как «подарок» батарею скорострельных пушек и 10 тыс. ружей нового образца. В то же время Якуббек все более активно стал стремиться к привлечению на свою сторону тянь-шаньских и иссык-кульских киргизов. Его агенты вступали в тайные переговоры с отдельными киргизскими манапами, в частности с бугинскими манапами Тилекматом и Мураталы, саякским манапом Осмоном, сарыбагышским манапом Уметалы и др. В связи с этим необходимость упрочения господства России в Центральном Тянь-Шане и возведения укреплений на Нарыне приобрела особую остроту. Командованием Западной Сибири, с согласия военного министра, было решено в следующем, 1868 г., направить специальный экспедиционный отряд на Нарын и возвести там укрепление для постоянного пребывания русских войск. Между тем военные отряды

[1] История народов Узбекистана, том II, Ташкент, 1947, стр. 246.

Прошение рода чериков о принятии в подданство России.

Якуббека стали появляться в пограничных киргизских айылах, где кочевало около 6 тыс. юрт чериков. Якуббек совершенно определенно хотел присоединить к своим владениям не только пограничные с Кашгарией районы Тянь-Шаня, заселенные киргизскими племенами чонбагыш и черик, но и долины Атбаши, Нарына и Тогуз-Торо с лучшими высокогорными пастбищами Аксай, Арпа, Каракуджур, Сонкуль, Чатыркуль и др., заселенные киргизами, находящимися в Российском подданстве. В отношении на имя военного министра Кауфман отмечал: «...Якуббек заявил свою претензию на Нарынский край, но ему объяснено было, что граница наша установлена Пекинским трактатом и мы держим его твердо»[1].

Отдельные киргизские феодалы, прежде тесно связанные с Кокандом и не одобрявшие прорусскую ориентацию народа и других манапов, теперь стали возлагать надежды на государство Якуббека. Деятельность агентов Якуббека, однако, не оставалась секретом для русских властей. Иссык-Кульский уездный начальник майор Томский в донесении на имя военного губернатора Семиреченской области писал 5 апреля 1868 г.: «Мною получено известие, что к правителю Кашгара Якуб-Беку недавно приезжали агенты Кокандского ханства и Бухарского эмира, через которых Якуб-Бек условился ныне же открыть враждебные действия против России. Нет сомнения, что Бухарский эмир и Кокандский хан, не заявляя явного открытого разрыва с Россией, желают вредить нам косвенным путем через Садыка в Сыр-Дарьинской области и здесь через Якуб-Бека. По слухам, Якуб-Бек сосредоточил уже отряд в г. Аксу, который должен проникнуть сюда через Музарт. Одновременно с движением этого отряда Якуб-Бек с главными силами двинется из Кашгара сюда, как в более удаленный край и имеющий незначительное число войск...

Достоверны ли эти слухи, я не ручаюсь, между тем богинцы находятся в сильной ажиотации и чрезвычайно тревожном и лихорадочном ожидании прихода войск Якуб-Бека». Далее майор Томский в своем донесении

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 515, д. 39, док. 64.

военному губернатору писал: «Ввиду таких тревожных обстоятельств, если не для военных действий, то по крайней мере для поддержания нравственного влияния и значения в крае русской власти, я убедительно прошу Ваше высокопревосходительство об увеличении состава здешних войск еще полною ротою пехоты и взводом полевой и взводом горной артиллерии, а также о выставлении отряда в долину Кегеня. Если предполагается нынешним летом возвести укрепление на Нарыне, то не возможно ли, ваше превосходительство, командировать туда достаточно сильный отряд, движение которого, а так равно и Тянь-Шаньского отряда, могло бы изменить намерения Якуб-Бека и тем предупредить всякое волнение в здешнем крае»[1].

Начальник Токмакского уезда майор Запряжский в донесении военному губернатору Семиреченской области писал 11 апреля 1868 г.: «Только что приехал с Нарына сарт Ишан-Ходжи и донес, что отряд Якуб-Бека подошел к Нарыну, в каких силах неизвестно. Я принял следующие меры: посылаю сегодня двух надежных джигитов о двуконь на Нарын для собрания более положительных сведений, приказал 30 конным казакам и 125 пешим быть готовыми к выступлению по первому приказанию. Если будет возможно и нужно, соберу джигитов Шабдана Джантаева и Саурам-бая Худоярова. Татарин, приехавший от Умбет-Али, говорит, что он не пустил его к своему аулу ближе 5 верст и что он получил какие-то письма, за муллой послал далеко на Иссык-Куль. Вообще платить он, кажется, не намерен»[2].

Слухи о связи некоторых бугинских манапов с Якуб-беком частично подтвердились. По этому поводу Колпаковский в донесении Туркестанскому генерал-губернатору писал 13 мая 1868 г.: «Предположенное участие Тиль-Ахмета и прочих влиятельных киргизов в дружеском сношении с Якуб-Беком оправдалось настолько, что уездный начальник счел необходимым немедленно выслать Тиль-Ахмета в Верный, где он содержался под арестом»[3].

ЦГИА Узб. ССР, ф. 11, оп. 3, д. 21, лл. 69—70.
Там же, ф. 21-с, оп. 3, дело 21.
Там же, ф. 11-с, оп. 3, д. 21, лл. 87—90.

Тревожное положение на Тянь-Шане и в Иссык-Кульской долине заставило предпринять передвижение войск из Верного в Токмак, Кеген и Ак-Су, а также ускорить разрешение вопроса о направлении сильного военного отряда на Тянь-Шань с целью сделать его пребывание в этом пункте постоянным, для чего возвести укрепление в Нарыне[1].

Так называемый тянь-шаньский отряд генерал-майор Колпаковский приказал сформировать к началу мая 1868 г. Начальником его был назначен полковник Краевский, которому надлежало находиться в непосредственном подчинении Иссык-Кульского уездного начальника. Одновременно Колпаковский предложил Иссык-Кульскому уездному начальнику: «Для отвлечения киргизов и ближайшего наблюдения за влиятельными личностями назначить съезд волостных правителей и биев для разбора прежних дел, сперва... в уезде, а потом от двух уездов — Иссык-Кульского и Токмакского, по соглашению с уездным начальником последнего»[2]. Между тем о приготовлениях Якуббека продолжали поступать различного рода сведения. Иссык-Кульский уездный начальник доносил 28 апреля 1868 г. Колпаковскому, что Якуббек в г. Турфане сосредоточил войска численностью в 8500 чел. и готовится к походу через Музартский перевал для вторжения в Киргизию. Согласно сведениям, поступившим из Кульджи, стало известно, что Якуббек будто бы вступил в переговоры с таранчинским султаном о совместном нападении на российские владения в Заилийском крае и в Северной Киргизии, на что султан изъявил согласие. Разумеется, слухи о военных приготовлениях Якуббека были слишком преувеличены, но пограничные киргизские племена весьма активно реагировали на восстание в Западном Китае, а также на деятельность Якуббека в Кашгарии. Поэтому предосторожности, предпринимаемые русскими властями, не были излишними.

В начале 1868 г. саякский манап Осмон Тайлаков попытался помешать введению в жизнь нового положения об управлении. В долине Тогуз-Торо возглавляемая

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 11-с, оп. 3, д. 21, лл. 71—73.
[2] Там же, лл. 84—85.

им шайка напала на майора Загряжского, который в соответствии с новым положением производил на Тянь-Шане разбивку киргизских айылов на волости, старшинства и т. д. и руководил выборами волостных управителей. Вместе с ним на Тянь-Шане находился с отрядом своих джигитов манап Шабдан Джантаев, оказывавший ему содействие. Нападение это было связано со следующими обстоятельствами.

Несколько ранее, узнав о связях Осмона с Якуб-беком, Загряжский задержал его сына Мамыркана, которого отправил в качестве заложника в Верный. В ответ на это Осмон тогда же отложился и увел с собою в кокандские владения около 700 юрт киргизов из племени саяк. Майор Загряжский, не предвидя никакой опасности, отправился в один из айылов Кетмень-Тюбинской волости по делам организационной комиссии с тремя киргизами, переводчиком и писарем. Здесь ночью близ развалин кокандской крепости Тогуз-Торо на него и совершил нападение Осмон со своими джигитами. Осмон хотел захватить Загряжского в плен и затем обменять его на своего сына. Однако главной причиной нападения являлось отстранение Осмона и ближайших его сподвижников от управления саяками, на которых он предъявлял свое «наследственное» право.

Осмону не удалось захватить Загряжского в плен. Несколькими выстрелами из револьвера отогнав нападавших, он воспользовался темнотой и сумел скрыться, а на рассвете к месту происшествия прибыли киргизы во главе с Шабданом и разогнали шайку, которая, однако, успела захватить двух волостных старшин, одного кандидата на должность айыльного старшины, восемь джигитов Шабдана и писаря организационной комиссии, а также разграбить юрту с имуществом Загряжского. С захваченными людьми и имуществом Осмон ушел в пределы территории Киргизии, подвластной Коканду.

Полковник Краевский, находившийся в это время с отрядом в Нарыне в связи с возведением здесь укрепления, направил письмо правителю Андижанского округа с просьбой возвратить Нарынскому отряду российских подданных, захваченных в плен Осмоном Тайлаковым, а также выдать самого Осмона и наказать

участников нападения[1]. О дальнейшей судьбе Осмона Н. Северцов писал: «Сам же Осмон дорого поплатился за этот бунт: вместо большой отложившейся волости у него почти с первой недели осталась малолюдная, обобранная, нищая и едва вооруженная шайка на заморенных лошадях, слишком слабая даже для мелкого разбоя. Он попробовал искать убежища в Кокандских владениях и собрал большую часть последнего имущества на подарки Андижанскому беку, чтобы получить разрешение кочевать в горах Кугарт на восток от Андижана; но бек подарки принял, посланных (кроме одного) задержал и ответил, что не может принять Осмона без разрешения Кокандского хана, который был об этом уведомлен и велел беку вступить в переговоры с нашим пограничным начальством о выдаче Осмона, но тот увидел, что неладно, и бежал через Арпу и перевал Суек в Кашгарские пределы.

Но там было еще хуже: местные киргизы захватили его с шайкой и пленными, донесли Кашгарскому правителю Якуббеку и выдали всех заключенных высланному Якуббеком небольшому отряду; с Осмоном было тогда уже более 10—15 человек его родственников — все были обобраны дочиста и посажены в Кашгарскую тюрьму, а затем чуть ли не казнены..., русских же пленных Якуббек у Осмона отобрал и возвратил в наш ближайший форт Нарынский, тогда строящийся. Тем и кончился бунт бывшего сподвижника и неудачного подражателя Умбет-Алы, весьма непоощрительно для дальнейших смут на Тянь-Шане»[2]. Осмон вернулся только через 10 лет совершенно обедневшим и, разумеется, уже не мог оказать на саяков серьезного влияния.

В 1869 г. вместо неудобного по своему расположению укрепления Ак-Су было построено новое — Каракольское укрепление, которое стало центром Иссык-Кульского уезда и приобрело важное экономическое и политическое значение.

Основание укреплений Токмак, Каракол и Нарын способствовало усилению гражданской колонизации

---

[1] См. ЦГИА Узб. ССР, ф. 11-с, оп. 3, д. 21, лл. 133—135.

[2] *Н. Северцов,* Цит. соч., стр. 345—346.

Северной Киргизии. На берегах оз. Иссык-Куль, в Чуйской долине, а впоследствии на Нарыне, в Таласской долине и других районах одно за другим начали возникать поселения русских крестьян.

Русские крестьяне-переселенцы нашли благожелательное отношение со стороны местного киргизского населения. С этого периода началось более близкое общение киргизского народа с русским. Постоянные контакты в области культурной и экономической жизни, в повседневной совместной производственной деятельности закладывали основы будущей нерушимой братской дружбы.

Между тем, несмотря на окончательное укрепление позиций России в Северной Киргизии, Якуббек все еще не оставлял надежд привлечь тянь-шаньских киргизов на свою сторону. Те киргизы, которые уже находились под властью Якуббека в Восточном Туркестане, немало способствовали укреплению его власти и как поставщики продуктов скотоводства, и как военная сила. Подполковник Корнилов, ездивший в Кашгарию для изучения состояния ее военных сил, писал: «Из всех контингентов, которые могут быть поставлены туземным населением Кашгарии, серьезного внимания заслуживают только киргизы»[1].

Проанглийская ориентация Якуббека стала проявляться все более явственно. В октябре 1868 г. посольство штабс-капитана Рейнталя было принято Якуббеком без должного этикета, в то время как прибывшее в Кашгар в 1870 г. английское посольство Форсайта было принято с большими почестями.

Стремясь к расширению своих владений, Якуббек начал наступление на Кульджу. Это вынудило царское правительство встать на путь решительных мер. В июле 1871 г. генерал Колпаковский осуществил оккупацию Кульджи и Илийского края, в результате которой был уничтожен Таранчинский султанат. 4 декабря 1872 г. особое совещание по докладу Кауфмана вынесло решение: «В случае усмирения китайскими войсками восставших областей... Илийская область должна быть

---

[1] *Корнилов,* Кашгария или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903 г., стр. 362.

возвращена Китаю... Если же китайцы окажутся бессильными выполнить эту программу, то Илийская область должна остаться за нами, так как мы не можем допустить подчинения ее Якуб-Беку; что же касается до распространения власти последнего к востоку и северу и до его борьбы с дунганами или китайцами, то мы не можем остаться равнодушными к этим событиям».

В 1872 г. Якуббек вынужден был заключить с Россией выгодный для нее торговый договор. В то же время, продолжая лавировать между Англией и Россией, он заключил в 1874 г. договор с Англией, по которому последняя признала Кашгар независимым государством, а Якуббека — наследственным эмиром с титулом «бадаулет» — глава государства. Кашгарское государство было признано и турецким султаном, который пожаловал Якуббеку звание эмира. С именем турецкого султана Абдул-Азиза в Кашгаре стали чеканить монету. Договор 1874 г. означал включение Кашгарии в сферу влияния Англии. Однако вскоре события приняли иной характер. Произошли серьезные изменения в политическом положении как Средней Азии, так и Восточного Туркестана. В Средней Азии серьезно усилилось влияние России, а на Восточный Туркестан активно начала наступать Китайская империя.

Южная Киргизия, остававшаяся еще под властью Кокандского ханства, с 1873 г. была охвачена восстанием. Свергнутый восставшими кокандский хан Худояр, а также его сын Наср-Эддин нашли убежище у туркестанского генерал-губернатора. Грандиозное народно-освободительное движение 1873—1876 гг. против Кокандского ханства было подавлено войсками царской России, а само ханство ликвидировано. В результате Южная Киргизия вместе со всей территорией Кокандского ханства вошла в состав России.

К 1876 г. китайское правительство подавило восстание дунган и начало поход против Восточного Туркестана. В зиму 1876—1877 гг. войска Якуббека и цинского Китая противостояли друг другу, разделенные хребтом Даванчи. Но в июне 1877 г Якуббек умер[1], не

[1] По некоторым сведениям он был отравлен.

успев дать генерального сражения, и Цинская империя снова овладела Восточным Туркестаном.

После разгрома китайскими войсками восставших дунган части раздробленного ополчения Быйянху перешли границу Российской империи. Ополченцы частью поселились в Пржевальском уезде, частью в Ферганской и Чуйской долинах.

По договору 1881 г. Россия возвратила Кульджинский край Китаю. Значительная часть дунган, уйгуров и казахов, живших в Кульджинском крае, получив право избрать себе подданство, переселилась в Семиречье.

* * *

Соединение в 1864 г. Сибирской и Сыр-Дарьинской линий, овладение в 1865 г. Ташкентом и как результат этого серьезное ослабление Кокандского ханства явились главными событиями, окончательно определившими дальнейшие судьбы Киргизии.

Известное противодействие Цинской империи, а также восстание дунган и народов Восточного Туркестана не могли, однако, помешать укреплению господства царской России в Северной Киргизии. Подавление восстания дунган и оккупация русскими войсками илийской провинции Китая существенно ускорили падение кашгарского государства Якуббека. Это обстоятельство привело к утрате последней надежды противников российской ориентации из числа северокиргизских феодалов. В Северной Киргизии установилось полное спокойствие. Политическая устойчивость имела первостепенное значение для успешного развития хозяйства и культуры киргизского народа. Переселение в Киргизию русских крестьян создало основу для возникновения братской дружбы между киргизским и русским народами.

Глава пятая

ЮЖНАЯ КИРГИЗИЯ В НАЧАЛЕ 70-х ГОДОВ XIX ВЕКА

В 50-х и начале 60-х годов XIX века Северная Киргизия вошла в состав России. Административная реформа 1867 года закрепила власть царской России на севере Киргизии.

В то время, когда над Северной Киргизией окончательно упрочилось господство Российской империи, часть киргизов, живших в Ферганской долине и на Алае, после 1867 г. продолжала оставаться под властью Кокандского ханства. Киргизский народ как бы разбивался на две части, попав в различные политические, культурные и экономические условия.

Киргизы, жившие на юге Киргизстана — в пределах Оша, Узгена и Джалал-Абада, на Большом и Малом Алае и на Памире, — по своей численности не уступали северным киргизам. Они в культурно-бытовом и экономическом отношениях в известной степени испытывали влияние узбеков. Оказавшись в составе Кокандского ханства в начале XIX века, они более тесно были экономически связаны с оседлым населением, а в политическо-правовом отношении находились на одинаковом положении с узбеками. Киргизы широко привлекались как на гражданскую, так и на военную службу ханства.

Чтобы упрочить свою власть над киргизским народом, кокандские ханы старались привлечь на свою сторону влиятельных представителей феодальной

аристократии киргизов. Начиная с 40-х годов XIX века, в Кокандском ханстве происходили частые дворцовые перевороты и острая борьба различных феодальных группировок, в которых феодальная знать южных киргизов принимала активное участие. Киргизским феодалам иногда даже удавалось утверждать на ханском престоле своих ставленников. Однако широким трудящимся массам киргизского народа от этого не становилось легче. Феодально-ханский гнет с каждым годом становился все тяжелее.

Начиная с середины 60-х годов XIX века произошли существенные изменения во внутренней и внешней политике ханства. Худояр-хан в своей деятельности во многом теперь зависел от Туркестанского генерал-губернатора. Среднеазиатская политика царского правительства определяла теперь дальнейшую судьбу среднеазиатских ханств и прежде всего Кокандского ханства.

После закрепления власти русского правительства в Ташкенте перед Кауфманом стояла задача дальнейшего военного наступления на среднеазиатские ханства. Но международная обстановка того времени, в частности противодействия со стороны Англии, пока не давала возможности осуществить это. Поэтому Кауфман счел пока более целесообразным идти по линии заключения выгодных для царской России договоров, которые бы, внешне сохраняя независимость среднеазиатских ханств, фактически ставили бы их в положение полуколоний. Это соответствовало общему курсу тогдашней среднеазиатской политики царского правительства. Первый такой договор был заключен с кокандским ханом Худояром.

Генерал Крыжановский еще в 1866 году писал: «...принять относительно Коканда тон высокий, третировать Худояр-Хана как человека, который по положению своему должен быть вассалом России. Если обидится и будет действовать против нас, тем лучше, это даст предлог покончить с ним»[1]. Однако Худояр-хан вел осторожную и приспособленческую политику и не давал

[1] Цит. по книге: А. И. Макшеев. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. Спб., 1890, стр. 246—247.

предлога для столь решительных действий. 29 января 1868 г. он подписал торговый договор с Россией. По этому договору Россия получала в Кокандском ханстве право:

«1. Свободного проезда русских купцов во все города ханства.

2. Учреждения, где пожелает Россия, караван-сараев.

3. Иметь караван-башей во всех городах ханства.

4. Уравнения русских купцов относительно пошлин с мусульманскими.

5. Свободного пропуска через Коканд русских караванов во все соседские владения»[1].

Как видно, ханство делало значительные уступки в пользу России. Кроме того, кокандский хан изъявлял готовность оказывать благожелательное содействие и во многих других вопросах, связанных с интересами Российской империи. Зимой 1871 г., когда вследствие неурожаев поднялись цены на хлеб, Худояр-хан снабжал Ташкент хлебом по дешевой цене. Он поставлял также провиант отрядам пограничных с Кокандом крепостей. Хан задерживал и выдавал царским властям бежавших от их преследования лиц. Александр II вскоре выразил хану свое удовлетворение и наградил его орденом Станислава I степени с бриллиантовой звездой[2]. Опираясь на Худояр-хана, царское правительство превращало Коканд фактически в свою полуколонию. Царская администрация Туркестанского генерал-губернаторства защищала власть Худояр-хана от многочисленных его противников. Худояр-хан теперь фактически стал вассалом царской России и только номинально считался ханом.

Сравнительно легкие успехи колониальной политики царской России в отношении Коканда, а также относительное улучшение международного положения России в Европе способствовали с конца 60-х годов некоторой активизации политики русского правительства в среднеазиатском вопросе. С начала 1868 г. главное внимание Туркестанского генерал-губернатора было обращено на Бухару. В ответ на отказ эмира ратифицировать проект мирного договора с Бухарой Кауфман предпринял

---

[1] Московские ведомости № 209 от 15 августа 1875 г.

[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. КТГГ, д. 169, л. I.

наступление на Самарканд. 2 мая 1868 г. он подошел к Самарканду и без сопротивления занял город. 6 мая царские войска без боя взяли Чилек, 17 мая заняли Катта-Курган, 3 июня под Зерабулаком разбили главные силы эмира. 23 июня 1868 г. было подписано соглашение с эмиром, по которому Бухара признала право России на Самаркандские и Катта-Курганские округа, уплачивала 500 тысяч рублей контрибуции, обеспечивала лучшие условия для торговли России и фактически превращалась в вассальное от Российской империи государство. Из вновь присоединенной к России территории был образован особый — Зеравшанский округ.

После этого Кауфман приступил к урегулированию отношений с Хивинским ханством. Отказ хивинского хана принять предложенные ему условия мирных отношений с Россией дал предлог туркестанскому генерал-губернатору перейти к активным действиям. В 1872 г. началось наступление на Хиву с четырех сторон: из Ташкента, Оренбурга, Мангышлака и Красноводска. Отряды кавказских войск в количестве 4300 человек начали двигаться к Хиве в начале февраля 1873 г. В конце февраля из Оренбурга выступили отряды генерала Веревкина в количестве 3400 человек. К концу мая Оренбургский и Туркестанский отряды подошли к Хиве. 29 мая 1873 г., когда шедший впереди отряд генерала Скобелева хотел начать штурм, Хива открыла ворота. Хивинский хан Мухамед Рахим принял предложенные ему условия мирного договора.

По договору, заключенному 12 августа 1873 г., хан лишался права самостоятельных внешних сношений, должен был уплатить контрибуцию в размере 2,2 млн. рублей, дать право свободной беспошлинной торговли в Хиве русским купцам и право свободного плавания русским судам по р. Аму-Дарье. В результате договора Хива теряла свою самостоятельность и фактически становилась государством вассальным в отношении России.

Таким образом, все среднеазиатские ханства превратились в зависимые от Российской империи страны и в политическом отношении в общем попали сначала в одинаковое положение. Но впоследствии иначе сложилась судьба Кокандского ханства. Худояр-хан правильно понял, что в интересах дальнейшего сохранения ханства и

своей власти ему надо стать вассалом русского царя и аккуратно исполнять требования царских властей. Кокандское ханство уже лишилось значительной территории с важными городами, которые отошли к России. «Победы русских генералов — Черняева, Колпаковского, Кауфмана,— писал К. Абаза,— сократили владения хана более чем наполовину: город Ташкент, Гуркестан, Ходженг отошли к России, часть кочевников признала ее подданство, прочие не хотели признавать ни чьей власти»[1].

С потерей Аулие-Ата, Чимкента, Ташкента, Туркестана, Ходжента, Ура-Тюбе и других городов с прилегающей к ним территорией, а также всей Северной Киргизии, Худояр-хан лишился многих доходов и старался теперь компенсировать убытки многочисленными поборами и усиленной эксплуатацией подвластных ему узбекских и киргизских трудящихся. В это время в Кокандском ханстве взималось до 20 видов различных налогов, причем с каждым годом они все больше и больше возрастали.

При осуществлении своей цели — превращения Коканда в свою колонию, царское правительство стремится опираться как на Худояр-хана, так и на поддерживающую его феодальную верхушку. Однако не все феодалы одинаково реагировали на такую политику царского правительства. Отдельные представители крупных феодалов, прежде оказывавшие немалое влияние на хана, теперь боялись потерять свое влияние на политику хана. Мусульманское духовенство и часть местного купечества также были несколько враждебно настроены к политике хана. Духовенство опасалось, что из России в Коканд может проникнуть новая религия, новые обычаи, и это подорвет их привилегированное положение, лишит вакуфных земель, доходов и т. д. Торговцы, особенно крупные, уже чувствовали конкуренцию российских товаров и были этим встревожены. Для них гораздо выгоднее было прежнее их положение, когда товары российских купцов облагались значительными пошлинами, что в значительной степени обеспечивало монополию кокандских торговцев на местном рынке. Теперь

[1] *К. К. Абаза.* Завоевание Туркестана. Спб., 1902, IV, стр. 228.

положение изменилось. Российские купцы свободно разъезжали со своими товарами по ханству и платили зякет не больше местных.

Недовольная часть купечества, духовенство, а также феодалы, не стоявшие близко ко двору, были не только отрицательно настроены по отношению к России, но и стояли в резкой оппозиции к Худояр-хану.

Но главная тяжесть от союза Худояр-хана с царским самодержавием падала на плечи трудящихся масс — крестьян, ремесленников, городской бедноты и основной массы кочевых скотоводов — чарба. Они подвергались теперь не только ханско-феодальному, но в известной мере и колониальному гнету. Несмотря на уменьшение территории ханства, количество налогов и общая их сумма непрерывно возрастали. В качестве основных налогов считались харадж, танап и зякет. Харадж — налог на продукты земледелия, собирался натурой с земледельцев. Размеры его обычно определялись: с орошаемых земель $^1/_5$ частью собранного урожая, а с неорошаемых земель — $^1/_{10}$ частью урожая. Собранный хлеб и другие виды зерна шли на содержание ханского двора, ханских чиновников, гарнизонов крепостей, военных сил хана и т. д. Хан также продавал часть этих продуктов.

Танап — тоже поземельная подать, собиралась с земельных участков, занятых фруктовыми садами и огородами. Зякетом облагались торговцы, а также все кочевники.

Размеры этих налогов обычно определялись шариатом — своеобразным кодексом мусульманских религиозных законов. Размер зякета, собираемого с киргизов, обычно определялся: с овец — $^1/_{40}$ часть, с лошадей — $^1/_{40}$ часть, с крупного рогатого скота — $^1/_{30}$ часть, с верблюдов — 1 баран с 5 голов[1]. Однако на практике эти нормы почти всегда нарушались в зависимости от различных обстоятельств и условий — война, неурожай, падеж скота, феодальные мятежи, смена правителей и т. д. и сбор осуществлялся обычно в большем размере. Кроме основных видов налога, правительство Коканда с

---

[1] *Пантусов Н.* Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве. «Туркестанские ведомости», №№ 16, 17, 1876 г.

большей изобретательностью выдумывало многочисленные виды косвенных поборов.

Хан не доверял сборщикам налога и предпринимал различные меры, чтобы не дать возможности им присвоить себе что-либо из собранного. Терентьев приводит такой пример: «В видах «фактического контроля» придумана была довольно остроумная мера: когда саркеры (т. е. сборщики) возвращались со сборов податей, то по дороге им устраивали засады, грабили их до последней копейки и везли казну к хану»[1]. Дехкане, ремесленники и трудовые скотоводы обрекались на разорение, нищету и голод. Даже Скобелев был вынужден признать, что «здесь в Азии, как и везде, нужда, голод, беспорядки»[2]. И в то же время, когда масса кокандского дехканства и скотоводов нищенствовала, Худояр-хан тратил только на своих 36 жен около 300000 рублей в год[3].

Положение народных масс становилось невыносимым и приводило к частым стихийным выступлениям, которые происходили то в одном, то в другом конце ханства. Особенно тяжело было основной массе кочевников-скотоводов, хозяйства которых нередко разорялись от феодального угнетения, разного рода стихийных бедствий, например, джута. Особенно большой падеж скота произошел в Алайской долине в связи с джутом 1870—1871 гг.

В результате этого джута немалое количество киргизских хозяйств разорилось. Они частью стали переходить к земледелию, считая это занятие более продуктивным и устойчивым, чем скотоводство. Н. Маев сообщает: «Суровая зима 1870—1871 гг. тяжело отозвалась на скотоводстве киргиз и многих из них заставила обратиться к земледелию, как к промыслу, более обеспеченному от разных случайностей и неблагоприятных климатических условий»[4].

Однако это не было выходом. Основная масса кирги-

---

[1] *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. Т. II. Спб., 1906, стр. 332.

[2] *Брянов.* На память о Фергане. Н. Маргелан, 1901 г., стр. 53.

[3] *Маев Н.* От Ташкента до Кульджи. Материалы для статистики Турк. края, вып. II, Спб., 1873, стр. 295.

[4] Там же.

зов оставалась по-прежнему в условиях нищеты и разорения.

Политика Худояр-хана в отношении киргизских феодалов, отстранение их от управления ханством, способствовала образованию сильной оппозиции в их среде. Эта оппозиция, использовавшая в своих интересах движение народных масс, сыграла впоследствии значительную роль в падении Кокандского ханства. В Алае, у племени адыгене, эту оппозицию возглавляла Курманджандатха.

Позиция феодальной верхушки южных киргизов, так же как и в свое время позиция главных манапов северных киргизов — Боромбая у бугинцев, Джантая и Шабдана у сарыбагышев и Байтика у солтинцев — по отношению к России и Коканду сыграли немалую роль в падении последнего.

Как известно, в 60-х годах XIX века благожелательное отношение основной массы северных киргизов к России привело к тому, что Северная Киргизия фактически была не завоевана, а добровольно вошла в состав России. В этом деле действия большинства крупных манапов в пользу России, вызванные исключительно защитой их классовых интересов, объективно совпали с интересами киргизского народа.

Период существования Кокандского ханства в качестве вассального от России государства (1868—1876 гг.) был наиболее тяжелым для народных масс. Серьезные поражения в борьбе с царской Россией и потеря всей Северной Киргизии и значительной части территории с многотысячным населением и богатыми торгово-ремесленными городами — Ташкентом, Чимкентом, Туркестаном, Ходжентом и другими,— все это сильно ослабило Кокандское ханство. Финансы были истощены, и источники нового пополнения казны сократились. Значительно сузились материальные и людские ресурсы для усиления военных сил ханства. Кокандское ханство, являвшееся в середине XIX века одним из крупных ханств Средней Азии, теперь стало небольшим и слабым вассальным государством. Для дальнейшего продвижения царских войск в глубь Ферганской долины и окончательного завоевания всей территории Кокандского ханства уже не существовало серьезных препятствий. Но цар-

ское правительство, учитывая международное положение и особенно опасаясь осложнений с Англией, находило пока более целесообразным сохранение видимой самостоятельности ханства. В это время России «...нельзя было сделать ни шагу, чтобы не расшевелить английских дипломатов, сыпавших запросами, и чтобы не растревожить Ост-Индийскую империю»[1]. Усиление России в Средней Азии «...перепугало Англию не на шутку: заскрипели перья сент-джинского кабинета, посыпались ноты и запросы — началась дипломатическая кампания»[2].

Царское правительство понимало, что в слабом и вассальном Кокандском ханстве можно будет свободно хозяйничать и при сохранении его мнимой самостоятельности. Для укрепления позиций России в Коканде туркестанский генерал-губернатор считал полезным оказывать время от времени поддержку своему вассалу Худояр-хану. В свою очередь хану было очень важно для укрепления своей шаткой и ослабленной власти опереться на поддержку царского самодержавия, что ему и удалось. Покровительство могущественного государства обеспечивало Худояр-хану относительную безопасность как от посягательств со стороны других государств, в частности Бухарского эмира, постоянно стремившегося к присоединению Коканда к своим владениям, так и от внутренних врагов, в частности от восстаний киргизов и кипчаков. Последнее обстоятельство в это время имело для Худояр-хана решающее значение. Хан не стеснялся даже открыто заявлять, что в случае сопротивления киргизов его власти ему на помощь немедленно придут военные силы Туркестанского генерал-губернатора. «Санкт-Петербургские ведомости» писали в 1874 году: «Если бы не боязнь вмешательства русских войск в дела ханства, которым постоянно грозит хитрый правитель Коканда измученному налогами и жестокостями населению, то киргизы давно восстали бы против него и положили бы конец его деспотическому владычеству»[3].

---

[1] *М. Терентьев.* Россия и Англия в Средней Азии. Спб., 1875, стр. 218.

[2] Там же, стр. 219.

[3] «С.-Петербургские ведомости» за 1874 г., № 268.

Так складывался союз между ханом и туркестанским генерал-губернатором.

Однако несмотря на это власть Худояр-хана оставалась непрочной. Вассальное положение Худояр-хана не мешало ему по отношению к своим подданным вести по-прежнему политику хищного и жестокого правителя.

Современники единодушно свидетельствовали о чудовищном росте налогов в Кокандском ханстве в этот период[1]. Сохранилось много документальных материалов, подтверждающих свидетельства современников. В одном из таких документов приводятся следующие факты: «Худояр-хан угнетает всех страшными поборами. Лавки на базарах на откупу у хана. С товаров, с съестных припасов взимаются тяжелые налоги, со всякого имущества взимаются большие деньги. Даже за колючку, собираемую для топлива, несчастные жители вынуждены платить. Только ничего не имеющий — нищий может считать свой карман в безопасности от нападения алчных властей Коканда»[2]. В 1874 г. и. о. генерал-губернатора Туркестана Колпаковский о налоговой системе, а также о трудовой повинности в Кокандском ханстве писал:

«1. Для проведения дорог, постройки ханских домов, для работы на его пашнях и в его садах, а также для проведения арыков и каналов, рабочие сгоняются со всех концов ханства, причем они должны трудиться безвозмездно, а в случае неявки на работы, эти люди наказываются палками, причем случается, что их забивают насмерть (таких примеров было 4—5). Иногда бывает и так, что несчастных ослушников зарывают живыми в землю.

2. В прежнее время хворостом, валежником, камышом и травой всякий пользовался по мере необходимости, ныне же, привезший известное количество, должен доставить хану половину, который продает его через своего серкера (сборщиков податей), или же собранный камыш или другие по базарной цене. Кроме того при городских воротах с каждой арбы камыша или хворо-

---

[1] *В. Н. Пантусов.* Указ. соч., а также *М. Терентьев.* История завоевания Средней Азии, т. II, Спб., 1906.

[2] ЦИА Узб. ССР, фонд I, оп. 268, лл. 2—3.

ста взимается по $^1/_2$ тянге[1] и за место на базаре — по одной тянге.

3. Из сбора пиявок хан также сделал доходную статью и продает таковых через особо приставленных к таким прудам людей всем нуждающимся.

4. При продаже рогатого скота в пользу хана взимается с каждой головы по одной тянге, а с барана по пол тянги.

5. Со всех товаров, привозимых в Коканд, взимается $^1/_{40}$ часть стоимости — «зякет» и, кроме того, в пользу хана $^1/_5$ с продажной цены.

6. Со всякого верблюжьего вьюка шелка или хлопка взимается 10 тянег.

7. При розничной торговле берется, смотря по ценности вещи, сапожного товара, платья и т. п. поштучно, по 2 копейки до $^1/_2$ тянги.

8. С каждого чарека ($^1/_4$ пуда) какого бы то ни было зерна при продаже берется 2 коп.

9. С арбы овощей и фруктов берут в пользу хана от 2 до 3 тянег, кроме того из этих же предметов взимается херадж и танап, а также берут и за место на базаре.

10. С молока и масла берут с каждой чашки по одной копейке.

11. С каждой пары диких уток и гусей, привозимых на базар для продажи, в пользу хана берут одну штуку.

12. С домашней же птицы берут с каждой штуки по 1 коп., а с сотни яиц по 1 тянге.

13. За скот вообще уплачивается зякет, но кроме того в пользу хана взимается с каждого проданного верблюда по 2 тянги, а с лошади и осла по 1 тянге.

14. Хан имеет несколько ученых медведей, волков и собак, которых он посылает со своими людьми на базар, причем приказывает взимать за это развлечение с каждой лавки по 1 коп., кроме того хан рассылает по базарам также и своих шутов и собранные ими деньги употребляет на расходы по своей кухне.

15. Всякий имам (мулла), назначенный в мечеть, платит за это хану 5 тянег.

16. Если хан узнает, что в каком-либо семействе собрались на праздник обрезаний (туй), то и посылает ту-

---

[1] Тянге — 20 коп. по дореволюционному курсу рубля.

да своих музыкантов, которые, получая каждый по халату, приносят кроме того хану от 2 до 5 тянег.

17. Во время ежегодного загородного гулянья каждое общество ремесленников и купцов подносят хану... от 100 до 1.000 тянег. За несоблюдение сего обычая старшины, виновные наказываются ударами.

18. Если хану особенно понравится сад или участок земли и он задумает приобрести таковой у хозяина, то он никогда не обращает внимания на настоящую цену земли и на капитал, затраченный хозяином в продолжение многих лет на улучшение участка. Если место это было куплено 20 лет тому назад за 100 тилле и хотя бы теперь цена имения удесятерилась, хан все-таки не даст более первоначальной цены и безответный хозяин поневоле подчиняется воле грозного владетеля Коканда»[1].

Кроме того, собирались особые пошлины и сборы за луга, за переправу через реку, за прогон скота и проезд торговых караванов через определенные территории, через мост и т. д. Под тем предлогом, что плодами дикорастущих фруктовых деревьев в горах некоторых районов Южной Киргизии, (где имелись большие массивы этих деревьев, как фисташковые и ореховые рощи Арслан-боба и др.) пользуется кочевавшее в этих районах население последнее облагалось также особым сбором[2].

Приведенные документы наиболее красноречиво раскрывают произвол ханской власти и тяжелое положение налогоплательщиков.

Жестокая налоговая политика хана особенно хищнически и грабительски проводилась среди менее организованного кочевого киргизского населения.

Чрезмерное увеличение налогов встречало сопротивление населения, нередко отказывавшегося их платить. В последние годы правления Худояр-хана участились случаи расправы со сборщиками налогов, сборщиков убивали, а собранные ими скот, имущество, деньги и другие ценности распределялись среди населения. Это особенно часто имело место в кочевьях киргизов.

Но дело не ограничивалось только налоговым гнетом. Чрезвычайно изнурительной для народа была насильственная мобилизация людей на государственные рабо-

[1] ЦГВИА, фонд ВУА, д. № 6868, лл. 109—110

[2] «Биржевые ведомости». 1873 г., № 337

ты. Не только исправление и строительство дорог и мостов, ремонт и постройка крепостных стен и укреплений, ремонт оросительной системы, но и сооружение новых больших каналов, постройка ханских дворцов производились в принудительном порядке рабским трудом населения. Современники сообщают об исключительно тяжелых для народа условиях ханских государственных работ. При очень плохом питании, при ужасающих жилищных условиях, отсутствии врачебной помощи и минимальных санитарно-гигиенических условий районы, где проводились эти работы, превращались в рассадники различных инфекционных заболеваний, в места массовой гибели рабочего населения[1].

Пригнанные насильственно к месту работы люди часто на месте оказывали сопротивление ханским надсмотрщикам и начальникам, отказывались работать и при первой возможности бежали. Хан приказывал наказывать беглецов беспощадно, вплоть до зарывания живыми в землю, что и выполнялось ханскими наместниками и начальниками[2].

Хан и его наместники были деспотами. Современники указывали: «Управление в Коканде деспотическое, но непосредственная власть хана ограничивается только городом и его округом. Остальная часть ханства управляется беками и хакимами, которые пользуются в пределах вверенных им округов неограниченной властью»[3]. Деспотическое правление Худояр-хана нашло свое выражение и в том, что хан более чем кто-либо из его предшественников стал грубо попирать национальные особенности киргизов и всецело подчинять их жизнь правилам «шариата». В газете «Санкт-Петербургские ведомости» отмечалось: «Политика прежних кокандских властей возобновлена Худояр-ханом еще в большей степени. Кочевое население, имеющее свои особые нравы и обычаи, насильственно начали подчинять шариату»[4].

Худояр-хан мог осуществить свою безграничную тиранию и хищничество только вследствие того, что

[1] Очерк Кокандского ханства. Вестн. Европы, кн. X, 1875.
[2] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, лл. 111—112.
[3] *Н. Обручев.* Военно-статистический сборник, вып. III, Спб., 1863, стр. 130.
[4] «С.-Петербургские ведомости», № 268, от 28 сентября 1874 г.

чувствовал за собой поддержку царских властей. Об этом в официальной прессе — «С.-Петербургские ведомости», писалось: «Могущественное покровительство русских служило одним из средств запугивания своих непокорных подданных, особенно киргизов»[1].

Однако положение трудящихся масс становилось настолько невыносимым, что им стало «невозможно ни жить, ни умереть»[2].

Недовольство правлением Худояр-хана охватило и правящие классы ханства, доходы которых в связи с обнищанием народа стали заметно сокращаться. К тому же размеры сбора в пользу хана с духовенства, торговцев и землевладельцев по сравнению с прежними значительно возросли. Опираясь на поддержку царских властей, хан мало стал считаться со знатью, мало стал оберегать их былые привилегии. В ответ на это оппозиция феодальной знати, духовенства и купечества стала обвинять хана в нарушении «шариата», в отступлении от «пути ислама» и т. д. и т. п. Но кроме всего этого, Худояр-хан и как личность имел много отрицательных сторон, которые также служили причиной недовольства. Во «всеподданнейшем отчете» Кауфмана указывалось, что «...не только народ, но и приближенные, окружающие хана, были возбуждены против него вследствие несправедливости, жестокости и мстительности его»[3].

Среди господствующих классов хан имел известную поддержку только со стороны некоторой части купечества, которая вела торговые операции с Россией и потому была не заинтересована в нарушении мирных отношений с нею. Купечество вообще дорожило спокойствием и безопасностью, гарантировавшие их права и условия нормальной торговли, которые раньше в Коканде постоянно нарушались в связи с дворцовыми переворотами, феодальными раздорами.

Что касается киргизского и другого населения, то оно не мирилось со своей тяжелой участью. «Уступая силе и жестокости,— говорится в одном источнике,— киргизы и кипчаки затаили вражду и ненависть, поко-

---

[1] «С.-Петербургские ведомости», № 268, от 28 сентября 1874 г.
[2] *Ф. Энгельс.* Соч., т. XV, стр. 408.
[3] ЦГИА Узб. ССР, ф. 11-с, оп. 3, д. 346, л. 176.

рились в ожидании удобного случая, чтобы отплатить кровью за кровь»[1].

Широкие слои народных масс поднимались на борьбу, чтобы сбросить ненавистное и тяжкое иго кокандского хана. История Кокандского ханства изобилует почти беспрерывными народными восстаниями. С начала 1870-х годов в районах кочевий южнокиргизских племен стали возникать стихийные народные волнения, не организованные и локальные. Разрозненные выступления трудящихся киргизов находили сочувствие и поддержку со стороны трудящихся узбеков и прежде всего деревенской бедноты. «Дурное управление, непосильные налоги и поборы, установленные Худояр-ханом ради личного обогащения,— писал один из современников,— переполнили чашу терпения населения Ферганы и вызвали волнение прежде всего у киргизов восточной части ханства»[2].

Весной 1871 г. в Алайской долине вспыхнуло восстание. Для его подавления туда был направлен Атабек-датха со значительной военной силой. Ему удалось подавить восстание, 12 видных руководителей восстания были повешены. Но в 1872 г. «...гарнизон укрепления вместе с датхою был захвачен врасплох алайскими киргизами и вырезан до одного человека»[3]. Такие разрозненные восстания продолжали вспыхивать и в других частях ханства.

Усиление феодально-ханского гнета вызывало протест народных масс.

Весной 1873 г. началось крупное восстание южных киргизов, направленное против кокандского господства. Во главе восставших стал киргиз из Маргеланского уезда Исак.

Исак родился в 1844 г. в сел. Ухне Маргеланского вилайета. Отец его Хасан происходил из рядовых кирги-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. I, оп. 9, д. 278, л. 3.

[2] *Н. П. Корытов.* Самозванец Пулат-хан, Ежегодник Ферганской области, т. I, вып. 1902 г., Новый Маргелан, 1903, стр. 20.

[3] *Л. Костенко.* Экспедиция в Алайские горы. «Русский инвалид», № 239, 1876 г.

зов рода бостон. В молодости он сумел получить духовное образование и стал мударисом «Ак-Медресе» в Маргелане. Исак также учился в «Ак-Медресе» и, получив духовное образование, некоторое время служил имамом при одной из мечетей в Андижане. Однако он вскоре бросил духовную карьеру и, связавшись с торговцами, переехал в Ташкент. Во время своих переездов и работ по селам и городам ханства Исак сошелся с многими лицами, которые немало рассказывали ему о былом «могуществе и славе» Кокандского ханства, о его всесильных временщиках, о произволе и насилии Худояр-хана, о тяжелом положении народа и т. д. и т. п. «В Ташкенте он сошелся с кураминцем Абду-Мумыном Аталыком,— сообщает Н. П. Корытов,— старым воякой, выросшим в смутах прежнего времени. Сподвижник Алымкула Аталык, испытав мощь русского оружия, в силу необходимости должен был обратиться к мирному занятию земледелием; у него-то в качестве работника и остался жить Мулла-Исак.

Вероятно рассказы Абду-Мумына о Мусульман-Куле, Алымкуле, о восстаниях кипчаков и киргизов, потрясавших ханство и ставивших на престол своих ханов, произвели сильное впечатление на молодого Муллу-Исака и породили в нем стремление к приключениям»[1].

Мулла-Исак, хорошо знавший тяжелую жизнь трудящихся, сочувствовал их бедственному положению и резко осуждал хищническую политику Худояр-хана. Но его социально-политические взгляды были ограничены условиями той патриархально-феодальной среды, в которой он жил, и отсталым религиозно-фанатическим мировоззрением. Его идеалом было создание сильного Кокандского ханства с «хорошим» ханом во главе, который позаботился бы об улучшении положения всего народа

Глухое брожение происходило и среди оседлого населения ханства. В «Сведениях о Кокандском ханстве», составленных царской администрацией, указывается: «Как выше упомянуто, оседлое население крайне недовольно теперешним ханом и, при малейшем толчке откуда-нибудь, которого все желают и ожидают с нетерпением, вся теперешняя администрация готова рухнуть,

[1] *Н. П. Корытов.* Указ. соч., стр. 20.

как отжившее свой век гнилое дерево... Главные старания кара-киргизов направлены... на отыскание принца ханского рода для представления его кандидатом на место Худояра»[1]. Таким образом назревало восстание по всему ханству. Но по тогдашней традиции против хана мог выступить кто-либо из «законных» претендентов правящей династии. Киргизы нашли такую кандидатуру в лице Пулат-бека, сына Ибрагим-бека. Последний в свое время, после убийства его отца Алим-хана, бежал из Коканда от преследовавшего его Омор-хана. В 1842 г. после убийства Мадалы-хана Ибрагим-бек выступил претендентом на ханский престол и попал в плен к сторонникам, занявшим место Мадалы-Шералы-хана, и был убит. Теперь главари подготовляемого восстания вспомнили о его сыне Пулат-беке, который проживал в одном из медресе в г. Самарканде. При выборе кандидатуры роль играли главным образом феодальные круги, которые воспользовались своим влиянием на темные и забитые народные массы. Пережитки форм патриархально-родового быта создавали благоприятные условия для поддержания довольно сильного влияния родо-племенной аристократии на общину. Эти обстоятельства, во многих отношениях помогавшие феодальной аристократии маскировать и проводить свои интересы, играли роль и в выборе кандидатуры на престол.

В 1872 г. киргизы племени кутлук-сеит и найман отправили своих представителей во главе с Шир-датхой к Пулат-беку, приглашая его приехать к ним в Наманганский вилайет и стать во главе восстания, объявив себя ханом Коканда. Но Пулат-бек, считая это авантюрой, отказался.

Пулат-бек пользовался популярностью среди части феодалов, недовольной Худояр-ханом. Это объяснялось и враждебным к нему отношением со стороны сторонников Худояра, и воспоминаниями о времени Алим-хана, когда Коканд переживал период подъема. С именем Пулат-бека у части феодалов связывались надежды на возрождение ханства, как это было при Алиме. Учитывая эти обстоятельства, представители киргизских феодалов предложили Исаку принять имя Пулат-бека. Источники

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 11-с; КТГГ, оп. 3, д. 243-а, лл. 19—25.

рассказывают об этом следующее: «Бывшая у Пулат-бека депутация приехала в город Ташкент и остановилась в доме кураминца Абду-Мумына, которому рассказала о своей миссии в город Самарканд и о постигшей ее неудаче. Мулла-Исак сблизился с депутатами и, под влиянием Абду-Мумына, предложил депутатам себя вместо несговорчивого потомка династии мингов... Он изъявил полное согласие принять имя Пулат-хана, что не могло представить никакой опасности для депутатов, так как посылавшие их главари и население не знали в лицо действительного Пулат-бека. Так создалось самозванство Муллы-Исака»[1].

Основной движущей силой восстания являлись мелкие и средние скотоводы и дехкане, испытавшие на себе всю тяжесть грабительской политики Кокандского правительства, грубый произвол и массовые насилия ханских чиновников и феодальной знати. Но восстание не имело четко выработанной программы действий и ясно не представляло конечной цели и задач движения.

Патриархально-феодальные отношения, в условиях сильной политической отсталости, забитости и придавленности трудящихся масс, не давали возможности участникам восстания ясно осознать свои классовые интересы и четко сформулировать требования. Пользуясь этим, многие представители феодальной знати пытались использовать восстание в личных интересах для укрепления своего положения. Одни не хотели остаться в стороне из-за боязни потерять свое влияние среди народа, другие, по преимуществу крупные феодалы, решили воспользоваться движением, чтобы свести личные счеты с Худояр-ханом. Некоторые из киргизских, кипчакских и узбекских феодалов примкнули к восстанию в надежде усилить Кокандское ханство путем устранения Худояр-хана — вассала России — и избрания нового хана, независимого от туркестанского генерал-губернатора. Оппозиция из числа военной и чиновничьей верхушки, духовенства и феодальной знати явно стремилась к восстановлению ханства в прежних границах и к прежней самостоятельности, видя в этом возможность восстановления былых привилегий, власти, доходов и т. д. Для

[1] *Н. П. Корытов.* Указ. соч., стр. 22.

достижения своей цели они всячески стремились использовать народное возмущение против хана, подчинить движение народа своим интересам, направив его в нужное им русло. Именно это обстоятельство и придало впоследствии сложные и противоречивые формы в своей основе народному движению и в известной мере затемняло антифеодальный, антиколониальный, прогрессивный характер восстания.

Так в составе участников восстания переплетались различные социальные группы, интересы которых расходились. Но, несмотря на неоднородный социальный состав, восстание 1873—1874 гг. в Южной Киргизии носило антифеодальный, народно-освободительный характер.

Были отдельные представители киргизских феодалов, интересы которых были тесно связаны с Худояр-ханом, они не только не поддерживали восстание, но боролись против восставших на стороне хана или оставались нейтральными. Это были главным образом крупные феодалы, которых хан привлекал на высокие военные и гражданские должности, наделял высшими званиями «датха» и т. д. и обеспечивал им надежную поддержку в деле эксплуатации трудящихся масс киргизов. «Царица Алая» Курманджан-датха на первом этапе не принимала участия в восстании и осталась нейтральной. Абдрахман Афтобачи, сын Мусульманкула, служил у хана главнокомандующим и стоял во главе военных сил Коканда, подавлявших восстание.

В июле 1873 г. восстание началось в северо-восточной части ханства, в окрестностях Узгена и быстро охватило большую территорию. Непосредственным поводом к выступлению явилось чрезмерное увеличение зякета и других платежей, а также произвол сборщиков зякета. В этом году Худояр-хан значительно увеличил зякет с баранов, потребовав вместо одного барана с каждой юрты три[1]. Зякет был увеличен также и на лошадей, верблюдов и рогатый скот. В рапорте военному губернатору Семиреченской области от 27 сентября 1873 г. говорится следующее: «Вообще народ в Коканде сильно не доволен противозаконным сбором зякета, ибо таковой вместо $^1/_{40}$ части с имущества, как бы это следо-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 58, док. 476.

вало по магометанскому закону, с народа берется в размере $^1/_{30}$ и даже $^1/_{20}$ части, вследствие чего подданные Коканда при первой возможности готовы будут изъявить желание перейти в подданство России»[1].

Киргизы первое время не выполняли требований хана, но на открытую борьбу еще не решались. Пока борьба их выражалась в пассивной форме сопротивления, выразившаяся главным образом в откочевке в труднодоступные места. Откочевка принимала массовый характер: откочевывали до 20 тыс. юрт киргизов и 10 тыс. юрт кипчаков из южных и юго-западных районов ханства в глубь гор. Однако ханские сборщики настигали их и там. Прибывшие на место кочевок сборщики зякета требовали выплаты зякета полностью и немедленно. Киргизы просили 7-дневный срок, но в этом им было отказано. Ханский отряд, сопровождавший зякетчиков, схватил несколько киргизов, чтобы представить хану для примерного наказания за неуплату «законных» податей. Это послужило непосредственным поводом к открытому вооруженному выступлению против ханских отрядов. В донесениях русской администрации сообщается: «Другие кара-киргизы, узнав об этом, поспешили явиться к месту действия, завязали стычку, убили и самого зякетчика, четырех его охранников, разграбили имущество их, потеряв сами убитыми 6 человек. Хан, узнав об этом, послал на них свои войска, которым предписано было не щадить никого и грабить. Между тем кара-киргизы, успевшие собраться, вышли навстречу войскам хана, разбили и прогнали их... Хан выслал новые войска, числом до 1000 человек, под начальством Афтобачия, который вошел с кара-киргизами в переговоры, уверил их, что он на их стороне, что сочувствует их делу и проч. и уговорил разойтись с сообщением: поладить дело мирным путем. После таких заверений кара-киргизы немного успокоились и некоторые стали разъезжаться. Дождавшись только этого, Афтобачия бросился на кара-киргизов, застал врасплох и рассеял их»[1].

Однако для окончательного усмирения киргизов Абдурахман решил снова вступить с ними в мирные пере-

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. КТГГ, опись I, д. 278, лл. 102—103.
[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. Дипл. чинов., д. 14, арх. № 337, лл. 11—12.

говоры. Он попросил восставших выделить 40 человек из числа наиболее влиятельных предводителей восстания в качестве депутации к хану для мирных переговоров и окончательного решения всех вопросов. Восставшие согласились на эти условия и выделили 40 человек депутации. Однако хан, заманив депутацию ко двору, вероломно всех предал казни, стремясь этим обезглавить движение и нагнать страх на восставших. Но это не дало ожидаемого результата. Наоборот, вероломная расправа послужила непосредственным толчком к началу массового восстания киргизов против ига Кокандского хана.

После неудачи под городом Ханабадом весной 1873 г. и предательского убийства Худояр-ханом 40 лидеров движения, восставшие нанесли ряд поражений ханским отрядам и в июле 1873 г. заняли город Узген. В этом районе захватили также крепость Сук, в которой находилась на тайном хранении часть ханской казны. Комендант крепости Алим попал в плен[1]. Для подавления восстания была направлена значительная военная сила, под начальством брата хана Муратбека, занимавшего тогда должность маргеланского бека. Однако Муратбек не сумел справиться с повстанцами. Восстание продолжало расширяться. Вскоре были заняты крупные населенные пункты Касан, Ош, Сузак. В телеграмме начальника Ходжентского уезда Эйлера, посланной Колпаковскому 3 августа 1873 г., указывалось: «В Коканде снова вспыхнуло восстание. Кипчаки, киргизы вследствие жестокостей хана поднялись повсеместно. Андижан оставлен кокандцами, Худояр неизвестно где скрывается»[2]. Восставшими были взяты военные укрепления Уч-Курган, Булак-Баш и ряд других.

В занятых восставшими кишлаках и городах узбекское население в своем подавляющем большинстве горячо сочувствовало повстанцам, а беднейшая его часть активно поддерживала восстание. Вскоре в лагерь восставших перешел ханский отряд 3000 человек. В это время восстание приняло широкие размеры. Напуганный Худояр-хан, не надеясь на свои силы, обратился за по-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 58, док. 476, а также ф. 11-с, д. 196, л. 12.

[2] ЦГИА Узб. ССР, фонд КТГГ, опись I, д. 278, л. 74.

мощью к своему покровителю. «Худояр-хан,— отмечал М. А. Терентьев,— просил содействия русских войск для усмирения бунтарей...»[1]. Но русские власти пока оставались нейтральными. Против восставших ханом были двинуты крупные отряды под начальством Абдурахмана Афтобачи и Иса-Аулие. Но и после этого не удалось подавить восстание. Боясь ханского гнева, Абдурахман удалился в г. Тюра-Курган. В донесении царской администрации указывается: «Города Узген, Уч-Курган, Ош, Сузак, Тузак-башы ими взяты, уч-курганский бек бежал, г. Булак-башы разграблен, а беку его воткнули в рот жердь. Около 3000 (по другим сведениям 5000) кокандских сарбазов перешло к мятежникам, а 3000 было взято в плен.

Хан послал Афтобачу и наманганского бека Шаумилию против мятежников, а другим бекам приказал выступать. Было много сражений и много убитых с обеих сторон. Афтобачи захватил 20 киргизов. При допросе пленные показали, что заговор против хана распространяется повсюду очень быстро и что даже 20 сановников ханских участвуют в этом заговоре. Абдурахман пошел против мятежников, но его войско разбежалось и он сам, устранив себя от командования, удалился в г. Тюря-Курган. Оседлое население постепенно примыкает в восстанию. В городах Коканде и Андижане сильные волнения, ожидают только прихода киргизов, чтобы к ним присоединиться и свергнуть Худояр-хана»[2].

Хан продолжал энергичные действия против повстанцев. В сентябре 1873 г. Муратбеку удалось нанести поражение главным силам восставших. Многие повстанцы попали в плен, над которыми хан устроил жестокую расправу. Ряд видных руководителей движения был казнен, в том числе Оморбек, Бердибек, Каратай и другие предводители движения. Особенно большой урон был нанесен повстанцам при Тюре-Кургане. Начались обычные варварские меры наказания. Так в г. Ассаке по приказанию хана 270 пленных повстанцев были посажены на кол[3].

---

[1] *М. А. Терентьев.* История завоевания Средней Азии, Спб., 1906, т. II, стр. 333.

[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. КТГГ, опись I, д. 278, лл. 26—30.

[3] Там же, ф. 715, д. 58, док. 531.

Ханские войска, преследуя разбитые около Ханабада отряды одного из руководителей восстания — Мамыра, состоящие из племен кушчу, мундус, багыш, басыз, карабагыш и др., совершали невероятные жестокости. По свидетельству очевидцев, они «...на пашнях убивали женщин и детей, беременным женщинам распарывали живот»[1]. Даже официальная пресса царской России не могла скрыть этого варварства. «Худояр-хан,— писала газета «С.-Петербургские ведомости»,— приказал вырезать бунтующих киргизов и кипчаков без всякого суда, не только сотнями, но и тысячами, так что можно сказать, что он обратил Коканд в лобное место»[2].

Остатки разбитых сил повстанцев рассеялись по труднодоступным местам Тянь-Шаня и Памиро-Алая, неся при этом во время спешной откочевки огромные потери в скоте. Среди некоторой части повстанцев наметились признаки паники и неверия в свои силы. Однако, несмотря на это, они в целом оставались по отношению Худояр-хана по-прежнему непреклонными.

Худояр-хан, решив жестокими мерами окончательно подавить восстание, произвел массовые казни его участников. Многие айылы восставших подверглись грабежу, разгрому, а кое-где и уничтожению. Трупы убитых валялись на дорогах и в селах, а повешенные месяцами болтались на деревьях для устрашения населения. Однако жесточайшие репрессии не привели к упрочению власти хана над Южной Киргизией. Наоборот, они еще больше ожесточили повстанцев, усилили недовольство народных масс и серьезно усилили тягу южных киргизов к принятию русского подданства. Одновременно повстанцы повсеместно готовились к новому, еще более мощному выступлению против хана.

Слабо организованным и очень плохо вооруженным повстанческим отрядам трудно было бороться с регулярными ханскими войсками. Повстанцы искали поддержки и помощи извне. Наиболее важной для восставших могла быть поддержка со стороны России. Южнокиргизские племена в это время неоднократно обращались за помощью и покровительством к местной царской ад-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. КТГГ, д. 278-а, лл. 43—46.
[2] «С.-Петербургские ведомости», 1874, № 268.

министрации. Через своих представителей и посланцев они просили русские власти о принятии их в подданство России. В то же время они просили о том, чтобы Россия отказала в помощи Худояр-хану.

Еще до начала массового выступления против Худояр-хана некоторые южнокиргизские племена сделали решительные шаги к переходу в русское подданство. Здесь немаловажное значение имело то обстоятельство, что северные киргизы, уже принявшие подданство России, зажили мирной жизнью и ввиду некоторых льготных условий, представленных им на первых порах царским правительством, оказались в сравнительно лучших условиях, чем южные. Это оказывало свое влияние. К тому же принятие подданства России южнокиргизскими племенами казалось не столь сложным делом. Южные киргизы были уверены, что это может произойти легко. Однако они не учли изменившихся политических условий в Средней Азии. Когда в 1850—60-х годах северные киргизы принимали русское подданство, среднеазиатские ханства, особенно Коканд, всячески сопротивлялись продвижению России в сторону Заилийского края, Северной Киргизии и по Сыр-Дарье, усматривая в этом угрозу своей независимости. Непосредственное столкновение России с Кокандом как со стороны Оренбургской, так и со стороны Сибирской линии прежде всего привело к обострению взаимоотношений России с Кокандским ханством. В этих условиях царское правительство стремилось использовать любое движение среди подвластного Коканду народа, направленное в какой-то форме против Кокандского ханства и могущее ослабить его силы. Царское правительство всячески поддерживало движение среди северокиргизских племен, направленное против Коканда. Даже движение северных киргизов, носившее объективно национально-освободительный характер, в то время встречало поддержку царской России. Так было во время борьбы киргизов против султана Кенесары, когда царское правительство готово было поддержать киргизов вооруженной силой, поскольку эта борьба была направлена и против одного из его врагов в деле упрочения его господства в Казахстане. Такое положение привело к тому, что любое обращение какого-либо из северокиргизских племен о принятии в подданство

России, начиная с 1850-х годов, находило со стороны царского правительства неизменную поддержку и одобрение.

Другое положение было к середине 1870-х годов. К этому времени все среднеазиатские ханства попали в зависимость от России и стали ее вассалами. Особенно послушным слугою царя стал кокандский хан Худояр. Последний уже не защищал свою ханскую власть и владения от царской России, а охранял их с помощью царского самодержавия. Правительство царской России ввиду осложнения международных отношений, особенно с Англией, проводило в отношении Средней Азии более осторожную политику, сохраняя видимость самостоятельности всех трех ханств.

Действия южных киргизов в 1870-х годах, направленные на переход в русское подданство, происходили как бы вне связи с тогдашним политическим положением Средней Азии и в разрезе тогдашней среднеазиатской политики царизма. Поэтому обращение южнокиргизских племен к России, по примеру северных киргизов, было обречено на неудачу.

Одним из значительных актов было обращение части киргизов и узбеков Ферганской долины к русским властям в Верный в 1871 г. В Верный прибыл Ахмед-Ходжа с прошением, подписанным пятьюдесятью представителями городов и сел — Наманган, Туз, Чартак, Касан и Уварзек — по десять человек от каждого[1]. Военный губернатор Семиреченской области генерал-майор Колпаковский в своем донесении от 3 мая 1871 г. указывает: «Почетные люди от городов Намангана, Туза, Касана, Чартака и от всего края просят принять их в русское подданство»[2]. В заявлении Ахмед-Ходжи особо подчеркивается желание народа путем перехода в русское подданство достичь прежде всего мира и спокойствия; «сверх того,— указывается в заявлении,— народ желает в русском подданстве пользоваться тем же спокойствием и безопасностью, какими пользуются русские сырдарьинские города»[3].

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 46, док. 105.
[2] Там же.
[3] Там же, ф. 11-с, оп. 3, д. 122, лл. 1—3.

Однако ходатайство было отклонено. Причины отказа до некоторой степени видны из следующего текста отношения Колпаковского вышестоящим властям по этому вопросу. Колпаковский писал: «Я объявил Ахмед Ходже, что просьба его не может быть принята, ибо могущественный наш государь не желает увеличивать свое государство за счет владений кокандского хана и повелел главному начальнику своих азиатских провинций сохранить к кокандскому хану мирные отношения до тех пор, пока... хан Худояр и его преемники будут уметь ценить столь неограниченное внимание к себе Великого государя русского».

Киргизы, однако, несмотря на эту неудачу, в дальнейшем продолжали обращаться с просьбой о подданстве.

В одном из документов царской администрации, составленном в августе 1873 г., указывается: «Киргизы находятся в постоянных сношениях с Кокандом, Наманганом, Маргеланом и другими городами ханства. Во всех этих городах существуют громадные массы недовольных и, если они сделают почин серьезных действий, то все недовольные тот час же к ним пристанут. Относительно правительства, которое желательно установить по низвержении хана, существуют три партии. Две из них имеют кандидатов на престол..., а третья, и самая большая, желает водворение русских. Киргизы также этого желают, говоря, что сколько сот киргизов-единомышленников в подданстве белого царя в Оренбургском крае, в Сибири, и в Туркестане и все благодарят бога, того же желаем и мы»[1].

Обращения южных киргизов с просьбой о приеме их в русское подданство стали массовым явлением. В начале ноября 1873 г. прибыла к военному губернатору Сыр-Дарьинской области генерал-майору Эйлеру, а также к начальнику Ходжентского уезда подполковнику Нольде[2] депутация восставших. В письме, поданном подполковнику, киргизы писали: «Хан начал поступать против шариата, за это мы, не вынося несправедливости, огра-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. КТГГ, оп. 1, д. 278, лл. 16—18.

[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 11-е, д. 197, л. 10; а также ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 58, док. 540 и 541.

били его зякетчи. Худояр послал к нам войска свои, от которых мы убегали в горы, оставив наши кочевья. Но ханский военачальник успел захватить у нас 270 человек в плен, привез этих детей в гор. Ассаке, и по приказанию хана всех их велел посадить на кол. Тогда мы все собрались и объявили себя врагами хана...

Мы посылали наших киргизов Куль-Махамета и Камбар Серкера к токмакскому старшине Шабдану Джантаеву с просьбой быть нам другом и просили его также передать токмакскому майору, что мы желаем быть ему друзьями.

Просили мы также майора, чтобы он дал нам совет, что нам делать и что мы будем поступать так, как он нам скажет.

Майор нам велел передать, что если мы хотим войска, то они нам его дадут. Потом сам Шабдан батыр к нам приехал и сказал нам, чтобы мы сделали начальником над собой Мичи-бия. Мы так и сделали, затем он нам сказал, чтобы мы взяли Андижан,— поэтому мы дрались с войсками хана. Вот и все наши действия»[1]. Царские власти Туркестана к обращению многочисленных киргизских «родов» о принятии их в русское подданство отнеслись, однако, отрицательно. Туркестанский генерал-губернатор решительно поддерживал в это время «права» и власть Худояр-хана над его «подданными» и не допускал мысли о принятии южных киргизов в русское подданство. Он даже предлагал прекратить всякие связи южных киргизов с северными. В своей инструкции военным губернаторам Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей Колпаковский указывал: «...в случае, если бы в пределы вверенных... областей перекочевали кокандские киргизы, то немедленно их удалить в свои кочевья»[2].

Военный губернатор Сыр-Дарьинской области генерал-майор Эйлер в письме на имя туркестанского генерал-губернатора писал 6 ноября 1873 г., что он «...предложил барону Нольде выслать киргизов, доставивших письмо инсургентов, и иметь строгое соблюдение за нашей границей»[3].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 11-е, КТГГ, оп. 3, 1874, д. 197, л. 78.
[2] Там же, ф. 715, д. 58, док. 514.
[3] Там же, док. 541 и 566.

Военный губернатор Семиреченской области в письме на имя туркестанского генерал-губернатора писал в ноябре 1873 г.: «Распоряжение генерал-майора Эйлера, изложенное в его рапорте, я одобрил и усмотрев из письма инсургентов, что Ходжентский уездный начальник будто бы первый отправил к ним своего посланца и через того вошел с ними в сношение, предписал военному губернатору произвести строгое дознание с целью проверить и выяснить это заявление. Я распорядился, чтобы пограничным уездным начальникам было предписано отнюдь не входить в сношения с населением пограничных с ними владений»[1].

В связи с донесением Колпаковского об обращении восставших киргизов к барону Нольде Кауфман писал 18 декабря 1873 г.: «Нельзя не обратить внимание на ответ, данный ходжентским уездным начальником киргизам, обратившимся к нему с вопросом об участии нашем в поддержке кокандского хана. Об этом барон Нольде говорит: на что помогать хану и проч. Такого ответа подполковник барон Нольде не имел права давать уже потому, что ответ этот может поощрить киргизов к бунту или к сопротивлению хану»[2].

И. о. туркестанского генерал-губернатора Колпаковский в своем отношении вышестоящим инстанциям писал: «С своей стороны одобрив распоряжение генерал-майора Эйлера, я предложил и. о. военного губернатора Семиреченской области проверить заявление депутатов о сношении их через Шабдана Джантаева с токмакскими киргизами и буде это окажется справедливым, немедленно их прекратить и если у Шабдана Джантаева есть какая-либо переписка с депутатами, то отобрать ее и представить ко мне»[3]. Генерал Колпаковский в донесении на имя Кауфмана от 23 апреля 1874 г. писал: «Во время пребывания хана в январе месяце в Уш, на охоте кипчаки собирались напасть на него в одном из горных ущелий, но при получении известия о распоряжении моем возвратиться в пределы ханства киргизам, перекочевавших в Токмакский уезд осенью 1873 г. они отказа-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 58, док. 541.
[2] Там же, док. 514.
[3] Там же, док. 540.

лись от своего намерения, убедившись, что не могут ждать от нашего правительства какой-либо даже нравственной поддержки»[1]. Приведенная переписка царских властей в Туркестане говорит о решительном противодействии их в приеме в подданство России подвластных Худояр-хану киргизов. Последним предлагалось быть в беспрекословном повиновении у хана. Со своей стороны, Худояр-хан, зная, что за ним обеспечена столь твердая поддержка туркестанского генерал-губернатора в его борьбе с восставшими, вел себя исключительно жестоко и не шел на какие-либо уступки восставшим.

Ряд родов южных киргизов не ограничивался в это время письменными обращениями и посылкой депутации к русским властям с просьбой о принятии их в российское подданство. Они самовольно стали оставлять свои кочевья на территории Кокандского ханства в Южной Киргизии и откочевывать в Северную Киргизию, подвластную России.

15 декабря 1873 г. Колпаковский в своем донесении на имя военного министра сообщал: «...в течение сего лета кокандские киргизы, в числе 1700 кибиток, перекочевали из окрестностей Андижана в Токмакский уезд Семиреченской области и просили их принять в русское подданство»[2]. Осенью 1873 г. несколько сот семейств восставших киргизов переселились из районов, примыкающих к Андижану, в Аулие-Атинский уезд. Они обратились к военному губернатору Сыр-Дарьинской области с просьбой о принятии их в русское подданство[3].

Значительная часть восставших киргизов, во главе которых стоял Мамыр Мергенов, перекочевала в Кетмен-Тюбинскую долину, а частью в глубь Центрального Тянь-Шаня — Тогуз-Торо. Отсюда Мамыр обратился к токмакскому уездному начальнику с просьбой о приеме их в русское подданство. В мае 1874 г. племя мундус в количестве до 2000 юрт направило своих представителей к туркестанскому генерал-губернатору с прошением о приеме их в русское подданство[4]. Многие южнокиргизские племена, потерпевшие поражение в вооруженной

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, лл. 95—96.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 58, док. 566.
[3] История Узб. ССР, т. I, кн. II, Ташкент, 1956, стр. 94.
[4] ЦГИА Узб. ССР, ф. 11-с, КТГГ, д. 243-а, л. 27.

Киргизы, откочевавшие из Андижанского округа в пределы Аулие-Атинского уезда, состояли из следующих родов[1]

№№ пп	Название родов	Фамилия и имя старшины
1.	Баймундус	Осмон бий, Джолборс, Бердикул бий, Джанчы бий, Нияз бий и др.
2.	Осрак	Рахмат бий, Бала бий.
3.	Баглан	Сейт бий, Сарыкунчук
4.	Қырк тамга	Халпа бий, Мурун бий.
5.	Кушчу	Баймырза бий.
6.	Коман	Джусуб бий.
7.	Қыргыз-кыпчак	Мусульманкул, Алымкул
8.	Қарабагыш	Мулла Эсенбай и Асанбай.

борьбе с кокандским ханом, теперь рассматривали принятие русского подданства как единственный путь облегчения своей тяжелой участи.

Но как об этом свидетельствуют источники, царизм в лице Туркестанского генерал-губернаторства решительно в это время выступил на стороне Кокандского хана. Царское правительство не могло оказать восставшим помощь и в силу своей общей монархической охранительной политики, и в силу союзных отношений с вассальным Худояр-ханом, а также из-за опасения вызвать дипломатические осложнения с Англией.

Но главное здесь заключается в боязни царского правительства народного движения, которое уже совершенно определенно носило характер крестьянской войны. Крестьянская война, происходившая в пределах Кокандского ханства, легко могла перебросится на соседние районы. Она могла найти сочувствие и поддержку среди остальных народов Средней Азии и Казахстана, толкать их к восстанию против феодалов и царского самодержавия. Именно этого прежде всего опасалось царское правительство. С точки зрения интересов царизма опасение было не безосновательным. Осенью 1873 г. один из предводителей восстания, Мамыр, перешел в Центральный Тянь-Шань и стал призывать там подвластных

[1] См. письмо Худояр-хана к турк. ген.-губернатору от 5 ноября 1873 г. ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 58, док. 336.

России киргизов оказать поддержку восставшим. Он пытался также получить поддержку и со стороны Кашгара, но обращение его осталось безрезультатным.

5 ноября 1873 г. Худояр-хан обратился к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой возвратить всех перекочевавших в подвластную России территорию киргизов обратно в пределы Кокандского ханства. Худояр-хан писал: «вследствие существующего между нами единогласия... покорнейше прошу Вас, ради знакомства и дружбы со мной... сделать распоряжение о возвращении на прежнее место жительства киргизов, удалившихся с имуществом и скотом в настоящем году и раньше... Так, в случае, если Ваши киргизы перейдут в мои владения, то также будет приказано вернуть их обратно. Обе стороны должны следовать одинаковому образу действия»[1]. Просьба хана была полностью удовлетворена. Весною 1874 г. царские власти предложили переселившимся киргизам вернуться обратно в Кокандское ханство, что и было сделано. Колпаковский, исполнявший временно должность туркестанского генерал-губернатора, писал 17 июля 1874 г. Худояр-хану: «Из дружбы к Вашей светлости и согласно Вашему желанию я приказал весной настоящего года обратно направить в Коканд киргизов, перекочевавших в Токмакский уезд. Я надеюсь, что... простите им проступок, т. к. Вы несколько раз сообщали мне, что по возвращении кочевников они наказываемы не будут и никакого насилия и притеснения не потерпят»[2]. Возвратившиеся киргизы однако подвергались насилиям. Ханские отряды подвергали их аилы разграблению и ловили предводителей движения. В ответ на это киргизы вновь поднялись на борьбу против хана. Но в то же время некоторая часть восставших вновь начала думать о переходе в русское подданство. В этом отношении характерно обращение племени мундус в количестве 2000 юрт к туркестанскому генерал-губернатору 4 мая 1874 г. В обращении они писали: «...Как мы, так и наши доверители в 1873 г. откочевали от Кокандского ханства в Туркестанский военный округ, дабы спастись от преследования кокандского хана, который немилосердно

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 58, док. 536.
[2] Там же, д. 61, док. 208.

казнил наших киргизов и грабил наше имущество. Мы поселились недалеко от города Токмака, в Кетмень-Тюбе и Тогуз-Торо, но тут нас начали притеснять и гнать жившие там киргизы родов Керимбека и Чоро-Боотай. Мы, не желая возвращаться обратно в Кокандское ханство, где нас немедленно ждет смерть, просим ходатайства Вашего перед Императорским Величеством Государем Всероссийским о принятии нас и наших доверителей под свое высокое подданство, об отводе нам и нашим доверителям места для кочевки. В нашем племени мундуз-илят находится две тысячи кибиток, которые поголовно принимают подданство России. Мы бы давно явились к Вам, но нас караулили и не пускали в Ташкент, так что мы только теперь могли тайком приехать сюда и лично просить у Вашего высокопревосходительства о вышеизложенном»[1].

Стремление киргизов к переходу в русское подданство тогда стало настолько известным, что оно даже нередко освещалось в прессе. В газете «Голос» от 12 июля 1874 г. сообщалось: «Южные киргизы попытались, прежде всего, искать помощи у русских, и летом прошлого года изъявили свое желание принять русское подданство». Но политика царского правительства по отношению восставших против Худояр-хана киргизов оставалась прежней. В подданство России киргизы не принимались. В этих условиях борьба киргизов против Худояр-хана возобновилась снова.

В мае 1874 г. Мамыр занял Базар-Курган и повел наступление на Андижан. Но под Андижаном он потерпел поражение и снова под натиском отрядов ханских войск бежал в Нарын, в пределы Токмакского уезда. В это же время развивалось наступление и со стороны Чаткала. В среде повстанческих войск был и Пулат, впоследствии провозглашенный ханом. Видную роль как руководитель движения здесь играл Момун Шамурзаков. Перевалив через горы Ала-Бука, повстанческие отряды заняли с. Касан. Размах восстания и успехи восставших сильно напугали Худояр-хана; он мобилизовал все свои силы. В октябре 1874 г. под г. Наманганом у с. Касан главнокомандующий ханским войском Абду-

[1] ЦГИА Узб. ССР ф. 11-е, КТГГ, д. 243-а, л. 27.

рахман Афтобачи и Иса-Аулие с 7000 воинами в решающем сражении нанесли повстанцам поражение. Восставшие понесли серьезные потери и рассеялись, руководители восстания бежали в отдаленные кочевья киргизских аилов. Момун с остатками своих воинов снова отступил в Чаткал. Но вскоре отрядами царских войск были захвачены два видных предводителя восстания — Мамыр и Момун. Мамыр был захвачен нарынским воинским начальником в середине июля 1874 г. и арестован. Впоследствии он из токмакской тюрьмы был переведен в Верный, а оттуда сослан в Лепсинскую станицу под надзор местной полиции[1].

Отрядом, посланным в Чаткал аулие-атинским уездным начальником, при содействии местных киргизских манапов был арестован 24 августа 1874 г. и Момун Шамурзаков[2].

Все это привело к осени 1874 г. опять к спаду движения. Вообще восставшие киргизы, в силу определенных условий кочевой и полукочевой жизни и скотоводческого хозяйства, в зимних условиях сильно ограничивали свои военные действия. С наступлением весны и началом перекочевки вновь поднималось движение. Это было связано в определенной степени с тем, что весною кочевники становились все более подвижными, легко могли спасать свои семьи, скот и имущество путем откочевки в глубь гор, а также сами, в случае неудачи, легко могли скрываться от преследования ханских карательных отрядов. Немаловажную роль в сезонном характере движения играло и снабжение повстанческих отрядов питанием, одеждой и т. д. При отсутствии какой-либо правильно организованной системы снабжения проблема питания для огромного числа повстанцев и обеспечение кормом лошадей была очень сложной и трудной. В условиях лета еще кое-как удавалось улаживать дело со снабжением и то с большим трудом. В условиях же зимы это было очень трудно. Восставшие все без исключения были конные. При отсутствии подножного корма лошади не могли зимою быть пригодными для ведения военных действий и совершения дальних переходов.

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 11, д. 243, л. 171.

[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 61, док. 263. См. тожке фонд 11-с, д. 243-а, лл. 148, 150.

В условиях зимы кочевники, обосновавшиеся на зимовьях, вообще не могли делать дальние передвижения. Последнее обстоятельство могло бы привести не только к поголовному падежу скота, но и к гибели населения. Так, сильная степень зависимости тогдашних кочевых и полукочевых киргизов от природных и климатических условий оказывала серьезное влияние на ход восстания. Поэтому и в 1873 г. и в 1874 г. разлившееся широким потоком движение восставших постепенно к осени замирало и почти совершенно прекращалось зимою.

Тяжелые поражения восставших летом 1874 г., разгром многих их аилов, а также казнь и арест многих предводителей движения не сломили однако дух восставших. Даже содействие царских властей Туркестанского края Худояр-хану в подавлении восстания, отказ правительства царской России в приеме восставших киргизов в свое подданство не сломили решимости восставших продолжать борьбу против хана.

Теперь, однако, не было прежнего доверия киргизских племен к царским властям, явное сочувствие царского правительства своему вассалу Худояр-хану, открытая помощь хану в подавлении восстания, принуждение киргизов, переселившихся в подвластные России территории, к обратному возвращению в пределы Кокандского ханства, отклонение многочисленных прошений киргизских племен о приеме в русское подданство и др.— все это делало очевидным, что царское правительство не думает защищать в какой-то степени интересы восставших, а наоборот, оно защищает интересы кокандского хана.

Это обстоятельство имело серьезное значение для дальнейшего хода восстания в течение последующих лет, когда движение южных киргизов, направленное против кокандского хана и его приближенных феодалов, духовенства и т. д., стало приобретать не только антифеодальный, но и антиколониальный характер, направленный против туркестанского генерал-губернатора и царских властей вообще.

Так, возможность свержения Худояр-хана и освобождение от непосильного феодально-ханского гнета связывалось в борьбой и против его покровителя и защитника — царских властей Туркестанского края. Имен-

но этим обстоятельством и был определен в сущности дальнейший характер восстания.

Уже в 1874 году в восстании массовое участие стали принимать и находившиеся в оппозиции к хану представители феодалов и родственники хана. В письме генерала Колпаковского на имя Кауфмана от 23 апреля 1874 года указывалось: «...Недовольные появились и в среде оседлого народонаселения, сосредоточивались около второго сына хана Мухамед Амина и дяди его Батыр-хана Тюри»[1].

По свидетельству М. А. Терентьева, «весною 1874 г. по поводу чрезмерности налогов начались серьезные беспорядки, под руководством Батырхана, родственника Худояра, но один из сообщников заговора выдал имена 17 главных руководителей, которые вместе с Батырханом и познакомились с глубиной прудов ханского дворца»[2]. Батырхан пытался в своих целях использовать народное волнение, возникшее на почве налогового гнета. В заговоре Батырхана участвовали около 50 человек из числа придворных. Батырхан, возглавлявший заговор, был братом второй жены хана и был связан, главным образом, с киргизскими феодалами, откуда происходил и сам. Он вместе с 16-ю другими своими сообщниками был утоплен в пруде ханского дворца[3].

В среде восставших в последующие периоды все большую роль стали играть силы, стремившиеся усилить в движении крестьянских масс антиколониальную направленность. Крестьянская война 1873—1874 годов приобрела характер национально-освободительного движения, направленного против колониальной политики царизма, что и проявлялось на решающем этапе восстания 1875—1876 гг. «Постоянные поборы,— указывается в источнике,— и жестокости Худояр-хана в последнее время до того озлобили все народности и сословия в ханстве, что бедные, забитые подданные хана решились во что бы то ни стало

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, лл. 95—96.
[2] *М. А. Терентьев.* Указ. соч., стр. 333.
[3] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 60, док. 170.

сбросить ненавистное им бремя. Кипчаки и киргизы, старые враги ханской власти в Коканде, нашли себе союзников в среде населения городов и даже между приближенными хана»[1].

Узбеки, таджики и др. народы Средней Азии и раньше сочувствовали восставшим киргизам, а нередко и сами участвовали в восстаниях. Теперь же это становилось массовым движением. В «Журнале военных и политических событий по границе Семиреченской области за январь — июль месяцы 1873 г.» говорится: «Кокандский властитель Худояр-хан не пользуется, как известно, любовью своего народа. Кипчаки и киргизы ненавидят его за убийство кипчакского вождя Мусульманкула, посадившего Худояра на ханский престол, оседлое население ропщет на тяжкие налоги, все вообще недовольны жестокостью Худояр-хана»[2].

Такое положение облегчало захват киргизами отдельных городов и укреплений ханства. Население занятых восставшими районов и городов нигде не подвергалось притеснениям со стороны повстанцев. Солидарность угнетенных Худояр-ханом трудящихся масс узбеков с киргизами была полной.

В ходе восстания нередко не только отдельные ханские воины, а иногда и целые отряды переходили в лагерь восставших. В последующие годы такой переход стал массовым. В то же время усилилось недоверие и тайная враждебность к хану со стороны ряда приближенных при дворе. Об этом свидетельствует заговор Батырхана.

Восстание 1873—1874 гг. показало, как глубоко проникло недовольство против кокандского хана в гущу населения. Несмотря на свою стихийность, неорганизованность и локальность, восстание сильно расшатало господство кокандского хана над Южной Киргизией. Установить спокойствие в ханстве не удавалось. Назревало новое, еще более грандиозное выступление народа.

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 60, док. 170.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф.-с, КТГГ, оп. 3, д. 198, лл. 20—21.

Кокандское ханство переживало в 70-х годах XIX века глубокий внутренний кризис. Попытки Худояр-хана поправить свое положение выколачиванием материальных средств из населения путем усиленного побора налогов вела к еще большему ухудшению внутреннего положения ханства. Промышленность и торговля были в застое. Народ все более и более попадал в нищенское положение. Паразитизм двора и военно-чиновничьей знати продолжались по-прежнему. Стремления Худояр-хана исключительно жестокими мерами навести «порядок» среди своих подданных не давали эффекта. Надежда Худояр-хана на покровительство «всемогущего» туркестанского генерал-губернатора также не могла явиться гарантией сохранения и упрочения его власти. Как показали последующие события, силы, направленные на уничтожение власти Худояр-хана, действовали внутри страны, и 1875 год явился последним годом правления этого наиболее жестокого и наименее талантливого и бездарного правителя на ханском престоле.

■

Глава шестая

ПАДЕНИЕ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА И ПРИНЯТИЕ РУССКОГО ПОДДАНСТВА ЮЖНЫМИ КИРГИЗАМИ

Несмотря на все усилия Худояр-хана и принятые им жестокие карательные меры, обстановка в стране оставалась напряженной. В записке на имя царя исполняющий обязанности туркестанского генерал-губернатора генерал Колпаковский писал 23 апреля 1874 г.. «В последнее время отношения Худояр-хана к его подданным изменились к худшему. Народ, озлобленный постоянными поборами и бесцельными жестокостями своего повелителя, стал высказывать все большее неудовольствие на образ правления хана»[1]... «вообще положение дел в Коканде таково, что малейшая случайность может вызвать взрыв восстания, последствия которого нельзя предвидеть»[2].

В этих условиях определенные круги феодалов и торгово-купеческого слоя городского населения, а также мусульманского духовенства стали все более открыто выражать недовольство правлением Худояр-хана. Они резко осуждали хана за то, что он стал послушным слугой царского правительства.

Такая обстановка в стране благоприятствовала новому выступлению повстанцев против Худояр-хана. Весною 1875 г. Пулат в сопровождении группы привержен-

[1] ЦГВИА, фонд ВУА, д. 6868, л. 95.
[2] Там же, л. 122.

цев и своего сподвижника Мамыра из Кураминского района выступил из Чаткала, где временно находил убежище. В это время в юго-западной части ханства, в Лайляке, где были расположены кочевья киргизских «родов» авахат и кесек, вновь начались стихийные волнения. Пулат, имевший связь с предводителями подготовляемого в этом районе восстания, прибыл сюда и нашел полную поддержку со стороны местного киргизского населения. Влиятельные старшины здешних киргизов — Мулла Қасым и Орозалы — помогли Пулату вновь организовать вооруженные силы в несколько сот человек[1].

Вскоре восстанием были охвачены все районы Узгена и Оша. По пути движения в сторону Намангана отряды Пулата непрерывно увеличивались и превращались в серьезную силу. Восстание и в 1875—1876 гг. носило народный, массовый, освободительный характер. Против восставших Худояр-хан направил отборные отряды ханских войск, в числе 4000 человек, под начальством Абдрахмана Афтобачи, Иса-Аулие и Сарымсак Ишик-агасы. 17 июля под Андижаном встретились силы Пулата и Абдрахмана. Однако сражения не произошло. Абдрахман вступил в переговоры с Пулатом. На такой шаг Абдрахман и его окружение шли под давлением сложившихся обстоятельств, когда стало уже совершенно очевидной невозможность подавления восстания военной силой. Известное значение в изменении позиций Абдрахмана и ряда других влиятельных лиц Коканда имело прибытие 13 июля 1875 г. в Коканд официального посольства царского правительства, сопровождаемого казачьим отрядом. Феодально-клерикальные круги, уже до этого обвинявшие хана в измене «вере» и «отступничестве» от «обычаев предков», оценили этот факт как выражение окончательной потери ханом последних остатков своей самостоятельности. Они усмотрели в этом потерю и своих прав и привилегий, стали искать общую платформу с Пулатом, чтобы с его помощью отстоять свои привилегии и права на монопольную эксплуатацию «своего» народа.

---

[1] Ежегодник Ферганской области, т. I, вып. 1902 г., Новый Маргелан, стр. 23.

Кроме того, восставшие теперь значительно усилились за счет массового перехода на их сторону оседлого кишлачного и городского узбекского населения. Это также содействовало стремлению феодально-клерикальных элементов и торгово-купеческой знати идти на переговоры с восставшими. При таких условиях Абдрахман хорошо понимал невозможность подавления восстания пока на престоле будет оставаться Худояр-хан. Абдрахман и ряд других видных придворных сановников и начальники войск решили устранить Худояр-хана, сохранив, однако, в неизменном виде прежние формы и характер государственного строя. Подходящей кандидатурой на ханский престол был сын Худояр-хана Наср-Эддин. Абдрахман Афтобачи надеялся при нем играть еще большую роль, чем при Худояр-хане. Поэтому Абдрахман, вступив в переговоры, всячески старался уговорить Пулата дать согласие на кандидатуру Наср-Эддина.

Пулат, еще недостаточно выяснив каковы будут будущие цели и направление внутренней и внешней политики нового хана, и поверив обещаниям Абдрахмана, дал свое согласие на провозглашение Наср-Эддина ханом. После этого 17 июля Абдрахман со всеми своими силами перешел в лагерь восставших. Тогда же перешел в лагерь восставших Наср-Эддин, правивший Андижанским округом. В результате этого важный культурно-экономический центр Кокандского ханства — город Андижан — оказался в руках восставших. Вслед за этим перешел на сторону восставших Мурадбек, брат Худояр-хана, правивший Маргеланским округом. Город Маргелан также был занят восставшими. К восставшим присоединились и многие другие военачальники и наместники хана со своими отрядами и гарнизонами городов.

Это сразу усилило лагерь повстанцев, но в то же время привело к изменению социального состава восставших и характера самого восстания. Теперь в восстании переплетались феодально-монархическая и антифеодальная тенденция, направленная на создание независимого от России ханства.

На последнем этапе восстание приобрело национально-освободительный, антиколониальный характер.

Известно, что Программа КПСС четко и ясно отмечает наличие в национальном движении общедемократи-

ческого и реакционного содержаний. Общедемократическое содержание движения выражается в стремлении угнетенных народов к освобождению от колониального гнета, к национальной независимости и национальному возрождению. В то же время в движении угнетенной нации содержится и другая сторона, выражающая идеологию и интересы реакционной эксплуататорской верхушки[1]. В Программе КПСС это положение высказано применительно к эпохе империализма, однако оно в известной мере применимо и к феодальному периоду. «Революционная оппозиция против феодализма,— указывал Ф. Энгельс,— проходит через все Средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»[2].

В народных движениях колониального времени нередко демократическая и реакционная тенденции переплетаются между собой, объективно прогрессивные национально-освободительные движения приходили в соприкосновение с реакционными, феодально-монархическими движениями. Бывало и так, что сначала движение выступает ярко прогрессивным, демократическим, а под конец оно приобретает феодально-монархический характер. Или наоборот: сперва движение выступает как феодально-монархическое, а под конец оно перерастает в национально-освободительную борьбу народных масс.

Конкретно-исторические условия развития Кокандского восстания, начиная с 1875 г., породили, наряду с прогрессивно-демократическим антицаристским направлением, реакционную струю, возглавляемую Абдрахманом Афтобачи и Наср-Эддином.

Духовенство и светские феодалы, чтобы увлечь за собой народные массы, пытались всеми способами влиять на их сознание и прежде всего всячески играли на религиозных чувствах населения. Любопытно, что восставшие призывали русских принять ислам и тоже перейти на их сторону. В рапорте «Полевого штаба войск, действующих в Кокандском ханстве» на имя

---

[1] Программа КПСС, М., 1961, стр. 47.
[2] *К. Маркс, Ф. Энгельс,* Соч., т. VIII, стр. 128—129.

военного министра в сентябре 1875 г. сообщалось следующее: «Интересны показания юнкеров Эйгольма, Колусовска и др. наших пленных, из которых видно, как кокандцам хотелось привлечь всех их на свою сторону, как они убеждали и под напором заставили (конечно внешне) принять мусульманство, обрили им головы и одели в чалмы и халаты... Еще оригинальнее документ, полученный в Ходженте и составляющий воззвание вождей мусульманского движения ко всем начальникам русского Туркестана. В воззвании, прежде всего, предлагается принятие мусульманства и переход всех русских тюря (начальников) на сторону кокандцев с обещанием, что им будет тогда очень хорошо. Если же на это русские начальники не дадут согласия, то чтобы они уходили в Россию, а если и этого они не сделают, то тогда кокандцы обещают драться и силою заставят нас отступить из Туркестана»[1]. Был пущен в ход издавна известный, излюбленный духовенством и феодалами лозунг «священной войны» мусульман против «неверных» — «газават». Этим путем представители феодальной знати и мусульманского духовенства, захватившие в свои руки руководство восстанием, прежде всего, отводили удары трудящихся масс от себя, направляли борьбу масс не против феодальной знати, духовенства, торговцев и ростовщиков, а против Худояр-хана и его покровителя — царской России. Феодально-клерикальные элементы пытались придать справедливой борьбе народов против ханско-феодального гнета характер национальной розни. Она объективно была направлена к отрыву народов Южной Киргизии от России и русского народа. Эта реакционная тенденция служила укреплению патриархально-феодальных устоев киргизского общества, упрочению ханской власти в Коканде, усилению феодально-ханского гнета над трудящимися массами киргизского и узбекского народов, укреплению классовых позиций эксплуататорских классов Кокандского ханства. Хотя в восстании и продолжали участвовать массы трудящихся узбеков и киргизов, но их борьбу Абдрахман Афтобачи и окружавшие его феодалы пытались направлять по националистическому пути.

---

[1] ЦГВИА, фонд ВУА, д. 6877, лл. 134—135.

Представители феодальной знати во главе с Абдрахманом Афтобачи и духовенство, пробравшиеся к руководству восстанием, ориентировались на такие отсталые феодальные государства Востока, как Турция, Иран, Афганистан и Джети-Шаар, за спиной которых стояли капиталистические государства Запада, Англия в частности.

Однако подавляющая часть восставших преследовала совершенно иные цели. Восставшие считали, что борьба против Худояр-хана, приход к власти «хорошего» хана положит конец их страданиям. Такую веру поддерживал и разделял и Пулат-хан. В условиях тогдашнего общественно-экономического и политического строя Средней Азии, а тем более Киргизии, где господствовали патриархально-феодальные отношения, отсталый средневековый быт, еще немыслимо было выдвижение восставшими требований буржуазно-демократического характера. Неудивительно поэтому, что повстанцы Пулата в смысле непосредственной политической цели восстания — избрание хана — внешне сходились с Абдрахманом и другими главарями феодально-монархического направления. Но это было только внешне. В действительности повстанцы Пулата с самого начала расходились во взглядах с Абдрахманом и Наср-Эддином, а впоследствии вступили с Наср-Эддином в ожесточенную борьбу.

Следует отметить, что основоположники научного коммунизма при оценке того или иного национального движения или восстания за независимость исходили из того, насколько оно имеет объективно революционный, прогрессивный характер с точки зрения развития общереволюционного, общедемократического движения, несмотря даже на отсутствие в движении пролетарских элементов, республиканской или революционной программы или другой демократической основы. Движение народных масс объективно было направлено на расшатывание классовых позиций феодалов, в сущности оно являлось общедемократическим движением, поскольку народные массы, их борьба против феодально-ханского угнетения и произвола являлись главным содержанием этого движения.

Но пока временно два различных по своему харак-

теру и методам борьбы движения объединились в вопросе свержения Худояр-хана. Такое положение сразу усилило лагерь восставших. После занятия повстанческими отрядами городов Ош, Наманган, Андижана, Ассаке, Маргелана и других в Коканде царили беспорядок и паника среди придворных. В донесении Кауфману от 14 июля 1875 г. коллежский советник Вайнберг отмечал следующее: «Города Ош, Наманган, Андижан и Ассаке находятся во власти бунтовщиков, и они через три-четыре дня могут появиться под стенами Коканда. Худояр совершенно упал духом, окружил себя диванами и постоянно гадает, он не надеется ни на окружающих его, ни на кокандский гарнизон и думает обратиться за помощью к вашему высокопревосходительству»[1]. 21 июля восставшими было занято село Алты-Арык, расположенное в 40 верстах от Коканда. Севершенно бессильный подавить восстание, Худояр-хан спешно обратился к своему покровителю генерал-губернатору Кауфману. Он умолял его об отправке в Коканд русского войска. Хан писал: «Отдаю себя и Кокандское ханство под могущественное покровительство его величества государя императора и обращаюсь к вам с дружественною просьбою благоволить приказать направить на город Коканд русское войско с артиллериею в возможно скором времени, дабы замыслы мятежников не осуществились. Надеюсь, что вы изволите согласиться на исполнение моей просьбы»[2].

В Коканде стояли ханские войска, состоявшие примерно из 4 тысяч пехоты и 2 тысяч кавалерии с 68 орудиями Кроме того, здесь же находился небольшой казачий отряд Скобелева, который должен был выступить на рекогносцировку дороги в Кашгар, но временно, ввиду усиления восстания, пока задерживался в Коканде. В Коканде были также караваны русских купцов.

В эту трудную минуту ханская власть была парализована, хан не знал что делать, он колебался: давать или не давать сражения восставшим. Он больше склонялся к отказу от сражения, главным образом, из-за ненадежности своих войск. Опасение хана не лишено

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. I, д. 62, док. 135.
[2] Там же, д. 63, док. 140.

было оснований. В ночь с 21 на 22 июля ханские войска под начальством второго сына Худояра — Мухамед-Амина перешли в лагерь восставших. Один из очевидцев, чиновник по дипломатической части, коллежский советник Вайнберг в своем донесении на имя туркестанского генерал-губернатора писал 28 июля 1875 г.: «Поднявшись с первою зарею, мы узнали, что половина находившегося в городе ханского войска, около 4000 чел. пехоты, вместе со вторым сыном хана Мухамед-Аминбека, в эту ночь также удалилась из столицы, для присоединения к восставшим». «Стали собираться запрягать арбы и вьючить лошадей, как вдруг стоявшая в 100 шагах от нас ханская кавалерия (2000 чел.) пришла в волнение — собирались в кучу, срывали значки с древок, посматривали то к городу, то на нас и, мгновенно вскочив в седла, с гиком понеслись к Коканду». «Артиллеристы вскочили на лошадей и также бросились к городу, оставив орудия на позиции. Пехота, стоявшая от нас несколько дальше кавалерии, последовала примеру артиллерии и разбежалась по садам... Люди массами уходили от Худояр-хана, но никто не присоединился к нему»[1].

Оставшись без войска, презираемый своими подданными, брошенный многими своими придворными и советниками, Худояр-хан искал защиты у Скобелева. Утром 22 июля под прикрытием отряда Скобелева и своей личной охраны последний раз бежал Худояр-хан из своей столицы, где он именем ханской власти совершал столько несправедливостей и насилий, убийств и грабежей, предательств и обмана, подкупов и жестокостей и много других преступных поступков. Хану не суждено было впредь видеть столь памятную своими черными и грязными делами столицу. 23 июля он был уже в Ходженте, а 5 августа вынужден был уехать в Ташкент как наиболее безопасное для него место. Восставшие в тот же день заняли Коканд.

С переходом ханского войска на сторону восставших усилилось влияние Абдрахмана Афтобачи и окружавших его феодалов, военачальников, духовенства. 24 июля ханом был провозглашен Наср-Эддин, на что

[1] ЦГВИА, фонд ВУА, дело 6777, лл. 69, 74, 81.

Абдрахман получил согласие Пулата еще накануне своего перехода на сторону восставших.

Абдрахман Афтобачи и окружавшие его феодалы, муллы, ишаны, казии во главе с Наср-Эддином стремились лишь к изменению некоторых форм правления для обмана народных масс, сохранив, однако, все прежние политические и экономические порядки в неприкосновенности. Они сразу же встали на путь поисков примирения с туркестанским генерал-губернатором Кауфманом. Оправдывая свои поступки перед ним, Абдрахман Афтобачи, Иса-Аулие и Халык-назар Парваначи 28 июля 1875 г. писали:

«С населения Коканда, мусульман, со времени дедов и прадедов взимались харадж и танап, а также и другие подати, установленные шариатом, и взимались по определенному порядку. Со времени Шир Мухамед Алихана существовал подобный порядок, а народ тогда проживал в совершенном спокойствии, возносил благодарение к всевышнему творцу. По восшествии же на престол его высокостепенства Худояр-хана он сошел с пути шариата и переступил установленные пределы, за что его и постигло должное возмездие. После тысячи раскаяний он прибег к защите эмира бухарского и был восстановлен с условием соблюдения шариатских постановлений. Через некоторое время он стал действовать столь же дурно против шариата, как и прежде, так что народ с трудом переносил тяжелые нововведения и, наконец, не стерпел и поднялся со всех сторон; но хан и тогда не хотел обратить на это внимание и увеличил еще притеснения.

Сколько раз его просили смягчить образ действия, но он никогда не соглашался. Тогда, наконец, народ отвернулся от него»[1].

В этом документе нет слов о сколько-нибудь серьезных изменениях в политике нового правительства, а лишь оправдание перед туркестанским генерал-губернатором в том, почему надо было свергать Худояр-хана. Разумеется, народные массы не могли удовлетвориться деятельностью новых властей.

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6877, лл. 88, 89, а также ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 63, 1875, док. 161.

Будучи не в силах успокоить народы ханства, вовлеченные в мощное движение, не стремясь разрешить коренные социальные вопросы, волновавшие широкие трудовые слои населения, Абдрахман Афтобачи и Наср-Эддин решили отвлечь внимание восставших от жгучих социальных проблем провозглашением «священной» войны против «неверных» кафиров. Под этим реакционным лозунгом в условиях ужасающей темноты и страшной отсталости народа, господства религиозного мракобесия и фанатизма легче всего было отвлечь внимание восставших от острых социальных и политических вопросов. Под лозунгом «газавата» феодально-клерикальные элементы надеялись использовать восставших в своих реакционных целях. Эта группа руководящей верхушки была в значительной своей части пропитана реакционной исламистской и тюркистской националистической идеологией. В своих внешних политических взаимоотношениях она придерживалась ориентации на «мусульманский» Восток, где руководящую роль отводили средневековой оттоманской Турции. Отсталые реакционные мусульманские средневековые государства Востока, за спиной которых стояли хищнические капиталистические государства Западной Европы, и Англии прежде всего, являлись для кокандских феодалов главными факторами их политической ориентации. Эти феодально-клерикальные элементы Коканда составляли теперь руководящую группу в лагере восставших, они непрочь были вернуть обратно отобранные до этого Российской империей территории ханства и добиться независимости этого ханства от России, но при сохранении старых порядков. Такова была позиция феодально-клерикальной верхушки, ставшей у власти в Коканде после свержения Худояр-хана.

Привыкшие к различного рода авантюрам и феодальным междоусобицам, представители феодалов, военачальники и другие лица из окружения нового хана решили направить силы восставшего народа против господства России в Средней Азии. О таком намерении Абдрахмана вскоре стало известно Кауфману. В газете «Голос» № 304 за 1875 г. сообщалось: мулла Иса-Аулие «...вместе с Абдрахманом Афтобачи находил-

ся во главе партии, враждебной русским, и надеявшиеся восстановить мусульманских государей Средней Азии».

Абдрахман, Наср-Эддин и мулла Иса-Аулие выпустили ряд воззваний к народу. Они призывали народ подняться на «священную» войну против «неверных». Воззвания ярко характеризуют реакционные цели и задачи феодально-клерикальных элементов ханства и их попытки использовать народное восстание в своих интересах, направив движение по линии межнациональной розни.

В одном из воззваний Абдрахмана говорилось: «...вот уже 12 лет... как русские завладели мусульманскими городами: Ташкентом, Ура-Тюбе и Самаркандом и сделали ущерб нашей религии. Поэтому мы, весь мусульманский народ, просили нашего хана, чтобы он начал священную войну; но он, заблудившись от истины по неверной дороге, от белого царя получил титул светлейшего хана, не принимал наших просьб и советов, отдался белому царю, отвратил свое лицо от страны мусульман и, наконец, ушел от нас. После этого мы все духовные лица, ученые, эмиры и жители, собравшись вместе с общего согласия, старшего сына нашего хана Наср-Эддина в добрый час возвели на ханский трон, признали его нашим верховным правителем ради всемогущего бога и его великого пророка и священной войны! Все мы, от старшего до младшего признали религиозную войну для себя обязательной. Надеясь на помощь бога, будем воевать с неверными... до последнего человека!»[1]

В другом воззвании за подписью нового хана Наср-Эддина на имя волостных управителей мы читаем: «...Исполняя заповедь бога и религиозные представления пророка Мухамеда... здешние киргизы, кипчаки, городские и сельские жители, согласившись между собой, решили начать священную войну. Для этого я отправил туда, к Дарье, своего Амир-Ляшкара, Ходжи-датху, назначив его начальником над обществами кочевников. Вы соединитесь с ними и действуйте заодно для подкрепления нашей исламской веры, за что вы получите большую награду от бога, его великого и от нас»[2].

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 11-с, д. 272, л. 112.
[2] Там же, л. 110.

Подобные воззвания оказывали свое влияние на население не только подвластной Коканду территории, но и на население, живущее в пограничных районах Туркестанского генерал-губернаторства.

Восстание быстро распространилось до границ ханства и охватило уже пределы Кураминского уезда Туркестанского генерал-губернаторства. Повстанческий отряд Зюльфакара, перешедший границу в Кураминском уезде, 6 августа 1875 г. взял кишлак Аблык. Потом он разбился на 2 отряда. Один пошел в долину реки Ангрен с целью поднять на восстание население подвластной России территории, другой действовал на сообщениях между Ташкентом и Ходжентом.

Среди населения этих районов восставшие распространяли воззвания. Большинство воззваний было пропитано идеологией «газавата».

Религиозная оболочка движения, в условиях отсталого общественно-экономического и политического развития народов Средней Азии, была до некоторой степени неизбежной. «Выступление политического протеста под религиозной оболочкой,— писал В. И. Ленин,— есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития...»[1]

Призывы восставших находили сочувствие и отклики почти повсеместно среди населения. Кое-где в селениях стали появляться небольшие отряды, которые переходили границу ханства и присоединялись к восставшим.

Аулие-атинский уездный начальник доносил: «на аулие-атинских киргизов надеяться нельзя... многие из влиятельных людей... находятся в сношениях с предводителями шаек...»[2]

В рапорте начальника Аулие-Атинского уезда на имя военного губернатора Сыр-Дарьинской области от 18 августа 1875 года сообщалось следующее: «Вечером 15 августа я прибыл вместе с сотнею к ущелью Карабура. Здесь подтвердилось известие о сосредоточении кокандцев в Актаме и мне стало известно, что собирающаяся шайка состоит по большей части из кара-киргизов, которые, имея в виду войти в наши пределы, надеются на

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 4, стр. 223.

[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. I, д. 63, док. 237.

помощь наших кара-киргизов, занимающих своими кочевками ущелье, через которое можно ворваться в Аулиеатинский уезд.

По сведениям, доставленным моими лазутчиками, наши кара-киргизы получили воззвание мятежников и многие из них, т. е. наших кара-киргизов, были не прочь примкнуть к мятежникам. Несколько подозрительных личностей, основавшихся между нашими кара-киргизами, захвачены мною и арестованы»[1].

Потребовалось усилить охрану пограничных районов от вторжения повстанцев или проникновения их влияния. Военный губернатор Сыр-Дарьинской области предписывал уездному начальнику Ходжентского уезда: «...объявить во всех кишлаках и аулах местным властям, что ежели подведомственное им население будет участвовать в шайках, скрывать их, или помогать каким бы то ни было способом этим шайкам, то кишлак или аул будет разорен, а начальники их подвергнутся заслуженному наказанию»[2].

Аналогичные указания давались и другим уездным начальникам. Но, несмотря на это, население продолжало сочувствовать восставшим. Когда военный губернатор Семиреченской области попытался послать манапа Шабдана Джантаева в лагерь повстанцев для организации захвата Пулата, последний об этой неблаговидной миссии был предупрежден киргизами Токмакского уезда.

В уездах, прилегавших к границам Кокандского ханства, обстановка была такова, что успех восставших вызвал бы волнения среди населения. Однако восстание не приняло широкого размаха. Дальнейшему развертыванию движения мешали, во-первых, разногласия в лагере восставших, в частности между Абдрахманом Автобачи и Наср-Эддином, с одной стороны, и Пулатом, с другой, во-вторых, превосходящие военные силы туркестанского генерал-губернатора. Но тем не менее, повстанческие отряды вначале имели некоторый успех. Были прерваны сообщения между Ходжентом и Ташкентом, Ташкентом и Курамой. В рапорте «Полевого штаба войск, действующих в Кокандском ханстве» военному

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. I, д. 63, док. 237.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. КТГГ, д. 174, л. 256.

министру в сентябре 1875 г. указывается: что 9 августа 1875 г. «...шайка в 5 тыс. киргиз переправилась через Сыр-Дарью и сел. Махрама, заняла кишлак Самгар Кураминского уезда, в 25 верстах от Ходжента, и действует оттуда на почтовые сообщения Ходжента с Ташкентом»[1]. Повстанцы сожгли стеклянный завод купца Исаева. Отряды повстанцев появились в Чаткале. 25 августа 1875 г. начальник Аулие-Атинского уезда доносил военному губернатору Сыр-Дарьинской области: «...я получил достоверное сведение, что в одном переходе от меня в долине Чаткала появилась часть шайки Ажи и Мумына в числе 1000 человек, и что остальные шайки в значительных силах, находящиеся на Актаме, намерены пройти ущелье Чанаш и соединиться на Чаткале с теми, которые появились там раньше»[2]. 28 августа он доносил: «Когда произошло восстание в Коканде и мятежники ворвались в нашу территорию, на разных пунктах начали распространяться слухи, что кокандцы проникнут в Аулиеатинский уезд. Затем получилось сведение, что Мумын, совершивши злодеяние, скрылся из Кураминского уезда и с недобрыми замыслами пробрался в Аулиеатинский, где у него много родных из влиятельных лиц, на помощь которых он вполне мог рассчитывать. Одновременно с этим до меня дошли слухи, что шайка кокандцев под предводительством Ажи собралась на Ак-Таме у южного склона Чанашского перевала с намерением проникнуть в Аулиеатинский уезд»[3].

9 августа 1875 года восставшие напали на Ходжент, но не сумели овладеть городом. Прибывшие вскоре из Ура-Тюбе и Ташкента подкрепления заставили повстанцев отступить. Командование царских войск в Туркестане правильно оценило всю опасность создавшегося положения. Стало ясно, что если восстанию не будет нанесен быстрый и сокрушительный удар, то оно вскоре перекинется в пределы Туркестанского генерал-губернаторства, и тогда потребуются несравненно большие усилия для нового упрочения господства России в Туркестанском крае.

---

[1] ЦГВИА, фонд ВУА, д. 6877, л. 140.
[2] Турк. Окружн. архив, 1875 г., № 40, Штаб округа.
[3] Там же.

Кауфману еще не совсем были ясны цели Абдрахмана и Наср-Эддина. Но предварительные данные, в частности об Абдрахмане, не оставляли сомнений в их далеко идущих целях. Генерал-губернатору Вайнберг писал в своем донесении: «Утверждение власти Абдрахмана Афтобачи нам ни в коем случае желать не следует», он «...будет стремиться создать, сколь возможно, сильное ханство при содействии его естественного союзника Якуб-бека, владетеля Кашгары»[1].

Но Кауфман вначале придерживался прежней политики и стремился держать Кокандское ханство, как и прежде, на положении вассального государства, а его хана иметь как марионетку в своих руках. Он вступил в переговоры с Наср-Эддином, признал его ханом Коканда и стремился упрочить его положение на престоле[2]. Генерал-губернатор Туркестана 4 августа 1875 года писал новому хану: «Ваша светлость. После пожелания всего лучшего содержание следующее: письмо от 8 Раджаба, т. е июля, которым вы извещаете меня об избрании вашим народом, духовенством и сановниками на престол Кокандский было исправно мною получено. Вам должно быть весьма хорошо известно, что я никогда не одобрял образ действия вашего родителя, хотя находился с ним в долголетней дружбе. В настоящее же время я согласен признать вас ханом кокандским, но лишь по исполнении вами следующих условий: во 1-х, признание договора, заключенного мною с Худояр-ханом в 1868 г. Так водится между всеми правительствами и народами, а также полное восстановление кредита наших купцов, подорванного последними событиями; 2) отыскание и возвращение имущества нашего посольства, отнятого восставшими против Худояр-хана войсками при содействии артиллерийского огня, направленного против русских, так как при выступлении с уроч. Гау-Хане хан находился на три версты впереди наших офицеров. Если же будет невозможно отыскать это имущество, то вы не оставите распорядиться немедленным денежным вознаграждением за все разграбленные вещи, сумму же

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 63, док. 185.

[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. ВУА, д. 6877, лл. 90, 91. См. также ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 63, л. 171.

стоимости пропавшего имущества я не премину сообщить вам впоследствии, так как все потери не приведены еще в ясность; 3) я требую уплаты за кун 2-х убитых джигитов, находившихся при нашем посольстве; в 4-х, я считаю необходимым назначение пенсии отцу вашему Худояр-хану вместе с оставшимися ему верными сановниками и свитой. О размере предполагаемого содержания я сообщу впоследствии. Я уже прежде имел случай доказать вам свое расположение и вы в нем сомневаться не можете, поэтому я радуюсь избранию вашему на ханство, тем не менее, однако, требования мои тверды и исполнить их следует в точности и только по уведомлении согласия вашего я могу признать вас, именем государя императора, ханом кокандским. Прошу вашу светлость прислать ответ на это письмо в возможно скором времени»[1].

Но в то же время Кауфман опасался энергичного главнокомандующего хана — Абдрахмана. Он решил устранить его. 13 августа Кауфман распространил воззвание с призывом поймать и представить ему Абдрахмана Афтобачи, обещая выдавшим награды и милости[2]. Одновременно Кауфман дал распоряжение военным силам выступить на подавление восстания. Он телеграфировал в военное министерство: «В Кокандском ханстве переворот, ханские войска перешли на сторону мятежников, посольство наше прикрыло отступление хана с семейством и приближенными в Ходжент... инсургенты преследовали посольство, и казаки подверглись ружейному и артиллерийскому огню, у нас было убито 2 джигита; Абдрахман Афтобачи во главе восстания, объявил джехад, готовится к походу, высылает эмиссаров в наши кишлаки»[3].

Кауфман правильно оценил всю серьезность положения в Кокандском ханстве и опасность охвата восстанием и подвластной России территории Средней Азии. Но опасение вызывалось не только этим обстоятельством. Всякие серьезные политические и военные события,

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. I, д. 63, л. 171.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 63, док. 212.
[3] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6877, л. 1.

происшедшие в Кокандском ханстве, неизбежно должны были оказать влияние на всю Среднюю Азию и даже на Кашгарию. Необходимо было в отношении Кокандского ханства проявить решительность, заняв его военными силами, и тем самым совершенно подавить попытки поднять антироссийское движение. В донесении на имя военного министра Кауфман следующим образом изложил 4 августа 1875 г. свои соображения в отношении Кокандского ханства: «Если не занять Кокандское ханство, то в случае переворота в Бухаре подобного тому, какой случился теперь в Коканде, мы не будем иметь средств противостать мусульманскому здесь движению столь же энергично и успешно. Нельзя ручаться также, чтобы повторение подобной вспышки и в Бухаре вызывало к участию в действиях против нас и Кашгара. Тогда не владея Кокандом, который снова двинется, как бы ни был наказан, не будет средств действовать в ту и другую сторону. Настоящие события вызывают занятия нами позиции в Кокандском ханстве и сформирование новых резервов в Ташкенте; тогда можно надеяться на спокойствие Кашгара и будут средства успокоить Бухару в случае движения там»[1].

Сознавая всю серьезность создавшегося положения в Кокандском ханстве, Кауфман, мнение которого получило одобрение со стороны царского правительства, решил приступить к решительным действиям. Он мобилизовал все военные силы для того, чтобы быть готовым к подавлению восстания вооруженным путем. Считая наличные силы недостаточными, Кауфман мобилизовал освобожденные низшие чины в Ташкенте, задержал идущих на действительную службу новобранцев, число которых доходило до 1600 человек, а также вооружил всех чиновников и служащих почтовых станций. Одновременно генерал-губернатор просил подкрепление из центра. 17 августа Кауфман телеграфировал Милютину: «Для защиты ханства настоятельно необходимо пять батальонов, десять сотен, две батареи. Расходы на содержание этих частей с избытком покроются с ханства. Необходимо поторопиться с высылкой в край новых частей

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. I, д. 63, л. 271.

войск»[1]. Просимые Кауфманом подкрепления прибыли в январе 1876 г.[2]

Кауфман, хотя и получал успокоительные письма от нового хана Наср-Эддина и Абдрахмана Афтобачи, ему в то же время поступали тревожные сведения о действиях повстанцев в Кураминском районе. Отдельные повстанческие отряды уже перешли на подвластные России территории в долине Ангрена и в окрестностях Ходжента и Ташкента. Новый хан под давлением антироссийски настроенных приближенных к нему феодалов, духовенства и торговцев не запрещал эти действия, он закрывал на них глаза в надежде, что, может быть, удастся вернуть отобранные Россией территории ханства и добиться независимости.

Кауфман спешно сформировал в Ташкенте летучий отряд, состоящий из четырех с половиной сотен казаков, стрелкового батальона и дивизиона артиллерии под командованием генерал-лейтенанта Головачева. 7 августа он двинул собранные войска по направлению к передовым отрядам восставших. 13 августа отряд Головачева был у стен крепости Теляу и занял Карыс. Разбитые здесь мелкие отряды восставших отступали к городу Махраму, где сосредоточились основные их силы. Кауфман стягивал свои силы к Ходженту. Сюда прибыли и отряды, выступившие из Самарканда, прибыл и сам Кауфман. Повстанцы укрепились в крепости Махрам. О численности восставших, расположившихся у крепости Махрам, нет точных данных. Но во всяком случае силы были значительные.

Повстанцы укрепили оборонительные стены крепости, вокруг стен вырыли ров, наполненный водой. На крепости было установлено 24 орудия. 20 августа отряды Кауфмана выступили из Ходжента и 22 августа 1875 г. произошла встреча с силами Абдрахмана Афтобачи у крепости Махрам. После усиленного артиллерийского обстрела Скобелеву удалось занять крепость.

Плохо вооруженные и малоорганизованные отряды повстанцев понесли серьезные потери. Остатки разбитых частей Абдрахмана в числе около 5 тыс. человек

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 6877, лл. 10, 11.
[2] Там же.

организованно отступили в Коканд, рассчитывая здесь пополнить свои силы и дать генеральное сражение Скобелеву. Но в Коканде произошло неожиданное событие: хан Наср-Эддин и окружавшие его феодалы неожиданно изменили свои позиции, закрыли ворота столицы перед отступавшими силами Абдрахмана и Пулата. С получением известия о поражении Абдрахмана и Пулата у крепости Махрам, они решили отколоться от повстанцев, вступить в переговоры с Кауфманом, беспрекословно принять все его условия и сохранить на ханском престоле Наср-Эддина. Они даже рассчитывали получить помощь и поддержку царской власти против повстанцев. После этого начался полный разлад в лагере повстанцев.

Серьезные противоречия, которые давно существовали между Пулатом и Наср-Эддином в скрытой форме, теперь полностью выступили наружу. В дальнейшем эти разногласия все усугублялись и впоследствии, как увидим, превратились в беспощадную борьбу между Наср-Эддином и Пулатом.

26 августа 1875 г., когда отряды Скобелева остановились у кишлака Гайдан-Мазар, к нему прибыла депутация хана Наср-Эддина во главе с ишаном Фазил-Ахмет-Незумом и Иса-Аулие с предложением мира и дружбы. Скобелев вступил с ними в переговоры и просил не оказывать сопротивления. В рапорте на имя военного министра об этом он писал 26 августа: «Я поручил ишану Фазил-Ахмету передать на словах хану-заде и жителям Коканда, что если они меня встретят хлебом-солью, изъявят покорность, предадут себя на милосердие Государя императора, то войска Его Императорского Величества не сделают никому зла и никого не обидят; если же Коканд встретит отряд вооруженною рукою, то пощады не будет. Он будет занят с боя, разгромлен, и тогда кровь несчастных жертв падет на головы виновных в непокорности и несправедливой борьбе против войск Белого царя...»[1].

На следующий день кокандский хан Наср-Эддин выехал навстречу Кауфману с изъявлением полной покорности и готовности исполнять все его требования. Кауфман принял Наср-Эддина дружественно, так как имел

[1] ЦГВИА, фонд ВУА, д. 6877, л. 189.

намерение вместо изгнанного восставшими Худояр-хана держать его своим ставленником на кокандском престоле.

О Наср-Эддине у царских властей еще до этого сложилось положительное мнение. Колпаковский в 1873 г., временно исполнявший тогда обязанности туркестанского генерал-губернатора, писал военному министру: «...в случае возобновления восстания, могущего быть причиной бегства или даже смерти Худояр-хана... все старания должны быть направлены к обеспечению наследования за сыном хана, Наср-Эддин-беком, человеком вполне преданным нашим интересам и хорошо понимающим положение ханства. Без сомнения нельзя ручаться, что при народном восстании не будет избрано и другое лицо, которое неисполнением договора может вызвать с нашей стороны понудительные меры и вооруженное вмешательство»[1].

После свидания с Наср-Эддином Кауфман в донесении военному министру писал: «По личным объяснениям моим с ханом Заде, выехавшим ко мне на встречу с изъявлениями преданности и покорности государю императору, я убедился, что хан Заде лично не виновен во вторжении кокандцев в наши пределы. Главный виновник движения против нас Абдрахман Афтобачи силою привлек его на свою сторону... Я признаю хана Заде человеком, с которым можно иметь дело. Полагаю, однако, что для будущего спокойствия необходимо расположить наш отряд на берегу с Наманганом. Это расположение упрочит наше здесь положение в такой же мере, как расположение отряда в Истро-Александровом утвердило наши позиции на Аму-Дарье по отношению к хану Хивинскому, но для этого необходимо усиление войск!»[2]

Встреча Наср-Эддина с Кауфманом положила начало мирным переговорам между ними. Ворота Коканда были открыты перед Скобелевым. Заключение Наср-Эддином мирного соглашения с Кауфманом толкнуло значительную часть киргизов и кипчаков, участвовавших в восстании, также просить мира. 31 августа 1875 г. Кауфман

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 58, док. 566.
[2] Там же, оп. 1, д. 63, док. 241.

получил письмо Абдрахмана Афтобачи и других старшин киргизов, в котором последние просили мира. К письму было приложено 70 печатей. В донесении на имя военного министра Кауфман писал 1 сентября 1875 г.: Абдрахман Афтобачи и «...представители всех родов кочевого населения ханства просят даровать им такое же спокойствие, каким пользуются жители Коканда и всего пройденного от Махрама пространства»[1].

Однако мирные намерения недавних повстанцев не заслуживали доверия со стороны Кауфмана. К тому же такие генералы царской армии, как Скобелев, Головачев и другие, жаждавшие подвигов и славы на военном поприще, не хотели так легко помириться с восставшими. Малоорганизованные, плохо вооруженные, необученные повстанческие отряды, несмотря на свое численное превосходство, гарантировали легкую победу Скобелеву и представляли для всего офицерского состава наилучший случай отличиться, получить повышение в воинских званиях, должностях, добиться орденов, наград, поощрений и т. д. Они были заинтересованы в том, чтобы использовать малейший повод для начала широкого военного наступления. В этом отношении характерно следующее донесение генерал-лейтенанта Головачева от 17 августа 1875 года. «Из кипчаков,— писал он,— сегодня пришли жители и принесли достархан. Так как все кишлачные жители заведомо принимали участие в восстании, чему есть очень много доказательств, я этой их-ней хлеба-соли не принял»[2].

Нужно сказать, что одной из характерных особенностей присоединения Средней Азии к России было то, что здесь вопреки истинным намерениям и желаниям массы населения, совершенно мирно настроенной и готовой мирно принять подданство Российской империи, генералитет и офицерство царской армии нередко придерживались другой цели. Многие генералы и офицеры царской армии стремились спровоцировать военные конфликты и вызвать военные действия. Они старались придать событиям, связанным с присоединением тех или иных районов или городов, характер «завоеваний», ха-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. I, д. 63, док. 343.
[2] Там же, д. 63, 1875, док. 230.

рактер «героических» походов, подвигов, «блестящих побед», обусловленных «гениальным полководческим талантом» главнокомандующих и т. д. и т. п. При изучении процесса присоединения среднеазиатских народов к России необходимо учитывать это положение. Желание во что бы то ни стало отличиться, стяжать себе славу талантливых полководцев — «завоевателей» особенно отчетливо выступает на примере подавления кокандского восстания 1875—1876 гг. и присоединения Южной Киргизии к России.

Кауфман после свидания с Наср-Эддином, предварительно согласовав с ним основы будущего договора, вскоре переехал в Маргелан, занятый Скобелевым у восставших. Скобелеву было предложено продолжать дальнейшее преследование «бунтовщиков». Повстанцы не оказывали серьезного сопротивления. 8 сентября отряды Скобелева, заняв Маргелан, уже 10 сентября заняли г. Ош. 21 сентября 1875 года к хану Наср-Эддину прибыли с проектом мирного договора посланный от Кауфмана чиновник Вайнберг и переводчик татарин Ибрагимов.

Договор носил колониальный характер. По договору Кокандское ханство превращалось в вассала Российской империи, попадая в полную зависимость от последней. Кокандское ханство лишилось права самостоятельного сношения с другими государствами, в частности, объявления войны и заключения мира без соответствующего согласия царского правительства.

Россия получила право беспошлинной торговли российских купцов в Кокандском ханстве и свободного их передвижения на территории ханства. России было представлено право безвозмездной разработки полезных ископаемых на территории ханства и строительства здесь заводов и фабрик. Хан признал отошедшими к России земли, расположенные на правом берегу верхнего течения Сыр-Дарьи с городом Наманганом. Кроме того, кокандское правительство должно было уплатить крупную контрибуцию.

Договор закреплял за Россией наиболее стратегически важные пункты в Кокандском ханстве. Это необходимо было для того, чтобы расположить в них нужное количество военных сил, держать под контролем наибо-

лее важные в экономическом и политическом отношении районы ханства. Таким важным пунктом, в частности, был тогда город Наманган с прилегающими к нему районами. Поэтому он должен был отойти к России. Подчеркивая важное стратегическое положение г. Намангана, Кауфман в донесении военному министру писал 13 сентября 1875 г.: «Позиция в Намангане в стратегическом отношении совершенно центральна относительно всего Кокандского ханства. Стоя твердо в этой позиции и имея в составе расположенного на берегу Дарьи отряда значительную подвижную часть, мы получим возможность следить за ходом дел в Кокандском ханстве и в случае надобности направлять или к Коканду или в земли кипчаков и кара-киргизов нашу вооруженную силу»[1].

Придавая важное стратегическое значение занятию Намангана, Кауфман писал в другом донесении: «Занятие Наманганского округа весьма выгодно еще и в том отношении, что мы ближе свяжемся с нашим Нарынским краем, который... далеко от резервов, и почти беспомощен в случае внезапного открытия враждебных действий против него со стороны Кашгара»[2].

Договор Наср-Эддина с Кауфманом вызвал недовольство со стороны ряда влиятельных лиц из окружения хана. Из них среды наиболее видные — мулла Иса-Аулие, Зюльфакар и Махмуджан 22 сентября, во время приезда Наср-Эддина в лагерь Кауфмана для подписания договора, были арестованы и отправлены в Ташкент для дальнейшей ссылки в другие края[3].

Из вновь приобретенных земель был создан Наманганский отдел в составе Туркестанского генерал-губернаторства[4]. Начальником этого отдела был назначен генерал Скобелев.

Однако внутри страны, даже в окружении хана, среди придворных и военачальников осталось немало недовольных элементов, которые не одобряли действия нового хана и неохотно поддерживали его. Такая обстановка

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. I, д. 63, док. 340.
[2] Там же, ф. КТГГ, д. 229, арх. 8424, л. 1.
[3] Там же, ф. 715, д. 63, 1875, док. 340.
[4] Площадь наманганского отдела равнялась 17 669 кв верст.

облегчала действия Пулата, который оставался непокорным. Недовольные хану элементы стали поддерживать Пулата. Последний вскоре был провозглашен ханом. «...Пулат-хан,— сообщает Н. П. Корытов,— со своими приверженцами из Ляйляка пробрался в восточную часть ханства, и к нему собрались многие из влиятельных представителей кипчаков и киргиз, занимавших своими кочевьями восточные и южные горные районы ханства, а именно: Ураз-Али, Бута-бек, Багыш-бек, Мулла Юлджаш, Кийкбай пансат, Исфадиар, Мырза-Кул, Яр-Мат, Амал-иш-Агасы, Шамырза, Умар-бек, Хасан-бек, Сулайман-Удайчы, кураминец Абду-Мумын и др. Эти лица, не признавшие хана Наср-Эддина, как ставленника русских, собравшись в кишлак Бута-Кара за Андижаном, провозгласили ханом Пулат-хана и по древнему обычаю подняли его на белом войлоке»[1].

Пулат-хана его сторонники выдавали за внука Алим-хана и поэтому признавали законным претендентом на ханский престол. С целью разоблачения Пулат-хана как самозванца его противниками и царскими властями было проведено расследование и установлено существование подлинного внука Алим-хана, Пулата, который никакого отношения не имел к Пулат-хану. Начальник Зеравшанского отдела в донесении туркестанскому генерал-губернатору от 6 января 1876 г. писал: «Милостивый государь Герасим Алексеевич, начальник Самаркандского отдела капитан Шпицберг доложил мне, что несколько дней тому назад в гор. Самарканде между некоторыми туземцами прошел слух, что будто в мечети Ходжа-Ахрара (вне города) находится уже давно сын Аталык-хана, Пулат-хан, именем которого называется нынешний самозванный хан Кокандский.

Слух этот, как видно, вышел из самой мечети Ходжа-Ахрар и относился к человеку совершенно бедному, никому неизвестному и живущему в этой мечети уже более 20 лет, притом единственно благотворительностью муллы и мутевалия мечети, женатого на родной сестре этого человека.

Я приказал во всей подробности разобрать, откуда

---

[1] *Н. П. Корытов.* Самозванец Пулат-хан (Ежегодн. Ферг. обл.), т. I, 1902, стр. 26.

именно появился этот слух и какие к нему могли быть основания, и в настоящее время могу доложить вашему пр-ству следующее: названный человек именует себя прямо Пулат-ханом, сыном Аталык-хана, бывшего (кажется лет 65 тому назад) ханом Кокандским.

Первое время, когда к нему обратились с расспросами, он отвечал неясно и отзывался, что не помнит хорошо своего происхождения, упоминая только, что он из Коканда, ханского происхождения и зовут его Фулат-ханом; затем приглашенный к начальнику отдела он рассказал более подробно как о своем происхождении, так и об обстоятельствах прежней своей жизни.

Он говорит, что когда Умар-хан убил своего брата Алим-хана, то жена последнего с сыном Аталык-ханом бежала в Каратегин.

Шах Каратегинский воспитал Аталык-хана и, женив его на своей дочери, отправил его на службу к эмиру Бухарскому в Самарканд; из Самарканда Аталык-хан отправился в Коканд искать престола своего отца, но в Коканде он был убит.

Жена его и дети, т. е. он Пулат-хан и его сестра, остались после смерти Аталык-хана без всяких средств к жизни.

Когда умерла мать, сестра Пулат-хана, по приказанию покойного эмира, вышла замуж за мутевалия мечети — Ходжа-Ахрар, а он, Пулат-хан, остался при мечети, где и живет безвозмездно и поныне.

Кроме нескольких стариков в мечети его происхождения никто не знает и сам он лично почти о нем забыл, или по крайней мере очень редко о нем вспоминает.

Не имея никаких знакомых, кроме лиц, живущих при мечети, и занятый исключительно науками, он ничего не знает о настоящих делах в Коканде, ничего про эти дела не слыхал, да и мало этим интересуется. Проживающий в Самарканде племянник Худояр-хана, Насыр-хан, первый узнавший Пулат-хана, подтвердил справедливость всего его рассказа.

Начальнику отдела подтвердили то же самое мутевалий мечети и несколько стариков, знавших всю эту историю.

Лично я видел этого человека. По наружности ему лет 35. Лицо носит следы оспы и левый глаз крив. Он

кажется очень простым, недалеким человеком. Следы крайней бедности видны во всем; говорит он, впрочем, довольно толково.

Он мне лично передал, что он сын Аталык-хана и внук Алим-хана. Подтвердил также в коротких словах и историю своего водворения в мечети Ходжа-Ахрар.

По словам Нассыр-хана, нынешний самозванный хан Кокандский, именуемый себя Пулат-ханом, никто другой, как простой киргиз из рода Бустан, настоящее имя которого Мулла-Исхак. Говорят, что он очень похож на Пулат-хана Самаркандского.

Спеша дополнить вашему пр-ству о всем вышеизложенном, я считаю своим долгом присовокупить, что удостовериться окончательно в личности нового Пулат-хана и в справедливости его рассказа я, к сожалению, в своих руках надлежащих средств не имею. Кроме нескольких стариков, никто этой истории не знает.

Документов же никаких о личности Пулат-хана ни в мечети, ни у мутевалия не имеется.

Может быть ваше пр-ство найдете возможным приказать проверить весь рассказ о Пулат-хане с другой стороны, а именно через Мирза-Хакима, или других лиц, знающих хорошо историю Коканда за последние 50 лет»[1].

Хотя существование настоящего Пулат-хана, внука Алим-хана было установлено со всей достоверностью, повстанцы однако не придавали этому никакого значения, точно так же, как в свое время восставшие крестьяне России не придавали значения тому, что под именем Петра III выступал Емельян Пугачев. Повстанцы продолжали самозванца Пулат-хана считать законным претендентом на ханскую власть в Коканде.

Несмотря на недавнее поражение, Пулат-хану удалось вновь собрать значительные вооруженные силы, состоявшие в основном из дружин киргизских феодалов, и распространить свое влияние на ряд районов Кокандского ханства. Своим местопребыванием он избрал селение Ассаке. Один из источников сообщает: «...вскоре у Пулат-хана составился значительный отряд в 12 тысяч всадников, главный контингент составляли киргизы.

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. I, д. 66, док. 10.

самый беспокойный элемент в Кокандском ханстве. Киргизы, составляя главную силу и опору Пулат-хана, постепенно захватили управление занятой ими восточной части ханства (нынешние Ошский, Андижанский и часть Маргеланского уездов)»[1].

В донесении командующего войсками Ферганской области командующему войсками Туркестанского округа от 20 мая 1876 г. отмечается: «Во время правления бывшим Кокандским ханством самозванца Пулат-хана, многочисленное кара-киргизское население приобрело, относительно оседлого, сартовского, первенствующее значение. Большая часть приближенных Пулата были кара-киргизы, вместе с тем в центрах, где зимою рядом с сартами живут кара-киргизы, почти все общественные должности были переданы последним.

Таким образом, с господством Пулата были связаны, по преимуществу, интересы кара-киргизов; кроме того, кара-киргизы в лице своих представителей, более чем какое-либо племя ханства чувствовали себя сопричастными злодействам, означенным кратковременным правлением Пулата»[2].

В лагерь Пулат-хана перешли и многие представители оседлых феодалов и духовенства, а также из числа бывших военачальников кокандских войск. Многие феодалы, склонные к военным приключениям, нашли приют у Пулат-хана.

Главными сподвижниками Пулат-хана в это время были Абдымомын из племени курама, Сулайман из племени найман, Оморбек датха из племени адыгене, Орозалы и мулла Касым из родов авахат и кесек, мулла Муса из рода бостон и др.[3]

По мере усиления войск Пулат-хана примирение его с Наср-Эддином становилось невозможным, и по всему ханству усиливалась борьба между сторонниками двух ханов. Во всех занятых местах Пулат-хан вел беспощадную борьбу со сторонниками Наср-Эддина.

---

[1] Ежегодник Ферганской области, т. I, вып. 1902, Новый Маргелан, стр. 27.

[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. I, дело 67, док. 287.

[3] Ежегодник Ферганской области, т. I, вып. 1902, Новый Маргелан, стр. 30.

Признав Наср-Эддина кокандским ханом, создав Наманганский отдел и подписав договор с новым ханом, Кауфман считал основные вопросы, стоящие перед ним, решенными и надеялся вскоре установить спокойствие в ханстве. 25 сентября 1875 г. он обратился ко всем жителям городов и кишлаков Кокандского ханства с призывом бороться против Пулат-хана. «Приглашаю народ, — писал Кауфман, — помогать в этом деле всеми силами своему хану. Объявляю также всему народу, что я беспорядков в ханстве терпеть не буду... Я оставляю отряд в Намангане, который и будет наблюдать за ходом дел в Кокандском ханстве. Предупреждаю, что в случае продолжения беспорядков в ханстве наступает час наказания, тогда раскаяние будет поздно и будет плач и горе»[1].

Но повстанцы и не думали прекращать борьбу. Они не признавали Наср-Эддина ханом Коканда, в лице его видели второго Худояр-хана, но еще более зависимого и послушного вассала Туркестанского генерал-губернатора. Кабальные условия мирного договора, новые тяжелые налоги и поборы, введенные Наср-Эддином для выплаты контрибуции и др., усиливали недовольство новым ханом среди широких слоев населения. Все это способствовало тому, что среди народа росла популярность Пулат-хана как «освободителя». Пулат-хан и его приближенные ставили своей целью вести непримиримую борьбу не только с Наср-Эддином, но и всеми его сторонниками и покровителями. Сторонники Пулат-хана теперь боролись не только с преследовавшими их отрядами Наср-Эддин-хана и Кауфмана, но и со всеми поддерживающими их элементами внутри ханства. Пулат везде устраивал суд и расправу над своими противниками. Источники передают, что «правление Пулат-хана ознаменовалось небывалой жестокостью и казни проводились ежедневно»; «кратковременное его пребывание в Маргелане ознаменовалось теми же жестокими казнями, как и в Ассаке. 12 палачей из киргиз, одетых в особый красный костюм с арсеналом ножей всяких размеров за поясом, имели постоянную работу»[2].

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 63, док. 372.
[2] Ежегодник Ферганской области, т. I, вып. 1902, стр. 30.

Ближайшие сподвижники Пулат-хана были поставлены во главе управления в городах Андижан, Узген, Ош, Маргелан и др. мелких крепостях. Своим местопребыванием Пулат-хан вначале избрал г. Ассаке, а потом переехал в Маргелан. Наиболее важным культурным и экономическим центром в подвластной ему части ханства был город Андижан. Здесь сосредоточились основные силы восставших. В организации этих сил деятельное участие принимал Абдрахман Афтобачи, который в это время еще поддерживал Пулат-хана.

Кауфман решил направить свой удар прежде всего на Андижан. Туда в конце сентября был послан сильный отряд под начальством генерал-адъютанта Троцкого. Пулат-хан, получив об этом известие, поспешил на помощь Андижану, куда он прибыл в ночь с 1 на 2 октября 1875 г. Генерал Троцкий, недостаточно изучив состояние сил восставших, предпринял неудачную атаку на город и вынужден был отступить. Троцкий и его начальник штаба Скобелев вынуждены были отойти в сторону Намангана, на соединение с силами Кауфмана. Но в ночь с 5 на 6 октября Пулат-хан, не предприняв должных мер предосторожности, расположился в кишлаке Ханы-Авад. Этим воспользовался генерал Троцкий, который отдал распоряжение Скобелеву предпринять внезапное нападение на отряд Пулат-хана. Последний во главе незначительной группы войск, застигнутый ночью врасплох, в беспорядке бежал в сторону Андижана. Во время бегства Пулат-хан провалился на мосту и сломал ногу. Но, несмотря на это, он не оставлял руководства восстанием. Впоследствии в письме к царским властям он писал: «Вы как воры, боящиеся света, по ночам внезапно нападаете на наши селения и убиваете наших людей»[1].

Но несмотря на удар, который Пулат-хан получил в ночном нападении, его дела в целом пока шли неплохо. Один из его сподвижников Валихан, направленный им ранее в г. Маргелан, с помощью восставшего населения города легко захватил там власть и предал казни Атакунбека, правившего городом в качестве ставленника Наср-Эддина и Кауфмана. Теперь в Маргелан были на-

[1] Военный сборник, № 1, 1880, стр. 179.

правлены крупные силы Наср-Эддина под начальством брата Худояр-хана Мурадбека, ранее правившего Маргеланским округом. Отряды Мурадбека заняли позиции неподалеку от Маргелана, около селения Файзабад. Отсюда Мурадбек обратился к горожанам с воззванием. Он призывал не признавать власть Пулат-хана, который не является потомком Алым-хана и не имеет отношения к правящей в Коканде ханской династии минг. Пулат-хан объявлялся самозванцем и киргизом самого простого происхождения.

Пулат поручил оборону города Валихану и предложил ему вести решительную борьбу против ханских войск. Валихан в эти тяжелые минуты обнаружил замечательные способности военачальника. До конца преданный Пулат-хану, он сумел высоко держать боевой дух воинов и среди населения города и мобилизовать их на борьбу против Мурадбека.

Известие о поражении и отступлении отряда генерала Троцкого из-под стен Андижана подняло дух повстанцев. Валихан в сражении под селением Файзабад наголову разбил 7 и 8 октября ханские войска. Это открыло восставшим дорогу в Коканд. Силы восставших победоносно двигались к столице, а на пути население многих сел присоединилось к ним.

В ночь с 8 на 9 октября в Коканде произошло восстание, активно поддержанное жителями окрестных сел. Это облегчило занятие Валиханом Коканда. «Наибольшее участие приняли жители кишлаков Яны-Кургана и Бачкора, руководителями которых явился Хассан-Калля...» «К ним примкнула кокандская чернь»[1].

Наср-Эддин хан бежал под защиту царских властей. Правителем Коканда временно Пулат-ханом был назначен Абдылдабек, а Валихан вернулся обратно в Маргелан, где предал казни пленённого Мурадбека. Основным центром, где сосредоточивались главные силы восставших, по-прежнему оставался г. Андижан. Здесь повстанцы все более усиливали оборонительные сооружения. В рапорте начальника отряда, действовавшего на левом берегу Сыр-Дарьи, следующим образом характеризуется в это время состояние Кокандского ханства. «В Коканде

[1] Ежегодник Ферганской области, т. I, вып. 1902, стр. 32.

и во всем ханстве Кокандском господствуют ныне безначалие и беспорядок. Настоящий законный хан Наср-Эддин, выбранный народом и нами признанный, бежал из Коканда и ныне проживает на занятой нами территории, в крепости Махрам, под зищитою расположенного там нашего отряда». «Узбекское и таджикское население Коканда и прочих городов и поселений ханства, со времени перехода действующего отряда с левого на правый берег Дарьи, в особенности после оставления ханом его столицы и бегства в Ходжент, находясь в возбужденном взволнованном состоянии и напуганное угрозами, господствующего в ханстве многочисленного кочевого его населения, по-видимому, подчинилось временно существующему в ханстве положению вещей: в ожидании дальнейшего разрешения его судьбы, как кажется оно признает ныне, киргиза Пулат-бека, силою навязанного ему кипчаками и киргизами»[1].

Наряду с действиями основных сил Пулат-хана в различных частях ханства, занятых отрядами царских войск, действовали в это время отдельные мелкие повстанческие отряды. Многие из них остались малоизвестными. В юго-западной части ханства успешно действовал отряд Искандера. В Наманганском отделе действовал отряд Батыр-тюра. Среди населения Намангана царило сильное возбуждение. Но главным центром сосредоточения силы повстанцев по-прежнему оставался Андижан. В записке «О политических и военных делах в Кокандской границе» от 15 ноября 1875 года отмечается: «Андижанцы готовятся к защите, по двенадцати главным улицам Андижана устроены завалы; кроме жителей города, для защиты его согнаны жители окрестных кишлаков; защитников в городе собралось таким образом до 60—70 тыс.; обороною города руководит Афтобачи, а Пулат-бек с 15 т. киргиз расположен вне города для действий на наш тыл и сообщение...» «В Андижане собрались кипчаки, киргизы и разный другой народ из Уша, Шарихана, Булак-Баши, Ассаке, Аравана, Маргелана и даже из Коканда, которые дали клятву не отступать, не взирая ни на какие потери. Главою и руководителем защиты Андижана был Афтобачи, которому

[1] ЦГВИА, фонд ВУА, д. 6884, л. 32.

помогали аксакалы, некоторые добровольно, другие по принуждению и под угрозою смерти»[1].

25 октября 1875 года, воспользовавшись вступлением Скобелева с частью военных сил в Тюра-Курган, восстало население Намангана. Восставшие захватили город, в течение 3-х дней осаждали оставленные Скобелевым части в казарме. Скобелев, получив известие о восстании, спешно вернулся в Наманган и снова начал осаду города с помощью 13-ти орудий. Повстанцы не имели артиллерии. Только после того, когда половина города была превращена в дымящиеся развалины, население изъявило покорность. Но восстание, подавленное в одном пункте, с новой силой вспыхивало в другом. 18 ноября вспыхнуло восстание в Ашибе, 30-го ноября — в Гур-Тюбе.

Однако вскоре наступившая зима должна была, как обычно, сильно ограничить движение. Это было связано, как мы уже отмечали, с условиями жизни кочевников и формами организации вооруженных сил, снабжением войск и т. п. И теперь к декабрю 1875 г. движение стало заметно ослабевать. Но с весны следующего 1876 года, по всем данным, должно было начаться вновь широкое выступление повстанцев. Это хорошо понимали и Наср-Эддин и командование царских войск. Кауфман и Скобелев решили во что бы то ни стало нанести силам повстанцев, их жизненно важным центрам сокрушительный удар до весны 1876 года.

* * *

Царские войска, которые были брошены на защиту власти Наср-Эддина, имели дело с народными массами ханства. Но эти массы возглавлялись недовольными правящим ханом феодалами, прежде всего Абдрахманом Афтобачи. В данном случае положение почти полностью напоминало то, которое было при Худояр-хане перед его бегством в Ходжент.

Широкие слои населения Кокандского ханства боролись против хана «плохого» Наср-Эддина, за его свер-

[1] ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 130, лл. 401—531.

жение, связывая с этим и коренное улучшение своего положения.

Когда Наср-Эддин уже был свергнут и провозглашен «новый» хан «из народа» и когда у Наср-Эддина в самом ханстве не осталось опоры, он нашел защиту в лице царской России. Военные силы туркестанского генерал-губернатора совместно с силами Наср-Эддина были двинуты против восставшего населения. Сея страх и ужас, совершая бесчисленные насилия и жестокости, устилая свой путь дымом и пеплом сожженных и разрушенных деревень и городов, царские и ханские войска преследовали повстанцев. «В восточные... районы ханства, где были сконцентрированы основные силы Абрдахмана Афтобачи и Пулат-хана, была снаряжена карательная экспедиция Скобелева — Меллера-Закомельского. Эти царские палачи обрушили, однако, свои удары на народные массы Кокандского ханства. На своем пути они сжигали и уничтожали буквально все: города, кишлаки и села, сады и посевы; рубили и вешали всех подряд: и женщин, и детей, и стариков, никому не давая пощады... Эти дикие, кровавые «подвиги» царских палачей-карателей, естественно, вызывали озлобление народных масс Кокандского ханства, чем не преминули воспользоваться «партия войны» с Россией и англо-турецкая агентура»[1].

Кауфман и Скобелев все это делали для защиты «законного» хана Коканда от «бунтовщиков». Однако совершенно очевидными становились истинные цели и задачи царского правительства, роль и значение хана Наср-Эддина, как игрушки в руках царского правительства, очевидным становился надвигающийся двойной — ханско-феодальный и колониальный — гнет царизма.

Колониальный гнет со стороны царского самодержавия совершенно явственно выступал в пунктах договора Кауфмана с Наср-Эддином. В цифрах контрибуции и сроках его платежа особенно отчетливо проявилось стремление царского правительства к беспощадной эксплуатации населения ханства через посредство своего ставленника-хана. Наср-Эддин обязывался уплачивать

---

[1] *А. В. Пясковский.* Труды Института языка, литературы и истории Кирг. ФАН. Вып. IV, Фрунзе, 1954, стр. 24.

контрибуцию за 10 лет 5 000 000 руб. основного взноса, 105 000 руб. процент за рассрочку выплаты контрибуции, всего 5 105 000 руб.

Одно уже это являлось показателем надвигающейся колониальной эксплуатации. Именно поэтому в кокандском восстании, начиная с августа 1875 г., усилилась тенденция борьбы и против тех сил, которые брали Наср-Эддин-хана под свою защиту. Повстанцы вынуждены были вести военные действия и против царской России. Силы Кауфмана действовали совместно с оставшимся еще у хана войском. Наступление генерала Троцкого на Андижан в сентябре 1875 г. было начато одновременно с наступлением ханского войска под начальством Мурадбека на Маргелан. Планы наступления ханских и царских войск заранее были согласованы между Наср-Эддином и Кауфманом. Вот конкретные условия, в которых происходили столкновения отрядов Абдурахмана Афтобачи и Пулат-хана с отрядами царских войск.

Кокандское восстание 1875—1876 гг., по своему характеру и целям в основном было антифеодальным народно-демократическим, направленным против кокандских ханов Худояра, а потом Наср-Эддина и кроме того антиколониальным — против туркестанского генерал-губернатора и устанавливающегося колониального господства царизма. О массовом участии народа в восстании 1875—1876 гг. имеются многочисленные указания даже в донесениях командования царских войск, в тогдашней официальной прессе, в отчетах официальных лиц и т. д. Газета «Голос» писала 15 апреля 1876 г.: «Борьба происходит не с ханом или эмиром, из-за политических видов отстаивающего свою независимость, а с народными страстями»... «Никогда еще в Средней Азии... не приходилось испытывать такой длительной и упорной борьбы. Мы в первый раз столкнулись с энергичным бойцом, сумевшим воодушевить население, и опытом дознали, что бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств».

«События этой борьбы, — писала далее газета, — чрезвычайно ярко обрисовывают все опасные стороны народной борьбы и показывают, что с ханом и другими владетелями Средней Азии несравненно легче справить-

ся, чем даже с малочисленным, но фанатизированным населением клочка этой части Азии».

В донесении на имя военного министра Кауфман писал 15 сентября 1875 года, что необходимо: «Перевести все документы и прокламации на французский язык для того, чтобы и западно-европейское общественное мнение могло бы составить себе, хотя на сей раз, верное и справедливое понятие о том: сами ли мы, только из жажды захватов и завоеваний, начинали здесь в Средней Азии, или мы вынуждены силой неотразимых обстоятельств... открытым поголовным восстанием против нас всего кокандского мусульманства»[1].

Кокандское восстание на своем последующем этапе — в 1875—1876 гг. было всенародным, освободительным. Его основные удары были направлены против феодально-ханского гнета кокандских ханов — Худояра и Наср-Эддина, а также против надвигающегося колониального гнета со стороны царизма, который вначале активно выступал на защиту власти ханов-деспотов, а затем начал устанавливать свое господство.

Характерной особенностью восстания была его массовость. В этот период у киргизов и кипчаков популярным лозунгом был «кыл куйрук». Значение этого лозунга заключалось в том, что он означал призыв к поголовному участию в восстании каждого человека в качестве бойца-кавалериста. Но этот лозунг уживался с лозунгом «священной» войны, который выдвигался духовенством и феодалами и являлся насквозь реакционно-клерикальным лозунгом. Лозунг «кыл куйрук» имел принципиально другое содержание, это был призыв к всеобщему, поголовному участию в восстании трудящегося населения.

Следует отметить, что у народов Средней Азии, испытавших на себе влияние мусульманской культуры веками, укоренилось среди господствующих классов понятие «газавата». Почти все войны мусульманского Востока проходили под лозунгом «газавата». Как известно, арабы в VII—VIII вв. все свои победоносные войны вели под лозунгом «газавата». Под реакционным знаменем «газавата» арабским властителям удалось об-

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 63, 1875, док. 344.

манным путем мобилизовать на войну огромные массы людей и осуществить обширные завоевания, установить свое господство над огромной территорией тогдашнего «цивилизованного» мира. Арабские халифы хорошо знали, что под лозунгом «газавата» можно наилучшим образом создать хорошо организованное фанатическое войско. Каждый воин, убежденный, что он выполняет «божью волю» и что после смерти ему приготовлен мир блаженства на том свете — рай, проявлял максимум геройства и стойкости в боях; он был готов на любое лишение и самопожертвование во имя «газавата». Этим лозунгом удавалось наилучшим образом рассеять у воинов боязнь и страх, панику и растерянность в битвах, уничтожить стремление к бегству, дезертирству и т. д. и т. п.

Наряду с этим, лозунг «газавата» был исключительно выгоден ханам, духовенству, феодалам и другим представителям эксплуататорских классов с точки зрения их социальных, классовых интересов. Под этим лозунгом светским и духовным феодалам наилучшим образом удавалось затушевывать противоречия. За этот лозунг при каждом удобном случае цеплялись мусульманские правители среднеазиатских ханств, в том числе Коканда.

В Кокандском ханстве массы населения полностью находились в плену ислама, они были очень темными и отсталыми, придавлены тяжелым ханско-феодальным гнетом и произволом. В этих условиях лозунг «газавата» мог оказывать большое влияние на народ, привлечь под знамена «Аллаха» массы населения, дать возможность духовенству, феодалам и ханам использовать народное движение в своих классовых интересах. Именно в этом заключалась реакционная роль этого лозунга и в Кокандском восстании. Лозунг «газавата» выдвинули и всячески проповедовали тогда Абдрахман Афтобачи, мулла Иса-Аулие, Халик-Назар и другие представители феодальной знати и духовенства, захватившие руководство восстанием. Реакционный лозунг «газавата» был лозунгом феодально-клерикальных элементов ханства и шел вразрез с интересами народных масс, он задерживал развитие классовой борьбы, затушевывал социальные противоречия, утверждал идею «классовой солидар-

ности» и «классового мира», интересы угнетенных масс приносил в жертву интересам эксплуататорских классов. Лозунг «газавата» отвечал исключительно интересам правящей феодальной знати и духовенста, мечтавшей о восстановлении былого «могущества» Кокандского ханства, об укреплении классовых позиций феодалов над трудящимися массами. В газете «Голос» отмечалось, что Иса-Аулие «...вместе с Абдрахманом Афтобачи находился во главе партии, враждебной русским, надеясь восстановить в Азии прежнюю самостоятельность мусульманских государей Средней Азии»[1].

В Кокандском восстании 1875—1876 гг. реакционный лозунг «газавата» отталкивал народы Средней Азии от русского народа и воспитывал у них реакционную идею национализма, разжигал вражду между народами Средней Азии и великим русским народом. Лозунг «газавата» вел к ориентации на такие отсталые страны Востока, как Турция, Иран и др., лишенные всякой революционной перспективы и являвшиеся объектом колониальной политики Запада. Лозунг «газавата» вел к панисламизму и использовался агентами Турции, Ирана, Афганистана, Джеты-Шаара и т. д., а через них и колонизаторами Запада и Англии, прежде всего, как орудие установления влияния этих государств в Средней Азии, в Кокандском ханстве в частности.

В Кокандском восстании 1875—1876 годов народные массы в основном стали группироваться в лагере Пулат-хана и вступали в беспощадную борьбу против хана Наср-Эддина. Но в лагере Пулат-хана стала группироваться и значительная часть феодально-клерикальных элементов во главе с Абдрахманом. Это обстоятельство обусловило исключительно сложные формы и характер восстания. В движении стала переплетаться народно-освободительная, прогрессивная тенденция с реакционной, феодально-монархической тенденцией. Однако народно-освободительная, прогрессивная основа движения, носившего характер крестьянской войны, до конца оставалась главной, определяющей, несмотря на усиление по временам феодально-монархической реакционной тенденции. Именно в этом заключается характерная осо-

[1] Газета «Голос», № 304, 1875 г.

бенность восстания 1873—1876 гг., уже в период борьбы Пулат-хана с Наср-Эддином лозунг «священной войны» начал терять свое значение и уступать место требованиям социального характера. В этот период коренные социальные вопросы, связанные с улучшением материального и политического положения народа, стали явно выступать в качестве главной движущей силы восстания. Поэтому именно в этот период восстание стало приобретать наиболее решительный и грозный характер.

Колпаковский, временно сменивший в конце 1875 года Кауфмана, и Скобелев, стоявший со значительной силой в Намангане, по-своему правильно оценили серьезность создавшегося положения. Они мобилизовали все силы туркестанского генерал-губернатора для организации решительного наступления на повстанцев с целью быстрого и полного их разгрома. Было решено воспользоваться зимним временем, когда многие повстанцы обычно разъезжаются по домам и прекращают свои боевые действия. Кроме того, неуловимые летом кавалерийские отряды повстанцев в зимних условиях обычно были малоподвижны, менее организованы и легко уязвимы. Но наиболее важно было нанести удар в основных очагах восстания по зимовьям повстанцев с тем, чтобы совершенно разорить их хозяйства и лишить их необходимых материальных ресурсов.

Наиболее важным очагом восстания являлся район «Эки-суу-арасы», т. е. междуречье, расположенное между рекой Нарын и Кара-Дарьей. Командованием царских войск было решено предпринять экспедицию именно в Эки-суу-арасы. Военная экспедиция в Эки-суу-арасы, населенного главным образом кипчаками и киргизами, должна была нанести удар по базе, которая давала главных и наиболее активных борцов и деятелей восстания. В донесении «о военных действиях в бывшем Кокандском ханстве с 25 декабря 1875 г. по 7 февраля 1876 года» подчеркивается особое значение нанесения главного удара в Эки-суу-арасы зимою. В нем указывается: «Страна между Нарыном и Кара-Дарьей, Эки-суу-арасы, населена по преимуществу кипчаками и кара-киргизами, составлявшими главный контингент в ополчениях, выставлявшихся против нас правительством войны. Экспедиция в пору года, когда полукочевое население

держится со своими семействами и скотом в курганах и зимовках и не имеет возможности бежать в горные ущелья, должна была нанести ему такой погром, который привел бы его в бессилие и поставил бы в невозможность это главное орудие газавата, продолжать попытку к наступлению против нашей позиции на Нарыне»[1]. Отряды, предназначенные для этой цели, сосредоточены в Намангане. Во главе карательной экспедиции был поставлен Скобелев.

«Цель зимней экспедиции... состояла в том, чтобы нанести поражение воинственному населению страны Ики-суу-арасы — кипчакам и кара-киргизам, составлявшим преобладающий элемент в ополчениях»[2].

Экспедиционный отряд был усилен, имел на вооружении 16 орудий и ракетную батарею. Кроме этого, в Намангане остался гарнизон с 10 орудиями, сильный гарнизон был оставлен и в Чусте. Отряд выступил из Намангана 25 декабря 1875 г.[3]

С 27 октября повстанцы, потерпев поражение под Наманганом, не вступали в серьезные сражения с отрядами царских войск. Отдельные столкновения, имевшие место 2 ноября у селения Кене и Таш-Бала, 12 ноября в сел. Балыкчи, 18 ноября в кишлаке Ашабе, 30 ноября в кишлаке Гур-Тюбе, 2 декабря у кишлака Улджибай, 4 декабря у кишлака Бай-бачи и др., не давали особых результатов. 26 декабря отряд Скобелева на берегу Кара-Дарьи достиг селения Балыкчи, откуда жители накануне бежали вслед за отступавшими отрядами повстанцев. По приказу Скобелева селение было сожжено. Отсюда был послан по левому берегу Кара-Дарьи по андижанской дороге отряд конницы в числе 650 чел. с двумя орудиями и ракетной батареей под начальством полковника Меллер-Закомельского. Меллер прошел от селения Балыкчи до сел. Сармак, сжигая и разоряя по пути селения Пайтак, Ходжават, Акмазар, Тулу-бек, Кара-Янтак, Кайрабат, Капчак-кишлак, Янгызбак, Шур-

---

[1] ЦГВИА, фонд ВУА, д. 6877, л. 119.

[2] Там же, л. 135.

[3] Общая численность экспедиционного отряда доходила до 2821 человека. Кроме Скобелева, здесь находился барон Меллер-Закомельский.

арык, Шур-курган и др.[1] Повстанцы не вступали в решительное сражение, имели лишь отдельные столкновения небольшими отрядами. Это произошло в кишлаке Ходжават и в районе Масы, где был разбит отряд Сувана.

Один из участников карательной экспедиции Скобелева в Эки-суу-арасы Куропаткин, будущий туркестанский губернатор, в своем дневнике отмечает, что карательная экспедиция действовала беспощадно.

Так беспощадно подавлялось силами царских войск народно-освободительное восстание южных киргизов, направленное против невыносимого гнета кокандского хана. Царские войска выполняли роль ханских войск и осуществляли задачу обеспечения господства кокандского хана, ставшего теперь уже вассалом царского самодержавия.

Русский народ и его передовые представители сочувствовали восстанию и осуждали действия царского правительства в Кокандском ханстве, расценивая их как выполнение царизмом роли жандарма в этих странах.

Царское правительство поступало сообразно со своими классовыми интересами. Политика царизма всегда и везде была направлена против национально-освободительного движения, в какой бы форме оно ни проявлялось. Царизм требовал решительного подавления движения к национальной свободе и самостоятельности отдельных народов, находящихся в составе Российской империи или могущих оказаться в ее составе в будущем. Беспощадно подавлялось всякое движение, могущее оказать «дурное» влияние на народы империи и т. д. и т. п.

Беспощадное подавление отдельных очагов народных движений в Казахстане в период присоединения его к России в свое время тоже вызывало гневный протест со стороны передовых слоев русского общества. А. И. Герцен в своем «Колоколе» разоблачал колонизаторскую политику царского правительства. В связи с подавлением восстания Исета Котибарова А. И. Герцен писал, что со времени «...монгольских набегов ничего не было гнуснее в свирепости, как набег полковника

[1] ЦГВИАЛ, ф. ВУА, дело 688, гл. 32, лл. 132—141.

Кузьмина и майора Дрышова», и что «...этот кровавый эпизод еще ждет описания»[1]. Герцен осуждал насильственные формы присоединения к России других территорий и народов. Он провозглашал принципы «вольного союза равных». Он писал: «Само собой разумеется, что мы говорим о вольном союзе равных, мы никогда не говорили ни о завоевании, ни о рабском присоединении к России, мы вообще не говорили ни о каком соединении с Россией, пока в ней будет продолжаться петербургское правление»[2]. Наряду с Герценом, Н. Г Чернышевский в своем «Современнике» также давал правильную оценку реакционной национально-колониальной политики царизма.

Передовые представители русского народа хорошо понимали, что самодержавие и его военная сила одинаково беспощадно подавляют освободительное движение народов, где бы оно ни возникало. Герцен писал: «Это — те ружья, которые стреляли в Бездне, это те приклады, которые били петербургских студентов, это — те штыки, которые завтра будут колоть крестьянина русского... за то, что он хочет с волею землю»[3].

Свободолюбивые освободительные идеи Герцена, Чернышевского и других были идеями тысяч передовых представителей русского общества и находили поддержку в среде широких слоев русского народа. Так национально-освободительное движение угнетенных народов находило полную поддержку передовых слоев русского общества, русский народ сочувствовал их борьбе против феодально-ханского гнета и эксплуатации.

Жестокие действия генерала Скобелева в Кокандском ханстве осуждались русским народом. Однако господствующая реакционная идеология эксплуататорских классов, официальная колонизаторская установка царского правительства в национальном вопросе, направленная на беспощадное угнетение народов, разжигание идей шовинизма и национализма, стремление царских офицеров и генералов в сравнительно легких условиях

[1] Колокол, л. 28, от 15 ноября 1858 г. См. также Герцен А. И. Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 459. Письмо первое «Россия и Польша».

[2] *А. И. Герцен,* Собр. соч., т. X, стр. 239.

[3] *А. И. Герцен.* Собр. соч., 1920, т. XVI, стр. 27.

совершить военные «подвиги» и заслужить награды, получать повышение в чине и службе и т. д. и т. п., все это являлось тогда определющим фактором во взаимоотношениях Российской империи с Кокандским ханством.

2 января 1876 года военные силы генерала Скобелева перешли Кара-Дарью и стали лагерем недалеко от Андижана. Андижан теперь был главным центром восстания, где сосредоточились основные силы повстанцев. Командовал этими военными силами Абдрахман Афтобачи, городом управлял представитель Пулат-хана — Ишмат. Кроме регулярных отрядов повстанцев, в городе находились еще неорганизованные толпы, которые готовились поддержать войско. В донесении «о военных действиях...» приводятся следующие несколько преувеличенные данные о численности вооруженных сил повстанцев в Андижане: «...к Андижану стекались военные люди и ополчения со всего ханства, в нем же сосредоточились отборные силы кипчаков и кара-киргиз... Неприятельские силы в г. Андижане состояли из 20 тыс. вооруженных жителей, 5 тыс. сарбазов и 12 тыс. конницы.

Во главе всех этих масс, готовившихся к битве с нами, стал сам Афтобачи, все это придало Андижану значение надежнейшей опоры... и на него были устремлены взоры всей Средней Азии»[1].

В отчете туркестанского генерал-губернатора за 1876 г. в общем правильно подчеркнуто значение Андижана как основного опорного пункта восставших. О численности сосредоточенных в Андижане вооруженных сил повстанцев даны более приближенные к действительности данные. В отчете указывается: «Андижан приобрел большое значение, как оплот партии войны против нас и жители его решились на упорную защиту против нас. К Андижану стекались военные люди и ополчения со всего ханства. По полученным сведениям, в Андижане кроме вооруженных жителей было 5000 сарбазов и 12000 конницы с Абдурахманом Афтобачи»[2].

Командование царских войск в Средней Азии, чтобы

---

[1] ЦГВИА, фонд ВУА, д. 6877, л. 136.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. I, д. 69, док. 137

придать как можно большее значение часто даже совсем незначительным событиям, обычно давало преувеличенные оценки, неточные и преувеличенные сведения о численности войск своих противников и т. д.

Пулат-хан с конницей стоял вне города, недалеко от Андижана. Его воины в основном состояли из очень плохо вооруженных киргизов и кипчаков. Генерал Скобелев, ожидая упорного сопротивления города, а также беспокоясь за свой тыл, отправил подполковника Андросова с отрядом с целью предупредить возможное восстание в тылу, а также привести из Намангана подкрепление. Андросов успел вернуться к 5 января с ротой пехоты и осадными орудиями. Один из Андижанских вельмож, Арызкулбек, перешедший в лагерь Скобелева, передал ряд ценных сведений о состоянии обороны города, в частности через него удалось узнать слабые места в линии обороны и разногласиях среди предводителей восстания. Скобелев решил воспользоваться слабыми сторонами восставших и всю артиллерию сосредоточил на Акчекментских высотах, откуда город был наиболее уязвим. 7 января 1876 года он выпустил воззвание к населению города, пытаясь усилить разногласия среди восставших. В воззвании говорилось: «Андижанские узбеки! К Вам я особо обращаюсь! Не верьте зачинщикам смут, помните, что они, решившись воевать, ничего не могут потерять, не имея никакой оседлости. И когда город будет взят войсками могущественного белого царя, вы одни поплатитесь жизнью и имуществом»[1].

Воззвание, однако, успеха не имело, и восставшие продолжали укреплять город и готовиться к сопротивлению. 7 января Скобелев начал обстрел города. Дальнобойность русской артиллерии давала огромные преимущества перед восставшими, орудия которых не могли бить по позициям царских войск, их ядра не долетали.

После сильного разрушения города начался штурм, и 9 января утром старосты города с повинною явились к Скобелеву, заявив о капитуляции. Город был занят царскими войсками.

Штурм и занятие г. Андижана царское командова-

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, № 6882, л. 202.

ние изображало как «блестящий» образец военного искусства и приписывало себе большие заслуги. В отчете туркестанского генерал-губернатора, наряду с показом конкретного хода военных операций, приводятся некоторые подробности, представляющие определенный интерес, в отчете указывается: «Штурм Андижана 8 января представляет блестящий образец того, как надо брать среднеазиатские города. Действия генерала Скобелева в данном случае я признаю мастерскими. Город, имевший кроме 10000 вооруженных жителей, не менее 15000 конных кипчаков и пеших сарбазов для защиты, был взят с самою незначительною потерею.

Неприятель, не угадав фронта атаки, начал стекаться к угрожаемым пунктам только тогда, когда открыла огонь наша артиллерия, попал под убийственный огонь ее и не успел занять передовых оборонительных закрытий, которые были уже захвачены передовыми штурмовыми колоннами.

Занятие Андижана, считавшегося самым крепким пунктом и центром партии войны, газавата, предрешал в пользу нашу участь кампании»[1].

В этих реляциях умалчивается исключительно примитивная военная «техника» защитников города. Основная причина поражения повстанцев под Андижаном заключалась в плохом средневековом вооружении, которое не шло ни в какое сравнение с вооружением царских войск. Известную роль в поражении играли раздоры среди руководителей движения, в частности между Абдрахманом и Пулат-ханом. Уцелевшие остатки повстанческих войск ушли из-под Андижана. Занятие города сопровождалось грабежами. По дороге от Андижана шли по всем направлениям беженцы. Основная масса беженцев направлялась по дороге в Ассаке и Маргелан.

Падение Андижана означало потерю восставшими своего главного опорного пункта. В результате падения этого города и его разгрома силам повстанцев был нанесен сокрушительный удар, после которого они уже

ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. I, д. 69, док. 138.

не могли оправиться. Оценивая значение падения Андижана, как основного центра повстанцев, начальник Наманганского отдела в своем донесении туркестанскому генерал-губернатору писал: «Погром, постигший 8 января Андижан, на который были устремлены взоры не только Кокандского ханства, но и всей Средней Азии, глубоко потряс нравственно и материально силу правительства войны. Андижанские беглецы по всему ханству разнесли весть о постигшем их страшном поражении и внесли панику во все главные центры ханства»[1].

Оставшиеся части вооруженных сил повстанцев стали сосредоточиваться в Ассаке. Здесь 18 января они дали еще одно сражение, но были разбиты. Во главе вооруженных сил все еще находился Абдрахман Афтобачи, который, однако, уже встал на путь измены повстанцам и вступил в тайные переговоры с командованим царских войск с целью сдачи на милость победителя.

Абдрахман — сын крупного киргизского феодала племени кипчак, во время паломничества в Мекку он поклялся у гроба «пророка» Мухаммеда отомстить кокандскому хану Худояру за казнь своего отца Мусульманкула, бывшего одно время всемогущим регентом малолетнего хана и главнокомандующим ханских войск. Однако вернувшись в Коканд, Абдрахман нашел общий язык с Худояр-ханом, вошел в его доверие и стал главнокомандующим ханских войск.

Когда в 1873—1874 гг. началось широкое движение южных киргизов против хана, Абдрахман вел двойную игру: с одной стороны, он как главнокомандующий ханских войск жестоко подавлял народное восстание, с другой стороны, он пытался использовать движение в своих личных интересах. Что касается подлинных интересов трудящихся, то это было чуждо Абдрахману по самой его природе как крупного феодала. Абдрахман мог находиться во главе движения лишь до тех пор, пока были какие-то шансы для использования движения в своих интересах и той феодально-клерикальной среды, которая его окружала. Однако и это время

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. I, д. 66, док. 64.

было временем постоянных противоречий и конфликтов Абдрахмана с Пулат-ханом. Бесконечные конфликты и противоречия Пулат-хана с Абдрахманом являлись важнейшей причиной, наряду с отсталостью вооружения, поражения восстания.

Абдрахман Афтобачи для своего класса был, несомненно, крупной фигурой Кокандского ханства. Он наиболее преданно служил интересам господствующих классов и до конца боролся за интересы ханской власти.

В тяжелые дни разгрома восставших в Андижане, поняв крушение своих надежд на создание независимого ханства, Абдрахман решил добровольно сдаться Кауфману. На письмо туркестанского генерал-губернатора о сдаче, с условием сохранения жизни и определения содержания соответственно его званию, Абдрахман ответил согласием.

В своем письме к Кауфману он писал: «В письме вашем, между прочим, относительно примирения вы предлагаете мне некоторые условия, в справедливости которых дали честное слово, я этому верю.

Дабы мне и моим родственникам не подвергаться наказанию, я желаю получить за подписью белого царя прощенное свидетельство; кроме того, не было бы никакого вреда на вечное время моим родственникам»[1].

Как видно из этого письма, Абдрахман выпрашивал у туркестанского генерал-губернатора выгодные условия лишь только для себя, а что касается судьбы массы повстанцев, то о них не мог сказать ни слова. Из этого видна ограниченность его интересов как феодала, представителя эксплуататорских классов, легко находящего общий язык с царскими генералами.

24 января 1876 г. Абдрахман сдался генералу Скобелеву вместе с 26 представителями знати и с 400 джигитами. В письме, посланном ген. Колпаковскому, Абдрахман Афтобачи писал: «Чувствую свое бессилие против храбрых и непобедимых воинов белого царя, равно желая прекратить бедствия войны, разоряющие мое отечество, я сдался генералу Скобелеву, надеясь на милосердие могущественного во всем мире белого

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. I, д. 66, док. 66.

царя. При этом с полною надеждою обращаюсь к вам, как к доброму покровителю края, что вы меня не пустите на несчастный путь. Обещанию, данному мне генералом Скобелевым, я верю и надеюсь, что вы не оставите обратить на это милостивое ваше внимание»[1]. В числе сдавшихся представителей знати был Батыртюре, Исфандиар, Нормухамед-датха и др.[2]

Генерал Скобелев встретил Абдрахмана Афтобачи, недавнего своего врага, как равного себе «полководца». При этом Сколебев сразу же позаботился о дальнейшей судьбе Абдрахмана. В телеграмме на имя и. о. туркестанского генерал-губернатора генерала Колпаковского Скобелев писал: «Абдрахман Афтобачи сдался на милость его величества добровольно. Мною ему обещано обеспечение его личности и его семейства. Абдрахман Афтобачи все им обещанное выполнил безусловно честно. Осмеливаюсь просить ваше превосходительство ходатайства у его высокопревосходительства о представлении устройства судьбы Афтобачи на милостивое воззрение государя императора»[3].

Добровольная сдача Абдрахмана Афтобачи со своими приближенными и личной охраной царским войскам имела большое значение в деле дальнейшего ослабления восстания. Особенно заметно повлияла измена Афтобачи на оседлое население. Колпаковский в своем отчете писал: «Уничтожение Андижана и успех при Ассаке сломили все надежды партии войны. Душа обороны всего ханства, глава кипчаков — Абдрахман Афтобачи — вступил в переговоры и согласился на личное свидание с генералом Скобелевым, которое совершилось 24 января близ Инд-кишлака. Вслед за сдачею Афтобачи почти все оседлое население ханства решило безусловно покориться нам»[4].

После сдачи Абдрахмана с его приближенными Пулат-хан применил ряд мер наказания к оставшимся близким и родственникам Абдрахмана, в частности предал казни трех братьев Абдрахмана. Собрав военный совет, Пулат-хан принял решение пока отступать от

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 66, док. 67.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 1, оп. 34, д. 346, лл. 172—173.
[3] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 66, док. 71.
ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 69, док. 137

Маргелана в Уч-Курган, а оттуда в горы для того, чтобы провести там зиму, а с наступлением весны подняться вновь и начать наступление на Коканд. Однако число повстанцев очень уменьшилось. Почти все попутчики, колеблющиеся и сомнительные элементы отошли от движения, спасая себя и «выгодно» устраивая свои дела, а народные массы после измены Абдрахмана теряли веру в освободительные цели и успех борьбы. Активные элементы были окончательно обескровлены.

Пулат-хан с самого начала движения выступал сторонником решительных действий в противовес Наср-Эддину, который выражал тенденцию подкупной, продажной феодальной верхушки. Настоящим предводителем движения был Пулат-хан, в лице которого Наср-Эддин и другие крупные представители феодалов видели своего классового врага и относились с большим недоверием.

На почве противоречий Пулат-хана с Наср-Эддином создавались постоянные разногласия и трения, которые затем перешли в открытую и жестокую борьбу. В этой борьбе немало крупных феодалов усердно помогали Наср-Эддину против Пулат-хана. Так, например, шахризябские беки Джурабек, Бабабек, киргизские манапы Шабдан Джантаев, Баяке, Дыйкамбай, Акман и многие другие со своими вооруженными силами участвовали в подавлении восстания Пулат-хана. Эти представители феодалов боролись против Пулат-хана не только потому, что этим они хотели выслужиться перед туркестанским генерал-губернатором, получить награды белого царя, но и потому, что они не доверяли Пулат-хану, за которым шли широкие массы народа. Но Пулат-хан не понимал противоположности интересов народа и феодалов. Иначе он не пошел бы так легко на союз с Абдрахманом Афтобачи. Все зло в его понимании заключалось в «плохом» хане. Он и боролся против Наср-Эддина, когда тот пошел на союз с царской администрацией — до этого он признавал Наср-Эддина ханом. Позиции Пулат-хана понятны в условиях господства отсталой феодальной и патриархально-феодальной идеологии, обусловленной отсталостью Средней Азии. Понятно, что Пулат-хан не боролся против реакционного лозунга газавата. В результате он

оказался в плену Абдрахмана Афтобачи, который сам и его окружение умело использовали движение народа в своих, идущих в разрез с тенденциями исторического развития, целях — создания независимого Кокандского ханства.

Представители крупных феодалов и духовенства, до определенного времени прибывавшие в лагере восставших с целью направить движение в нужное им русло и использовать его в своих интересах, стали теперь отходить от движения и добровольно сдаваться царским властям или же вести борьбу против восставших. Но были и отдельные представители феодалов, которые остались в лагере восставших. Это были, главным образом, лица из числа близкого окружения Пулат-хана. Из их числа назначались правители городов и крепостей, военачальники и т. д.

Нельзя, однако, представлять Пулат-хана последовательным предводителем народного восстания, особенно после того, как он был объявлен ханом. Став правителем ханства, Пулат стал проявлять многие атрибуты настоящей ханской власти и стремился опереться на поддержку феодалов и духовенства, привлекая их на свою службу, вступая с ними в различного рода связи. Пулат-хан женился на дочери правителя Каратегина Музаффар-шаха[1]; крупный феодал кураминец Абдымомын был его личным наибом, сыновья Курманджан-датхи — Омор-бек и Хасан-бек находились у него на важных должностях, а Абдылда-бек был его видным военачальником, одно время от его имени правил Кокандом и т. д. Ближайшее окружение Пулат-хана составляли также Абды Керимбек — племянник Худояра, Абдыл-Гафарбек, действовавший в Коканде от имени Пулат-хана. Ишахан-тюра — один из главарей известного «восстания семи ходжей» — осуществлял от имени Пулат-хана управление Андижаном. Ближайшим советником Пулат-хана был и другой активный участник «восстания семи ходжей» — Валихан-тюря, бывший бек Календербек и многие другие. Пулат-хан легко поддавался влиянию окружавших его предствителей феодального класса и духовенства. Поэтому он не мог быть

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 67, док. 168.

последовательным выразителем интересов трудящихся масс народа, тем более в условиях, когда у восставших с самого начала не было четко выработанной программы о конечных целях и задачах движения.

Стихийность, неорганизованность, плохое вооружение, отсутствие твердого централизованного руководства, отсутствие ясно выработанной программы движения, господство реакционной идеологии ислама, реакционной патриархально-феодальной традиции, чрезмерная отсталость и придавленность крестьянских, скотоводческих масс и ограниченность их классового самосознания, предательство феодальных элементов и духовенства — все эти моменты в конечном счете определили неизбежность поражения освободительного движения 1875—1876 годов.

Обстановка в ханстве в 1876 г. сильно изменилась. Воинственный дух феодалов, особенно кипчако-киргизской знати, был подавлен. После сдачи Абдрахмана многие из них разбрелись по своим кочевьям. Оседлое население ханства решительно склонялось к миру и принятию русского подданства. Оно за это время много разорений потерпело и от отрядов киргизских феодалов. В отчете туркестанского генерал-губернатора за 1876 год отмечается: «Оседлое население ханства утомилось от борьбы с нами; еще более была опасна ему ханская власть, не дававшая взамен произвола и насилия всякого рода никакой защиты от грабежей кипчаков и кара-киргиз; население стало громко высказываться в пользу подчинения русской власти»[1].

Но и кочевое население давно было склонно к принятию русского подданства. Оно в своем большинстве изъявляло готовность к переходу в русское подданство и признанию царской России еще в 1873—1874 годах.

После сдачи Абдрахмана население Ферганской долины отправило своих депутатов к туркестанскому генерал-губернатору с прошением о принятии их в подданство Российской империи. Учитывая резко изменившееся настроение среди народа, Пулат-хан также сделал попытку к примирению с туркестанским генерал-

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, л. 69, док. 135.

губернатором. Еще 18 января 1876 года он отправил депутацию к и. о. туркестанского генерал-губернатора Колпаковскому о заключении мира. Но Колпаковский счел невозможным вступить в переговоры с предводителем «мятежников» и депутацию Пулат-хана задержал в Ташкенте.

Царские власти решили нанести Пулату окончательное поражение, взять в плен и казнить. Против крепости Уч-Курган был направлен сильный отряд под начальством Меллер-Закомельского. Отряд Меллера при содействии проводника Исманор-датхи незаметно 28 января ночью напал на Уч-Курган. Пулат-хан, застигнутый врасплох, был здесь окончательно разбит и лишился последних остатков своих военных сил. Только с группой телохранителей ему удалось прорваться из окружения и скрыться.

С разгромом последних сил Пулат-хана в Уч-Кургане кокандское восстание в основном было подавлено. Однако не прекращалось глубокое брожение в народе, готовое при первой возможности разрастись в новое массовое восстание. С наступлением весны можно было ожидать появления новых отрядов повстанцев, направленных против кокандского хана Наср-Эддина и его защитника — туркестанского генерал-губернатора. Довольно реальная перспектива новой волны движения не могла не учитываться царскими властями. Поэтому туркестанский генерал-губернатор так же, как и военное министерство, считал наиболее целесообразным с точки зрения интересов Российской империи лишить Наср-Эддина власти и не выдвигать в Коканде вновь номинального хана, а ликвидировать ханство и присоединить его территорию к России.

Но присоединение Кокандского ханства к России могло вызвать дипломатические конфликты с некоторыми западноевропейскими державами и, прежде всего, с Англией. Учитывая это обстоятельство, царское правительство в это время пошло на признание «свободы действий» Англии в Афганистане, получив за это согласие Англии на «свободу действий» России в Средней Азии. Такое взаимное признание «сфер влияния» облегчило Александру II дать согласие на ликдивацию Кокандского ханства и присоединение его к России.

Судьба Кокандского ханства была решена окончательно.

Тем временем Наср-Эддин со своими «высокопоставленными» придворными готовился прочно воссесть на ханский престол. Еще 21 января он выехал из Ходжента и остановился в кишлаке Найманча, намереваясь отсюда устроить торжественный въезд в Коканд. Но это ему не удалось. В столице ханства намерение Наср-Эддина было встречено враждебно. В донесении от 28 января 1876 года генерал Скобелев писал: «Законный хан Наср-Эддин, человек, наименее способный привести дела ханства в порядок, при всей склонности жителей его, в настоящее время, действительно желая воспользоваться современным положением дел, как нельзя более благоприятным для утверждения его власти, двинулся было к Коканду, но, побоявшись взойти в город сам, выслал вперед своих джигитов в числе 100 человек, которые по местному обычаю провозгласили на базаре наступление владычества Наср-Эддина (заман, заман Наср-Эддин-хан); народ принял его провозглашение, но, не видя долгое время спустя въезда хана, вступил в драку с его джигитами и убил из них 11 человек, а хан по-прежнему оставался в кишлаке Найманчи, в 9 верстах от города»[1].

27 января в этом кишлаке на Наср-Эддина напал один отряд восставших киргизов под начальством Абдылдабека. Силы Наср-Эддина были полностью разбиты, он потерял до 200 чел. убитыми, а сам едва избежал плена и бежал в крепость Махрам под защиту царских войск, откуда в сопровождении царских отрядов 30 января 1876 года снова вернулся в Коканд.

Но Наср-Эддину не пришлось занять «престол своих предков», так как вопрос о его правлении помимо его и независимо от него был уже решен. На основании прошения, поданного туркестанскому генерал-губернатору депутациями населения Кокандского ханства, было решено принять всех жителей Кокандского ханства в Российское подданство, а ханство ликвидировать. 7 февраля 1876 года туркестанский генерал-губернатор Колпаковский обратился к населению ханства со следующим

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 66, док. 73.

обращением: «Оседлые и кочевые народы долины Ферганы! По воле великого русского императора, белого царя, переданной мне туркестанским генерал-губернатором генерал-адъютантом фон Кауфманом, обращаюсь к Вам с следующей речью. Много столетий прошло с тех пор, как вы, соединившись в одно независимое и самостоятельное ханство, управлялись ханами из династии Минг. Неисповедимою и неизменною волею всемогущего бога русские утвердились в странах, соседних с землями, вами обитаемыми, и таким образом Россия сделалась ближайшим соседом Кокандского ханства. Великий Российский император, белый царь, уклоняясь от всяких завоеваний, желал одного — утвердить искренние и дружеские отношения между Россией и соседними независимыми ханствами и, покровительствуя торговле и промышленности, даровать мир и благосостояние как своим подданным, так и жителям соседних стран. Постоянно стремясь к этой благой цели, государь император в 1868 году высочайше соизволил утвердить мирный договор, заключенный между туркестанским генерал-губернатором генерал-адъютантом фон Кауфманом 1-м и вашим ханом Сеид-Мухамед-Худояром. По договору этому устанавливались навсегда дружественные и искренние отношения между Россией и Кокандским ханством. Со времени заключения этого договора прошло более семи лет и дружба между Россией и Кокандским ханством ни разу не нарушалась, но в июле месяце прошлого года (Джумади-Эль-Сани 1292 года) вы восстали противу своего законного хана Худояра и, свергнув его с престола, вторглись в наши пределы и открыли враждебные против нас действия. Я не буду говорить о подробностях вашей неравной борьбы с русскими победоносными войсками,— они известны всем; скажу только, что после Махрамского погрома судьба ханства зависела вполне от воли государя императора, белого царя, который, милосердно простив ваше заблуждение и дурные дела и полагая, что Махрамский урок вас образумит, сохранил независимость ханства, утвердив на престоле избранного вами хана Наср-Эддина. Едва успели уйти русские войска из Коканда на правый берег Сыр-Дарьи, как вы восстали и, изгнав из столицы Наср-Эддин-хана, увлек-

лись льстивыми обещаниями ваших вожаков и несбыточными надеждами и вновь открыли враждебные действия противу войск русского государя. Вам хорошо известны печальные последствия этого беспорядка: ведя неравную борьбу, вы потеряли много тысяч людей и имущество, а города ваши — Наманган, Андижан, Ассаке и другие взяты русскими. Но по благости господа бога такой урок не остался без добрых для вас последствий: после уничтожения ваших скопищ под Ассаке богу угодно было образумить вожака Абдрахмана Афтобачи и, приведя его к полному сознанию о невозможности вести дальнейшую борьбу с русскими, вложил в него счастливую для Ферганского народа мысль — прекратить борьбу, добровольно явиться к начальнику действовавших в Кокандском ханстве войск — свиты его имераторского величества генерал-майору Скобелеву и, повергая свою повинную голову на милосердие русского монарха, просить о даровании мира его отечеству.

Вслед за этим и весь ферганский народ, как оседлый, так и кочевой, следуя совету лучших людей, отправил к генералу Скобелеву депутацию с просьбою, забыв ваши дурные дела и недавнюю вражду с русскими, принять весь ферганский народ, как кочевой, так и оседлый, с принадлежащею ему землею, в подданство могущественного русского государя, белого царя, единственно который и может даровать вам счастье, безопасность и спокойствие. Эта просьба, заявленная посланными вами депутациями от лица всего ферганского народа, была подвергнута туркестанским генерал-губернатором генерал-адъютантом фон Кауфманом 1-м милостивое воззрение государя императора и его императорского величества, в своем бесконечном милосердии, предав забвению все прежние дурные дела ферганского народа и желая даровать ему счастье и спокойствие и твердо сознавая, что при существовании в ханстве различных народностей и партий с различными стремлениями ханская власть, как показала и история, не в состоянии сдерживать народные страсти и водворить порядок и мир, снизошел к просьбе ферганского народа и высочайше повелеть соизволил: ныне же весь кокандский народ, как оседлый, так и кочевой,

принять в Российское подданство, а земли, им занимаемые, составляющие прежде Кокандское ханство, присоединить к Российской империи под названием Ферганской области. Военным губернатором вновь образуемой Ферганской области всемилостивейше назначен свиты его величества генерал-майор Скобелев; принятие же подданства бывшего Кокандского ханства поручено мне. Во исполнение приказания туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта фон Кауфмана, объявляя всему ферганскому народу, как кочевому, так и оседлому, означенную выше волю великого русского монарха, белого царя, о принятии его отныне в Российское подданство, с радостью в сердце поздравляю вас с этой монаршею милостью, которая дарует вам отныне спокойствие и благосостояние. Милосердное и искреннее желание русского государя умиротворить край и доставить вам счастье, благосостояние и спокойствие — сбудется; но чем скорее последует полное умиротворение края, тем выгоднее для вас и потому, для вашей же пользы, я приглашаю весь ферганский народ. не слушая злых людей, отказаться от всяких дурных помыслов и теперь же приступить к обычным своим занятиям; особенно приглашаю купцов открыть возможно скорее торговлю, в коей, благодаря несчастным событиям последнего времени, последовал полный застой.

Я верю в добрый смысл ферганского народа и, уповая на всемогущего бога, убежден, что ферганский народ поймет мои слова, истекающие от искреннего сердца и, приняв подданство русского государя, белого царя, найдет под покровом его счастье и благополучие и залечит раны, нанесенные ему злонамеренностью дурных людей и собственным легкомыслием. Религия и имущество ваши останутся неприкосновенными, а народные обычаи и суд будут сохранены в той мере, на сколько они не противоречат общим законам империи. Да поможет бог вам начать мирно новую счастливую жизнь под скипетром милосердного и искренне желающего вам добра русского государя, белого царя. 7 февраля 1876 г. 23 Мухаряма 1293 г. Ташкент»[1].

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 66, док. 124.

Так Кокандское ханство было присоединено к России. Феодально-деспотический строй Кокандского ханства заменялся военно-феодальной системой царизма в Средней Азии. Но при всем этом это был исторически прогрессивный шаг в истории Средней Азии.

8 февраля 1876 г. Скобелев занял Коканд, а 9 февраля Наср-Эддин, кокандский Казы-Калян и Шейх-Ул-Ислам и другие влиятельные лица были взяты под стражу. Они были отправлены из Коканда через Махрам и Ходжент в Ташкент, а оттуда впоследствии сосланы в Оренбургский край. 16 февраля 1876 года генерал-губернатору Туркестана был представлен официально адрес-прошение от представителей населения Кокандского ханства о принятии в подданство России.

19 февраля 1876 года Александр II подписал Указ, который предусматривал:

«§ 1. Вновь занятую русскими войсками территорию включить в границы империи и образовать из нее область Ферганскую.

§ 2. Управление в этой новой области предоставить Туркестанскому генерал-губернатору. Ввести применяясь к обстоятельствам и местным условиям «Временного положения», какое было в Зеравшанском и Аму-Дарьинском отделах.

§ 3. Расходы по управлению во вновь открываемой области обращать на имеющие поступать с населения этой области доходы»[1].

После ликвидации Кокандского ханства и образования Ферганской области военным губернатором новой области был назначен генерал Скобелев. Назначение Скобелева означало, что царское правительство решило упрочить свое господство во вновь присоединенном крае беспощадными и жестокими мерами над проявлением малейших признаков нового движения народа, или протеста отдельных групп населения, или отдельных личностей. Скобелев намеревался продолжить практику карательных экспедиций во все уголки бывшей территории Кокандского ханства.

---

[1] Полное собрание законов Российской империи. 1876 г. Собр. 2-е, отд. 1, стр. 139, 140.

Многие феодалы теперь примирились со своим новым положением, а многие уже успели перейти на службу царскому правительству и усердно старались выслужиться перед ним, войти в доверие и занять какое-нибудь место, соответствующее их «достоинству» и сану. Причем, как обычно, такие люди ничем не брезговали и помогали теперь карательным отрядам ловить активных деятелей и руководителей освободительного движения. С их помощью Скобелев успешно ликвидировал неугодных и опасных ему лиц. В ночь на 19 февраля 1876 года в Чавотском ущелье Алайских гор при содействии Бекжана и других киргизских феодалов Пулат-хан был захвачен с группой своих сподвижников. Вскоре после этого были арестованы сподвижники Пулата Абды-Мумын и Акимбек. Пулат-хан, Акимбек и ряд других начальников повстанческих отрядов были казнены в Маргелане. Значительная группа из числа активных деятелей восстания, избегшая казни, была направлена в Ташкент для дальнейшей высылки за пределы края.

Однако дело этим не кончилось. Значительная группа людей из числа наиболее решительных противников российской ориентации, ряд крупных феодалов и военачальников успели бежать на Алай. Среди них видными фигурами были бывший хаким андижанского вилайета Абдылдабек. Другими влиятельными лицами были Худояр-Халпа и Худайкул. Они стали формировать отряды из остатков разбитых и убежавших на Алай сил повстанцев и готовились к продолжению борьбы.

Скобелев полагал, что, пока алайские киргизы не войдут в подданство России, до тех пор нельзя будет установить спокойствие и порядок и упрочить господство России во вновь присоединенном крае. В донесении на имя командующего войсками Туркестанского округа Скобелев приводил 20 мая 1876 г. интересные данные об Алай-Гульче, а также об алайских киргизах.

Он писал: «...кара-киргизы имели преувеличенное понятие о неприступности их кочевок.

Действительно, в ущельях и долинах превоклассного хребта, с востока и юга окаймляющего долину Ферганы, естественные препятствия настолько усиливали

оборонительные средства кара-киргиз, что они были в безопасности от ханских войск.

Фактическая власть хана, таким образом, на эти горы и лежащий за ним Алай не распространялась, а условное подчинение кара-киргиз этой власти обусловливалось лишь их зависимостью от необходимых для их существования базаров в сартовских населенных пунктах»[1].

Скобелев считал необходимым организацию военной экспедиции в Алайскую долину, чтобы распространить власть России и на алайских киргизов.

Решительно преследуя остатки повстанческих сил по всем направлениям, а главным образом по дороге, идущей на Алай, отряд Скобелева в апреле 1876 года в местности Янги-Арык встретился с Абдылдабеком, который со своими силами занимал перевал в Алайскую долину. Отряды Абдылдабека, занимая удобную позицию, намерены были оказать решительное сопротивление. Однако Скобелеву удалось с помощью местных феодалов направить часть своих сил обходным путем в тыл Абдылдабека. Это дало возможность Скобелеву легко разбить Абдылдабека, который, оставив свои позиции, вынужден был отступить на Алай.

В июле 1876 года Скобелев направил карательную экспедицию на Памир — Алай. В состав экспедиции входили и специалисты по некоторым отраслям знаний, которым было дано задание провести сбор сведений и некоторое научное исследование Алайской долины. Подполковник Бенкендорф и механик Михельсон должны были произвести астрономические и барометрические наблюдения, зоогеограф В. Ф. Ошанин[2] — осуществить сбор зоогеографических материалов и коллекций, полковник Костенко — вести статистические исследования, полковник Лебедев — осуществлять топографические съемки и т. д.

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 67, док. 284.

[2] В. Ф. Ошанин — воспитанник Московского университета, один из первоисследователей Памиро-Алая (1844—1917) прожил в Ташкенте 33 года и оставил крупный след в истории познания природы Средней Азии (см. Л. В. Ошанин и А. А. Азатян, Василий Федорович Ошанин. Очерк жизни и деятельности. М. 1961).

Силы Скобелева выступили тремя колоннами: из Оша, Гульчи и Уч-Кургана.

Первая колонна под начальством полковника Витгенштейна наступала по направлению к Шот. Вторая колонна выступала из Уч-Кургана под командованием подполковника Вардера. Его авангардом командовал капитан Куропаткин. Третья колонна выступила из Гульчи. Этой колонной командовал сам генерал-майор Скобелев. В числе карательных отрядов находился манап Шабдан Джантаев и его советник Баяке с сорока джигитами.

Как видно, силы, участвовавшие в Памиро-Алайской экспедиции Скобелева, были довольно значительны.

Памиро-алайские киргизы в это время управлялись властной женщиной Курманджан-датхой. Курманджан-датха принадлежала к роду монгуш и происходила не из аристократической семьи. Она родилась в 1811 году в Гульче. Её отец Маматбай не отличался ни богатством, ни знатностью и был рядовой кочевник-скотовод.

По существовавшей тогда у киргизов традиции она еще малолетней была засватана за Кул Садьярова из рода джоош. В 1829 году, когда Курманджан стала совершеннолетней девушкой исключительной красоты, ее выдали замуж. Курманджан, однако, не понравился муж, и она согласилась стать его женой лишь при условии остаться жить в доме своего отца. Вскоре она влюбилась в правителя алайских киргизов Алымбека, за которого в 1832 году вышла замуж, разведясь с первым мужем. Алымбек, как правитель памиро-алайских киргизов, неоднократно выступал против кокандского хана, стремясь отстоять самостоятельность киргизов. В 1832 году, когда хан Мадалы предпринял завоевание Северной Киргизии, Алымбек сопротивлялся утверждению ханской власти над алайскими киргизами. В 1845 году алайские и гульчинские киргизы снова восстали против Коканда. Они участвовали в походах «ходжей» в Кашгар и т. д. Во всех этих событиях Алымбек играл руководящую роль, а Курманджан была ближайшим советником мужа и начала приобретать среди киргизов все большее влияние. Алымбек, активно участвуя в придворной борьбе Коканда, в 1863 году погиб в ханском двор-

це. После этого все алайские киргизы без сопротивления признали своим правителем Курманджан.

Курманджан искусно вела политику и сумела расположить к себе и кокандского хана и бухарского эмира. Бухарский эмир Саид Музаффар-Эддин пожаловал ей титул датхи, т. е. правителя округа. Кокандские ханы привлекали ее сыновей на видные должности. Ее сыновья — Джаркын-бай, а затем Абдылдабек были хакимами Оша.

После присоединения Кокандского ханства к России памиро-алайские киргизы пытались сохранить свою самостоятельность. Обычно до этого воспользовавшись любым случаем — придворной борьбой в Коканде, войной с другими государствами и др., памиро-алайские киргизы часто выходили из повиновения хана. Иногда им удавалось временно достигнуть своей относительной самостоятельности под управлением своих правителей. Это обстоятельство, надо полагать, явилось одной из причин поведения Курманджан-датхи и Абдылдабека.

Наряду с этим, многие из участников восстания 1873—1876 гг. нашли после разгрома убежище на Памиро-Алае. Среди них было немало противников подданства России. Разъезжая по аилам алайских киргизов, они призывали население оказывать сопротивление. Кроме этого, непосредственное недовольство вызывало среди населения и то обстоятельство, что Скобелев 22 апреля на перевале Янги-Арык, разбивший силы Абдылдабека, сразу наложил на жителей Алая налог повышенного размера. В это время северные киргизы, значительно раньше перешедшие в русское подданство, еще не платили налогов. Это положение также имело известное значение в определении алайскими киргизами своих отношений к России.

Все эти обстоятельства привели в конечном счете к тому, что алайские киргизы и их правительница Курманджан-датха решили не покоряться. Наиболее решительную группу возглавлял старший сын Курманджан Абдылдабек.

Когда Скобелев начал свое движение, то алайские и гульчинские киргизы откочевали в глубь Алая, Центрального Тянь-Шаня и Памира. Курманджан со своим аилом откочевала в сторону Кашгара, в долину Коксу.

Однако здесь она встретилась с разбойничьей политикой кашгарских феодалов. На границе с Кашгарией айылы Курманджан подверглись грабежу. Многочисленные стада были разграблены пограничными кашгарскими военными отрядами. Курманджан вынуждена была уйти обратно. Некоторые ее надежды на возможность сохранения своей феодальной самостоятельности теперь окончательно были утрачены. Со своим айылом она снова вернулась в свои кочевья на верхнем Алае.

21 июля 1876 года Скобелев разослал обращение следующим киргизским родам с призывом принять русское подданство:

1. Джапалак
2. Тулейкен
3. Джоош
4. Ажыбек
5. Кёкчё
6. Джилкелди
7. Кёк-джатак
8. Кушчу
9. Тооке
10. Баргы
11. Бакал
12. Суван
13. Олжоке
14. Джору
15. Сарттар
16. Карабаргы
17. Сарыбаргы
18. Тазбаргы
19. Боор[1].

Обращение было следующего содержания: «Объявляю, что по воле могущественного царя Ярым падишаха я иду с храбрыми войсками Белого царя водворить порядок между Алайскими киргизами, принять от них присягу на верность Белому царю, к державе которого они на вечные времена присоединены.

Я радуюсь вместе со всеми хорошими людьми, что Белый царь повелел наместнику, своему генерал-адъютанту фон Кауфману, присоединить эту часть бывшего ханства к России, и тем на вечные времена, даровал мир, спокойствие, обеспечение имущества населению как кочевому, так и оседлому, измученному кровопролитными вековыми усобицами.

Я иду по воле могущественного Ярым падишаха не с войною, а с желанием мира, спокойствия и счастья всем кара-киргизским родам.

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, д. 68, 1876, док. 353.

Всему свету известна непобедимая сила могущественного Белого царя. Вспомните про Чупан-Ата, Зирабулак, падение Хивы, Махрам, Наманган и наконец про страшное наказание, постигшее мятежный Андижан, не подвергайте и себя подобной же участи; в случае упорства, не замедлит Вас постигнуть.

Я предлагаю аман всем родам, которые вышлют ко мне своих биев с покорностью и будут исполнять мои приказания.

Воля моя, чтобы все добрые люди немедленно постарались бы изловить и представить мне главных зачинщиков настоящих беспорядков и народного несчастья и разорения: Абдула-бека, Омар-бека, Абдул-Керимбека и вообще всех дурных людей.

Представивший мне их живыми или мертвыми может быть уверенным в милости великого и могущественного Ярым падишаха»[1].

Призыв, однако, не дал ожидаемого результата. Большинство жителей Алая, пользуясь удобным временем года — периодом перекочевки на высокогорные пастбища — джайлоо, отступили в далекие горные ущелья Алая, Памира и Тянь-Шаня, в сторону кашгарской и афганской границ.

Во время движения Скобелева в сторону Янгиарыкского ущелья и Суфы-Кургана один из сыновей Курманджан напал на его авангард — на отряд Шабдана. Но это столкновение не имело особого значения, и отряд Скобелева успешно продвигался на Алай.

Надеясь на мирное урегулирование вопроса, Скобелев решил вступить в переговоры с Абдылдабеком. С этой целью к нему был направлен Шабдан Джантаев со своими джигитами. Но Абдылдабек не вступил в переговоры с Шабданом. Шабдану едва удалось избегнуть плена. Тогда 28 июня 1876 года против Абдылдабека был направлен летучий отряд под командованием полковника Витгенштейна. Отряд Витгенштейна имел сражение с Абдылдабеком 29 июля на перевале Кызыл-

---

[1] ЦГИА Узб. ССР, фонд 715, оп. 1, дело 68, док. 353.

Арват. Абдылдабек здесь был разбит и с остатками своих сил бежал дальше в глубь Памира. Преследуя его, отряд Витгенштейна тоже углубился в горы и дошел до озера Кара-Куль. Однако он так же, как и отряд Шабдана, не мог настигнуть Абдылдабека. Тем временем майору Ионову удалось догнать 29 июля кочевавшую со своим айылом к афганской границе Курманджан-датху и задержать ее. Курманджан-датха не оказала сопротивления и согласилась поехать в лагерь Скобелева. В сопровождении большой свиты из знатных киргизов, а также сына Камчыбека и внука Мырза-Паяса она прибыла на прием к Скобелеву в его лагерь. Скобелев устроил ей почетный прием, организовал обильное угощение по восточному обычаю и подарил золотую кружку. Кроме того, сам надел на ее плечи парчовый халат. Курманджан была довольна и помирилась со Скобелевым, который оказывал полное уважение ее достоинству и обещал простить вину всем, в частности ее сыновьям, если они перекочуют обратно на прежние свои места и войдут в подданство России. Курманджан обещала следать это. Она также обещала выполнить требования царских властей в отношении выплаты налогов.

Вскоре по призыву Курманджан все население Алайской долины вернулось на старые места кочёвок и приняло подданство России. Только Абдылдабек отказался подчиниться указаниям матери и не вернулся. Со своим отрядом он продолжал оказывать сопротивление. 8 сентября Витгенштейн разбил за Сохом последние силы Абдылдабека. Абдылдабек отступил в пределы Афганистана, а оттуда направился в Мекку на поклонение гробу пророка Мухаммеда.

31 июля 1876 года старшины племен адыгене и монгуш официально явились к генералу Скобелеву и заявили о желании алайских киргизов принять русское подданство. Скобелев обязал их уплатить налоги-зякет по сравнению с прежним в полуторном размере, проложить колесную дорогу от Гульчи через Талдык-даван в долину реки Кызыл-суу и представить 150 боевых коней.

Скобелев выполнил свое обещание: сыновья Кур-

манджан-датхи — Махмутбек, Хасанбек и Батыр-бек стали волостными управителями. Но они во всем беспрекословно подчинялись своей матери и действовали по ее указанию.

Так походом Скобелева в Алайскую долину завершилось присоединение Южной Киргизии к России.

Кокандское восстание 1875—1876 годов было подавлено вооруженной силой царизма. Наряду с отрядами царских войск в подавлении восстания принимали участие многие киргизские феодалы, классовые интересы которых были тесно связаны с кокандским ханом и его покровителем — царской Россией. К этому времени господство царской России окончательно упрочилось в Северной Киргизии. Феодально-родовая знать северокиргизских племен окончательно перешла на службу к царизму и беспрекословно выполняла его волю. В этом отношении характерна деятельность манапа Шабдана Джантаева, который усердно и преданно служил царизму, особенно во время подавления кокандского восстания. Из автобиографии Шабдана Джантаева можно видеть пример добросовестного служения крупных манапов царизму и поддержки этих манапов правительством царской России. Царизм защищал интересы манапства и надежно охранял их привилегии и господствующее положение. В своей биографии манап Шабдан писал следующее: «Когда назначен был к нам начальником уезда Загряжский и отправился он по родам кыргызов переписывать их, то на Тогуз-торау напал на него кыргыз Осман со своими людьми и взял в плен многих его джигитов, сам же Загряжский спасся в ближайшем лесу. Услышав о нападении Османа на уездного начальника, я собрал 200 кыргызов и устремился на Османа; потеряв в бою двух джигитов и убитых подо мною двух лошадей, я освободил уездного начальника с его джигитами. За это я получил от русских золотую медаль с почетным халатом второй степени.

В 1875 году, когда я находился с сорока джигитами на границе сартовских (кокандских) и русских владений, при сотне казаков (барона) Штакельберга, за мною послал ген. Кауфман, чтобы отправить за кипчакским ханом Афтобачи, который бежал после взятия

Махрама. Я поехал со своими джигитами на зов Кауфмана по направлению к Андижану (с Нарына, где находилась сотня бар. Штакельберга). Когда мы доехали до Сузака, то услышали, что Пулат-хан загородил нам дорогу с селения Аим-кишлака, по сю сторону Андижана. Посланного мною к Кауфману джигита перехватили и повесили. Пробиться не было возможности и мы должны были дождаться Штакельберга; соединившись с его сотнею, повернули к Намангану, так как услышали, что Кауфман ушел туда. Около городков Батакара и Спискена Пулат-хан опять загородил нам дорогу, но был отбит. Мне удалось при этом с двумя джигитами вогнать в городские ворота до тысячи неприятеля. На другой день я с десятью джигитами обратил в бегство пятьсот человек, чему свидетелями были Штакельберг и (казачий офицер) Дубровин. Отбив неприятеля, мы поехали к Кауфману в Наманган. Отсюда отправились с Кауфманом к Андижану, который в это время осаждал Скобелев. Взять Андижан ему не удалось, и он, преследуемый неприятелем, встретился с Кауфманом на Джанабате. Вечером, заметив около 200 чел. неприятеля по ту сторону Сыра, Скобелев, Штакельберг, я и еще трое казаков переправились через реку и обратили неприятеля в бегство.

В Намангане по ходатайству офицеров, Кауфман дал мне с восемью товарищами по георгиевскому кресту, за нашу службу при Батакаре и Спискене. Из Намангана я сопровождал Кауфмана со своими джигитами в Ходжент, где получил от него 300 рублей денег и почетный халат, а также все мои джигиты одарены почетными халатами, что в сложности составит 1 тыс. руб. Из Ходжента я отпросился у Кауфмана домой, где и прожил около года.

Через год Скобелев предпринял алайский поход против Абдулла-бека. По незнанию местности русским, во время завоевания кокандского края, нельзя было обойтись без помощи джигитов. Скобелев взял 25 джигитов из аргынов, но они все были перерезаны Абдулла-ханом, который, заманив их и истребив, загородил русским войскам дорогу. Лишившись таким образом всех джигитов, Скобелев призвал меня. Собрал я опять сорок джигитов, в том числе Баяке, и прибыл к Скобе-

леву в Ош. Отсюда на другой день двинулись к ущелью Шут, которое впятеро страшнее Буанского. На противоположном выходе из этого ущелья находилось войско Абдулла-бека. По приходе к ущелью, Скобелев взял у меня 20 джигитов: 10 послал за Штакельбергом в Кызыл-Курган, а 10 отправил в ущелье для разведки о неприятеле. Когда мы вошли в ущелье, Скобелев послал меня с 20 джигитами вперед. Выезжая из ущелья, я увидел, что Абдулла-бек бежал, оставив свою мать, жен, детей и народ. Послал я одного джигита донести об этом Скобелеву и получил от него приказание сделать набеги на ближайшие аулы. Сделав несколько набегов, я взял в плен около 40 человек, много скота и имущества. Скобелев предложил нам взять все отнятое у неприятеля, но я отказался и сказал, что пришел служить русским, а не грабить. Тут Скобелев сделал представление о награждении меня чином. Отдохнув три дня, двинулись мы к Кызыл-Кургану, через селение Гульчу. Из Кызыл-Кургана Скобелев послал меня с 21 джигитом к Абдулла-беку для переговоров. Когда я прибыл к Кызыл-Арту, где находился Абдулла-бек, то последний бежал с народом своим к Афганистану, боясь, что я его предам русским. Мне не хотелось вернуться ни с чем, поэтому я отправился за Абдулла-беком в погоню. Захватить его я не мог, но пленил у него 8 человек и захватил одно знамя, которое передал князю Витгенштейну, нагнавшему меня с двумя сотнями казаков. Сюда же подошел и Скобелев с пехотою. Он дал моим джигитам 30 берданок, 6 револьверов и велел мне догнать Абдулла-бека. Он послал с нами, по моей просьбе, (капитана) Куропаткина. Гнались мы за Абдулла-беком двое суток до Каракола, где к нам присоединился князь Витгенштейн. Отдохнули здесь и двинулись дальше, но не могли догнать Абдулла-бека и с Таш-Кургана возвратились к Скобелеву. С ним мы отправились вниз (по Кызыл-Су) по направлению к Каратегину. Когда мы доехали до Карамука, составлявшего границу каратегинцев, Скобелев остановился и отправил меня с 15 джигитами к шаху каратегинскому для переговоров о границе. Шах принял меня и отпустил со мною к Скобелеву своего младшего брата, с которым Скобелев и провел границу между владе-

ниями русских и каратегинцев. Отсюда мы двинулись к Коканду. Узнав на пути, что против русских возмутились кочевые роды в окрестностях Коканда — нойгуты, джаукесек, дулат, бостон, найман и др., Скобелев с перевала Кара-Кызыка послал усмирить их князя Витгенштейна с двумя сотнями казаков и меня с джигитами. Мы поручение исполнили и взяли большую добычу. При стычке были ранены кн. Витгенштейн, (подполк.) Церпицкий, я и еще один офицер, фамилию которого теперь не помню. Сдав свою добычу в Коканде, я явился к Кауфману и получил от него 2 т. р. и почетный халат, каковыми были награждены и все джигиты. Из Коканда Кауфман и Скобелев поехали в Гульчу. Возвратившись отсюда в Ош, услыхали, что между кочевниками в окрестностях Джалал-Абада появился вождь Джетым-хан, собирающийся воевать. Кауфман послал на него Скобелева с сотнею казаков. По приказанию Скобелева я выехал с своими 8 джигитами вперед и разбил Джетым-хана, взял у него 20 чел. и одно знамя, которое поднес к подъехавшему в это время Скобелеву.

За службу мою Скобелев представил меня к чину войскового старшины. Но Кауфман не согласился, потому что я неграмотный. Он советовал мне поучиться грамоте и обещал, что тогда он постарается выхлопотать мне этот чин. В Намангане я получил от Кауфмана 2 т. р. и все мы по халату, после чего отправились домой, и где Кауфман выслал мне по почте еще 1600 руб., так как в походах алайском и кокандском я содержал джигитов на свой счет.

Прожив год дома, я отправился на Атбашу против китайцев, в отряд (полковника) Гринвальда. Зимою вернулся домой и получил за этот поход золотую медаль. Летом следующего года я посылал племянника с 15 джигитами на Атбашу же с отрядом (полк.) Щербакова. В оба похода джигиты содержались на мой счет.

В следующем (1880) году снова выставлялся на Атбашу отряд под начальством (полк.) Принца; при нем находился и я с 100 джигитами, по приказанию Кауфмана. В этом походе я и джигиты получали содержание и жалование из казны, как казаки.

В 1883 году я был назначен ген. Колпаковским представителем от кыргызов и казаков на коронацию государя императора и получил чин войскового старшины. За то, что Колпаковский не забыл моих заслуг, приношу ему глубокую благодарность.

Наград от русских я получил без счету. Кроме вышеупомянутых, я получил еще от Колпаковского почетный халат первой степени и красный крест за пожертвования лошадьми в турецкую войну»[1].

Отрывок из автобиографии известного киргизского манапа ярко раскрывает нам картину того, как царские власти, подавив сопротивление той части манапства, которое выступило против присоединения к России, широко привлекли на свою службу видных манапов, сделав их верными слугами трона, в некотором роде своей опорой в присоединенной стране. Яркий пример тому — Шабдан Джантаев.

* * *

Восстание против Худояр-хана в 1873—1874 годах явилось выражением глубокого социально-экономического и политического кризиса Кокандского ханства, который начался в 40-х годах XIX столетия и не прекращался до последних дней его существования.

В исключительно тяжелых условиях феодально-ханского гнета народы Кокандского ханства искали выхода из создавшегося положения. Они поднялись на борьбу против Худояр-хана под флагом поисков «хорошего» хана. Наивный монархизм повстанцев был закономерным явлением в условиях отсталых социально-экономических отношений народов Средней Азии. Однако отчаянные попытки народных масс и преданных интересам народа предводителей движения не давали ожидаемых результатов. Этому мешали многие причины, присущие обычно всем крестьянским движениям феодального общества. В 1875—1876 годах народно-освободительное движение в Кокандском хан-

[1] Ф. Отделения общественных наук АН Киргизской ССР, оп. 1696.

стве, носившее до этого по существу характер крестьянской войны, стало приобретать еще и антиколониальный характер. Крестьянские массы по-прежнему оставались верными идее создания лучшего общественного порядка во главе с «хорошим» ханом. Они выступали и против установления колониального господства царского самодержавия. А представители феодальной аристократии, купечества и духовенства в связи с ослаблением Кокандского ханства, как государства, лишившиеся многих своих былых привилегий и владений, также не хотели установления колониального господства царской России. Поэтому на известном этапе восстания 1875—1876 годов их интересы совпадали с интересами массы и усиливали антиколониальную струю в движении. Однако классовые интересы оставались определяющими. Феодально-клерикальные элементы, пробравшиеся к руководству, предавали интересы народа и усиливали реакционную струю движения.

Серьезным фактором в определении дальнейших исторических судеб народов Кокандского ханства являлась внешняя политика Российской империи в Средней Азии. Она играла решающую роль в событиях 1875—1876 гг., приведших к ликвидации Кокандского ханства и присоединению Южной Киргизии к России. Безусловно, такой исход событий для народов Кокандского ханства, с точки зрения объективно-исторической перспективы, являлся наиболее лучшим и прогрессивным, т. к. он явился предпосылкой сближения народов Средней Азии с русским народом. Последующий ход исторического развития народов Средней Азии и Казахстана, достигших своей подлинной свободы и счастья в результате Октябрьской социалистической революции, покончившей с царским самодержавием и его колонизаторской политикой, показал неоценимо важную прогрессивную роль русского народа в исторических судьбах киргизского и других народов Средней Азии и Казахстана.

■

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По мере накопления исторических материалов и тщательного изучения конкретных фактов вхождения Киргизии в состав Российской империи мы все более приходим к выводу о том, что Киргизия добровольно вошла в состав России.

Киргизы стояли тогда перед выбором: попасть под власть отсталого феодального Китая или же такого же отсталого и еще более слабого Кокандского ханства, или же попасть под власть русского государства, с несравненно более прогрессивной экономикой и более передовой культурой.

В этот период внешнеполитическая ориентация киргизов все более идет на сближение с Россией. Киргизский народ предпочитает отсталым и слабым феодальным государствам — Китаю, Коканду и др.— Российскую империю, решив таким образом связать свою судьбу с судьбой русского народа.

Почти все северные киргизы — племенные объединения бугу, солто, черик, сарыбагыш, саяк, монолдор, сару, кушчу и другие в период между 1855 и 1864 гг. добровольно приняли подданство Российской империи. Тогдашние главные правители — манапы северных киргизов — Боромбай Бекмуратов, Джантай Карабеков, Байтик Канаев, Турдуке, Рыскулбек и другие, осознавая безвыходность своего внешнеполитического положения, с одной стороны, и тяжёлого внутреннего положения, с другой, под давлением народа добровольно решили принять подданство Российской импе-

рии. Этим самым они объективно делали шаг по пути приобщения к передовой и прогрессивной экономике и культуре русского народа. Их действия, определяемые их личными интересами, объективно, однако, совпали с интересами и стремлением киргизского народа.

Вскоре подданство России приняли и южные киргизы. На них оказал немалое влияние переход в подданство России северных киргизов. Установление внутреннего спокойствия и обеспечение безопасности со стороны соседних государств, некоторые льготы, предоставленные на первое время киргизам, в частности, в налоге и других повинностях, поставили северных киргизов в лучшее положение, чем южных. Вхождение Южной Киргизии в состав России произошло в результате поражения кокандского восстания 1873—1876 годов и ликвидации Кокандского ханства. Царское правительство не хотело свержения Худояр-хана — своего вассала. Оно считало в тогдашних международных условиях, особенно в связи с обострением англо-русских противоречий на Востоке, более выгодным сохранение видимости Кокандского ханства и проведение там своей колониальной политики через вассального хана. Поэтому царское правительство решительно поддерживало Худояр-хана против восставших и обеспечивало сохранение его власти.

В этих условиях действия отрядов царских войск, выступавших для защиты власти Худояр-хана, а затем Наср-Эддин-хана, привели к столкновению повстанцев с отрядами царских войск. Крестьянская война начала приобретать и антиколониальный характер. Однако хорошо организованные и несравненно лучше вооруженные войска царского самодержавия подавили восстание, но ханство не было восстановлено, а вся территория Кокандского ханства была присоединена к Российской империи. Все эти обстоятельства придали несколько своеобразный и сложный характер фактам вхождения Южной Киргизии в состав России. Однако следует отметить, что восставшие вступили в конфликт и военное столкновение не с русским народом, а с военными силами туркестанского генерал-губернатора, выступившими на защиту власти кокандских ханов — Худояра и Наср-Эддина.

Добровольное вхождение Киргизии в состав России ознаменовало собою важный этап в истории киргизского народа. С этого момента перед киргизским народом открылись широкие перспективы исторического развития как в области хозяйства и социально-экономических отношений, так и в области политической и культурной жизни.

В исторической литературе до недавнего времени вхождение Киргизии в состав Российской империи оценивалось как «абсолютное зло». Прогрессивные моменты в этом историческом событии обычно не замечались. Ошибочный взгляд в этом вопросе, главным образом, исходил из неправильного понимания экономической и общественно-политической жизни России XIX — начала XX вв., а также внутреннего и внешнего положения киргизов в XIX веке и вообще всей истории киргизского народа.

Отдельные историки до недавнего времени не могли ясно различить реакционной роли царского правительства и стоящих за ним классов русских помещиков и буржуазии — с одной стороны, и исключительно важной положительной роли трудящихся масс русского народа и революционно-демократической русской интеллигенции с их передовым прогрессивным, революционно-демократическим мировоззрением и культурой — с другой стороны, по отношению к угнетённым народностям национально-колониальных окраин бывшей Российской империи.

Ленин в своих «Критических заметках по национальному вопросу» указывал: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,— но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова»[1].

Герцен решительно и неоднократно подчёркивал недопустимость отождествления русского народа и царского правительства при оценке их роли в исторических событиях. Герцен писал: «Все те, которые не умеют отделить русского правительства от русского народа, ничего не понимают».

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 20, изд. 4, стр. 16.

Не царское правительство, а русский народ, не реакционно-дворянская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, а революционно-демократическая культура Герцена и Чернышевского, Добролюбова и Плеханова несли прогресс и цивилизацию народам присоединённых к царской России территорий.

Царизм, защищая интересы помещиков и буржуазии, выступал в качестве насильника и поработителя народных масс России, в том числе и народов присоединённых территорий. Царизм проводил политику беспощадного национально-колониального гнёта и эксплуатации. Политика царизма была направлена на то, чтобы тормозить экономическое, политическое и культурное развитие трудящихся масс всех национальностей, в том числе и киргизов. В. И. Ленин, вскрывая подлинные интересы, связанные с национально-колониальной политикой царского правительства, писал: «Кому выгодна эта политика? Она выгодна кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок... Такая политика выгодна кучке дворян, занимающих высокие места на гражданской и военной службе»[1].

Царизм, превративший Россию в «тюрьму народов», был душителем миллионов трудящихся масс России всех национальностей. В присоединённых районах устанавливался колониальный режим, режим грабежа и насилий, издевательств над местным трудящимся населением.

Царизм надёжно охранял интересы местных эксплуататорских классов, в Киргизии — баев и манапов, которые перешли к нему на службу.

Однако, несмотря на всё это, вхождение Киргизии в состав России исторически имело важное, прогрессивное значение в судьбах киргизского народа[2].

Многие прогрессивные факторы экономической, по-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., том 4, изд. 4, стр. 349—350.

[2] Это очень важная и самостоятельная научная проблема. Изложению существа этой проблемы посвящена специальная наша работа — «О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России». Фрунзе, 1963 г.

литической и культурной жизни России и русского общества влияли на народы национальных окраин России объективно, независимо от реакционной колонизаторской политики царского правительства и наперекор царизму.

Вхождение Киргизии в состав России имело большое прогрессивное значение, прежде всего, потому, что оно вывело Киргизию с пути порабощения её отсталыми феодальными государствами.

Историческое развитие киргизского народа в составе Китая, или Кокандского ханства, или же Кашгарского государства Якуббека и др. пошло бы по пути консервации отсталых патриархально-феодальных отношений. Эти государства были крайне отсталыми и слабыми как экономически, так и политически, переживали застой и деградацию в культуре. Всё это происходило в условиях непрекращающихся внутренних феодальных войн и дворцовых переворотов, деспотизма и произвола. Войдя в состав России, киргизский народ избежал печальной судьбы народов этих стран.

Прогрессивность вхождения Киргизии в состав России обусловливалась прежде всего проникновением в Киргизию капиталистических отношений, более высоких по сравнению с патриархально-феодальными отношениями. Развитие капитализма в России несомненно оказывало прогрессивное влияние на экономику Киргизии, на ее производительные силы. Патриархально-феодальная Киргизия была вовлечена в орбиту капиталистического развития России, и русская буржуазия жестокими кабальными методами эксплуатации, обрекавшими трудящихся Киргизии на страдания, все же объективно выполняла исторически прогрессивную роль. Маркс указывал: «Нельзя заставить английскую буржуазию желать освобождения или подлинного улучшения социального положения масс английского народа, улучшения, обусловливаемого не только развитием производительных сил, но их освоением народом. Но, что она может сделать — это создать материальные предпосылки для осуществления этих обеих задач. Разве буржуазия когда-либо делала больше? Разве она когда-либо осуществляла прогресс, не толкая как отдельных людей, так и целые народы на путь крови и

грязи, бедствия и унижения?»[1] Оценивая роль капитализма в колониях, Маркс далее отмечал: «Их созидательная работа вряд ли видна сквозь кучи развалин. Тем не менее эта созидательная работа началась»[2].

Влияние капиталистических отношений России проникало в Киргизию, прежде всего, по линии развития товарно-денежных отношений, которые способствовали ускорению разложения замкнутого натурального хозяйства патриархально-феодального айыла. В натуральное хозяйство киргизов начали проникать элементы товарного хозяйства.

Проникновение товарно-денежных отношений все более придает хозяйству киргизов «...характер производства ради меновой стоимости, все более превращает продукты в товары»[3].

Проникновение капиталистических отношений в Киргизию выражалось далее в появлении отдельных промышленных предприятий в ряде районов, в частности в уездных центрах. С проникновением капиталистических отношений стали зарождаться и формироваться два новых класса буржуазного общества — буржуазия и пролетариат, стали, таким образом, постепенно складываться объективные предпосылки будущей социалистической революции. Очень важно было, наряду с увеличением здесь числа русских рабочих, зарождение и формирование отрядов рабочего класса из числа местного населения.

Но степень проникновения капитализма в Киргизию переоценивать не следует. В целом Киргизия не прошла капиталистической стадии развития, вследствие этого мы можем говорить лишь об отдельных элементах капиталистической экономики, характерных по преимуществу для ранних стадий развития капитализма, которые постепенно внедрялись в народное хозяйство Киргизии.

Тем не менее новые явления вносили важные изменения в социально-экономические отношения киргизов, они несли с собой разрушение патриархально-феодаль-

---

[1] *К. Маркс, Ф. Энгельс,* Соч., т. IX, стр. 366.
[2] Там же, стр. 363.
[3] Там же, т. XIX, ч. I, М., 1939 г., стр. 354.

ных отношений и форм патриархально-родового быта. Разумеется, они не могли разрушить их до конца, но в киргизском обществе ускорялся процесс классовой дифференциации, усиливалась классовая борьба, она стала проявляться в более обнаженной форме.

Не менее заметно прогрессивное влияние России выступало в области сельского хозяйства. Здесь важную роль сыграли русские переселенцы-крестьяне. Увеличение площади пахотной земли, интенсивное расширение посевов основных сельскохозяйственных культур, появление более совершенных форм и способов ведения и организации земледелия: введение новых сельскохозяйственных культур, применение более совершенной системы орошения, улучшение способов обработки почвы, применение севооборота, улучшение техники ухода за посевами и уборки урожая, расширение посевных площадей и др.— все это составляло заметные сдвиги в сельском хозяйстве. Киргизы внимательно присматривались ко всем этим улучшениям и достижениям земледелия и активно воспринимали их. Восприятие русской земледельческой культуры помогло киргизам перейти к новым, более интенсивным формам хозяйства. В связи с развитием колонизации ускорился процесс перехода киргизских айылов к оседлости.

Переход к земледелию и отчасти к оседлости расшатывал прежние патриархально-родовые устои и способствовал тем самым ослаблению зависимости от манапов и баев трудящихся киргизов — букары. Общественные отношения у киргизов, как отмечалось выше, основывались на своеобразной феодальной эксплуатации бай-манапами непосредственных производителей — букары. Масса членов общины в кочевом скотоводческом хозяйстве находилась в экономической зависимости от родо-племенной аристократии — манапов и баев, причем все эти отношения внешне маскировались отношениями «родства», «родовой взаимопомощи», «общими интересами родо-племенной общины» и т. д. и т. п. Поэтому переход к земледелию и оседлости рядовых общинников являлся средством ослабления их экономической зависимости от манапов и других крупных скотоводов.

Развитие земледелия и связанный с ним частичный

переход к оседлости привели к общему подъему экономики Киргизии в целом.

Если раньше скотоводство везде являлось основным, а кое-где даже единственным занятием киргизов, то теперь в их хозяйстве, наряду со скотоводством, стало играть важную роль земледелие, которое для беднейшей части населения часто становилось основным источником существования.

Как известно, в условиях господства натурального скотоводческого хозяйства стихийные бедствия, как например джут, приводили хозяйства киргизов на край гибели. Подтверждая эту особенность условий скотоводства, существовавшая в народе пословица гласила: «баатыр бир октук, бай — бир жуттук», т. е. богатырю достаточно одной пули, а баю достаточно одного джута. С развитием земледелия опасность гибели населения от голода в результате джута стала заметно уменьшаться.

Одним из положительных результатов присоединения Киргизии к России было резкое уменьшение как внутренних феодальных усобиц среди самих киргизов, так и постоянных грабительских военных столкновений киргизов с их соседями — казахами, калмыками — народами Восточного Туркестана, Узбекистана и др.

Как известно, киргизы, живя отдельными племенами и родами, управляемые феодалами из числа родо-племенной верхушки, издавна и постоянно вели междоусобные войны. В первой половине XIX века, накануне присоединения Киргизии к России, внутренние феодально-родовые войны киргизов были повсеместным явлением и носили нередко ожесточенный характер.

Кокандское ханство не смогло прекратить внутренних межплеменных усобиц киргизов, часто оно само раздиралось феодальными войнами и дворцовыми переворотами. Нередко ханские наместники и сами поощряли междоусобицы. Такая политика кокандских ханов служила весьма действенным орудием укрепления ханского господства в Киргизии.

Внутренние межплеменные войны приводили не только к ослаблению киргизов, к упадку и разорению их хозяйств, но иногда и к массовому физическому истреблению одних племен другими, как например, в войне

между племенами бугу и сарыбагыш в 1850-х годах. Семенов-Тян-Шанский в 1857 году, во время научной поездки в Центральный Тянь-Шань, был удивлен представившимся перед ним зрелищем «поля битвы» и впервые представил себе всю ожесточенность междоусобных войн киргизов. Он писал: «Впечатление, произведенное на меня этим полем, было несравненно сильнее, чем впечатление «Морга» на Сен-Бернарде. Только тут я глубоко почувствовал поэтическое обращение великого поэта Пушкина к подобной поляне со словами: «О поле, поле, кто тебя усеял мёртвыми костями?».

И чудилось мне, что передо мной что-то колышется на этом страшном мёртвом поле и что я уже слышу здесь какие-то живые звуки. И, действительно, по мере того, как подвигался вперёд по этой пустыне, я увидел, что-то заколыхалось передо мной и, к моему удивлению, то не было галлюцинация. Навстречу нам с радостным лаем бросилась стая богинских собак, оставшихся с весны на поле битвы и питавшихся там нисколько не разложившимися вследствие холода трупами»[1].

Это поле битвы было следом кровавой схватки бугинцев с сарыбагышами весною 1857 года.

Прекращение истребительных феодально-родовых войн после вхождения киргизов в состав России и установление прочного мира и спокойствия самым положительным образом отразилось на развитии хозяйства киргизов, на уровне их материального благосостояния, развитии производительных сил общества.

Важное значение в общественно-политическом развитии киргизов имело введение более развитых форм административно-политического управления. Кокандская колонизация не создала в Киргизии сколько-нибудь развитых административно-политических форм управления.

Прогрессивным последствием вхождения Киргизии в состав России следует признать официальное уничтожение института рабства. Оно касалось всей Средней Азии. Фактически пережитки патриархального рабства в Киргизии продолжали некоторое время ещё существо-

---

[1] *П. П. Семенов-Тян-Шанский.* Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. М., 1946, стр. 94.

вать. Но было запрещено рабовладение юридически. В правовом отношении рабы были подняты до уровня свободных людей. Всё это, несомненно, сыграло положительную роль в общественном развитии киргизов.

В результате вхождения Киргизии в состав России богатая и разнообразная природа Киргизии, огромные богатства недр, история и язык, устное народное творчество и искусство киргизского народа — всё это впервые становится объектом изучения и исследования выдающихся русских учёных. В условиях царизма и господства реакционного колонизаторского режима деятельность учёных носила эпизодический характер. Зачастую главным стимулом выступала инициатива самих учёных, которые, однако, не получали достаточной поддержки со стороны правительства царской России.

Однако ряд крупных русских ученых посвятил многие годы своей жизни важнейшим исследованиям на территории Киргизии. Среди них в первую очередь следует отметить знаменитых русских путешественников и исследователей П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. М. Пржевальского, Н. А. Северцова, Ч. Валиханова, И. Э. Мушкетова, А. Н. Федченко, В. Ф. Ошанина, В. В. Бартольда, Н. Аристова, В. В. Радлова и многих других.

С именами этих ученых связан важнейший вклад в дело изучения естественных богатств, природных условий, растительности, животного мира, истории, археологии, этнографии, языка и устного народного творчества киргизского народа.

Вопреки стремлениям царского правительства держать киргизский народ в темноте и невежестве, после присоединения ее к России стали появляться ростки светской культуры и просвещения.

В уездных центрах — Токмаке, Пишпеке, Пржевальске, Оше, а также в важнейших районах Киргизии открывались сельскохозяйственные и русско-туземные школы. Правда, туда имели доступ только дети господствующих классов, но тем не менее, в Киргизии начали впервые появляться люди, получившие основы светского образования. Открытие русско-туземных школ диктовалось, главным образом, интересами административно-управленческого аппарата царского самодержа-

вия и коммерческими интересами владельцев торгово-промышленных заведений. Но тем не менее эти школы принесли в Киргизию первые ростки просвещения и русской культуры.

Кое-какие положительные мероприятия осуществлялись и в области народного здравоохранения. До присоединения к России Киргизия не имела представления о специальных врачебно-медицинских учреждениях. Судьба больных целиком и полностью находилась в руках невежественных, суеверных, фанатичных, а нередко и ненормальных знахарей и «колдунов», которые очень часто калечили и губили больных. Перед лицом эпидемических заболеваний киргизский народ был абсолютно беспомощен. Такие болезни, как оспа и тиф, уносили население целых айылов и не было никаких средств спасения от этого.

После присоединения Киргизии к России в уездных центрах — Пржевальске, Пишпеке, Оше — стали возникать врачебно-медицинские учреждения и открываться больницы. Правда, они были рассчитаны в первую очередь на обслуживание уездной администрации, но нередко медицинская помощь оказывалась и местному киргизскому населению. В частности, стали проводиться прививки против оспы, что устраняло опасность одной из самых страшных для киргизского населения эпидемических болезней.

Особо должно быть отмечено то обстоятельство, что в результате вхождения Киргизии в состав России создавалась возможность влияния на передовых представителей киргизского народа русской революционно-демократической мысли. Как известно, это был период, когда на сцену выступили великие русские революционеры-демократы — Герцен, Белинский, Чернышевский и Добролюбов. Именно об этом периоде русской истории В. И. Ленин писал: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга». «Полярная звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено»[1].

Великий русский революционер-демократ Н. Г. Чер-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 18, изд. 4, стр. 12.

нышевский относительно этого времени писал: «Вот мой образ мыслей о России, ожидание близкой революции и моя надежда на неё» «...у нас будет скоро бунт, и если он будет, я буду непременно участвовать в нём. Это непременно будет. Неудовольствие народа против правительства, налогами, чиновниками, помещиками всё растёт, нужна только одна искра, чтобы зажечь всё это. Сомнение одно — когда это вспыхнет»[1]. Это было время, когда Н. Г Чернышевский в своей знаменитой прокламации «К барским крестьянам» призывал русское трудовое крестьянство к революции, к ниспровержению существующего самодержавного строя помещичье-крепостнической России.

Передовые революционно-демократические идеи и мысли русской общественно-политической жизни XIX века не могли не оказать существенного влияния на общественную идеологию и духовную культуру киргизского народа. Известный киргизский акын Токтогул Сатылганов, осуждавший в своих обличительных песнях насилие и неограниченный произвол бай-манапов, национально-колониальный гнёт царизма, несомненно, находился под влиянием русских революционеров, с которыми он имел общение в период девятилетней ссылки в Сибири за участие в Андижанском восстании.

Благотворное влияние передовых идей русского общества несомненно шло и через казахов, татар, узбеков, лучшие просветители и мыслители которых — Валиханов, Абай, Ибирай Алтынсарин, Абдулла Тукаев, Фуркат, Мукими и другие — формировали своё мировоззрение под влиянием русских революционных демократов.

Наиболее важным и наиболее ценным результатом присоединения Киргизии к России следует признать сближение киргизского народа с великим русским народом. Между трудящимися России, находившимися под гнётом царского самодержавия, и трудящимися Киргизии, испытывавшими на себе двойной гнёт — колонизаторского режима и местной эксплуататорской верхушки,— закладывались основы будущей прочной дружбы. Если жестокая колониальная эксплуатация киргизского

---

[1] *Н. Г. Чернышевский.* Полн. собр. соч., т. I, М., 1939 г., стр. 418—419.

народа вызывала с его стороны ненависть и злобу к царскому правительству, то, с другой стороны, борьба киргизского народа против политического бесправия и гнёта сливалась с борьбой русского народа против такого же бесправия и жестокой эксплуатации русских капиталистов, помещиков и царского самодержавия.

Начиная с 60-х годов XIX века, после отмены крепостного права, в России быстро развивался промышленный пролетариат, а в начале XX века центр мирового революционного движения переместился с запада на восток, в Россию. Русский пролетариат становится в авангарде мировой революционной борьбы против гнёта и эксплуатации. Здесь зарождается и развивается самое революционное учение — ленинизм, явившийся высшим достижением русской и мировой культуры. Россия становится родиной ленинизма. Здесь развивает свои славные революционные дела величайший гений мировой истории В. И. Ленин. Здесь создаётся самая революционная в мире партия рабочего класса — партия большевиков.

В. И. Ленин в своей брошюре «Что делать?», исходя из конкретного анализа внутреннего положения тогдашней России, пророчески предсказал ту великую освободительную роль, которая выпала на долю русского рабочего класса. Он писал: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьёмся этого почётного звания...»[1].

Известно, что ход исторических событий в России, величайшие революционные бури 1905—1917 гг. целиком и полностью подтвердили гениальные предвидения В. И. Ленина.

Угнетенные и порабощённые народы национально-колониальных окраин должны были встретиться в царской России с революционным русским пролетариатом

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 5, изд. 4, стр. 345.

и крестьянством, с большевистской партией. Именно в этом было величайшее значение вхождения Киргизии в состав Российской империи.

Киргизский народ, как и другие народы Средней Азии, веками находившиеся под гнётом иноземной и «своей» эксплуататорской верхушки, мог достигнуть подлинной свободы и равноправия, избавления от деспотического насилия и произвола феодалов, ханов и царей только с помощью великого русского народа, только под руководством большевистской партии и только путём победы социалистической революции. Это был верный и единственный путь.

Волны мощного революционно-освободительного движения в центре России всегда доходили и до её далёкой окраины — Киргизии. Это особенно заметно было в период буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. и в последующие годы. Революционные выступления русских рабочих и крестьян в центре против самодержавного строя и буржуазии находили себе поддержку и в далёкой Киргизии. Киргизский народ испытывал на себе непосредственное воздействие революционных идей русских рабочих и крестьян. Национально-освободительное движение народов Киргизии развивалось несомненно под влиянием революционного движения в центральных областях России.

Имея за собой замечательный опыт революционной борьбы, революционную закалку в борьбе с царизмом и русской империалистической буржуазией, ведя героическую борьбу против всякого гнета, в том числе и национально-колониального, великий русский народ оказывал непосредственную помощь национально-освободительному движению угнетенных народов. Национально-освободительная борьба народов окраин, слившись с борьбой русских рабочих и крестьян в общий революционный фронт, играла важную роль в уничтожении царизма.

Так, следствием добровольного вхождения Киргизии в состав России было то, что оно сблизило трудовую массу киргизского народа с великим свободолюбивым русским народом, который сплотил вокруг себя все угнетенные народы Российской империи в борьбе за свободу и прогресс человечества.

Решающим фактором, определившим историческую

прогрессивность присоединения Киргизии и всей Средней Азии к России, явилось, наряду с фактами экономического и культурного значения, приобщение народов Средней Азии, в том числе и Киргизии, к революционному движению русского рабочего класса, к великим идеям его передового авангарда — партии большевиков, к идеям марксизма-ленинизма. В этом, прежде всего, заключается прогрессивное значение вхождения народов Средней Азии и Казахстана в состав России.

Известно, что революционный русский народ, ведя под руководством большевистской партии героическую борьбу против царского самодержавия и буржуазии, в качестве своего надежного политического союзника имел многомиллионные угнетенные народы национальных окраин России, сочувствие и поддержка которых имели важное значение в уничтожении власти царизма и буржуазии, в установлении Советской власти. Известно, что национально-освободительное восстание 1916 года в Киргизии, непосредственно слившись с Февральской буржуазно-демократической революцией 1917 года, усилило революционный натиск на царизм и ускорило его свержение.

Русский народ оказал неоценимую помощь ранее порабощённым народам бывшей царской России в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в деле завоевания ими своей подлинной свободы и равноправия, освобождения от всех форм гнёта, в деле неограниченного развития своей духовной и материальной культуры, создания собственной социалистической государственности. Киргизский народ свою подлинную свободу и счастье получил в результате нерушимого политического союза с великим революционным русским народом, возглавляемым славной партией Ленина.

Таким образом, русская ориентация киргизов и вхождение Киргизии в начале второй половины XIX века в состав России уже в то время была правильной ориентацией, важным прогрессивным фактором, оправдавшим себя всем последующим ходом исторического развития.

* * *

Анализ важнейших событий политической истории Киргизии третьей четверти XIX в. позволяет сделать ряд выводов, помогающих правильно понять объективные причины, обусловившие вхождение Киргизии в состав России в 50—70 гг. XIX в. и исключительно важное прогрессивное значение этого акта для исторических судеб киргизского народа.

1. Господство среди киргизов антагонистических общественных отношений неизбежно порождало классовую борьбу, нередко внешне проявлявшуюся в форме феодально-родовых усобиц и войн.

Коренная причина этих внутренних столкновений заключалась в борьбе за обладание удобной пастбищной и пахотной землей и скотом. Узурпация прав на владение общинными землями феодально-родовой байманапской знатью фактически лишала массы общинников земельных владений и обостряла борьбу за землю, втягивала в межплеменные распри широкие слои населения.

2. Бай-манапская феодально-родовая верхушка обычно стремилась острие классовой борьбы, возникающей внутри подвластных ей родов и племен, направить в русло межплеменных усобиц, отводя таким путем удары от себя. При этом она стремилась использовать движение народных масс в своих целях для захвата новых пастбищных угодий и скота.

3. Феодально-родовые войны имели и другие причины, связанные с попытками феодально-родовой знати утвердить и расширить свое политическое господство. Как известно, стремление главного сарыбагышского манапа Ормона к централизации политической власти в Северной Киргизии неизбежно привело его к столкновению с местной феодальной верхушкой, отстаивавшей свои политические привилегии.

4. Политической раздробленностью и постоянными внутренними феодально-родовыми междоусобицами среди киргизов пользовались в своих агрессивных целях Цинский Китай, Кокандское ханство и другие соседние государства.

В 1820—1830 гг. Киргизия без особого труда была

завоевана Кокандским ханством и стала объектом неограниченной эксплуатации ханов и феодалов. Тяжелому гнету кокандских ханов и местных феодалов, духовенства и ростовщиков подвергался и узбекский народ, составлявший основное население ханства, а также и другие народы — казахи, таджики, уйгуры, каракалпаки, находившиеся на территории Кокандского ханства. Ряд киргизских племен продолжал оставаться под гнетом китайских феодалов и чиновников.

Тяжелый налоговый гнет, произвол и насилие кокандских и китайских чиновников и местной феодально-родовой верхушки, перешедшей на службу к иноземным владыкам, вызывали неоднократно массовые выступления трудящихся.

5. Кокандская колонизация не внесла заметных изменений ни в экономику, ни в политическую и культурную жизнь киргизского народа. Раздираемое внутренними феодальными войнами и дворцовыми переворотами, Кокандское ханство оказалось не в состоянии установить твердую административно-политическую власть на территории Киргизии, исключающую возможность межплеменных усобиц, а также обеспечить защиту киргизских племен от притязаний Китая и других агрессивных соседних государств.

6. Разорительные внутренние междоусобные войны, с одной стороны, необеспеченность внешней безопасности и угроза порабощения со стороны Цинского Китая — с другой, а также стремление сбросить с себя ненавистное иго кокандских ханов и феодалов заставило киргизов искать покровительства и защиты у Российской империи. Ориентация на Россию рассматривалась как лучший выход из состояния внутреннего и внешнего политического кризиса.

7. Для русского капитализма Киргизия была выгодным рынком сбыта и источником сырья, а также объектом колониальной эксплуатации земельных богатств.

В общем плане колонизационного движения Российской империи в сторону Казахстана и Среднеазиатских ханств Киргизия являлась необходимым звеном. С утверждением господства России на территории Киргизии завершалось создание военно-стратегического плацдарма на юго-восточной окраине России, столь необхо-

димого царскому правительству в его борьбе с Англией за сферы влияния в Азии.

8. К моменту утверждения господства России в Заилийском крае в важнейших пунктах Киргизии были расположены кокандские укрепления, которые являлись административно-политическими, торговыми и ремесленными центрами кокандской колонизации. Задача кокандских гарнизонов состояла не только в поддержании власти кокандского хана над киргизами, но и в охране подчиненной Коканду территории Киргизии от агрессии других государств.

Русские войска, двигавшиеся через укрепления Аягуз, Копал и Верный по направлению к Киргизии, должны были прежде всего встретиться с гарнизонами кокандских укреплений. В течение 1860—1867 гг. эти укрепления были одно за другим взяты и разрушены.

9. В 1850—1860 гг. северные киргизы неоднократно обращались к русским властям с просьбой принять их в подданство Российской империи и приняли это подданство. Конкретные исторические факты этого времени показывают, что в отношении Киргизии имело место не насильственное завоевание, а добровольное вхождение ее в состав России.

Вхождение Северной Киргизии в состав России сопровождалось военными действиями отрядов царских войск против кокандских гарнизонов, сосредоточенных в военных укреплениях Пишпек, Токмак, Джумгал и Куртка. В ряде случаев имели место военные столкновения между киргизами и гарнизонами кокандских крепостей. Известны факты нападения киргизов племени солто на крепость Пишпек в 1851 и 1862 гг., разрушения племенем саяк крепости Тогуз-Торо в 1863 г., участия тянь-шаньских киргизов во взятии крепости Куртка отрядами капитана Проценко в 1863 г. и др.

10. Северные киргизы еще до столкновения кокандских войск с войсками царской России были склонны избавиться от власти кокандского хана и принять русское подданство. Решающим фактором здесь было стремление трудящихся киргизов избавиться от тяжелого гнета и произвола кокандских наместников, а также притеснений китайских властей и надежда на улучшение своего положения в условиях подданства

Российской империи, колониальная политика которой тогда еще не выявилась полностью. Что касается позиции манапов, то они исходили из интересов сохранения своей власти и привилегий и служили тому, кто был сильнее. Эти обстоятельства имели серьезное значение в определении позиции трудящихся киргизов и феодальной верхушки в период борьбы Коканда и России за Киргизию.

11. Южная Киргизия вошла в состав России в 1876 г., после ликвидации Кокандского ханства. Присоединение Южной Киргизии к России протекало в очень сложных и противоречивых условиях. Правительство царской России отказывало южным киргизам в подданстве, т. к. туркестанский генерал-губернатор занимал в то время позицию активной защиты власти Худояр-хана и Наср-Эддин-хана. Следствием этого явились военные столкновения повстанцев, действовавших против кокандских ханов, с царскими войсками, выступившими на их защиту.

12. Кокандское восстание 1873—1876 годов носило исторически прогрессивный, народно-освободительный характер. Острие восстания было направлено прежде всего против феодально-ханского гнета. Это была своего рода крестьянская война, происходившая в своеобразных условиях тогдашней Средней Азии. В этой крестьянской войне, так же как и в восстании Степана Разина, Пугачева участвовали самые различные слои населения и столкнулись интересы самых различных групп и социальных категорий общества, придавая движению очень сложный, а нередко и противоречивый характер. Идея создания справедливого общества с «хорошим ханом» во главе служила лозунгом подавляющей части восставших крестьянских масс. Но в условиях активной защиты режима Худояр-хана и Наср-Эддин-хана царским правительством движение с 1875 года стало направляться и против колониальных устремлений царизма.

13. Абдрахман Афтобачи, Иса-Аулие, Халык-Назар, Мурадбек и другие наиболее видные представители феодальной знати и духовенства, игравшие значительную роль на последнем этапе восстания, всячески пытались использовать движение в своих классовых интере-

сах. Они выступали за восстановление Кокандского ханства в прежних границах. Они призывали повстанцев к войне против России под реакционным знаменем «газавата» и т. п. Эта реакционная струя восстания выражала собой политику укрепления позиции феодалов и духовенства, политику сохранения и усиления независимого Кокандского ханства. Это шло в разрез с тенденцией исторического развития и вело к консервации отживших форм феодально-ханского строя. Это мешало сближению киргизского, узбекского и других народов Кокандского ханства с русским народом.

14. Пулат-хан не противопоставил, и в условиях феодальных и патриархально-феодальных отношений не мог противопоставить идеи газавата, глубоко реакционной по своему существу, ничего, кроме идеи «хорошего» хана, сам приняв этот титул. Движению, развивающемуся в очень противоречивых условиях, он стремился придать характер борьбы за восстановление независимости Кокандского ханства во главе с «хорошим» ханом.

15. Кокандскому восстанию сочувствовали трудящиеся массы и передовые представители других соседних народов. Нараставшая борьба трудящихся киргизов и узбеков против феодально-ханского гнета не на шутку напугала царские власти, почти постоянно находившиеся под угрозой крестьянских восстаний центральной России и национально-освободительных движений окраин.

Царизм, выступавший в течение почти всей первой половины XIX в. в роли жандарма Европы, оставался верен своим принципам и в Средней Азии в деле защиты режима угнетения.

Русские революционные демократы решительно осуждали агрессивную политику самодержавия и подавление царским правительством вооруженными силами Российской империи революционно-освободительных движений других народов. Идея русских революционных демократов находила одобрения со стороны всей передовой русской общественности. Однако в то время русский народ сам находился под ярмом царского самодержавия и подвергался жестокому гнету помещиков и буржуазии. Он не мог препятствовать царскому

правительству использовать вооруженные силы России против свободы других народов. В. И. Ленин отмечал: «Мы всё еще до такой степени рабы, что нами пользуются для обращения в рабство других племен. Мы всё еще терпим у себя правительство, не только подавляющее со свирепостью палача всякое стремление к свободе в России, но и пользующееся, кроме того, русскими войсками для насильственного посягательства на чужую свободу!»[1]

16. Освободительное движение киргизского и узбекского народов вызвало к себе отрицательное отношение со стороны правителей почти всех соседних феодальных государств. Эмир Бухарский, Кашгарский правитель Якуббек и др. осуждали «бунт» киргизов, кипчаков и узбеков и были готовы оказать помощь «законным» ханам Коканда в сохранении их власти. Получив письмо туркестанского генерал-губернатора о Кокандском восстании и присоединении Кокандского ханства к России, Якуббек в ответном письме осуждал повстанцев, называя их «глупцами». В письме на имя и. о. туркестанского генерал-губернатора Колпаковского Якуббек в апреле 1876 года одобрил решение царского правительства о присоединении Коканда к России. Якуббек писал: «Народ этот, если бы не был взят под покровительство могущественного Его императорского величества, то чем дальше, тем более погиб бы от возмущения честолюбцев... За доставление спокойствия народу я весьма рад, хотя содержание войска принесет убыток и не будет пользы от присоединения земли, но народ за успокоение будет молиться...»[2]

Но в то же время Эмир и Якуббек не прочь были воспользоваться народным движением в целях ослабления позиции России в Средней Азии. Что касается позиции Англии и Турции, то они также стремились воспользоваться Кокандским восстанием для усиления своих влияний в Кокандском ханстве. Правитель Кашгарии Якуббек в это время находился в сфере влияния Англии и Турции и последние через него также могли

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 5, стр. 284.
[2] ЦГИА Узб. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 67, док. 267.

успешно действовать в своих агрессивных целях в Средней Азии.

17. В результате ликвидации Кокандского ханства в 1876 году вся территория Южной Киргизии вошла в состав России, было завершено присоединение Киргизии к России. Однако присоединение Южной Киргизии к России протекало в очень сложных и противоречивых условиях. Правительство царской России в начале отказывало южным киргизам в приеме в русское подданство, туркестанский генерал-губернатор занимал позицию активной защиты власти Худояр-хана и Наср-Эддин-хана. Следствием этого явились военные столкновения повстанцев, действовавших против кокандских ханов, с военными силами царского правительства, выступавшими на защиту последних. Но невозможность сохранения власти вассальных ханов привела к ликвидации Кокандского ханства и присоединению ее территории к России.

В целом Киргизия добровольно вошла в состав России. Но были отдельные представители феодальной знати киргизов, проявившие колебания или же занимавшие откровенно антироссийскую позицию. Среди бугинцев противниками присоединения киргизов к России выступали манапы Мураталы и Чонкарач, до некоторой степени и Телекмат, среди чуйских киргизов — в известной мере манап Джангарач, среди таласских киргизов — манап Маймыл, у сарыбагышей — Тёрёгелди и Уметалы, у саяков — Осман Тайтаков, у алайских киргизов — Абдылдабек и другие. Однако антироссийские действия отдельных манапов не находили поддержки в широких слоях киргизского народа, шли наперекор ходу исторических событий и были обречены на неудачу.

18. Крупный манап Абдылдабек, став во главе алайских феодальных элементов, попытался воспользоваться падением Кокандского ханства в своих интересах. Он стремился к созданию независимого феодального владения на Алае. Этим было вызвано его военное сопротивление отрядам Скобелева. Однако его попытка, так же как и некоторых других представителей феодалов, была обречена на неудачу, поскольку она шла наперекор историческому развитию, обусловленному внутренними и

внешне-политическими условиями тогдашней Средней Азии.

19. В исторических судьбах киргизского народа вхождение его в состав России выступает как фактор большого прогрессивного значения. Несмотря на реакционно-колонизаторскую политику самодержавия, направленную на полное политическое и экономическое порабощение подвластного ему народа, включение Киргизии в состав Российской империи объективно сыграло в истории киргизского народа как в экономическом, так и культурно-политическом отношении важную прогрессивную роль. Оно привело к тесному сближению киргизского и русского народов, а также к возникновению братской дружбы между всеми народами, находившимися в составе Российской империи.

20. Киргизский народ, веками находившийся под гнетом эксплуататорской верхушки и систематически подвергавшийся иноземному порабощению, достиг подлинной свободы и избавления от деспотического насилия и произвола феодалов и князей, ханов и царей только с помощью великого революционного русского народа, под руководством Коммунистической партии.

■

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Киргизско-российские отношения в середине XIX века 8

Глава вторая. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в конце 50-х годов. 92

Глава третья. Развитие киргизско-российских отношений в начале 60-х годов и падение власти Кокандского ханства на севере Киргизии 162

Глава четвертая. Соединение Сибирской и Сыр-Дарьинской линий и завершение процесса вхождения Северной Киргизии в состав России 226

Глава пятая. Южная Киргизия в начале 70-х годов XIX века 300

Глава шестая. Падение Кокандского ханства и принятие русского подданства южными киргизами 337

Заключение 406

Бегималы Джамгерчинов

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИРГИЗИИ XIX ВЕКА

Редактор *А. Д. Ткаченко*
Худож. редактор *Э. Касымов*
Техн. редактор *С. Чотиев*
Корректор *А. Долотова*

Сдано в набор 21/VII-1965 г. Подписано к печати 1/I-1966 г. Д—05802. Бумага типографская № 2. Формат 84X108½, 13,5 физич. печ. л., 22,68 условн. печ. л. 23,15 учет.-изд. л. Тираж 2000. Заказ № 2007. Цена 1 р. 59 коп.

г. Фрунзе, тип. № 1 Госкомитета Совета Мин. Кирг. ССР по печати.